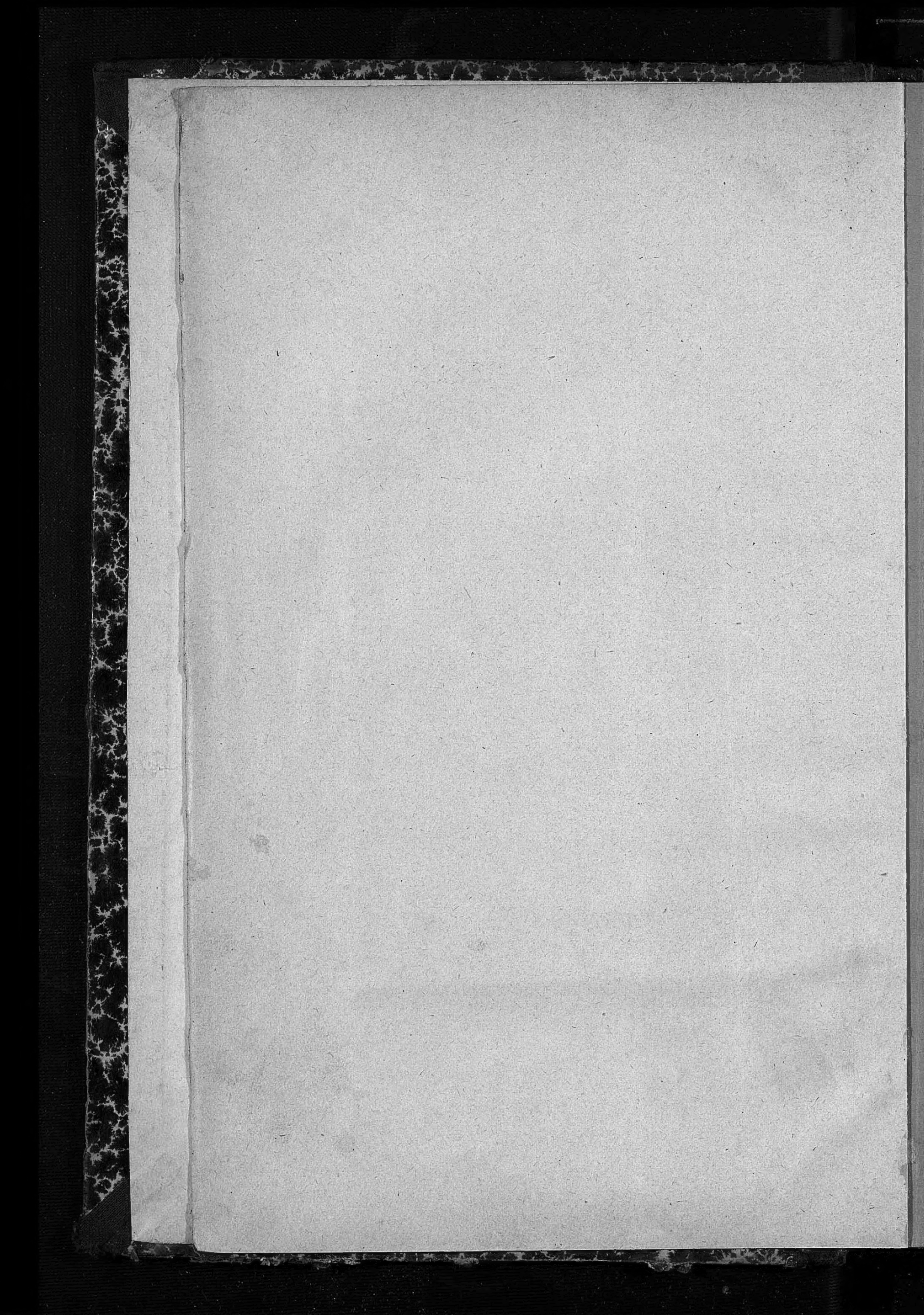
Рус. Старина

№ 1.

1905 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVI-й. ЯНВАРЬ. 1905 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Большая Подъяческая, № 39.
1905.

I-я книга „Русской Старины" вышла 1-го января 1905 года.

Библiографическiй листокъ.

Проф. Мих. Грушевскiй. Очерки исторiи украинскаго народа. Спб. 1904 г. Цѣна 2 руб.

Разсматриваемая нами книга, представляющая собою курсъ исторiи украинскаго народа, читанный авторомъ весною 1903 года по приглашенiю русской школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ,—составляетъ солидный вкладъ въ нашу скудную литературу по этому предмету.

Она состоитъ изъ 24-хъ главъ текста и снабжена обильными подстрочными примѣчанiями и небольшою картою.

Не имѣя возможности, за недостаткомъ мѣста, подробно останавливаться на каждой главѣ этой интересной книги, мы познакомимъ читателя съ содержанiемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

О древнѣйшей кiевской лѣтописи г. Грушевскiй замѣчаетъ, что это произведенiе въ своей первоначальной редакцiи кратко описывало событiя, кончая, по всей вѣроятности, половиною X вѣка (Игоремъ), и носило тотъ титулъ, который перешелъ затѣмъ къ его позднѣйшимъ переработкамъ: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ (вѣроятно, переводъ греческаго слова хронографъ), откуду есть пошла Русская земля (т. е. Кiевское княжество, Русь въ тѣсномъ смыслѣ), кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть“. Эта первоначальная „Повѣсть“ была затѣмъ расширена и продолжена и, перейдя черезъ руки нѣсколькихъ редакторовъ, во второй половинѣ XI вѣка, вошла въ составъ исторической компиляцiи, древнѣйшей кiевской лѣтописи, по традицiи называемой часто Несторовой лѣтописью, хотя Нестору она, несомнѣнно, не принадлежитъ. Одна редакцiя ея (сохранившаяся въ сѣверныхъ, великорусскихъ спискахъ, Лаврентьевскомъ кодексѣ и ему подобныхъ) составлена была въ Кiевѣ въ 1116 г. и доведена до 1110 г.; другая редакцiя, которая дошла до насъ съ южно-русскими продолженiями, не имѣетъ такой точной даты, но составлена была также въ Кiевѣ во второмъ десятилѣтiи XII в. Въ Кiевѣ она была доведена затѣмъ до 1199 г., а позже къ этому была присоединена хроника событiй 1205—1289 гг., составленная отчасти на Волыни, отчасти въ Галицiи. Эта коллекцiя лѣтописей дошла до насъ въ кодексѣ Ипатьевскомъ и ему подобныхъ.

О происхожденiи Кiевскаго государства,—говоритъ авторъ,—мы имѣемъ легенду о трехъ кiевскихъ братьяхъ, Кiѣ, Щекѣ и Хоривѣ, построившихъ Кiевъ, названной по имени старшаго брата, имена остальныхъ и ихъ сестры Лыбеди остались въ названiяхъ кiевскихъ урочищъ; они были родоначальниками полянскаго племени и предками кiевской княжеской династiи. Другая легенда разсказывала иначе: что на мѣстѣ Кiева существовалъ перевозъ на Днѣпрѣ; перевозчикомъ на немъ былъ нѣкiй Кiй, отсюда мѣсто называлось Кiевымъ перевозомъ, а потомъ тутъ былъ основанъ городъ Кiевъ.

„Автора Повѣсти,—говоритъ проф. Грушевскiй,—эти легенды и комбинацiи не удовлетворили, и онъ предложилъ свою очень сложную теорiю. По его мнѣнiю, Русь—это народъ скандинавскiй (варяжскiй), его привели въ Новгородъ три брата конунги, во второй половинѣ IX в., на приглашенiе самихъ новгородцевъ и ихъ сосѣдей, которые, освободившись отъ завоевавшихъ ихъ варяжскихъ дружинъ, не успѣли завести порядка у себя и въ концѣ-концовъ порѣшили призвать себѣ варяговъ въ правители. Изъ Новгорода эти варяжскiе конунги овладѣли днѣпровскимъ путемъ и самимъ Кiевомъ, и положили начало кiевской княжеской династiи“.

Относительно казачества мы находимъ, между прочимъ, слѣдующiя замѣчанiя, съ которыми нельзя не согласиться. Казачество — явленiе очень интересное, но весьма сложное. Вслѣдствiе своей оригинальности, а также и благодаря громкой роли, сыгранной имъ въ исторiи восточной Европы, оно обращало на себя вниманiе издавна, имъ занимались немало, но невыясненнаго оставалось въ немъ все же до послѣдняго времени очень много, и въ литературѣ о немъ высказывались и высказываются нерѣдко сужденiя очень смутныя и ошибочныя. Очагомъ казачества было среднее Поднѣпровье, его подстепная полоса—ниже Кiева, входившая въ XIV—XVII вв. въ составъ Кiевскаго княжества (позже Кiевскаго воеводства), а почву для него приготовили колонизацiонныя условiя этого края.

Начиная съ половины X в. казаки жили тревожною, воинственною жизнью на границѣ осѣдлой колонизацiи, въ вѣчной борьбѣ съ кочевниками. Къ казакамъ какъ нельзя болѣе приложима поэтическая характеристика, данная Словомъ о Полку Игоревѣ порубежникамъ Посемья: „а мои ти Куряне свѣдоми кмети: подъ трубами повити—подъ шеломы взлѣляни—конець копия вскормлени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени“.

Слово „казакъ“—тюркское слово, издавна жившее въ устахъ кочеваго населенiя нашихъ степей, извѣстное уже въ половецкомъ словарѣ (1303 г.) въ значенiи „сторожъ“, — вполнѣ

РУССКАЯ СТАРИНА

РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1905.

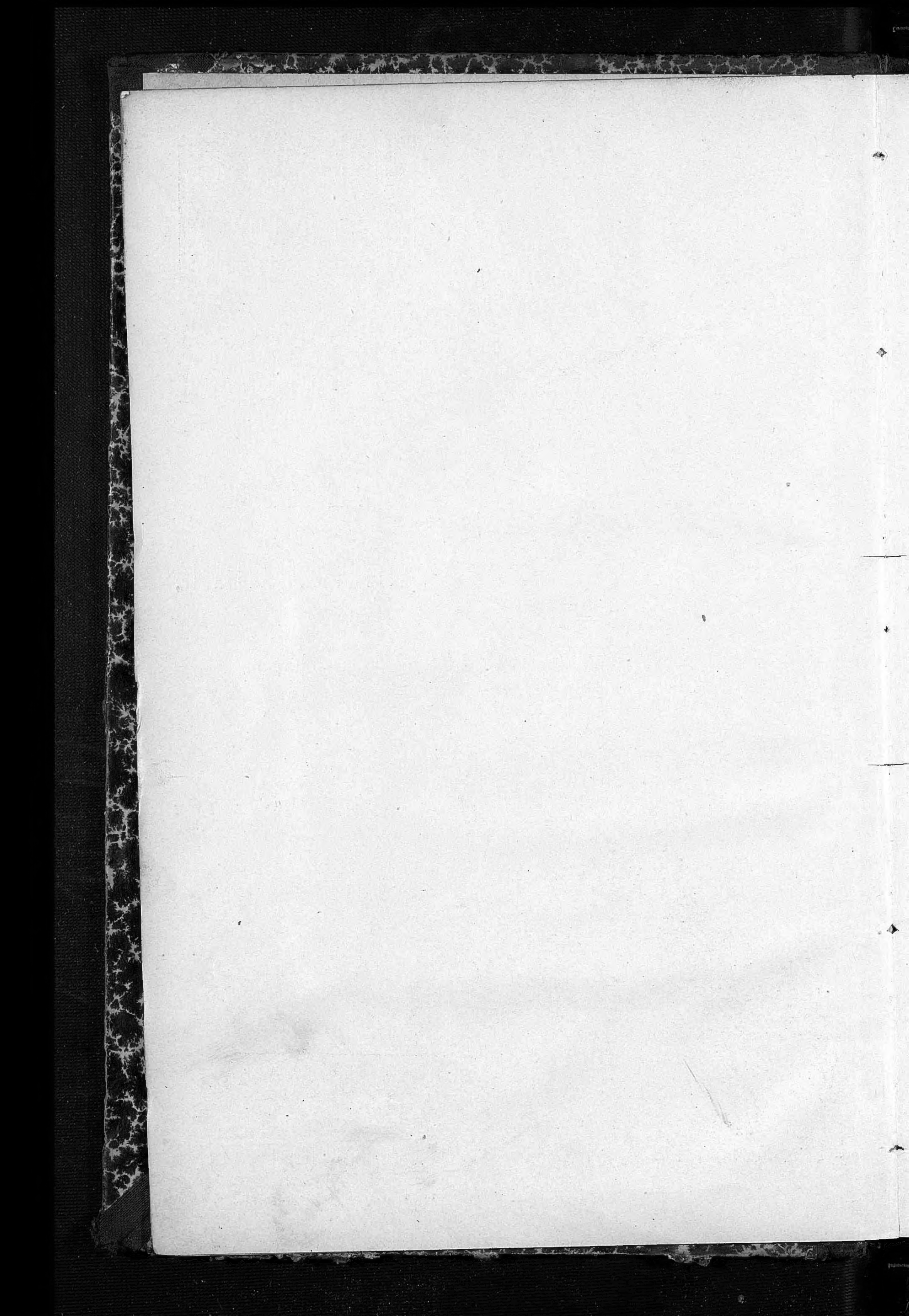

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

рис. К. Брожъ.

Дозволено цензурою. Спб. 21 декабря 1904 г.

Тип. Товар. „Общ. Польза“, Б. Подъяч., 39.

ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА", Б. ПОДЪЯЧ. 39. ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 21 ДЕКАБРЯ 1904 Г.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

ПОРФИРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

ГЛѢБОВЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1905.

ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЪ.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяч., № 39.
1905.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1905 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го** числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по **30** к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

*

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

за 1897—1902 г.г.

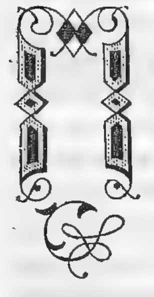

Записки Василія Антоновича Инсарскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА XI[1]).

Пятигорскъ.—Его цѣлительныя воды.—Прежняя ихъ администрація.—Великолѣпные виды князя относительно устройства пятигорскихъ водъ.—Новосельскій, неудачный исполнитель этихъ видовъ.—Вообще отношенія этого господина къ Кавказу.—Печальное заключеніе его шумной дѣятельности.—Мое пребываніе въ Пятигорскѣ.—Знаменитая кисловодская галлерея.—«Нарзанъ».—Кисловодскіе праздники и удовольствія.—Третій князь Мирскій.—Князь Дмитрій Грузинскій.—Вѣсти о взятіи Гуниба и о плѣнѣ Шамиля.—Мой отъѣздъ изъ Кисловодска.

ятигорскъ, куда я прибылъ безъ всякихъ приключеній,—премиленькій городокъ русскаго совершенно характера. Описывать его мѣстность и расположеніе, его пять горъ, отъ которыхъ онъ получилъ свое наименованіе, его дивные и разнообразные цѣлебные ключи я не буду, потому что объ этомъ было писано и переписано много разъ. Я предпочитаю лучше сказать нѣсколько словъ объ администраціи кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Въ то время онѣ управлялись особою дирекціею, имѣвшею громадный штатъ и большія вспомогательныя средства отъ казны, какъ денежныя, такъ и натуральныя, какъ напр. особыя рабочія роты. Дирекція эта обнимала весь раіонъ минеральныхъ водъ, т. е. независимо

---

[1]) См. „Русскую Старину" декабрь 1904 г.

отъ Пятигорска собственно, Желѣзноводскъ, Кисловодскъ и Ессентуки. Директоромъ водъ въ тотъ сезонъ былъ генералъ, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, который и представлялъ главное лицо во всемъ этомъ раіонѣ. Управленіе этой Дирекціи, какъ вообще казенное управленіе хозяйственнымъ дѣломъ, было неудовлетворительно. Баронъ былъ милый, образованный, благовоспитанный человѣкъ, но весьма плохой администраторъ. По обычаю всѣхъ нѣмцевъ онъ очень усердно и добросовѣстно трудился надъ мелочами; но для того, чтобъ схватить, такъ сказать, условія, необходимыя для возведенія этого богатаго по естественнымъ силамъ учрежденія на высшую степень благоустройства и совершенства, онъ не имѣлъ соотвѣтственныхъ силъ и дарованій. Въ особенности медицинская часть собственно была въ печальномъ положеніи и носила какой-то рутинный, грубый, солдатскій характеръ. Медики, входившіе въ составъ дирекціи и въ то же время завѣдывавшіе казенными госпиталями и больницами, заботились исключительно о своихъ личныхъ выгодахъ и грабили пріѣзжающихъ лѣчиться съ неслыханнымъ корыстолюбіемъ. Въ отношеніи же разультатовъ своего лѣченія они мало заботились и держались самой упрощенной системы, въ силу которой они посылали всѣхъ безразлично сначала на сѣрные пятигорскіе ключи, потомъ перегоняли ихъ, какъ стадо, въ Желѣзноводскъ на желѣзныя воды, а потомъ въ Кисловодскъ, къ знаменитому Нарзану, уже не столько для лѣченія, сколько для различныхъ увеселеній, которыя къ концу сезона тамъ обыкновенно разгорались. Въ Ессентуки ѣхали тѣ, которые избирали тамошнія воды сами или по собственнымъ соображеніямъ, или по опредѣлительному назначенію тѣхъ личныхъ своихъ докторовъ, которые послали ихъ въ Пятигорскъ.

Само собою разумѣется, что все это не могло увеличить славы кавказскихъ минеральныхъ водъ. Всѣ соглашались въ томъ, что природа сосредоточила на этомъ небольшомъ пространствѣ богатѣйшія, по разнообразію и силѣ, цѣлительныя средства, но столь же единодушно было мнѣніе, что распоряженіе и управленіе этими средствами весьма неудовлетворительно. Князь Александръ Ивановичъ, сдѣлавшись кавказскимъ намѣстникомъ, обратилъ на этотъ предметъ самое заботливое вниманіе и поставилъ задачею: привести Пятигорскія воды въ такое блистательное положеніе, которое не уступало бы положенію знаменитыхъ заграничныхъ водъ, и, отъучивъ русскихъ ѣздить въ чужіе края, привлечь ихъ въ Пятигорскъ. Но какъ это сдѣлать? Разумѣется, прежде всего надо было найти такого человѣка, который съ промышленнымъ и предпріимчивымъ талантомъ соединялъ бы большія средства, который, однимъ словомъ, понялъ бы задачу князя и могъ бы блистательно исполнить ее.

Въ то время гремѣлъ, можно сказать, на всю Россію, знаменитый

Новосельскій! Основаніемъ его коммерческой и финансовой репутаціи были успѣшныя дѣйствія его по управленію дѣлами пароходнаго общества «Меркурій», которое совершенно погибало и которое ему удалось оживить и установить на хорошую почву. Другихъ удачныхъ дѣлъ его я не знаю; напротивъ, извѣстно, что это самое Общество онъ же самъ и загубилъ, возложивъ на него обязанность содержать пароходное сообщеніе между Астраханью и кавказскими портами, вслѣдствіе чего оно и стало уже наименоваться Обществомъ: «Кавказъ и Меркурій». Потомъ онъ учредилъ Общество, кажется, обработки животныхъ продуктовъ, которое при самомъ рожденіи провалилось, жестоко подрѣзавъ акціонеровъ, жадно бросившихся на это дѣло. Что касается до образованія имъ Общества русскаго пароходства и торговли, то здѣсь вся заслуга его заключалась въ томъ, что, пользуясь первымъ временемъ своей славы и грустными обстоятельствами нашими на Черномъ морѣ, бывшими послѣдствіемъ также грустной восточной войны, онъ успѣлъ выговорить у правительства, въ видѣ какой-то помильной платы, такія громадныя пособія, которыя должны были держать это Общество какъ на подпоркахъ и не допускать его повалиться даже и въ томъ случаѣ, если бы оно само изобрѣтало всевозможныя къ тому средства. Какъ бы то ни было—было время, когда на Новосельскаго указывали, какъ на нашего будущаго министра финансовъ. Ловкій, искательный, съ пріятными манерами, Новосельскій умѣлъ пользоваться отлично своею популярностію и подъ прикрытіемъ ея успѣвалъ пробираться всюду, и собственно въ этомъ отношеніи справедливость требуетъ признать за нимъ талантъ неоспоримый.

Съ этимъ-то талантомъ онъ и успѣлъ подобраться къ князю Александру Ивановичу, на котораго, въ началѣ нынѣшняго царствованія, вся Россія, а вмѣстѣ съ нею и Новосельскій смотрѣли, какъ на страшную силу. Первою любезностію со стороны Новосельскаго въ отношеніи къ князю, какъ намѣстнику кавказскому, именно и было возложеніе на общество «Меркурій» обязанности пароходныхъ сообщеній по кавказскимъ портамъ, операціи, разрушившей цвѣтущее дотолѣ положеніе этого Общества. Затѣмъ Новосельскій сдѣлался покорнымъ исполнителемъ всѣхъ, безспорно блестящихъ, фантазій князя, присовокупляя къ нимъ свои, не менѣе блестящія, фантазіи. Такъ, онъ принялъ на себя содержать пароходство по Ріону; потомъ обязался учредить пароходство по р. Кубани, рѣкѣ, совершенно неизслѣдованной, выговоривъ въ свою собственность по берегамъ ея 12 т. десятинъ земли, однимъ словомъ, вошелъ въ громадныя обязательства съ кавказскимъ начальствомъ, въ томъ конечно разсчетѣ, что какъ бы тяжелы и неудобоисполнимы ни оказались эти обоюдно темныя обязательства, такой сильный человѣкъ, какъ князь Барятинскій, выручитъ и поддержитъ.

Такъ точно было и съ минеральными водами. Кто, какъ не Новосельскій, можетъ понять и исполнить задачу князя? И, дѣйствительно, Новосельскій и минуты не задумался взять воды въ свое управленіе съ обязательствомъ осуществить блестящія идеи князя и, принявъ въ свое распоряженіе всѣ вспомогательныя средства, бывшія въ вѣдѣніи Дирекціи, овладѣлъ тотчасъ значительнымъ запаснымъ капиталомъ Дирекціи, который ей принадлежалъ и который понадобился Новосельскому для другихъ цѣлей. Но всѣ распоряженія его по исполненію идей князя ограничились тѣмъ только, что онъ пригласилъ одного изъ московскихъ докторовъ, Смирнова, для завѣдыванія водами и предоставилъ ему управляться съ ними, какъ знаетъ. Быть можетъ, что онъ и сдѣлалъ бы для водъ что-нибудь существенное, но увы! стали сильно напирать на него дурныя времена и расшатывать не только великолѣпную репутацію этого прогрессиста, но даже и самое его состояніе. Денежныя дѣла его начали путаться и въ то же время кавказское начальство, выдавшее ему по заключеннымъ съ нимъ обязательствамъ громадные задатки и ссуды, стало неделикатно требовать, чтобы онъ или исполнялъ обязательства или возвратилъ задатки; тогда какъ и то и другое равно было для него невозможно.

На бѣду князь, на котораго были всѣ разсчеты и надежды, вздумалъ передать свое кавказское намѣстничество великому князю Михаилу Николаевичу и такимъ образомъ лишить Новосельскаго главнѣйшей опоры во всѣхъ кавказскихъ предпріятіяхъ, въ которыя онъ бросался, какъ говорится, «очертя голову». Столь блистательный нѣкогда, упоенный своими успѣхами, Новосельскій, во время пребыванія нашего въ Вильнѣ, болтаясь около насъ ежедневно, представлялъ уже довольно жалкій видъ. Онъ сочинилъ и представилъ князю, умоляя его подписать, такія бумаги, въ которыхъ доказывалось и возвѣщалось міру, что по кавказскимъ дѣламъ Новосельскаго нельзя считать простымъ подрядчикомъ, а скорѣе должно признавать правительственнымъ агентомъ и что относительно залоговъ, задатковъ и тому подобныхъ денежныхъ пустяковъ слѣдуетъ обходиться съ нимъ деликатнѣе. По той безразличной добротѣ, которая ни въ чемъ не отказываетъ, а частію вѣроятно и по сознанію, что Новосельскій дѣйствительно бросался въ эти предпріятія исключительно изъ желанія угодить князю, князь не только самъ подписалъ представленныя ему бумаги, но попросилъ и великаго князя подписать ихъ.

Эта двойственная подпись, утверждающая, что Новосельскій не подрядчикъ, а правительственный агентъ, казалось, должна была бы успокоить значительно упадавшаго нравственно и матеріально знаменитаго антрепренера; но на практикѣ, кажется, она мало принесла ему пользы. По крайней мѣрѣ я помню, что когда пріѣхалъ я впереди великаго

князя въ Ставрополь и когда съѣхались туда, для встрѣчи его, всѣ тифлисскія власти, за однимъ изъ какихъ-то большихъ обѣдовъ завязался ожесточенный споръ о дѣлахъ Новосельскаго, въ продолженіе котораго тифлисскія власти и въ особенности Карцевъ, начальникъ главнаго штаба, до котораго преимущественно касались эти дѣла, сильно протестовали противу комбинаціи, состоявшейся въ Вильнѣ. Князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, заступавшій тогда намѣстника, долго слушалъ обоюдные доводы спорящихъ сторонъ и потомъ наивно сказалъ: «я вотъ чего не понимаю! Уста-Мехти (подрядчикъ изъ татаръ) сколько лѣтъ и какія большія дѣла дѣлаетъ у насъ! Но ни ему самому, ни другимъ и въ голову не приходило, что онъ не подрядчикъ, а правительственный агентъ какой-то!» Эти простодушныя слова, полныя чистѣйшей правды, произвели величайшій эффектъ и весело заключили происходившій споръ.

Что было дальше собственно по отношенію къ кавказскимъ дѣламъ Новосельскаго—я не знаю; но по отношенію къ общимъ дѣламъ его скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ окончательно запутался и просилъ правительство учредить по нимъ администрацію. Правительство отказало въ этомъ, при чемъ который-то изъ министровъ, Валуевъ или Рейтернъ, въ одномъ изъ засѣданій комитета министровъ, выразился будто слѣдующимъ образомъ: «слава Богу! прошло то время, когда находили въ правительствѣ поддержку такіе люди, какъ Новосельскій!» Администрація образовалась, однако, какъ-то частнымъ образомъ по соглашенію съ кредиторами, въ ряду которыхъ—замѣчательное дѣло!—стоитъ на первомъ планѣ бывшій министръ финансовъ Княжевичъ! Какимъ-то чудомъ Новосельскій очутился должнымъ ему громадную сумму, если не ошибаюсь, до 800 т. р. Что касается самого Новосельскаго, то, представляя новый примѣръ падшаго величія и получая отъ администраціи ограниченное содержаніе, онъ слѣдитъ съ упованіемъ и надеждой за ходомъ дѣлъ по Крымской соляной операціи, которую, во время своей славы, успѣлъ какъ-то захватить въ свои руки, быть можетъ при содѣйствіи тѣхъ многозначительныхъ 800 т. р. и въ которой онъ продолжаетъ видѣть якорь своего спасенія.

Это общее обозрѣніе кавказской дѣятельности Новосельскаго я долженъ заключить тѣмъ, что въ 1863 году, когда, пріѣхавъ въ послѣдній разъ на Кавказъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, я съ его соизволенія провелъ сезонъ этого года на Пятигорскихъ минеральныхъ водахъ, я видѣлъ крайне затруднительное положеніе Смирнова. Рѣшительно безъ денегъ, онъ долженъ былъ не только управлять этими водами, но и вводить на нихъ различныя нововведенія и улучшенія, которыхъ всѣ настоятельно ожидали отъ него съ его патрономъ, и въ особенности лица, входившія въ составъ уничтоженной казенной Ди-

рекціи, начиная съ самого барона Унгернъ-Штенберга, лица оттертыя, обиженныя и потому болѣе или менѣе злобствующія. Такъ какъ Смирновъ, при всемъ своемъ умѣ и изворотливости, не только не могъ думать о какихъ-либо усовершенствованіяхъ, но съ трудомъ едва покрывалъ самые неотложные изъ текущихъ расходовъ, то на него опрокинулись тысячи жалобъ, укоровъ и жесточайшихъ насмѣшекъ. Враждебныя отношенія къ нему стали проявляться въ весьма оскорбительныхъ формахъ для него, и едва-ли онъ могъ бы вынести такое состояніе, если бы мое появленіе на водахъ въ ту пору не внесло въ среду разгоравшейся войны примирительныхъ началъ. Старая партія была со мною въ отличныхъ отношеніяхъ; въ то же время я не могъ относиться непріязненно и къ новой партіи, зная, изъ какихъ источниковъ и видовъ она возникла. Окончательное скандализированіе этой партіи было бы чрезвычайно непріятно князю Александру Ивановичу, по видамъ котораго она такъ неудачно явилась. Однимъ словомъ, я старался если не совершенно помирить и сблизить эти два враждебные стана, то по крайней мѣрѣ смягчить ихъ въ высшей степени непріязненное настроеніе и, какъ казалось, съ успѣхомъ достигалъ своей цѣли, вращаясь ежедневно и съ одинаковымъ вліяніемъ въ обоихъ этихъ станахъ. Что произошло и происходитъ тамъ послѣ окончательнаго моего отъѣзда съ Кавказа—не знаю; извѣстно, впрочемъ, что Смирновъ и доселѣ держится тамъ съ грѣхомъ пополамъ... Но обращаюсь къ 1859 году.

Во время моего пріѣзда въ Пятигорскъ онъ положительно былъ пустъ, такъ что и изъ начальства тамъ никого не было. Такъ какъ это былъ уже конецъ сезона, т. е. августъ, то все сосредоточивалось въ Кисловодскѣ, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ личностей, по роду своихъ болѣзней державшихся еще въ Желѣзноводскѣ или Ессентукахъ. Я тотчасъ бросился тоже въ Кисловодскъ... Дилижансъ подвезъ меня прямо къ великолѣпной Кисловодской галлереѣ, которая своимъ видомъ и размѣрами не можетъ не произвести на каждаго большаго впечатлѣнія. Какъ и многое по части устройства края—эта галлерея тоже принадлежала временамъ князя Воронцова. При самомъ входѣ въ галлерею кипѣлъ въ обширномъ и глубокомъ бассейнѣ знаменитый Нарзанъ, окруженный толпами мужчинъ и дамъ. Особые служителя бросали, на какихъ-то тесемкахъ, стаканы въ бассейнъ, мгновенно выхватывали ихъ и подносили, наполненные кипучимъ нарзаномъ, ожидающимъ... Я тоже потребовалъ этого подношенія и сразу выпилъ нѣсколько стакановъ этой освѣжающей, истинно живительной, воды. По вкусу она показалась мнѣ сходною съ нашей искусственной зельтерской водой. Потомъ я отправился по необъятно длинной галлереѣ и разсматривалъ толпы гуляющихъ, среди которыхъ тотчасъ встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ личностей и съ помощію ихъ сдѣлалъ подробный осмотръ гал-

лереи. На противуположномъ концѣ ея помѣщались контора, аптека, рядъ ваннъ мужскихъ и женскихъ, общій для мужчинъ, въ родѣ озера, бассейнъ, разныя приспособленія для нагрѣванія воды, наконецъ, квартиры для нѣкоторыхъ изъ служащихъ и другія принадлежности.

Отъ того конца галлереи, гдѣ находится знаменитый ключъ нарзана, изъ котораго пьютъ воду, идетъ великолѣпный, хотя не очень обширный, паркъ, аллеи котораго также почти постоянно наполнены гуляющими. Въ сторонѣ отъ главной аллеи, на горѣ, стоитъ не очень богатое, деревянное зданіе, соединяющее въ себѣ значеніе гостиницы и вокзала. Зданіе это съ самаго утра наполняется посѣтителями, которые и получаютъ тамъ все, что угодно. Въ два часа собираются туда обѣдать. Тамъ же совершаются вечерніе балы, даваемые содержателемъ гостиницы или устраиваемые посѣтителями по подпискѣ; такіе же балы устраиваются въ самой галлереѣ, впрочемъ, довольно рѣдко, сколько по трудности ея освѣщенія, столько и потому, что каменный ея полъ неудобенъ для танцевъ. Главнѣйшее же назначеніе этой гостиницы или этого вокзала—картежная игра! Отъ ранняго утра до поздней ночи—тамъ вѣчно играютъ въ карты. Для этихъ исключительно занятій съѣзжаются со всей Россіи особые спеціалисты, проигрываются или обыгрываютъ другихъ и уѣзжаютъ, вовсе не имѣя никакого отношенія къ цѣлительнымъ свойствамъ нарзана! Сборъ за карты составляетъ главный доходъ содержателя и простирается до ужасающей цифры!

На первыхъ порахъ, однако, для меня самымъ важнымъ вопросомъ было: гдѣ я могу найти барона, главнаго начальника этихъ мѣстъ, котораго, для исполненія приличій, я долженъ былъ прежде всего посѣтить. Мнѣ объяснили, что за паркомъ начинается Кисловодская станица, гдѣ больше и размѣщаются всѣ пріѣзжающіе, что въ этой слободѣ есть церковь, подлѣ церкви стоитъ домъ, и въ этомъ домѣ проживаетъ баронъ. Я отправился по этому маршруту. Надо замѣтить, что барона я видѣлъ разъ или два въ Тифлисѣ, и мы, по обычаю, обмѣнялись нѣсколькими фразами; но положительнаго знакомства между нами не было, и я даже чувствовалъ себя нѣсколько стѣсненнымъ, предпринимая мой первый визитъ къ нему. Приближаясь къ указанному мнѣ дому, я увидѣлъ красивую и почтенную фигуру барона, идущую мнѣ навстрѣчу. Когда мы сошлись и свидѣлись, баронъ настоятельно повлекъ меня въ свой домъ и представилъ своему безпримѣрно милѣйшему семейству. Оно было очень многочисленно и состояло изъ жены, двухъ взрослыхъ и нѣсколькихъ маленькихъ дочерей и такихъ же маленькихъ сыновей; большіе сыновья находились въ своихъ полкахъ, на службѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что едва-ли можно встрѣтить другое, такое благословенное, семейство. Простота, доброта, безграничное радушіе

были отличительными его чертами, и понятно, что я сблизился съ ними, какъ съ родными.

Есть, хотя и мало, такія личности, приближеніе къ которымъ тотчасъ наполняетъ вашу душу какими-то спокойными, отрадными ощущеніями. Именно изъ такихъ личностей состояло семейство барона, и я вспоминаю о немъ съ величайшимъ наслажденіемъ и съ величайшею благодарностію. Оно подарило мнѣ нѣсколько самыхъ свѣтлыхъ дней въ жизни. Отсюда само собою уже ясно, что съ этого момента баронъ осыпалъ меня безконечною, самою любезною предупредительностію. Начать съ того, что, несмотря на всѣ мои протесты, онъ помѣстилъ меня въ дамскихъ уборныхъ комнатахъ вокзала, о которомъ я говорилъ, что безспорно составляло самое лучшее помѣщеніе во всемъ Кисловодскѣ. Моею обязанностію было только, въ дни баловъ, освобождать эти комнаты на нѣсколько часовъ, что конечно не составляло для меня никакого отягощенія, потому что и безъ того я только спалъ въ комнатахъ, а все остальное время проводилъ въ галлереѣ, въ паркѣ и вообще на воздухѣ, о которомъ, сидя въ петербургской болотной атмосферѣ, и вспомнить отрадно. Потомъ баронъ возилъ меня въ Пятигорскъ, Желѣзноводскъ, Ессентуки и по всѣмъ окрестностямъ, показывая все замѣчательное; потомъ ежедневно атаковалъ меня любезными приглашеніями то обѣдать, то чай пить и т. п. Каждое утро, проходя, по обязанностямъ своимъ, чрезъ паркъ въ галлерею, онъ непремѣнно заходилъ ко мнѣ, освѣдомлялся, здоровъ ли я, не нужно ли мнѣ чего и все это съ такимъ наивнымъ добродушіемъ, въ которомъ не было и тѣни какихъ-либо корыстныхъ разсчетовъ.

Предъ самымъ окончаніемъ сезона, на Пятигорскія воды, т. е. въ Кисловодскъ, пріѣхала жена князя Дмитрія Мирскаго, Софья Яковлевна, принадлежавшая по рожденію къ группѣ князей Орбеліани, о которой я выше говорилъ и къ которой принадлежали жена Опочинина и жена Иванова. Никто изъ дамъ этой группы не отличался особенною красотою; но всѣ онѣ славились добротою, радушіемъ и веселостью и потому всегда и вездѣ составляли центръ, вокругъ котораго собирались различныя группы. Такое точно положеніе заняла княгиня Софья Мирская, пріѣхавъ въ Кисловодскъ. Въ группахъ, около ея образовавшихся, я занялъ видное и пріятное мѣсто, сколько по моимъ отношеніямъ къ князю Александру Ивановичу, столько и по отношенію ко всѣмъ ея роднымъ. Дни наши проходили великолѣпно, и непріятно даже было думать, что они когда-нибудь кончатся. Для меня они, однако, кончились ранѣе, чѣмъ я самъ ожидалъ.

Хотя поглощаемые мѣстными увеселеніями разнаго рода мы мало обращали вниманіе на то, что дѣлалось внѣ нашего веселаго міра, тѣмъ не менѣе въ этотъ міръ падали извѣстія о томъ, что князь пошелъ

дальше, что подошелъ къ Гунибу и обложилъ эту скалу съ цѣлію принудить Шамиля сдаться. Все это какъ-то мало насъ интересовало, тѣмъ болѣе, что сдастся ли Шамиль и когда еще это будетъ—одному Богу было извѣстно. Но потомъ вдругъ упала въ нашъ мірокъ звучная вѣсть, что Шамиль взятъ и отправленъ уже въ Петербургъ, потомъ другая вѣсть, что князь такого-то числа будетъ имѣть торжественное вшествіе въ Тифлисъ... Къ радостному чувству, которымъ исполнялся каждый кавказецъ отъ этихъ извѣстій, въ моей душѣ примѣшивалось какое-то невольное чувство досады, что меня не было при взятіи Шамиля и что я не буду при торжественномъ вшествіи князя въ Тифлисъ. Но поправить этого было не возможно и потому я рѣшился по крайней мѣрѣ участвовать въ торжественной встрѣчѣ князя. Соображеніе времени его движенія къ Тифлису и моего возвращенія туда показывало мнѣ, что я могу поспѣть къ торжеству встрѣчи, если, какъ говорится, «не буду зѣвать». Я мгновенно собрался и объявилъ о своемъ отъѣздѣ.

Большинство утверждало, что во всякомъ случаѣ «такъ» уѣхать нельзя, а непремѣнно надо дать прощальный обѣдъ и балъ и т. п. Но я оставался непреклоненъ въ глубокомъ убѣжденіи, что мое отсутствіе въ такой знаменитый моментъ жизни князя будетъ для него непріятно. Поддерживаемый этимъ убѣжденіемъ, я стойко боролся съ нападающими, отстрѣливаясь самыми краснорѣчивыми и любезными изъявленіями благодарности за дружбу, вниманіе и пр. Во время этой борьбы лихая тройка съ звонкимъ колокольчиковъ подлетѣла къ крыльцу галлереи, вмѣщавшей въ себѣ въ это время все кисловодское населеніе. Я бросился въ экипажъ и напутствуемый всевозможными пожеланіями—быстро понесся отъ мѣстъ, гдѣ такъ много я нашелъ свѣтлаго и радостнаго. Скакалъ я день и ночь, несмотря на протесты станціонныхъ смотрителей, доказывавшихъ, что лучше переночевать, «а то какъ бы чего не случилось!»

Ничего не случилось, и я едва успѣлъ позднимъ вечеромъ, наканунѣ дня торжественнаго вшествія, ввалиться въ Тифлисъ. По пути я заѣхалъ къ Фадѣевымъ, чтобъ узнать о подробностяхъ этой встрѣчи, и страшно изумилъ ихъ своими тщательно воспитанными усами и остатками того воинственнаго характера, который былъ наложенъ на мою фигуру вліяніемъ походной жизни. Узнавъ отъ нихъ все, что мнѣ было нужно, я отправился домой, прежде всего сбрилъ свои усы, распорядился своимъ экипажемъ, обозрѣлъ свой гражданскій гардеробъ и на другое утро, свѣжій и бодрый, обратившійся уже въ прежняго гражданскаго дѣятеля, полетѣлъ на мѣсто торжества.

ГЛАВА XII.

Торжественное вступленіе князя въ Тифлисъ. — Тріумфальная арка.—Депутаціи всѣхъ сословій, встрѣчающія князя. — Массы народа.—Великолѣпный видъ князя.—Дѣвочки, усыпавшія путь его цвѣтами.—Рѣчи, предъ нимъ произнесенныя.—Рядъ празднествъ.—Тифлисскіе фейерверки. — Награды, посыпавшіяся на князя. — Его критическія замѣчанія по этой части.—Награды, которыми осыпалъ князь своихъ сподвижниковъ.—Мой отъѣздъ изъ Тифлиса въ Москву.—Составленіе мною коллекціи лубочныхъ картинъ, изображающихъ князя и покореніе Восточнаго Кавказа. — Обозрѣніе этой коллекціи государемъ. — Ожиданіе князя въ Москвѣ.—Исторія покоренія „абадзеховъ".— Фельдмаршальство князя.

На концѣ той части города, которая называется «Авлабаромъ», устроена была громадная тріумфальная арка, украшенная многими гербами и флагами. Арка эта, само собою разумѣется, была временная; но потомъ городъ ходатайствовалъ, чтобы для увѣковѣченія покоренія Кавказа дозволено было устроить на этомъ мѣстѣ каменную, капитальную арку, и ходатайство это утверждено. По сторонамъ этой арки устроены были галлереи для дамъ и почетнѣйшихъ зрителей. Впрочемъ, я отказываюсь отъ подробнаго описанія всѣхъ устройствъ, сдѣланныхъ для этого дня. Достаточно сказать, что по особымъ церемоніаламъ, росписаніямъ и распредѣленіямъ разставлены были на особыхъ мѣстахъ гражданскія и военныя власти, дворянство, представители городскихъ властей, амкары со своими значками и зурнами и пр. и пр. Въ каждомъ отдѣлѣ находился избранный ораторъ, который и держалъ въ рукахъ свою рѣчь, напечатанную на пергаментѣ, для того, чтобы послѣ произнесенія можно было поднести ее князю. Я очень тревожился за князя, зная, что ему придется необходимо отвѣчать на всѣ эти рѣчи, тогда какъ по этой части онъ особенно не силенъ.

День былъ великолѣпный; народу видимо не видимо. Я уже не говорю о томъ, что всѣ улицы, по которымъ предстояло проѣзжать князю, залиты были народными толпами, ни о томъ, что громадныя толпы ожидали его за городомъ—всѣ крыши домовъ, по грузинскимъ обычаямъ, представляли сплошныя массы народа, что составляетъ въ Тифлисѣ прекрасное и нигдѣ въ другихъ мѣстахъ русскаго царства невозможное зрѣлище. Само собою разумѣется, что весь городъ убранъ былъ праздничнымъ торжественнымъ образомъ; дома были украшены флагами, коврами и различными картинами, приготовленными для вечерней иллюминаціи. Наконецъ раздались барабаны, музыка... Шествіе князя показалось вдали.

Нѣтъ сомнѣнія, что немногимъ, особенно въ наше время, доставались въ жизни такія высокія минуты, какія князь переживалъ въ на-

стоящемъ случаѣ. Встрѣча его Тифлисомъ осуществляла тѣ встрѣчи древнихъ тріумфаторовъ, о которыхъ мы читаемъ въ историческихъ сочиненіяхъ. Великолѣпный по своей прекрасной наружности князь ѣхалъ шагомъ на великолѣпнѣйшемъ конѣ, впереди необъятной свиты, которая, безъ преувеличенія можно сказать, представляла страшную смѣсь племенъ, одеждъ, лицъ, нарѣчій. Тутъ были вылощенные адъютанты, остававшіеся въ Тифлисѣ, и загорѣлые адъютанты, которые имѣли счастіе быть подъ Гунибомъ. Тутъ были генералъ-адъютанты и рядомъ съ ними татарскія фигуры, принадлежащія различнымъ ханамъ, князьямъ и бекамъ. Представители Гуріи, Мингреліи, Имеретіи, Абхазіи разнообразили картину и дѣлали ее почти волшебною въ родѣ тѣхъ, которыя мы видимъ на Большомъ театрѣ... Всѣ взоры устремлены были на князя.

Въ постоянномъ и безграничномъ моемъ удивленіи къ этой обольстительной личности, я не могъ налюбоваться ею въ этотъ моментъ. Ничего важнаго, торжественнаго, напыщеннаго не было и тѣни во всей его фигурѣ, во всѣхъ его позахъ. Напротивъ, никогда она не отличалась такою плѣнительною простотою. Милѣйшая улыбка, чуждая всякой искусственности, всякаго превосходства, блуждала на его лицѣ... Однимъ словомъ, нельзя было и вообразить, чтобы кто-нибудь могъ быть лучше, и главное, простѣе, какъ-то милѣе его въ эту торжественную минуту. Можно было ручаться, что вмѣстѣ съ взорами къ нему стремятся и всѣ сердца...

Группа маленькихъ дѣвочекъ, одѣтыхъ въ бѣлое, усыпала путь его цвѣтами. Операція эта представлялась не очень легкою и для взрослыхъ; дѣти же бросали цвѣты, какъ попало и куда попало, и оттого она производилась хотя не очень стройно, но зато очень мило; многіе цвѣты попадали князю въ лицо, на что онъ отвѣчалъ своей очаровательной улыбкой; конь его, напротивъ, далеко не такъ любезно принималъ эти привѣтствія: орошаемый безпрерывно и со всѣхъ сторонъ цвѣтами, онъ, въ изумленіи, метался изъ стороны въ сторону и сверкалъ сердито своими огненными глазами, широко раздувая свои ноздри; но князь, знаменитѣйшій изъ ѣздоковъ, не обращалъ на его гнѣвные порывы ни малѣйшаго вниманія.

Когда князь приблизился къ находящейся предъ тріумфальной аркой площадкѣ, устланной коврами, гдѣ ожидали его разныя власти и разные ораторы, онъ сошелъ съ коня... Въ мгновеніе ока, площадка эта, несмотря на различныя полицейскія запрещенія и предупрежденія, окружена была непроницаемою стѣною народа. На различные спичи, продолжавшіеся довольно долго, князь отвѣчалъ немногими словами и потомъ, сѣвъ на коня, отправился въ Сіонскій соборъ, гдѣ ожидало духовенство.

До въѣзда князя въ городъ все-таки соблюдался хотя какой-нибудь порядокъ въ народныхъ толпахъ; но когда князь проѣхалъ, то эти толпы, какъ волнами, затопили рѣшительно всю улицу, ведущую отъ въѣзда къ Сіонскому собору. Здѣсь уже никакое значеніе, никакой мундиръ, какъ бы богато онъ ни былъ расшитъ золотомъ, не производили эффекта, и каждому предоставлялось дѣйствовать по мѣрѣ своего искусства и своей ловкости. На мою бѣду ко мнѣ съ обѣихъ сторонъ прицѣпились какія-то двѣ барыни тифлисскаго большаго свѣта, такъ что я вынужденъ былъ сосредоточить на нихъ все мое вниманіе и отказаться отъ желанія слѣдовать шагъ за шагомъ за церемоніей. Послѣдствіемъ этихъ любезностей было то, что мы не попали, да ужъ и не хотѣли попасть въ Сіонскій соборъ, зная, до какой ужасающей степени онъ набитъ въ эту минуту, и рѣшились прямо пробиваться во дворецъ намѣстника, гдѣ, въ заключеніе, все сосредоточилось.

Едва только я вступилъ со своими дамами въ залу, тоже наполненную донельзя, какъ князь, замѣтивъ меня, подошелъ ко мнѣ и, улыбаясь, сказалъ: «Извините, Василій Антоновичъ! Вы все совѣтовали взять Шамиля во флангъ, а мы взяли его прямо!» Я очень удивился, что моя шутка дошла до него, и онъ припомнилъ ее въ эти торжественныя для него минуты... Видно было, что князь былъ счастливъ и радостенъ!

Въ тотъ же день вечеромъ былъ торжественный спектакль, великолѣпная иллюминація и фейерверкъ. Кстати о фейерверкахъ кавказскихъ. Пріѣхавъ на Кавказъ изъ Петербурга, избалованный нѣсколько удобствами и роскошью столичной жизни, я немножко свысока смотрѣлъ на обстановку тифлиской жизни, какъ частной, такъ и общественной, и такой взглядъ имѣлъ свои основанія. Тамошнія квартиры, напримѣръ, приводили въ отчаяніе; прислуга тамошняя не вообразимая; меблировка тамошняя страсть! Понятно, что, познакомившись съ этими первыми условіями нашего быта, я смотрѣлъ уже и на все остальное съ сильнѣйшимъ предубѣжденіемъ. Когда впервые я услыхалъ, что будетъ по какому-то случаю фейерверкъ, я не могъ не подумать: «должно быть будетъ очень хорошъ!» Но когда начался этотъ фейерверкъ, я былъ страшно изумленъ: это такая прелесть, такая роскошь, такое искусство и наконецъ такая живость въ исполненіи, что наши петербургскіе фейерверки должны непремѣнно спасовать предъ тифлисскими. Начать съ того, что превосходству тифлисскихъ фейерверковъ сильно помогаетъ сама природа: она даетъ распорядителю двѣ важныя въ этомъ отношеніи вещи: темныя, непроницаемыя южныя ночи и потомъ горы. Тифлисскіе фейерверки всегда устраиваются на громадныхъ горахъ, окружающихъ Тифлисъ. Одно уже это дѣлаетъ понятнымъ, какой эффектъ они должны производить. Но независимо отъ этого содѣйствія туземной природы тифлисскіе фейерверки сами по

себѣ великолѣпны и со стороны пиротехническаго искусства, если не превосходятъ петербургскіе, то рѣшительно ни въ чемъ не уступаютъ имъ. Но что болѣе всего пріятно поразило меня—это необычайная живость въ исполненіи.

Петербургскіе фейерверки и теперь исполняются довольно вяло, а прежде было еще хуже. Послѣ какой-нибудь картины все погружается въ мракъ и ожиданіе: что будетъ дальше? Ожиданіе это длится иногда неумѣренно долго. Скучающая публика нетерпѣливо слѣдитъ за блуждающими огоньками, съ которыми перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто солдатики, и сопровождаетъ ихъ возгласами: «вонъ, кажется, зажигаютъ! нѣтъ, еще не зажигаютъ! Да что же они не зажигаютъ?» и т. п. Въ Тифлисѣ совсѣмъ не такъ. Тамъ фейерверкъ, когда начался, идетъ постоянно, не прерываясь, до конца. Глаза зрителя едва поспѣваютъ за различными огненными штуками, взвивающимися безпрерывно, одна за одной, съ различныхъ точекъ горы. Я и тогда не понималъ, да и теперь не понимаю, какимъ это образомъ дѣлалось, что вслѣдъ за одной штукой, вспыхнувшей на одной сторонѣ горы, немедленно загоралась какая-нибудь штука на другой сторонѣ горы, потомъ вверху, потомъ внизу. Это тѣмъ болѣе удивительно, что дѣло почти всегда происходило темнѣйшей ночью и на отрогахъ горы, по которымъ и при дневномъ свѣтѣ невозможны тѣ перебѣганія, которыми занимаются петербургскіе исполнители. Я понялъ только то, что начальникъ тифлисской лабораторіи, онъ же устроитель и распорядитель тамошнихъ фейерверковъ, старикъ Сигуновъ, нынѣ уже генералъ, при всей его оригинальности,—величайшій художникъ своего дѣла, въ слѣдствіе чего я очень съ нимъ подружился и охотно выслушивалъ различныя былины о кавказскихъ дѣлахъ и обстоятельствахъ, которыя онъ имѣлъ неодолимую страсть разсказывать всюду и всегда, когда только представлялся къ тому подходящій случай...

Но я не буду ни исчислять, ни описывать рядъ торжествъ, послѣдовавшій за возвращеніемъ князя въ Тифлисъ. Кавказъ, безспорно, умѣетъ устраивать праздники и искренно веселится на нихъ...

Можно замѣтить только, что рядомъ съ этими торжествами шелъ рядъ блестящихъ наградъ, которыми осыпался князь и его сподвижники. Изъ формуляра князя видно, что въ одномъ 1859 году онъ получилъ Св. Владиміра 1-й степени, Св. Андрея Первозваннаго, Св. Георгія 2-го класса и потомъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы. Нѣтъ сомнѣнія, что такія блестящія награды, слѣдовавшія одна за другой, доставляли великое наслажденіе князю, ибо окончательно и полнѣйшимъ образомъ осуществляли тотъ идеалъ славы и величія, къ которому онъ стремился съ самыхъ юныхъ лѣтъ; тѣмъ не менѣе, дѣлясь со мною чувствами, которыя пробуждали въ немъ эти награды,

князь не оставлялъ, я хорошо помню, сопровождать каждую изъ нихъ нѣкоторыми критическими воззрѣніями относительно порядка, въ какомъ онѣ слѣдовали. Сущности этихъ замѣчаній я уже не помню; но въ общемъ видѣ они выражали убѣжденіе князя, что въ Петербургѣ не умѣютъ распоряжаться наградами.—«Прежде надобно бы вотъ это, а потомъ это»,—говорилъ князь. Зная его оригинальные взгляды на многіе дѣла и предметы, я уже нисколько не удивлялся этимъ страннымъ замѣчаніямъ.

Я не удивлялся даже разливу страшнаго его негодованія, во время бытности нашей въ Вильнѣ, предъ оставленіемъ Кавказа; больной и капризный, въ присутствіи многихъ, князь кричалъ до неприличія: «зачѣмъ меня сдѣлали фельдмаршаломъ? я объ этомъ никого не просилъ! Мнѣ это вовсе не нужно. Это связало меня по рукамъ и по ногамъ. Я никуда не могу спрятаться съ этимъ званіемъ и потому нигдѣ не могу быть покойнымъ» и т. п. Добрый, но ограниченный генералъ Майдель, старый сослуживецъ князя, принялся было доказывать, что званіе фельдмаршала—званіе почетное и что, облекая этимъ званіемъ князя, правительство не думало дѣлать ему непріятное, а напротивъ думало сдѣлать пріятное, и тому подобныя простыя и непреложныя истины; но эти непреложныя истины встрѣтили со стороны князя такое упорное отраженіе, что бѣдный и сконфуженный Майдель вынужденъ былъ умолкнуть.

Нѣтъ сомнѣнія, что всякое физическое разстройство неминуемо отражается болѣе или менѣе на умственномъ нашемъ состояніи; физическія страданія князя, которыхъ я былъ личнымъ свидѣтелемъ, доходили часто до такой степени, что надо удивляться еще, что они положительно не помрачили его сильный разсудокъ; поэтому и страшное его негодованіе на фельдмаршальство надо отнести преимущественно къ тѣмъ ужаснымъ страданіямъ, которыя онъ испытывалъ въ Вильнѣ; тѣмъ не менѣе, справедливость требуетъ сказать, что здѣсь участвовало и оригинальничанье въ его взглядахъ, ибо въ противномъ случаѣ, въ борьбѣ съ подагрой и безчисленными недугами, которыми она осаждала его, онъ сталъ бы бранить все, если бы это было необходимо, но не какъ не фельдмаршальство, которое именно поставило его выше всѣхъ, кто только служитъ государю и отечеству.

Получая самъ блестящія награды, князь любилъ осыпать блестящими наградами своихъ сотрудниковъ и подчиненныхъ. Періодъ его управленія въ этомъ отношеніи останется навсегда незабвеннымъ, ибо здѣсь именно щедрость князя соединялась съ такими поводами къ проявленію ея, какихъ не было ни въ какомъ другомъ періодѣ, да вѣроятно никогда и не будетъ. Князь, повидимому, хорошо сознавалъ, что возможность награждать составляетъ самую пріятную и въ то же

время самую дѣйствительную сторону власти. Онъ сыпалъ наградами, какъ царь.

Я, кажется, говорилъ уже, что, при моемъ прибытіи на Кавказъ, во всемъ гражданскомъ мірѣ я видѣлъ только одну ленту, украшавшую худую фигуру престарѣлаго Фадѣева; чрезъ годъ или полтора всѣ высшіе гражданскіе чины были уже въ лентахъ, что немножко имѣло сначала комическій видъ, потому что на всѣхъ торжественныхъ пріемахъ и праздникахъ только и видишь бывало однѣ Станиславскія ленты. Князь не только любилъ награждать, но и любилъ хвалиться подвигами своими по этой части. Онъ не одинъ разъ высчитывалъ мнѣ, съ большимъ чувствомъ самодовольства, награды, данныя имъ Милютину и Евдокимову, и я помню хорошо, что князь насчитывалъ одному одиннадцать, а другому восемь наградъ; не помню только, за какой именно періодъ и на чью долю досталось одиннадцать наградъ и на чью восемь.

Между тѣмъ въ числѣ многихъ несправедливостей, которыми извращенное общественное мнѣніе постоянно осыпало князя, какъ будто въ награду за то, что онъ покорилъ Кавказъ, который не умѣли покорить до него въ теченіе пятидесяти лѣтъ, за то, что онъ остановилъ ручьи русской крови, которые тамъ лились, удержалъ русскіе милліоны, которые тамъ тратились, было и то, что князь награждалъ будто бы только своихъ приближенныхъ, а затѣмъ всѣхъ другихъ оставлялъ безъ наградъ. Вопіющая несправедливость! Кого же лично самъ князь и могъ награждать, какъ не тѣхъ, кого онъ лично зналъ и кто стоялъ подлѣ него? Какимъ образомъ онъ могъ непосредственно награждать, напр.: поручиковъ Кабардинскаго полка или капитановъ Куринскаго? Это было уже дѣломъ ближайшихъ начальниковъ этихъ поручиковъ и капитановъ! А что князь не былъ способенъ лишить награды того, кто представленъ ближайшимъ начальникомъ къ наградѣ, то для того, кто зналъ князя, это и доказывать смѣшно.

Начать съ того, что онъ считалъ совершенною тратою времени читать громадные наградные списки, которые ему представляли, вполнѣ полагаясь на тѣхъ, кто подносилъ ему эти списки. Я выше говорилъ, что князь выражалъ самому государю свое удивленіе, что его величество читаетъ списки о наградахъ именно по Кавказу, и заявлялъ, что онъ самъ, главнокомандующій кавказскою арміею, ихъ не читалъ.—Я говорилъ также, что въ первый годъ моего управленія канцеляріею я осыпалъ наградами всѣхъ безъ исключенія служащихъ тамъ, и князю не было до этого никакого дѣла. Князь былъ слишкомъ высокъ для того, чтобы повѣрять, дѣйствительно ли достоинъ награды какой-нибудь подполковникъ или столоначальникъ; слишкомъ благороденъ для того, чтобъ контролировать въ этомъ отношеніи ближайшихъ на-

чальниковъ, которымъ онъ для пользы дѣла хотѣлъ придать наибольшій вѣсъ и значеніе.

Вскорѣ я долженъ былъ отправиться въ Москву къ больной женѣ.

Существеннымъ занятіемъ моимъ въ Москвѣ въ свободное время, котораго у меня было, разумѣется, бездна, было ходить по Москвѣ и собирать лубочныя картины, изображавшія князя и послѣднія событія, имъ совершенныя, и я могу смѣло сказать, что ни у кого нѣтъ и не можетъ быть такой полной коллекціи этихъ оригинальныхъ произведеній... Удивительное дѣло! Эти картины вдругъ появились въ такомъ множествѣ, что мнѣ оставалось только собирать ихъ. Однихъ портретовъ князя я собралъ болѣе десяти. И что это за портреты! Я уже не говорю о физіономіяхъ, истинно въ ужасъ приводящихъ! Достаточно, чтобъ опредѣлить ихъ достоинство, сказать, что на одномъ портретѣ напр.: всѣ регаліи князя изображены по правой сторонѣ его груди, и на другомъ—на лѣвой. Картины, изображающія самыя обстоятельства покоренія Восточнаго Кавказа и взятіе Шамиля — вверхъ совершенства. По невозможности передать въ моихъ запискахъ прелесть самыхъ картинъ, я приведу здѣсь сдѣланныя на нѣкоторыхъ изъ нихъ печатныя надписи:

«Шамиль, ймамъ Чечни и дагестана»

Телеграфическая депеша

Его императорскому величеству

«Имѣю честь поздравить ваше императорское величество съ августѣйшимъ тезоименистомъ отъ моря каспійскаго до военно-грузинской дороги Кавказъ покоренъ державѣ вашей 48 пушекъ всѣ крѣпости и укрѣпленія непріятельскія въ рукахъ нашихъ я лично былъ: каратлаѣ, тлокѣ игали, охулью, гимрохеѣ Унцукулѣ натаныхѣ хупзахѣ тилитлѣ ругужѣ и Чохѣ, теперь осаждаю Гунибъ, гдѣ заперся Шамиль съ 400 мюридоми, генералъ-адъютантъ, князь Барятинскій 22 августа 1856 (?) года главная квартира при аулѣ кегерь передалъ депешу адъютантъ главнокомандующаго кавказскою арміею поручикъ князь Витгейтейнъ его императорскому величеству Гунибъ взятъ Шамиль въ плѣну и отправленъ въ Петербургъ. Генералъ-адъютантъ князь Барятинскій 26-го августа 1859 года».

«Осада крѣпости Гуниба и взятіе въ плѣнъ Шамиля».

«Храбрымъ русскимъ войскомъ подъ личнымъ предводительствомъ главнокомандующаго кавказскою арміею князя Барятинскаго 26-го августа 1859 года и отправленъ въ С.-Петербургъ и теперь все покорено безъ исключенія при ономъ взято 4 орудія, одно крѣпостное ружье Шамилева сѣкира, въ плѣнъ захвачено около ста человѣкъ мюридовъ.

Геройскій подвигъ на восточномъ Кавказѣ и отъ моря каспійскаго до военно-грузинской дороги пало къ стопамъ его императорскому величеству».

«Кавказъ здача Шамиля съ мурядами».

Его сіятельство князь Барятинскій прибывая лично вмѣстѣ съ командующими войсками у аула, Шамиль видя, что аулъ окруженъ густою цѣпью войсковъ готовыхъ ворваться въ него рѣшился сдаться сопровожденіями нѣсколькихъ мюридовъ явился къ его сіятельству, повергая безусловно свой судъ, милосердію государю императору. Главнокомандующій приказалъ отвесть его въ лагерь главной квартиры, а на другой день, прибыли сюда же два его сына и все семейство 27 ч. онѣ отправлены изъ Тимиръ-харханъ-Шуру откуда Шамиль съ старшимъ сыномъ отправленъ въ С.-Петербургъ и теперь все покорѣно безъ исключенія при ономъ взято 4 орудія одно крѣпостное ружье, Шамилева сикира, въ плѣнъ захвачено около ста человѣкъ мюридовъ и такое число убито, съ нашей стороны 19 нижнихъ чиновъ и 2 милюціонера, убитыхъ, 7 офицеровъ 14 нижнихъ чиновъ и 7 милюціоровъ раненыхъ и контуженныхъ, 2 офицера, 29 нижнихъ чиновъ. Геройскій подвигъ полувѣковая борьба на восточномъ кавказѣ окончена, страна отъ моря каспійскаго до военно-грузинской дороги пала къ стопамъ его императорскому величеству».

Эту коллекцію я представлялъ князю, и она доставила ему величайшее удовольствіе. Впослѣдствіи, когда князь, а вмѣстѣ съ нимъ и я, прибыли въ Петербургъ, самъ государь, какъ я говорилъ уже, удостоилъ ее разсматривать. Портреты князя, изображеніе Шамиля, сдающагося князю съ своими женами, присочиненными творческимъ воображеніемъ народныхъ художниковъ, и съ своими «мурядами», какъ сказано въ одной изъ подписей подъ картинами, возбуждали искренній смѣхъ его величества, и онъ весело разспрашивалъ меня, какъ мнѣ пришла мысль и какъ мнѣ удалось собрать такую замѣчательную коллекцію такихъ замѣчательныхъ картинъ...

Между тѣмъ приближалось время прибытія князя въ Москву, и сей обширный градъ значительно взволновался ожиданіемъ этого прибытія. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ то время князь Барятинскій и Шамиль, Шамиль и князь Барятинскій занимали всѣ умы, были у всѣхъ на языкѣ. Слѣдовательно, предстоящее появленіе князя Барятинскаго, героя этого времени, не могло не занимать жителей древней, но бѣдной общественными интересами столицы. Придворное

вѣдомство, и во главѣ его длинный князь Горчаковъ, ужасно суетилось по приготовленію для князя, на основаніи приказанія самого государя, помѣщенія въ маленькомъ московскомъ дворцѣ и всѣхъ принадлежностей, сюда относящихся. И въ этомъ отношеніи князь Горчаковъ постоянно прибѣгалъ къ моимъ совѣтамъ, достигая двухъ цѣлей: во-первыхъ, исполнить прямыя свои обязанности въ отношеніи къ знаменитому государственному человѣку въ возможной степени удовлетворительно и, во-вторыхъ, своею безконечною предупредительностью задобрить лично князя, въ рукахъ котораго была судьба его блуднаго сына.

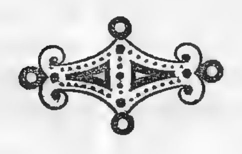
За нѣсколько дней до пріѣзда князя, пріѣхалъ въ Москву изъ Петербуга бѣдный Свѣчинъ, одинъ изъ адъютантовъ его, съ своими мечтаніями о флигель-адъютантствѣ, которое постоянно мучило и никакъ ему не давалось. Я говорилъ уже, что онъ посланъ былъ княземъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о покореніи абадзеховъ, въ Западномъ Кавказѣ. Исторія этого покоренія самая печальная и положила нехорошія тѣни не только на генерала Филипсона, главнаго автора этого покоренія, но и на самого князя, по правдѣ сказать, ни въ чемъ тутъ неповиннаго. Говорили, а мой пріятель генералъ Фадѣевъ, авторъ извѣстныхъ кавказскихъ писемъ въ «Московскія вѣдомости», печаталъ даже впослѣдствіи, что Филипсонъ, увлекаемый успѣхами Евдокимова на Восточномъ Кавказѣ, непремѣнно хотѣлъ, во что бы то ни стало, сочинить какой-нибудь блистательный успѣхъ и въ ввѣренномъ ему Западномъ Кавказѣ и вслѣдствіе этого совершилъ покореніе абадзеховъ съ присокупленіемъ передачи къ намъ извѣстнаго «Мегметъ-Аминя», котораго считали, совершенно несправедливо, въ отношеніи къ Западному Кавказу тѣмъ же, чѣмъ былъ Шамиль въ отношеніи къ Восточному.

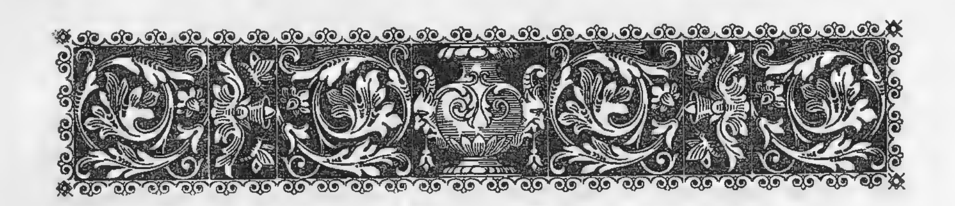
Понятно, что такое дѣло, вслѣдъ за дѣлами, совершенными въ Восточномъ Кавказѣ, озарили князя на первыхъ порахъ новою славою, такъ что государь, получивъ объ этомъ привезенное Свѣчнымъ извѣстіе, произвелъ князя Барятинскаго въ фельдмаршалы. Справедливость требуетъ сказать, что самъ князь далеко не съ такой блистательной точки смотрѣлъ на это дѣло, и было много признаковъ, что самое фельдмаршальство, съ которымъ былъ отправленъ курьеръ къ нему навстрѣчу, не совсѣмъ пріятно его удивило. Послѣдствія обнаружили, что это покореніе абадзеховъ вовсе не было дѣйствительнымъ ихъ покореніемъ, а какою-то довольно постыдною для насъ сдѣлкою и что Мегметъ-Аминь рѣшительно не имѣлъ никакого вліянія на храбрые, независимые и гордые народы Западнаго Кавказа, но только умѣлъ морочить нашихъ небывалымъ его значеніемъ. Князь сильно негодовалъ потомъ на Филипсона за такую штуку; но общественное мнѣніе, всегда не благосклонное къ князю и неспособное углубляться въ по-

дробное изслѣдованіе дѣла, рѣшило, что штука эта была сочинена самимъ княземъ и именно для того, чтобы выманить фельдмаршальство.

Какъ бы то ни было, но князь фельдмаршалъ, весьма естественно, еще болѣе возвысился въ глазахъ всѣхъ, ожидавшихъ его въ Москвѣ и Петербургѣ. Но едва-ли кто-либо ожидалъ его съ такимъ нетерпѣніемъ и такими надеждами, какъ тотъ же самый Свѣчинъ. Летя въ Петербургъ съ извѣстіемъ о коварныхъ абадзехахъ, онъ разсчитывалъ опять-таки на завѣтное для него флигель-адъютантство, но увы! въ то время, когда князя сдѣлали фельдмаршаломъ, его не сдѣлали флигель-адъютантомъ и жесточайшимъ образомъ отпотчивали только короною на Анну, да переводомъ тѣмъ же чиномъ полковника, который онъ уже имѣлъ, въ гвардію, что ровно ничего для него не составляло. Свѣчинъ считалъ все это рѣшительно однимъ недоумѣніемъ, ибо въ его соображеніяхъ положительно не совмѣщались: князю фельдмаршальство, а ему—корона. Разсужденія его на эту тему были безконечны и какъ онъ ни былъ ограниченъ вообще, однако хорошо понималъ, что изъ однихъ этихъ разсужденій все-таки ничего не выйдетъ, если онъ не начинитъ меня ими донельзя и если я не передамъ сущность ихъ князю, чего онъ самъ, конечно, сдѣлать былъ не въ состояніи. Отсюда происходило, что Свѣчинъ осаждалъ меня ежедневно своими посѣщеніями и безчеловѣчно утомлялъ своими сѣтованіями и предположеніями, которыя казались ему правильными и основательными.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.

IX [1]).

Черезъ два часа они уже ѣхали по прекрасному московско-петербургскому шоссе, видъ котораго произвелъ сильное впечатлѣніе на Перепелкина. Здѣсь было большое движеніе: то и дѣло мчались навстрѣчу или обгоняли ихъ громадные дилижансы, запряженные шестерикомъ и биткомъ набитые народомъ.

— Попробовали бы поскакать въ такомъ чудищѣ по грунтовой черноземной дорогѣ, — замѣтилъ онъ своему дремавшему спутнику,—въ осеннее или весеннее время.

— Да, тамъ бы ему и застрясть до лѣта, — отвѣчалъ полусонный товарищъ и вскорѣ прилегъ и уснулъ.

«Русь ты, Русь!—размечтался Перепелкинъ, приходя все въ большій и большій паѳосъ при видѣ усиливающагося движенія по прекрасной дорогѣ, по которой, казалось, и лошади бодро скакали во весь махъ, не нуждаясь въ особомъ поощреніи со стороны возницы:— что тебѣ, матери многочисленнаго и трудолюбиваго народа, мѣшаетъ покрыться такими дорогами по всѣмъ направленіямъ отъ края до края твоихъ предѣловъ? Неужели крапивное сѣмя, въ лицѣ взяточниковъ-чиновниковъ, казнокрадовъ-дѣльцовъ бюрократизма, высосало уже всѣ твои соки и у тебя хватило только силъ соединить столицы такимъ путемъ, предоставляя другія мѣстности на произволъ стихій и совершенно оставаясь равнодушной при видѣ того, какъ мучаются и утопаютъ въ грязи, осенью и весной, повсемѣстно люди и животныя? Что, если бы всѣ тѣ излишки, которые попадаютъ въ карманы инженеровъ и другихъ эксплоататоровъ казны, да употреблять ежегодно на про-

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1904 г.

ложеніе такихъ дорогъ, вѣдь въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ могла бы Россія покрыться множествомъ такихъ шоссейныхъ путей! И онъ, на основаніи когда-то давно слышаннаго анекдота, принялся дѣлать соображенія, какіе куши перепадаютъ руководителямъ при возведеніи казенныхъ построекъ. Однажды государь Николай Павловичъ, при посѣщеніи, вновь построеннаго въ какомъ-то губернскомъ городѣ, кадетскаго корпуса, на возведеніе котораго отпущено было изъ казны до трехъ милліоновъ на ассигнаціи, остался очень недоволенъ строителями и, по выходѣ оттуда, выразилъ сопровождавшему его губернатору сомнѣніе, чтобы это зданіе могло стоить даже двухъ третей затраченной на него суммы, и полюбопытствовалъ узнать: нѣтъ ли въ городѣ такихъ зданій, недавно отстроенныхъ, по стоимости которыхъ можно было бы приблизительно составить понятіе о томъ, сколько могло быть украдено при постройкѣ корпуса. Губернаторъ доложилъ, что почти одновременно съ корпусомъ начаты были постройкой классическая гимназія и семинарія, строились онѣ съ небольшимъ годъ, между тѣмъ какъ постройка корпуса растянулась на семь лѣтъ. Государь болѣе двухъ часовъ употребилъ на осмотръ, самый внимательный, того и другаго зданія и, освѣдомившись, что гимназія стоила четыреста тысячъ, а семинарія только сто шестьдесятъ тысячъ ассигнаціями, полюбопытствовалъ спросить: кто составлялъ планъ и руководилъ работами при постройкѣ семинаріи, и когда ректоръ ея, архимандритъ Леонтій, отвѣсивъ со смиреніемъ поклонъ, доложилъ, что онъ, одинъ, и планъ составлялъ и наблюдалъ за работами, строя ее хозяйственнымъ способомъ, а не чрезъ подрядчиковъ, то государь выразился такъ: «ну, не зналъ я, что ты, отецъ ректоръ, такой искусный и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевый зодчій, а то я тебѣ поручилъ бы постройку здѣшняго корпуса, потому что если бы сложить твоихъ пять семинарій, то вышло бы зданіе пограндіознѣе его, а обошлось бы оно казнѣ на двѣ трети дешевле».

«Господи Боже мой!—продолжалъ фантазировать юноша: около двухъ милліоновъ украсть при одной только постройкѣ! Да боятся ли они Бога? Что людей не стыдятся,—объ этомъ и говорить нечего. А навѣрное считаютъ себя патріотами, вѣрными слугами престола, людьми религіозными, и, поди, въ какую вломились бы амбицію, если бы кто вздумалъ уличать ихъ въ казнокрадствѣ и усомнился, что они исповѣдники Христа». Остановки на станціяхъ, которыя часто наполнялись ѣдущими съ той и другой стороны, развернули предъ юношей, любознательнымъ и проницательнымъ отъ природы, широкую картину нравовъ и привычекъ людей разныхъ классовъ и положенія, богатыхъ и бѣдныхъ, высокопоставленныхъ и низкостоящихъ. Первые отличались такимъ высокомѣріемъ, такою надутостію и недоступностью, а послѣд-

ніе—такою приниженностію, соединенною съ подобострастіемъ и искательствомъ, что душѣ становилось больно, обидно, даже гадко, и мысль не выходила изъ головы, гдѣ же тутъ слѣды христіанскаго воспитанія, христіанскихъ отношеній между людьми. И чѣмъ могли быть хуже язычники, которымъ незнакома была первая заповѣдь Богочеловѣка: «возлюбиши ближняго, какъ самого себя»?

Особенно памятными остались для Перепелкина два случая, произведшіе на него такое потрясающее впечатлѣніе, что у него сдѣлалась нервная дрожь въ тѣлѣ и спутнику его стоило большихъ трудовъ удержать его отъ горячаго вмѣшательства въ чужія дѣла и дѣятельнаго заступничества за оскорбленныхъ.

Къ станціи Г. подъѣхала карета, заложенная четверней. Сидѣвшій на козлахъ ливрейный лакей, еще когда подъѣзжали къ станціи, не своимъ голосомъ два раза крикнулъ: «лошадей поскорѣе для генерала Т.»! Экипажъ остановился подъ окнами комнатъ, занятыхъ пассажирами мужескаго и женскаго пола. Минуты черезъ двѣ высунулся изъ окна кареты толстолицый господинъ, съ щетинистыми сѣдыми усами, въ военной фуражкѣ и дряблымъ голосомъ крикнулъ: «что жъ лошадей? Позвать сюда смотрителя». Въ ту жъ секунду, какъ изъ земли выросъ, затрясся предъ нимъ старичокъ въ формѣ и при шпагѣ и, показывая его превосходительству какую-то бумагу, что-то почтительно докладывалъ.

— Какъ, какъ, какъ!—въ бѣшенствѣ залопоталъ генералъ, обрызгавъ слюной и бумагу, и смотрителя:—гроши собираешь. Всякую сволочь стараешься поскорѣй отправить, а заслуженный генералъ жди... Палкой тебя, каналью, изобью, въ острогъ посажу!—заскрежеталъ онъ зубами.

— Боже мой, Боже мой! да это дикій звѣрь, а не человѣкъ,—говорилъ Перепелкинъ, трясясь всѣмъ тѣломъ и ломая свои руки.

Лошади были взяты изъ-подъ заложеннаго уже дилижанса, а обозванные «сволочью» пассажиры, въ числѣ которыхъ были и дамы, должны были, въ награду за оскорбленіе, дожидаться другихъ, и, пожалуй, считать себя довольными, что не наслушались другихъ почище комплиментовъ, или что суровому Марсу не вздумалось и ихъ попугать палкой и острогомъ.

Другой случай произошелъ на станціи У. и былъ курьезенъ въ томъ отношеніи, что онъ представилъ борьбу и весьма возмутительную двухъ силъ, чиновнаго ранга и богатства, такъ сказать, генерала отъ должности и генерала отъ капитала. Подъѣхалъ экипажъ къ станціи. Изъ него вышелъ лѣтъ сорока господинъ, высокаго роста и очень гордаго вида, даже такого гордаго, что въ Перепелкинѣ онъ сразу возбудилъ полное отвращеніе. Одѣтъ онъ былъ въ щегольское гражданское

платье и держалъ въ рукѣ лорнетъ, который то и дѣло наводилъ на всѣхъ, обходя комнаты, наполненныя проѣзжающими.

— Смотритель!—крикнулъ онъ:—да дай же мнѣ отдѣльную комнату, чтобъ пообѣдать, или, по крайней мѣрѣ, особый уголъ, гдѣ бъ не было этого... сброда всякаго.

— Какой такой сбродъ?—подскочилъ къ нему здоровенный человѣчина, не интеллигентнаго, купеческаго вида.

— Смотритель! я приказываю тебѣ вывести отсюда этого человѣка.

— Кого... меня вывести? набитый ты дуракъ,—кричитъ, подступая съ сжатыми кулаками, здоровенный, повидимому, купчина.

— Какъ!—заревѣлъ онъ неистово:—меня, вице-губернатора, осмѣливается какая-то сволочь...

Здѣсь онъ получаетъ толчокъ въ грудь и летитъ на диванъ. Общая суматоха. Дамы вскрикиваютъ.

— Понятыхъ сюда, смотритель, актъ составить!—шумитъ вице-губернаторъ.

— А не хочешь ли вотъ этого акта?—показываетъ ему страшный свой кулакъ его антагонистъ:—я самъ коммерціи совѣтникъ, откупщикъ N.

— Странные въ самомъ дѣлѣ люди бываютъ на свѣтѣ!—заговорило новое лицо, интеллигентное, но на первый взглядъ не представительное:—велика-ли птица вице-губернаторъ, а сколько дерзостей позволяетъ себѣ! Я самъ, милостивый государь, былъ не только вице-губернаторомъ, но и губернаторствовалъ пятнадцать лѣтъ, имѣю чинъ тайнаго совѣтника, до котораго, конечно, вамъ еще далеко, далеко, а никогда не позволилъ бы себѣ ничего подобнаго потому, что я получилъ образованіе въ университетѣ.

Гордый вице-губернаторъ совсѣмъ переконфузился и спасовалъ. Онъ удалился въ смотрительскую комнату и тамъ тѣшилъ себя тѣмъ, что громко приказывалъ кому-то записать бывшихъ въ комнатѣ свидѣтелей «этой ужаснѣйшей и неслыханной противъ меня дерзости», выкрикнулъ онъ во всю глотку.

— Для тебя, набитаго дурака, нуженъ кулакъ, какъ самое лучшее успокаивающее средство,—гаркнулъ также во всю широкую глотку купчина-откупщикъ.

Пораженіе надутаго чиновника грубымъ откупщикомъ никому не доставило столько удовольствія и даже радости, какъ спутнику Передпелкина, который служилъ сперва гдѣ-то въ губернскомъ правленіи, а потомъ получилъ мѣсто секретаря въ Клинскомъ уѣздномъ судѣ. Онъ припоминалъ всѣхъ членовъ губернскаго правленія, отъ ассесора до вице-губернатора включительно, и, ловко копируя ихъ, говорилъ, что и Овидію не выдумать такихъ превращеній, какія совершаются съ этими

людьми при обращеніи ихъ съ низшими и высшими чинами. Такъ, онъ, между прочимъ, разсказывалъ про старшаго совѣтника Ларисова, который, не получивъ никакого образованія, даже вовсе не умѣя правильно писать, тѣмъ не менѣе слылъ докой—дѣльцомъ, прошелъ всѣ степени чиновничьей іерархіи, ознаменовавъ всѣ пути неистовымъ взяточничествомъ, похожимъ на грабежъ, и адскими способностями къ сутяжничеству, которое помогло ему составить милліонное состояніе. И вотъ какъ онъ держалъ себя въ отношеніи подчиненныхъ: бывало, какъ только онъ войдетъ въ переднюю, два—три сторожа прислуживаютъ ему—кто снимаетъ верхнюю одежду, кто держитъ наготовѣ ему мундиръ, который онъ, вопреки обычаю другихъ, всегда надѣвалъ въ передней; кто принимаетъ отъ него палку и шляпу, а одинъ изъ свободныхъ сторожей, подобно вихрю, пролеталъ на цыпочкахъ чрезъ всѣ комнаты, издавая звуки: ш, ш, ш! Онъ любилъ, чтобы всѣ чиновники, при появленіи его, вскакивали съ своихъ мѣстъ опрометью, какъ бѣшеные, и, разставивъ руки, отвѣшивали ему низкіе поклоны до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ комнату. Замѣченные въ неисполненіи, или даже только въ неполномъ, или нѣсколько небрежномъ исполненіи этихъ церемоній были удаляемы изъ службы безъ всякихъ объясненій. И вотъ вваливается въ первую комнату толстое слонообразное чудище, на коротенькихъ ножкахъ-обрубкахъ, съ выпученнымъ громаднымъ брюхомъ, съ тыквообразнымъ лицомъ, на которомъ отвисшая нижняя, синяго цвѣта, губа во всякомъ, никогда не видавшемъ его, человѣкѣ вызывала брезгливую дрожь, вваливается и тихо ползетъ, никому не отдавая поклона и только зорко слѣдя глазами направо и налѣво, въ достодолжныхъ ли размѣрахъ ему отдается честь.

— Представьте жъ себѣ, какое превращеніе вдругъ сдѣлалось однажды съ этимъ гордымъ и чваннымъ сановникомъ. Сторожъ впопыхахъ вбѣжалъ въ присутствіе съ докладомъ, что карета генералъ-губернатора остановилась у подъѣзда губернскаго правленія. Смотримъ, выбѣгаетъ вслѣдъ за сторожемъ какой-то мундирный чиновникъ и проносится по всѣмъ комнатамъ, какъ стрѣла, съ крикомъ: «въ секунду привести все въ порядокъ, самимъ оправиться». Черезъ нѣсколько минутъ входитъ генералъ-губернаторъ, въ сопровожденіи губернатора, вице-губернатора, адъютанта и чиновника своей канцеляріи. Шествіе замыкаетъ мундирный чиновникъ, пролетѣвшій по комнатамъ съ крикомъ: «оправиться». Кто бы это такой былъ? недоумѣваю я въ числѣ другихъ. Ба! да, вѣдь, это нашъ Ларисовъ, шепчетъ мнѣ на ухо сосѣдъ. Какъ Ларисовъ! А гдѣ жъ его внушительные аттрибуты: грудь и брюхо выпученныя, оттопыренная синяя губа, гордая сановитость, походка, внушающая трепетъ, взглядъ угрюмый, молніеносный? Увы! все это безъ слѣдовъ исчезло, какъ будто ничего подобнаго и не бывало у

него. Предъ вами трясся всѣмъ тѣломъ какой-то съежившійся человѣкъ, съ подобранными губами, брюхомъ и грудью, съ лицомъ запуганнымъ, съ глазами, въ которыхъ выражалось сильное безпокойство, державшій руки по швамъ и только изрѣдка схватывавшійся правой рукой за ладанку, наполненную веществами изъ-подъ святыхъ угодниковъ и носимую имъ всегда на груди подъ бѣльемъ, да тихо шептавшій про себя: «помяни, Господи, царя Давида и кротость его».

И было отъ чего трухнуть этому грабителю! Внезапная ревизія генералъ-губернатора была вызвана жалобами на подкупность этого жреца Ѳемиды. Потребовали всего только два дѣла, оба по раздѣлу богатыхъ имѣній между многочисленными наслѣдниками, справки о которыхъ гражданская палата возложила на губернское правленіе, а Ларисовъ, чтобы высасывать соки отъ всѣхъ сторонъ, тормозилъ переписку, пока нѣкоторые изъ наслѣдниковъ не надумались обратиться съ конфиденціальными жалобами къ генералъ-губернатору. Когда прибывшій съ нимъ теперь чиновникъ, перелистывая эти дѣла, указалъ что-то его сіятельству, съ Ларисовымъ сдѣлалось дурно, и его сейчасъ же увезли домой, откуда онъ, думали всѣ, и не выйдетъ, пока слѣдствіе надъ нимъ не будетъ закончено въ канцеляріи генералъ-губернатора; но чрезъ недѣлю онъ явился такимъ козыремъ и такъ оттопырилъ отвислую свою нижнюю губу, что еще больше нагналъ страха на всѣхъ. Онъ сунулъ правителю канцеляріи приличный кушъ, и тотъ нашелъ и начальника своего убѣдилъ, что ничего другаго и нельзя было дѣлать, какъ то, что̀ именно дѣлалось по распоряженію Ларисова.

— Ну, а вы берете взятки?—наивно обратился Перепелкинъ къ своему спутнику, краснѣя, по обыкновенію, и извиняясь предъ нимъ за такой нескромный вопросъ.

— А чѣмъ бы я жилъ, если бы не бралъ,—отвѣчалъ тотъ совершенно спокойно: вѣдь мнѣ жалованье положено только въ размѣрѣ 200 рублей, а мнѣ на содержаніе съ семействомъ требуется, по меньшей мѣрѣ, рублей 800. Такъ вотъ вы и посудите, откуда мнѣ ихъ взять. Хорошо еще и то, что я, какъ и многіе другіе честные или, лучше сказать, богобоязненные чиновники, пользуемся только тѣмъ, что намъ добровольно даютъ, не ради кривды, къ которой я, положительно, неспособенъ, а ради ускоренія дѣла, для чего иногда требуется сна пролетъ просиживать ночи. А иные, богатые просители всѣмъ судейскимъ даютъ подачки въ видѣ милостыни, такъ какъ имъ хорошо извѣстно, что въ низшихъ судебныхъ инстанціяхъ положено такое нечастное жалованье, что прокормиться имъ немыслимо даже одному человѣку, а не то что съ семьей. И правительству это хорошо извѣстно, и оно предаетъ суду только за кривду, да за вымогательство.

Вотъ, невольно подумалось Перепелкину, сытые инженеры безнака-

занно грабятъ казну, наживая милліоны отъ построекъ, а чиновному бѣдному люду предоставляется жить добровольными подачками отъ просителей, съ воспрещеніемъ вымогательства и торговли совѣстію, подъ описаніемъ преданія суду, лишенія мѣста, а иногда и животовъ. Но какъ тутъ провести строгую грань между добровольной дачей и взяткой съ вымогательствомъ? Да, наконецъ, какъ и запугать какими бы то ни было угрозами человѣка, которому ѣсть нечего?

X.

Чѣмъ дальше подвигался Перепелкинъ впередъ, по направленію къ Петербургу, тѣмъ въ большій приходилъ восторгъ отъ пересадки къ намъ европейской культуры, въ видѣ прекрасно устроеннаго и образцово содержимаго шоссе. Вѣчная память великому царю, силой своего генія и желѣзной воли пробудившему Русь отъ летаргическаго сна!— провозгласилъ онъ про себя, вѣдь, не будь Петра Великаго, навѣрное, мы никогда бы не додумались сами до того, до чего додумываются тамъ, въ Европѣ, и до сихъ поръ преспокойно мѣсили бы здѣсь грязь, какъ мѣсятъ ее и теперь во всѣхъ концахъ Россіи, по недостатку высокообразованныхъ честныхъ людей, которые бы оградили казну отъ разнаго рода хищеній, истощающихъ и безъ того слабыя государственныя средства.

А почему слабыя средства у государства? Опека надъ умами усыпила мозги, а потому никто и не пробуетъ отыскивать другія. Вздумайте не допускать младенца дѣлать попытки собственными усиліями стать на ножки, а водить его все на помочахъ, онъ, пожалуй, и пробовать не станетъ, чтобъ самому выучиться ходить. У насъ ли не найти средствъ при такомъ просторѣ земельныхъ угодій, при множествѣ естественныхъ нетронутыхъ богатствъ, въ родѣ первобытныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ, по окраинамъ государствъ, тянущихся на тысячеверстныя пространства съ сѣвера на востокъ, въ видѣ разныхъ металловъ, минераловъ, если бы человѣку были развязаны руки дѣлать все, что онъ находитъ лично полезнымъ для себя и не вреднымъ для другихъ? А то, вѣдь, на все требуется испросить предварительно разрѣшеніе, а для этого требуется много писать, къ чему не всѣ способны, надо слоняться по разнымъ мытарствамъ, просить, клянчить, давать взятки или, по крайней мѣрѣ, сулить ихъ въ будущемъ, да потомъ и по полученіи разрѣшенія не надо забывать, что безъ задабриванія ближайшаго начальства никакое дѣло не пойдетъ на ладъ, потому что его

могутъ затормозить придирками, а какою алчностью будетъ обладать ближайшее начальство—это еще Богъ знаетъ,—вотъ и пропала у человѣка охота думать о такихъ предпріятіяхъ, которыя бы и собственныя его средства увеличили, да и въ казну дали бы не маленькій процентъ. Тамъ, въ Европѣ, чуть не вершками мѣряютъ землю, да находятъ же средства жить лучше насъ; а мы и на тысячныхъ пространствахъ ничего не умѣемъ сдѣлать: слабы головой и волей.

Такъ разсуждалъ юноша, еще не совсѣмъ зрѣлый лѣтами и мало опытный, но сильно начавшій развиваться въ своихъ соціальныхъ понятіяхъ со времени своего перваго путешествія отъ Брехова. И нельзя сказать, чтобъ въ его разсужденіяхъ не заключалось крупнаго зерна истинной правды. Бумага, бумага, бумага! всю энергію она поглощаетъ у насъ, а тѣмъ и разслабляетъ всѣхъ и все. Даже въ средствахъ самозащиты не всегда воленъ русскій человѣкъ, или что дозволяется однимъ, то возбраняется другимъ. «Ты не очень припаздывай на ночлегъ-то, говорилъ сердобольный одинъ мужичокъ Перепелкину, а то здѣсь нонѣ столько развелось звѣря, что на глазахъ людей у околицы волки рѣжутъ телятъ». А на вопросъ Перепелкина, почему же они не перебьютъ волковъ, онъ отвѣчалъ:—какъ ихъ перебьешь, когда не дозволяютъ большой облавы сдѣлать? Задумали это отставные солдаты собрать изъ окрестныхъ деревень побольше для облавы народа, а становой и разогналъ всѣхъ: нельзя, говоритъ, по закону не дозволяется.

— Почему же господамъ позволяется ходить на звѣря большими облавами, а намъ нѣтъ?—А потому что нельзя, вотъ тебѣ и весь сказъ! закричалъ на нихъ становой.

Отъ Клина Перепелкинъ все усиливалъ свои дневные переходы, побуждаемый желаніемъ поскорѣе увидѣть Петербургъ, и хотя случалось дѣлать отъ сорока до пятидесяти верстъ въ сутки, но усталости особенной онъ не чувствовалъ; а что касается здоровья его, то оно никогда не было въ такомъ хорошемъ состояніи, какъ со времени начала этихъ путешествій, т. е. съ выхода его изъ Брехова, жители котораго и не узнали бы его теперь ни за что: изъ маленькаго, худенькаго, тщедушнаго школьника вытянулся теперь довольно рослый юноша, съ хорошо развитыми мускулами и такимъ здоровымъ цвѣтомъ лица, что всякъ, знавшій его въ прежнемъ видѣ, позавидовалъ бы ему. Постоянное движеніе на свѣжемъ воздухѣ, хорошій аппетитъ и сонъ, цѣломудріе въ мысляхъ и чувствахъ, привычка къ умственной дѣятельности, для которой былъ и запасъ книгъ, читаемыхъ на ходу лежа во время привала въ полѣ, и живой матеріалъ, представляемый природой и людьми,—все это бодрило, оживляло его и поддерживало равновѣсіе въ здоровомъ настроеніи его души, пылкой, мечтательной, искавшей

знанія, свѣта, стремившейся къ добру и жаждавшей живой дѣятельности для своихъ силъ. Онъ нарочно для дороги купилъ на нѣмецкомъ языкѣ: тридцатилѣтнюю войну Шиллера, Фауста Гёте и біографію Гегеля, Розенкранца. Послѣдняя особенно возбуждала въ немъ много мыслей. Не успѣвъ познакомиться, какъ слѣдуетъ, съ его философіей, онъ искалъ ключа къ его мыслямъ въ біографіи его, которую еще въ Гороховѣ рекомендовалъ ему покойный Нобилевъ. Никакъ не могъ онъ примириться съ основнымъ положеніемъ этого философа: «Что разумно, то дѣйствительно; что дѣйствительно, то разумно». Особенно бодро работала на эту тему голова Перепелкина по утрамъ. Онъ вставалъ рано и тотчасъ же уходилъ. Пробужденіе природы, съ начинавшеюся хлопотливою дѣятельностью всѣхъ живыхъ существъ, роскошно развертывающаяся на его глазахъ растительность, съ отраженіемъ на ней чудной игры переливовъ свѣта отъ только-что выходящаго изъ-за горизонта, великолѣпнаго дневнаго свѣтила,—сильно наэкзальтировывали его умъ и душу, и онъ постоянно повторялъ Лермонтова: «и счастье я могу постигнуть на землѣ, и въ небесахъ я вижу Бога». Иногда экзальтація доходила до того, что онъ, осмотрѣвшись, нѣтъ ли кого вблизи, бросался на колѣни, устремлялъ глаза и руки къ небу и взволнованнымъ голосомъ говорилъ: «Великій Боже! я чистъ сердцемъ, я весь—добро: научи меня, какъ чтить и понимать Тебя. Все, что вышло изъ Твоей творческой руки, я нахожу разумнымъ, цѣлесообразнымъ; но изъ дѣлъ рукъ человѣческихъ я многое нахожу несогласнымъ съ моимъ разумомъ, безцѣльнымъ, противнымъ моему чувству. Пусть бы неразумные дикіе звѣри терзали и поѣдали одинъ другаго—это я понять могу; но разумъ и чувства мои отказываются понять, зачѣмъ люди терзаютъ и поѣдомъ ѣдятъ другъ друга, зачѣмъ человѣкъ человѣку сталъ волкомъ, зачѣмъ не даютъ пустить корней кроткому ученію единороднаго Твоего сына, зачѣмъ свѣтъ его скрываютъ подъ спудомъ, оставляя слѣпотствующія массы развиваться подъ вліяніемъ животныхъ инстинктовъ, предоставляя имъ грызться, подобно лютымъ звѣрямъ, до полнаго забвенія всѣхъ требованій разумной человѣческой природы; зачѣмъ лицемѣры и фанатики пользуются Твоимъ и его святымъ именемъ, чтобы сѣять раздоры между людьми, чтобы проливать кровь человѣческую, осуществляя свои планы и намѣренія, вытекающіе изъ самыхъ нечистыхъ или самыхъ безсмысленныхъ побужденій; зачѣмъ гордость и тщеславіе съ одной стороны, раболѣпство и премыкательство съ другой—такъ развились въ человѣкѣ—христіанинѣ, что, вмѣсто любви, ненависть въ душѣ моей возбуждается къ существу, одаренному частицей Твоего разума, вѣнцу Твоего творенія».

Нѣтъ, часто думалъ онъ по поводу гегеліанскаго положенія: что дѣйствительно, то разумно: истина апріорная и истина опытная—не

одно и то же. Многое придется исключить изъ умственнаго обихода апріорныхъ понятій и мыслей, когда присмотришься къ жизни и проведешь разграничительную линію между тѣмъ, что даетъ теорія и что даетъ опытъ.

Эхъ, бурса, бурса! ты все занимаешь своихъ птенцовъ схоластикой, а подумала ли ты о томъ, чѣмъ и какъ оградить ихъ отъ той опасности, чтобы, ставъ на почву абсолютнаго идеализма, они путемъ опыта не дошли до крайняго матеріализма? А между тѣмъ послушай-ка, что говоритъ Фаусту Мефистофель, когда тотъ, потерявъ всякую надежду обнять безконечное, хочетъ бросить науку, какъ нѣчто совершенно безполезное: «А ну-ка, ну, попробуй отвергнуть науку и разумъ, двѣ величайшія силы человѣка, и ты будешь моимъ безвозвратно».

Полученныя въ Твери письма отъ товарищей—друзей, поступившихъ въ Бреховскій университетъ, показали Перепелкину, къ какимъ результатамъ приводятъ гоненія, воздвигаемыя обскурантами на какую-нибудь науку, или только одни заподозриванія въ доброкачественности и благонадежности какихъ-нибудь частей ея. Вотъ что писалъ, между прочимъ, ему Неглигентовъ: «Никогда еще въ Бреховѣ не встрѣчалось между молодежью столько любителей философіи, какъ теперь, когда дошли только слухи, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ предположено сократить преподаваніе философіи въ университетѣ, ограничивъ ее логикой и психологіей, да и тѣ поручивъ духовной особѣ, преподающей богословіе. Вѣришь ли, что люди, которые никогда прежде и не думали ни о какой философіи, стали бредить—кто Кантомъ, кто Контомъ, кто Гегелемъ, кто Шлегелемъ, а кой-какія вещи изъ Фихте два студента изъ русскихъ нѣмцевъ собираются даже перевести для тѣхъ изъ товарищей, которые мало знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ. Значитъ, нѣтъ худа безъ добра: хотѣли науку окарнать, чтобъ не заразила-де она тлетворнымъ духомъ русское юношество, а вышло то, что и вовсе никогда не интересовавшіеся ею, и которымъ и по факультету она не нужна, вдругъ серьезно принялись за нее, или хоть стали внимательно прислушиваться къ ходячимъ толкамъ, какія такія тайны заключаетъ эта наука, которыя хотятъ скрыть отъ любознательности студентовъ. Но тутъ можно опять перевернуть поговорку и сказать, что нѣтъ и добра безъ худа. Хорошо, что возбудили интересъ къ наукѣ хоть отрицательнымъ путемъ, но худо то, что, разъясняемая не спеціалистами, а людьми, только приступающими къ ея изученію, она обращается въ такой сумбуръ, что въ людяхъ, понимающихъ дѣло, она возбуждаетъ только смѣхъ, но для людей не далекихъ такая дребедень представляетъ не малую опасность: она можетъ сбить ихъ съ панталыку, подорвать ихъ вѣру въ добро, и, лишивъ всякой нравственной опоры, разнуздать ихъ дурные инстинкты и дать

имъ возможность сдѣлаться чѣмъ угодно, но никакъ не людьми честными, чистыми сердцемъ и добрыми, для которыхъ обязательно служеніе истинѣ и высшимъ ея принципамъ.

Перепелкинъ прежде другихъ прочелъ это письмо потому, что боялся сразу приступить къ чтенію письма отъ отца и писемъ друзей-товарищей академистовъ, какъ бы предчувствуя, что встрѣтитъ въ нихъ нѣчто тяжелое для себя.

И, дѣйствительно, письмо отца смутило его какимъ-то пророческимъ тономъ. Изливъ въ патетическихъ выраженіяхъ свою горесть о томъ, что сынъ оставилъ «по дѣтскому своему неразумѣнію знаменитый путь, ведущій въ храмъ славы, чѣмъ и повергъ отца, купно со всѣми домочадцами и присными ему, въ великую печаль», отецъ Саввы заключилъ письмо слѣдующими словами: «А тамъ, на пути свѣтскомъ, можетъ быть, ждутъ тебя токмо одни испытанія и тернія».

Такъ тяжелы для него были эти заключительныя слова горячо-любимаго имъ отца, что онъ съ полчаса не распечатывалъ другихъ писемъ, какъ ни подмывало его любопытство узнать, нѣтъ ли какихъ извѣстій о Клодочкѣ, или даже отъ нея самой. А надписанный рукой Ничипоренко конвертъ и заключалъ въ себѣ именно письмо Клодочки, запечатанное именной ея печатью.

«Я все узнала объ васъ отъ вашего друга Ничипоренки,—писала она:—и еще больше привязалась къ вамъ душой, но не могла не упрекнуть васъ въ томъ, что вы не предупредили о своихъ намѣреніяхъ. Пишите мнѣ непремѣнно теперь же, пока мы остаемся въ К., а то мы въ сентябрѣ уѣдемъ домой, и тогда наши сношенія навсегда прекратятся. Недавно посѣщала насъ бабушка, и меня опять принялись было убѣждать выйти замужъ за Куцаго; особенно старался объ этомъ губернаторъ, но когда я имъ сказала, не помня себя отъ волненія, что душа моя не лежитъ къ людямъ лживымъ и притворнымъ, меня оставили въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что бабушка приняла мою сторону и рѣзко протестовала противъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ родѣ. Но не думайте, чтобы въ нежеланіи моемъ выйти замужъ за Куцаго играла какую-нибудь роль привязанность къ вамъ, въ чемъ меня постоянно упрекаютъ. Нѣтъ, я знаю, что принадлежать намъ другъ другу нельзя, и потому покорилась бы своей судьбѣ, если бы нашла въ Куцомъ, вмѣсто ненавистныхъ моей природѣ качествъ, хоть что-нибудь, за что могла бы я привязаться къ нему душою. А вы знаете, что дѣвственный поцѣлуй, который я вамъ дала въ библіотекѣ бабушки, заключалъ въ себѣ все, чѣмъ богато мое сердце, а оно можетъ любить безгранично и безконечно. Жду отъ васъ письма съ нетерпѣніемъ».

Перечитавъ нѣсколько разъ дорогое письмо съ трепетнымъ біеніемъ

сердца и поцѣловавъ стоявшее внизу имя корреспондентки, внезапно пробудившей весь пылъ его души, впечатлительный юноша быстро упалъ съ высоты идей, наполнявшихъ его голову по соціальнымъ вопросамъ, которыя такъ правильно формулировались и такъ легко и безапелляціонно разрѣшились въ его головѣ, и очутился въ положеніи, вызывающемъ въ умѣ народную поговорку: «чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу». Въ эту минуту онъ былъ похожъ на школьника, котораго долго учитель расхваливалъ предъ цѣлымъ классомъ за сочиненіе, но подъ конецъ однимъ штришкомъ какъ-будто похерилъ часть этихъ похвалъ, какъ будто смягчилъ ихъ, и вотъ отъ этого осталось въ душѣ какое-то странное, неопредѣленное впечатлѣніе, которое зудитъ въ головѣ, непріятно скребетъ по сердцу; или на того юношу, который въ первый разъ въ жизни попалъ въ многолюдное общество, гдѣ очень весело провелъ вечеръ, танцуя, играя въ фанты съ барышнями и вступая въ разговоры, даже серьезные, съ разными лицами; и вотъ онъ возвращается домой въ самомъ веселомъ настроеніи духа, съ самыми пріятными ощущеніями, но вдругъ ему представляется, что съ нимъ какъ-будто не такъ обошлись, какъ съ другими, что на него, очевидно, смотрѣли еще какъ на мальчика, что даже не двусмысленными улыбками сопровождались нѣкоторые вопросы и отвѣты со стороны старшихъ, и что же? Пріятныя ощущенія смѣняются какими-то странными, тяжеловатыми, которыя—нѣтъ, нѣтъ да и загудятъ въ головѣ, да и поскребутъ по сердцу.

Раздвоенность ощущеній, испытываемыхъ Перепелкинымъ, послѣ чтенія письма Клодочки, конечно, происходила отъ раздвоенности чувства и мысли, отъ несогласія ихъ между собой.

Голова ясно сознавала, что бракъ между влюбленными невозможенъ, даже немыслимъ, но сердце и знать не хотѣло этихъ приговоровъ и рвалось къ тому существу, которое зажгло въ немъ такую горячую любовь. Но надо же было сорвать на чемъ-нибудь сердце, и вотъ онъ опять напустился на человѣческій эгоизмъ вообще и свой въ частности, приписывая происхожденіе въ себѣ непріятныхъ, тягостныхъ, почти приводящихъ его въ отчаяніе ощущеній ничему иному, какъ только употребленному Клодочкой выраженію: «покорилась бы судьбѣ». «Вишь ты, всякій дуракъ жертвъ хочетъ!» въ продолженіе двухъ дней не рѣдко бурчалъ онъ про себя, относя такой рѣзкій комплиментъ не къ кому иному, какъ къ своей собственной особѣ, по поводу якобы разобиженнаго эгоизма, задѣтаго за живое засѣвшимъ въ голову выраженіемъ обожаемаго имъ существа.

Душевное равновѣсіе потерялось. Дня два онъ худо спалъ, мало ѣлъ, даже читать не могъ: книжка выпадала изъ рукъ, ничего не шло въ голову, засѣла тамъ Клодочка и никому и ничему не уступаетъ

своего мѣста. Дошло до того, что онъ даже уступки сталъ дѣлать по части суровыхъ своихъ приговоровъ относительно человѣческаго эгоизма вообще и въ частности своего собственнаго, догадываясь, наконецъ, что эгоизмъ тутъ ни при чемъ, что волненіе его происходитъ вовсе не отъ того выраженія, а отъ чего-то другаго, но отъ чего именно—онъ не можетъ ясно опредѣлить себѣ. И проклялъ онъ суровую судьбу, возбудившую любовь въ двухъ цѣломудренныхъ сердцахъ и поставившую непреодолимыя преграды къ ихъ соединенію.

Занятый все этими тревожными чувствами и мыслями, онъ до того сдѣлался разсѣяннымъ и невнимательнымъ къ себѣ, что, выходя подъ вечеръ изъ деревни, даже пересталъ справляться, далеко ли до ближайшаго поселка, чтобы переночевать тамъ, на случай, если не дойдетъ до станціи, разстояніе которой обозначено на столбовыхъ верстахъ. Подъ конецъ втораго дня послѣ того, какъ началось это возбужденное состояніе, онъ внезапно очутился въ такомъ положеніи, что, подобно Соловью-Разбойнику, вынужденъ былъ въ лѣсу, близъ дороги, свить себѣ гнѣздо на деревѣ для ночлега. Солнце уже давно закатилось, надвигаются густыя сумерки, а поселка не видать, какъ не видать.

— Скажи, пожалуйста, любезный,—спросилъ онъ крестьянина,—ѣхавшаго ему навстрѣчу верхомъ на лошади,—далеко ли тутъ будетъ деревня?

— Да тута-ка до самой станціи ни единаго двора нѣту, опричь шоссейнаго дома, да и тотъ еще далече.

— А что здѣсь безопасно, не слыхать про звѣрей?

Мужикъ внимательно осмотрѣлъ Перепелкина.

— Да что жъ ты ночью-то идешь? Нешто безпашпортный какой? Мало ли что можетъ быть: и звѣрь набѣжитъ, и недобрый человѣкъ какой подвернется... Лѣтомъ близъ шоссейнаго дома нашли убитаго человѣка: лѣсъ, вишь, кругомъ.

Мужикъ поѣхалъ своей дорогой, но нѣсколько разъ оглядывался назадъ на Перепелкина.

Пройдя еще немного и прождавъ напрасно, не проѣдетъ ли попутный какой крестьянинъ, или обратный ямщикъ-порожнякъ, которыхъ можно бы было нанять довезти до станціи, Перепелкинъ свернулъ съ дороги и направился къ лѣсу, который саженяхъ въ пятидесяти отъ нея тянулся по обѣ стороны. Не углубляясь въ лѣсъ, онъ въ самомъ началѣ его сразу набрелъ на громадную многовѣтвистую и покрытую густою листвой осину, которая тѣмъ больше представляла удобствъ для укрытія на ночь, что высоко, высоко отъ земли раздѣлялась на нѣсколько толстыхъ стволовъ, идущихъ вверхъ въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, такъ что если оплести ихъ съ трехъ сторонъ

молодымъ гибкимъ ивнякомъ, котораго здѣсь было много, да заплесть подъ ними кругъ, то получилось бы надежное гнѣздо для логова. Перепелкинъ такъ и сдѣлалъ. Въ дѣтствѣ онъ привыкъ лазить по деревьямъ, какъ бѣлка, и ему ничего не стоило нѣсколько разъ подняться на дерево и спуститься внизъ на землю.

Онъ нарѣзалъ тонкаго лозняка и, связавши его въ нѣсколько пучковъ, поднималъ ихъ, по мѣрѣ надобности, вверхъ по бечевочкѣ. Расположившись въ пріютѣ собственнаго своего измышленія и строительства, онъ нашелъ, что здѣсь не только сидя, но и въ полулежачемъ положеніи, вытянувъ ноги по направленію не оплетеннаго толстаго ствола и упершись ими въ его дуплистыя, широкія отверстія, отлично можно было выспаться. Онъ прошелъ сегодня пятьдесятъ двѣ съ половиною версты, да здѣсь еще намаялся, и потому ему не пришлось долго ждать, чтобъ благодатный сонъ смежилъ его вѣжды послѣ двухъ, почти безъ сна проведенныхъ ночей. Сонъ былъ такъ крѣпокъ, что его не могли прервать ни грозныя видѣнія, наполнявшія душу страхомъ, отъ которыхъ, казалось, кровь застывала въ жилахъ, ни сладкія ощущенія, вызываемыя представленіями другаго рода и заставлявшія радостнымъ трепетомъ биться его молодое сердце; то ему грезились какія-то фантастическія чудища, которыя, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, все ближе и ближе надвигаются на него и вотъ, вотъ готовы ринуться на него; то вдругъ панорама смѣняется, и въ то мгновеніе, когда леденящій ужасъ охватывалъ его душу при видѣ такой грозной, неминуемой опасности, онъ моментально уносился въ какой-то эмпирей, гдѣ, окруженная и облитая съ головы до ногъ лучезарнымъ свѣтомъ, стояла Клодочка и чудными своими, чарующими душу, взорами и улыбкой манила его къ себѣ, при чемъ уста ея трепетно шептали: «всѣ препятствія устранены, мы будемъ принадлежать другъ другу».

Но вотъ онъ чувствуетъ, что свѣтъ сильно бьетъ ему въ глаза, и онъ явственно начинаетъ различать голоса нѣсколькихъ лицъ.

— А ноги-те, а ноги-те! мотри, Митька, мотри.

— Ѳедька, лѣшій, подько суды скорѣй, человѣкъ-отъ повѣсился на осинѣ-то.

— Нѣ, братцы, живой! Ишь дрыгатъ ногой.

Перепелкинъ открылъ глаза и увидѣлъ, что давно уже обутрѣло и что нѣсколько мальчишекъ, 10—12 лѣтъ, которые, какъ видно, караулили стреноженныхъ лошадей, пасшихся по опушкѣ лѣса, собрались близко отъ него и съ любопытствомъ разсматриваютъ свѣсившіяся его ноги.

— Ребята, давай швырнемъ щебнемъ въ ноги-те!

— Вотъ я васъ швырну!—грозно прикрикнулъ Перепелкинъ.

Мальчуганы шарахнулись за деревья и, зорко поглядывая оттуда, сторожили, что послѣдуетъ дальше. Когда Перепелкинъ сталъ обламывать подъ собой переплетъ, чтобы свободнѣе спуститься съ багажемъ, одинъ мальчикъ изъ-за дерева крикнулъ ему:

— Дядинька, у тебя есть фузея?

— Какъ же, есть!—отвѣчалъ Перепелкинъ.

— А ну, выпали изъ нея!—запищали ребята въ голосъ.

— Вотъ только слѣзу, такъ и выпалю.

Какъ только онъ сталъ спускаться, ребята опять было на утекъ, но Ѳедя, постарше другихъ мальчикъ, остановилъ ихъ: «Почто утекать, енъ смирный, баринъ-отъ».

— Ты зачѣмъ залѣзъ туда? — спрашивали они, обступивъ Перепелкина.

— А чтобъ волки ночью не съѣли.

— Ишь дошлый какой!—наивно удивлялись ребята.

— Поди, и спалъ тамъ?

— Какъ же!

— Какъ есть дошлый! Да ты кто будешь? служивый? аль баринъ? аль господскій?—допрашивали они всѣ разомъ.

— А, вотъ, отгадайте-ка сами.

— Коли есть фузея, такъ безпремѣнно баринъ.

— Такъ, вѣдь, и у служиваго можетъ быть фузея.

— Была у нашего Савелія, коли знашь, такъ онъ давно пропилъ ее,—сообщилъ наивно Митя.

— Что это у тебя за рубецъ такой? — обратился Перепелкинъ къ мальчику, что поменьше и котораго звали Есейка.

— Это онамеднись тятька вожжей хлестанулъ.

— За что же?

Мальчикъ молчалъ.

— Это за то,—заговорили разомъ другіе мальчики,—чтобъ онъ не заступался за матку.

— Да что же матка сдѣлала?

Дѣти молчали, только поглядывали то на него, то на «Есейку».

— Матка ругалась, вѣрно, съ тятькой?—допрашивалъ Перепелкинъ.

— Нѣ, она смиренная!—отвѣчали всѣ.

— Такъ за что же?

— Выпимши пришелъ—сталъ разсказывать Ѳедя,—и ударилъ ее, значитъ, кулакомъ въ спину.

— Перво-на-перво въ спину,—пояснилъ Есейка, а затѣмъ по лицу и головѣ началъ лупить... Матка заревѣла, а енъ схопилъ ее за косу, да и привязалъ къ верстаку космами-те.

— А ты какъ заступился?

— Я подошелъ, значитъ, и обтеръ ей кровь, а онъ сталъ куражиться, схапилъ вожжи и давай хлестать ее и меня.

«Эхъ вы, монахи, монахи! сидите, запершись въ келіяхъ своихъ, да... А вотъ тутъ бы вамъ спасать свои души, укрощая такихъ дикихъ звѣрей въ образѣ человѣческомъ»,—подумалъ невольно Перепелкинъ.

— Ты знаешь какую-нибудь молитву? — полюбопытствовалъ онъ спросить заступника матери.

— Нѣ, матка знатъ «отчу», да не всю. Ѳедька, вонъ, всю знатъ,— рекомендовалъ мальчуганъ своего товарища.

— А ну-ка, Ѳедя, прочитай «отчу».

Ѳедя сначала поломался, но когда пристали къ нему всѣ ребята, онъ быстро проговорилъ: «Вoча нашъ, ижа-си-би-си, свѣтися имя твое, хлѣба сучна дощъ неси, должинковъ не води кушенія, но забави насъ лукаваго».

«Не тутъ ли работа вамъ?»—горячился все юноша по адресу чернаго духовенства.

XI.

Чѣмъ ближе подходилъ Перепелкинъ къ сѣверной Пальмирѣ, тѣмъ большимъ горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣй увидѣть твореніе царя великаго, къ памяти котораго онъ питалъ благоговѣйное почтеніе за то, что онъ всѣми силами своей великой души рвался къ свѣту, за то, что прорубилъ и намъ окошечко въ Европу ради этого свѣта, за то, что ни о чемъ онъ столько не думалъ своей великой головой, какъ только о благѣ своихъ подданныхъ, за то, что былъ простъ и доступенъ всѣмъ, за то, что умѣлъ цѣнить и талантъ, и нелицемѣрную любовь къ отечеству, за то, что не любилъ роскоши и берегъ казну, за то, что не гнушался самолично спасать погибающихъ, за то, что онъ вѣчно носилъ на своихъ рукахъ мозоли, учась самъ и уча всему своихъ неразумныхъ подданныхъ. Любя исторію и перечитавъ съ большимъ вниманіемъ все, что было возможно для него въ положеніи школьника, Перепелкинъ дошелъ до полнаго убѣжденія, что во всей всемірной исторіи нѣтъ имени, въ такой степени достойнаго глубокаго почтенія, какъ имя Петра, за тѣ именно качества, которыя, по его мнѣнію, только одни и достойны были занимать особенно почетное мѣсто въ исторіи.

Вотъ 7-го августа прошелъ уже Перепелкинъ и чрезъ Великій Новгородъ, гдѣ на лицахъ жителей онъ напрасно искалъ особаго отпечатка, который напоминалъ бы ихъ предковъ, пользовавшихся нѣкогда

вѣчевыми вольностями и расплачивавшихся за нихъ потоками крови, и въ волнахъ Волхова, куда массами бросали неповинныхъ людей христолюбивые воины Ивана Грознаго и баграми опускали на дно тѣхъ, которые, въ борьбѣ за жизнь, всплывали на поверхность воды.

Въ недалекомъ разстояніи отъ города онъ свернулъ съ дороги и направился въ монастырь, гдѣ былъ игуменомъ племянникъ маіора. Но каково было его удивленіе, когда на вопросъ, куда пройти къ архимандриту, привратникъ отвѣчалъ, что его третій день какъ похоронили. Заступившій временно его мѣсто по управленію монастыремъ, іеромонахъ Паисій, принялъ письмо отъ Перепелкина, съ тѣмъ, чтобъ отправить его къ маіору вмѣстѣ съ своимъ сообщеніемъ о смерти его племянника.

— Отъ какой болѣзни онъ умеръ? — полюбопытствовалъ спросить Перепелкинъ.

— Онъ не былъ боленъ: онъ погасъ, какъ свѣтильникъ, въ которомъ догорѣло масло, догорѣлъ, какъ догораетъ свѣча, — говорилъ меланхолическимъ тономъ, съ задумчивымъ видомъ, сравнительно молодой еще іеромонахъ Паисій:—духъ былъ бодръ до послѣдняго вздоха, но жизнь истощилась—вотъ отъ чего умеръ этотъ святой человѣкъ.

— Вы извините меня, отецъ іеромонахъ, что я побезпокою васъ всепокорнѣйшею просьбою сообщить мнѣ побольше характеристическихъ подробностей о покойномъ архимандритѣ, ибо я, наслышавшись о рѣдкихъ его качествахъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ свиданія съ нимъ, чтобъ многому поучиться отъ него, тѣмъ болѣе, что стою теперь на перепутьи и рѣшаю вопросъ: куда и какъ идти по жизненному пути?

Освѣдомившись, въ свою очередь, что за человѣкъ былъ Перепелкинъ, отецъ Паисій повѣдалъ ему слѣдующее:

— Покойный архимандритъ, игуменъ монастыря, былъ человѣкъ не отъ міра сего, даже въ его наружномъ обликѣ было нѣчто не земное. Когда онъ устремлялъ на кого свой кроткій, вѣчно задумчивый взоръ, чувствовалось какъ-то неловко, не по себѣ, точно предъ вами предстала святость, читаетъ всѣ вины ваши, но не для укора, а чтобы выразить свою скорбь о вашемъ паденіи и пожеланіе исправиться. Онъ состоялъ весь изъ любви къ ближнему. Ни копейки никогда не нашли бы у него: все онъ раздавалъ на бѣдныхъ. У самого кромѣ двухъ перемѣнъ бѣлья, да необходимаго ношейнаго платья ничего никогда не имѣлось. Такого безсребренника никогда я не видывалъ. Ну, да это еще что! Нѣтъ, такой самоотверженной любви къ ближнему, въ его положеніи, можетъ быть никто никогда не проявлялъ. Поналѣзетъ бывало сюда множество слѣпыхъ, хромыхъ, пораженныхъ всяческими застарѣлыми язвами, вотъ тутъ ужъ онъ и засуетился: всѣхъ-то онъ обласкаетъ, одаритъ, собственноручно раны перемоетъ и перевяжетъ, снаб-

дитъ мазями и лѣкарствами, которыя самъ умѣлъ составлять, и проводитъ какъ дорогихъ гостей. А въ отношеніи насъ кто онъ былъ? Онъ былъ не начальникъ, глава всѣхъ,—онъ былъ слуга всѣмъ, онъ былъ послѣдній человѣкъ. Онъ кололъ дрова и носилъ воду себѣ и старцамъ. А еще что бывало—бросится на колѣни предъ распьянствовавшимся монахомъ, въ виду всей братіи, сложитъ крестообразно руки на груди и голосомъ, потрясающимъ душу, говоритъ: «братъ, дорогой мой братъ о Христѣ, ради всего святаго умоляю тебя, побереги свой иноческій чинъ!» И не было ни одного такого здѣсь изъ самыхъ закоренѣлыхъ пьяницъ, который бы не растрогался отъ его словъ и не воздержался бы надолго отъ страсти къ запою, до новаго искушенія. Вотъ кто такой былъ покойный нашъ игуменъ,—заключилъ временно заступившій его мѣсто, и двѣ крупныя слезы, какъ жемчужины, сверкнули и скатились по его молодому лицу.

— А что онъ былъ ученый человѣкъ?—спросилъ Перепелкинъ.

— Нѣтъ, ученымъ его нельзя назвать, но онъ былъ человѣкъ просвѣщенный, начитанный. Я забылъ сказать, что у него было таки имущество, которымъ онъ дорожилъ и по поводу котораго я пишу теперь письмо его дядѣ,—это были книги. Онъ ихъ читалъ и раздавалъ братіи для чтенія, а иногда и самъ читалъ въ трапезной для братіи,—да какъ читалъ! Каждое слово глубоко запечатлѣвалось въ душѣ, потому что и самъ читавшій былъ глубоко проникнутъ имъ.

— Гдѣ онъ воспитывался?

— А воспитывался онъ въ какомъ-то корпусѣ, о которомъ онъ не могъ вспоминать безъ сердечнаго содроганія, какъ онъ говорилъ: столько онъ тамъ насмотрѣлся зла, лжи и всяческихъ богомерзкихъ дѣлишекъ, искусно маскируемыхъ!

— Что же, какъ отнеслась братія къ его кончинѣ?

— Для братіи это былъ такой тяжелый ударъ, что я и выразить этого вамъ не могу. Что онъ медленно угасалъ, это всѣ видѣли, но чтобы онъ такъ скоро скончался—никому и въ голову не приходило, потому что, кромѣ обычной бодрости духа, несмотря на свою слабость, онъ сохранялъ всѣ привычки къ физическимъ трудамъ, которые и исполнялъ, какъ всегда, неукоснительно. Въ воскресенье, послѣ общей трапезы (самъ онъ рѣдко что вкушалъ кромѣ просфоры и ложекъ двухъ—трехъ теплой пищи) онъ всю братію обошелъ и каждаго облобызалъ трижды, дѣлая земной поклонъ до и послѣ лобызанія. Всѣхъ это удивило, но думали, что такое настроеніе его души произошло у него отъ желанія водворить миръ въ обители, который сталъ часто нарушаться съ переходомъ въ нее двухъ новыхъ иноковъ изъ Юрьевскаго монастыря. Но каковы же были горе и удивленіе всѣхъ, когда черезъ два часа нашли его мертвымъ въ келіи! На голой скамьѣ, ко-

торая служила ему постелью, онъ лежалъ на спинѣ, со сложенными на груди руками; на груди же прижатъ былъ руками и крестъ деревянный, его собственноручнаго издѣлія и письмо (онъ былъ хорошій живописецъ), съ крупною надписью внизу: «Въ руцѣ Твои, Господи, предаю духъ мой!» Ясно, что онъ провидѣлъ свою кончину, приготовился къ ней и умеръ въ полномъ сознаніи. Кроткій, уныло-задумчивый ликъ его просвѣтлѣлъ и имѣлъ такое выраженіе, какое бываетъ у людей, внезапно получившихъ радостную вѣсть. Всякъ, входившій въ его келію, невольно поражался ликомъ этого праведника и, повергаясь предъ нимъ на колѣни, едва сдерживалъ приступъ судорожныхъ рыданій. А при послѣднемъ отпѣваніи—я ужъ вамъ и разсказать не въ состояніи, что происходило: не было читавшаго, не было пѣвшаго, у которыхъ не порывался бы голосъ отъ волненія. Вотъ каковъ былъ этотъ человѣкъ, о которомъ вы любопытствуете знать,—заключилъ отецъ Паисій, отирая свои глаза. Но это же самое долженъ былъ сдѣлать и слушатель его, впечатлительный юноша.

Въ большой задумчивости поплелся Перепелкинъ своей дорогой, по выходѣ изъ монастыря. Вотъ какіе люди бываютъ на свѣтѣ! — разсуждалъ онъ.—Что же, міровое ли какое назначеніе ты, праведникъ, выполнилъ своею жизнью, или удовлетворилъ только потребностямъ своей души, сдѣлавъ все, что возложилъ на себя, въ силу принциповъ, вытекавшихъ изъ твоего міросозерцанія, обвѣяннаго высокимъ ученіемъ Христа? А сколькимъ слѣпотствующимъ далъ бы ты прозрѣть истины этого ученія, если бы пронесся по лицу Русской земли съ кроткимъ твоимъ словомъ и человѣколюбивымъ взоромъ! Можетъ быть, и не привязывалъ бы мужикъ своей жены за косу къ верстаку, и не стегалъ бы своего дѣтища вожжей по лицу за то, что въ юномъ его сердцѣ сохранились еще любовь и состраданіе къ живому существу, близкому ему.

13-го августа, въ четыре часа дня Перепелкинъ былъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга и съ нетерпѣніемъ шагалъ по дорогѣ, воспроизводя въ своемъ воображеніи все слышанное изъ разсказовъ и прочитанное изъ книги о немъ. Фантазируя такъ, онъ продекламировалъ даже изъ Пушкина: «Люблю тебя, Петра творенье» и вообще былъ въ самомъ игривомъ настроеніи, которое вдругъ неожиданно смѣнилось другимъ противоположнаго свойства. На станціи Средняя Рогатка, у крыльца стояло нѣсколько осѣдланныхъ лошадей, очевидно, принадлежавшихъ офицерамъ, изъ которыхъ одни стояли на крыльцѣ, другіе выглядывали изъ оконъ дома, а одинъ, тихонько ѣхавшій по направленію къ Петербургу, часто оглядывался назадъ и останавливался. Когда Перепелкинъ сталъ приближаться къ нему, офицеръ съ какою-то презрительною улыбкой, какъ показалось путнику, сталъ

мѣрять его глазами, на что и онъ, отвѣтивъ ему суровымъ взглядомъ, быстро прошелъ мимо него. Чрезъ нѣсколько минутъ, шумно разговаривая между собой, пронеслась кавалькада изъ пяти офицеровъ, которые не обратили никакого вниманія на быстро шагающаго путешественника, но слѣдовавшіе за ними три офицера, обогнавъ Перепелкина, вдругъ остановились поперекъ дороги въ небольшомъ разстояніи отъ него. Въ числѣ ихъ былъ знакомецъ Перепелкина, съ которымъ онъ обмѣнялся недружелюбнымъ взглядомъ.

— Mais voila, c'est lui qui m'a touché!—крикнулъ онъ, когда Перепелкинъ сталъ подходить ближе.

Офицеры перегородили дорогу и смотрѣли на путника такими глазами, какъ будто сейчасъ же собирались отдѣлать его по-своему.

— Messieurs,—въ свою очередь крикнулъ вспыхнувшій, какъ порохъ, горячаго темперамента юноша:—laissez moi aller... je suis l'etudiant et je ne permettrai à personne de me traiter comme une canaille.

Офицеры не безъ удивленія переглянулись и уѣхали. Но одинъ изъ нихъ скоро вернулся и, подскакавъ къ Перепелкину, привѣтливо сказалъ:

— Не могу ли я быть вамъ въ чемъ-нибудь полезнымъ?

— Благодарю васъ: я ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждаюсь,—буркнулъ Перепелкинъ, стараясь привѣтливой улыбкой смягчить суровый отвѣтъ.

— Офицеръ улыбнулся, кивнулъ головой и ускакалъ.

— А, вѣдь, это добрый малый, кажется,—раскаивался Перепелкинъ,—и я напрасно такъ ему отвѣчалъ.

Но этотъ эпизодъ, на короткое время разстроившій игривыя его фантазіи насчетъ Петербурга, былъ только началомъ тѣхъ непріятностей, которыя его ожидали въ столицѣ, при отысканіи вечеромъ квартиры, такъ что онъ, припомнивъ, что вошелъ въ нее 13-го числа, поневолѣ сталъ соглашаться съ невыгоднымъ мнѣніемъ о репутаціи этого нелюбимаго многими числа, да не только нелюбимаго, но котораго иные боятся даже до того, что ни за что не сядутъ за столъ въ числѣ 13, какъ онъ лично убѣдился въ этомъ впослѣдствіи въ цивилизованной столицѣ, да еще въ средѣ людей, казалось бы, и очень не чуждыхъ умственнаго развитія.

Только-что онъ прошелъ тріумфальныя ворота и направился по Обуховскому проспекту, къ нему подошелъ человѣчекъ, неизвѣстно откуда вынырнувшій, и предложилъ свои услуги по пріисканію дешевой квартиры.

— Это, господинъ,—говорилъ онъ участливымъ тономъ:—первое дѣло, чтобъ было дешево и покойно, а гдѣ же вамъ самимъ найтить,

не знамши-то, по первоначалу. Въ гостиницѣ надо рубль платить каждый день только за комнату, а тутъ 12 рублевъ въ мѣсяцъ — и комната тебѣ, и самоваръ, и обѣдъ. Вотъ что, милый человѣкъ. Мнѣ что? Вы полтинничекъ за труды, значитъ, дадите, да хозяинъ сунетъ двугривенничекъ, а не то и четвертачокъ за то, что привелъ жильца, вотъ я и сытъ—тѣмъ, значитъ, кормимся.

Перепелкину показались эти резоны убѣдительными, и онъ пошелъ за нимъ, ничего не подозрѣвая. Направились въ Ямскую и шли уже не мало времени, все разговаривая про Петербургъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, подходитъ къ нимъ другой человѣкъ и кричитъ чичероне Перепелкина:

— Это ты, Петра, жильца сдобрилъ? Ладно, веди, я сейчасъ догоню васъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ догналъ и повелъ съ «Петрой» дѣловые разговоры. Немного погодя, послѣдній и говоритъ: «Ты мнѣ дай, Селантичъ, четвертачекъ, али двугривенничекъ—тебѣ хозяинъ отдастъ— да и веди жильца, а я вернусь на мѣсто, можетъ, еще навернется какой. Селантичъ сунулъ ему что-то въ руку. Перепелкинъ долженъ былъ дать полтинникъ, но у него мелочью оказалось только 30 коп., и Петръ вызвался размѣнять пятирублевку въ мелочной лавочкѣ или въ кабакѣ. Вотъ и ждетъ Перепелкинъ его, стоя на улицѣ и развлекаемый разговорами Селантича.

— Что это онъ такъ долго!—замѣтилъ Перепелкинъ.

— А, пожалуй, чарку выпьетъ, такъ и заболтается. Я живо его,— сказалъ Селантичъ и юркнулъ—куда Перепелкинъ рѣшительно не замѣтилъ. Здѣсь въ первый разъ только вспала мысль ему на умъ, не жертва ли онъ обмана. Прождавъ минутъ нѣсколько, онъ отворилъ дверь въ кабакъ, но тамъ знакомцевъ его не видать было. Заглянулъ въ мелочную лавочку—и тамъ ихъ нѣтъ.

— Сюда приходилъ кто мѣнять пятирублевую бумажку?—обратился онъ къ лавочнику.

— Нѣтъ, никого не было,—отвѣчалъ тотъ спокойно.

Перепелкинъ и въ кабакъ опять зашелъ полюбопытствовать: не мѣнялъ ли съ такими-то примѣтами человѣкъ пятирублевку? Но кабатчикъ серьезно отвѣчалъ, что никто пятирублевки не мѣнялъ и съ такими примѣтами человѣка онъ не видалъ, а публика полупьяная расхохоталась при выходѣ его изъ кабака. Перепелкинъ направился къ полицейской будкѣ, которая была не вдалекѣ, и сообщилъ стражу, почтенному на видъ, о приключеніи съ нимъ. Блюститель порядка съ должнымъ вниманіемъ выслушалъ разсказъ юноши, нѣсколько разъ переспросилъ о примѣтахъ первыхъ знакомцевъ его въ столицѣ, посмо-

трѣлъ какъ-то странно на него съ бока и, улыбнувшись, покачалъ головой и наставительно сказалъ:

— Много здѣсь таперича обманнаго народа развелось, молитесь Богу и за то, что хоть сумки изъ-за плечъ не срѣзали.

Перепелкинъ ощупалъ сзади ремни и сумку.

— Да, нѣтъ, цѣла! Я, вѣдь, вижу, — замѣтилъ стражъ, улыбаясь испугу Перепелкина.

— Что жъ мнѣ теперь дѣлать?—наивно спросилъ послѣдній.

— А что жъ тутъ дѣлать! Что съ воза упало, то пропало. А лучше идите скорѣй искать фатеру, а то, вѣдь, наступаетъ ночь, пожалуй, пѣшаго нигдѣ и не пустятъ противъ ночи-то, – благодушно совѣтовалъ почтенный на видъ полиціантъ.

Перепелкинъ послѣдовалъ его совѣту, но было ужъ поздно: ни на одномъ постояломъ дворѣ и ни въ одной гостиницѣ во всей Ямской его не пустили ночевать. Кто-то порекомендовалъ ему домъ князя Вяземскаго на Сѣнной, и онъ туда направился, щупая назади по временамъ сумку и припоминая уже другіе стихи Пушкина: «Городъ пышный, городъ бѣдный, духъ неволи, стройный видъ, сводъ небесъ зелено-блѣдный, скука, холодъ и гранитъ».

Онъ, наконецъ, нашелъ домъ Вяземскаго и обратился къ дворнику съ вопросомъ, можно ли переночевать. «А вотъ иди по этой лѣстницѣ—указалъ онъ рукой—тутъ направо и налѣво во всѣхъ этажахъ пущаютъ. Только ты съ своимъ добромъ не разбрасывайся: всякіе люди тутъ бываютъ»—предостерегалъ онъ.

Когда Перепелкинъ поднялся на первую площадку лѣстницы, онъ почувствовалъ тошноту: такой здѣсь былъ тяжелый, скверный воздухъ; но, отворивъ первую дверь, которая и не запиралась даже, онъ чуть не упалъ въ обморокъ отъ нестерпимой вони, ударившей ему въ носъ и въ голову.

— Пожалуйте, милости просимъ!—привѣтствовала его испитая женщина, съ подбитымъ глазомъ, съ растрепанными волосами и въ такомъ грязномъ, оборванномъ платьѣ, что смотрѣть на нее было противно.

— Я не туда зашелъ,—пробормоталъ Перепелкинъ, ошеломленный и дурнымъ воздухомъ, и видомъ этой женщины, и мрачными фигурам и выглядывавшими изъ другой комнаты.

Захлопнувъ дверь, изъ-за которой раздалась брань непристойными словами по адресу его, и чувствуя, что отъ невыносимой вони по лѣстницѣ съ нимъ дѣлается дурно, Перепелкинъ не сталъ подыматься вверхъ, а быстро спустился внизъ на свѣжій воздухъ. Онъ обратился къ старшему дворнику, который прямо заявилъ ему, что здѣсь по всѣмъ лѣстницамъ и во всѣхъ этажахъ живетъ и ночуетъ народъ отпѣтый и что ни одна ночь не проходитъ безъ происшествій: то голову

кому проломятъ, то дочиста ограбятъ, то шумъ такой подымутъ, что за будочниками приходится идти.

— А вы вотъ что, господинъ, сдѣлайте,—сказалъ онъ,—узнавъ, что въ гостиницахъ и на постоялыхъ дворахъ его не пустили переночевать: идите вы въ большую Офицерскую улицу—тутъ ужъ не далече—зайдите въ гостиницы, какія тутъ по дорогѣ есть, и если не пустятъ, то спросите по Офицерской улицѣ домъ Р., идите прямо во дворъ и тамъ прямо противъ воротъ спуститесь внизъ въ подвальный этсжъ, скажите: Ларивонъ Митричъ, молъ, послалъ переночевать. Тутъ живетъ кума моя, Ѳекла Микитична, прачешнымъ дѣломъ занимается, тоже фатирантовъ содержитъ, углы отдаетъ. Ейный мужъ дворникомъ тамъ же младшимъ, оба люди хорошіе, не пьющіе.

Перепелкинъ и справляться не сталъ въ гостиницахъ, а прямо направился по этому адресу и впослѣдствіи благодарилъ Ларивона Митрича, какъ благодѣтеля своего, за то, что, измученнаго ходьбой и неприятностями до изнеможенія силъ, онъ пріютилъ его у этихъ, дѣйствительно, добрыхъ людей. Узнавъ, въ чемъ дѣло, они только справились у управляющаго домомъ относительно вида Перепелкина, и, удостовѣрившись, что насчетъ «пачепорта никакихъ сумленій нѣтъ», сейчасъ же очистили для него свою крошечную, объ одномъ окошечкѣ, комнатку, а сами перебрались въ коридоръ, имѣвшій сообщеніе съ кухней. Немедленно согрѣли ему самоварчикъ, а на данныя имъ деньги купили яицъ и приготовили ихъ въ смятку. Никогда Перепелкинъ не пилъ чаю и не ѣлъ съ такимъ аппетитомъ, какъ въ этотъ вечеръ перваго своего пребыванія въ столицѣ сѣверной; но надо сказать, что никогда онъ и не испытывалъ такой усталости и столько непріятностей одновременно, какъ именно въ этотъ незабвенный вечеръ. За то Ларивону Митричу, за его услугу, конечно, случайную, но тѣмъ не менѣе незабвенную, не одинъ рубликъ перепалъ на водку впослѣдствіи отъ признательнаго юноши, который теперь, удовлетворивъ голодъ и жажду, заснулъ такимъ богатырскимъ сномъ, что едва пробудился въ шесть часовъ, наперекоръ своимъ привычкамъ вставать съ пѣтухами, и всѣ сны заспалъ.

Проснулся онъ бодрымъ и въ самомъ веселомъ настроеніи духа. Напившись чаю, онъ прежде всего провѣрилъ свою казну и нашелъ, что въ наличности у него осталось около 24 рублей, сумма, по его мнѣнію, совершенно достаточная до пріисканія себѣ какой-нибудь «работишки», въ родѣ переводовъ, уроковъ или даже, пожалуй, переписки. Онъ повѣрилъ свои ежедневные расходы и оказалось, что въ пути онъ пробылъ 58 дней, изъ коихъ 11 дней употреблены на остановки, продолжавшіяся—гдѣ сутки, а гдѣ и болѣе. Денегъ при отправленіи въ путь было 78 рублей съ копейками, изъ нихъ употреблено на путе-

вые расходы 32 руб. съ копейками, роздано бѣднымъ около 17 рублей, да уплачено за первое знакомство съ благодѣтелями по прiисканiю дешевыхъ квартиръ въ Петербургѣ 5 рублей.

Вошли хозяинъ и хозяйка освѣдомиться, какъ онъ намѣренъ занять квартиру—со столомъ или безъ стола, и этотъ пунктъ улаженъ былъ къ удовольствiю Перепелкина. Съ него положили брать въ мѣсяцъ 12 рублей за помѣщенiе въ отдѣльной комнатѣ, за столъ, за самоваръ утромъ и вечеромъ и за мелкiя услуги, въ родѣ чистки сапогъ и покупки хлѣба къ чаю. Кромѣ того выговорено еще было 1 рубль за ежемѣсячную стирку бѣлья. Все это Перепелкинъ находилъ совершенно по карману себѣ, вполнѣ соотвѣтственнымъ какъ настоящимъ, оказавшимся въ наличности, средствамъ, такъ и будущимъ, въ прiобрѣтенiи которыхъ, по крайней мѣрѣ, до размѣра 20 рублей въ мѣсяцъ, онъ нисколько не сомнѣвался.

Пофланировавъ по Петербургу два дня, онъ переписалъ въ хорошо приготовленную тетрадку нѣсколько дорожныхъ сценъ и отправился съ ними въ редакцiю одного изъ лучшихъ и наиболѣе распространенныхъ журналовъ того времени. Сильно забилось сердце юноши, когда онъ вошелъ въ прiемную редактора. О редакторахъ вообще онъ имѣлъ такое идеальное представленiе, что эти люди непремѣнно должны сочувствовать всякому молодому человѣку, стремящемуся къ образованiю, не могутъ не принять участiя въ подобнаго рода бѣднякѣ, ищущемъ средствъ къ пропитанiю себя, и, слѣдовательно, навѣрное, даютъ работу или у себя, или, при обширномъ своемъ знакомствѣ въ городѣ, рекомендуютъ другимъ.

Редакторъ не заставилъ долго ждать себя. Это былъ смуглый, коренастый, не высокаго роста человѣкъ, среднихъ лѣтъ, съ живыми черными глазами. Онъ, казалось, внимательно выслушалъ живую рѣчь юноши, въ родѣ того, что пришелъ-де пѣшкомъ издалека, чтобы добиться хоть серьезнаго образованiя, что, по неимѣнiю средствъ къ жизни, онъ желалъ бы пристроиться въ редакцiи въ качествѣ переводчика, брошюровщика журнала или даже переписчика, что онъ знаетъ французскiй и нѣмецкiй языки настолько, что свободно читаетъ книги на этихъ языкахъ, можетъ переводить уже съ помощiю лексикона и съ англiйскаго; что представляемая имъ теперь бездѣлушка—онъ подалъ тетрадку—можетъ только служить доказательствомъ того, что онъ владѣетъ языкомъ и орѳографiей и могъ бы быть употребляемъ по части корректуры, въ случаѣ надобности. Редакторъ выслушалъ все это молча и, какъ только юноша кончилъ, сказалъ: «навѣдайтесь черезъ недѣлю въ контору журнала», кивнулъ головой Перепелкину и ушелъ.

Ну, значитъ, по этой части, самой существенной пока, дѣло идетъ ладно, думалъ про себя неопытный юноша и сейчасъ же отправился къ

попечителю университета. Швейцаръ ему объявилъ, что пріемъ только-что кончился, но что если ужъ очень нужно, то можно подождать въ пріемной, чрезъ которую пройдетъ генералъ, отправляясь черезъ полчаса въ обычную прогулку. Около двухъ часовъ дверь изъ внутреннихъ покоевъ съ шумомъ отворилась въ пріемную, и на порогѣ ея показался гражданскій генералъ, при звѣздѣ на вицмундирномъ фракѣ, съ суровыми и строгими чертами лица. Онъ быстро нахмурилъ брови, вопросительно взглянулъ на Перепелкина и, весьма неграціозно оттопыривъ губы, ожидалъ, что онъ скажетъ. Впечатлительному юношѣ вдругъ вспало на мысль, не этотъ ли генералъ изображенъ Гоголемъ въ повѣсти «Шинель», и онъ сразу почувствовалъ не то чтобы надлежащій страхъ предъ его превосходительствомъ, а въ нѣкоторомъ родѣ смущеніе, которое и отразилось маленькою несвязностію въ его рѣчи, напередъ обдуманной тщательно.

Но сановникъ, очевидно, одержимый нетерпѣливымъ характеромъ, не дослушалъ и половины ея и грубо прервавъ увлекшагося юношу словами: «надо знать время, когда безпокоить начальство», суровымъ взглядомъ смѣрилъ просителя съ головы до ногъ и, надѣвъ шляпу предъ его носомъ,—какъ бы въ знакъ полнаго презрѣнія къ нему,—важно, съ перевальцой, сановито покачиваясь всѣмъ корпусомъ, вышелъ чрезъ корридоръ въ переднюю, послѣдуемый сзади, на приличной дистанціи, афронтированнымъ юношей, который никакъ не могъ переварить въ своей головѣ репримāнда, сдѣланнаго ему главой учебнаго округа.

Каковъ попечитель!—думалъ онъ, созерцая, какъ эту важную, или, правильнѣе сказать, важничающую особу, усаживали въ коляску. Пристало ли это знаменательное слово къ такому грубому и чванному человѣку? Да не онъ ли, въ самомъ дѣлѣ, и послужилъ типомъ для Гоголя? Развѣ нельзя было то же самое сказать до аудіенціи, безъ грубаго перерыва и безъ этихъ дерзко нахальныхъ взглядовъ и выходокъ? И невольно въ добродушнѣйшемъ сердцѣ, совершенно не способномъ, по своей природѣ, къ человѣконенавистничеству, закладывалось чувство отвращенія и глубокой ненависти къ этому якобы попечителю, котораго, впрочемъ, какъ оказалось впослѣдствіи, самымъ задушевнымъ образомъ и глубоко презирали и ненавидѣли всѣ интеллигентные люди округа, начиная со скромнаго студента—юноши, разумѣется, любящаго науку, а не шалопая какого-нибудь, ради диплома попавшаго въ университетъ, до заслуженаго дѣльнаго профессора. Не иронія ли, въ самомъ дѣлѣ, судьбы—назначеніе попечителемъ человѣка, съ избыткомъ надѣленнаго качествами, совершенно противорѣчащими этому назначенію?—продолжалъ разсуждать Перепелкинъ, вступивъ на Невскій проспектъ, который какъ разъ въ это время сталъ наполняться публикой изъ интеллигентныхъ слоевъ общества. И Боже мой, какая тутъ

написана была гордость, какъ ему показалось, на всѣхъ лицахъ, иногда даже очень дурныхъ и совершенно глупыхъ для человѣка, привыкшаго къ наблюдательности! Перепелкинъ невольно сдѣлалъ сравненіе съ Москвой. Тамъ ему преимущественно бросались въ глаза два типа людей: мясистыхъ, неуклюжетолстыхъ разныхъ коммерсантовъ, мелкихъ и крупныхъ, съ широкими спинами и загривками, съ животами, похожими на бомбу громадныхъ размѣровъ и съ тупымъ, почти безсмысленно животнымъ выраженіемъ въ лицѣ; другой типъ—людей чиновныхъ или, вообще, интеллигентныхъ, изъ которыхъ одни, очевидно, благодушествовали, нося на своемъ лицѣ ясные слѣды довольства, сытости и полной безпретенціозности во всѣхъ жизненныхъ своихъ отправленіяхъ; другіе, преимущественно державшіе себя сановито, выражали на своихъ лицахъ какое-то уныніе, видъ какой-то пришибленности, какъ-будто злая судьба, нежданно-негаданно, распорядилась щелкнуть каждаго изъ нихъ по носу, ни за что, ни про что, да такъ и оставила ихъ подъ вліяніемъ этихъ щелчковъ въ задумчивомъ, такъ сказать, настроеніи духа, которое невольно заставило ихъ смириться предъ неисповѣдимыми путями жизни.

Здѣсь, напротивъ, въ настоящій моментъ преобладалъ типъ людей вида гордаго, надменно несшихъ свои головы, свысока смотрѣвшихъ на всѣхъ и на все, съ лицами, большею частію, не осмысленными, на которыхъ ясно только изображались: чванство, надутость и тщеславіе, такъ что въ наблюдателѣ, въ первый разъ видѣвшемъ этихъ людей, невольно зарождалась мысль—не манекены ли это, у которыхъ нѣтъ и никогда не было воспріимчивости къ другимъ впечатлѣніямъ, кромѣ тѣхъ, которыя даются дрессировкой въ извѣстномъ направленіи. Дополненіемъ къ этому типу служили люди, во всемъ старавшіеся подражать первымъ, также безукоризненно, по послѣдней модѣ, одѣтые, также гордо выступавшіе и надменно озиравшіе, но только далеко не всѣхъ и все: при встрѣчѣ съ людьми сановитыми, они, подобно хамелеону, мгновенно мѣнялись: теряя всякую ходульность, они забѣгали впередъ, изгибались въ дугу, говорили заискивающимъ тономъ и вообще выражали столько приниженности и такое смиренство, которое какъ бы говорило: хоть плюньте въ мою физіономію, ваше—ство, только не лишите вниманія и ласки. Тутъ же между двумя этими типами скромно пробирались люди другихъ свойствъ, иногда съ печатью серьезной мысли на лицѣ, а то и глубокаго нравственнаго страданія; они робко уступали дорогу другимъ и, сосредоточенные въ самихъ себѣ, не развлекались ничѣмъ постороннимъ. Очевидно, что во всѣхъ этихъ типахъ ничего общаго не могло быть въ нравственномъ складѣ ихъ міросозерцанія и характеровъ. Гдѣ же тутъ христіанское общество и чѣмъ оно отличается отъ языческихъ? Если центральнымъ пунктомъ

всѣхъ отправленій христіанской мысли принимать заповѣданную Богочеловѣкомъ любовь къ ближнему, то ея здѣсь и слѣдовъ нѣтъ, заключилъ Перепелкинъ свои наблюденія.

XII.

Неприглядной показалась ему теперь, днемъ, квартира его снаружи. Спускаться въ нее надо было по тремъ ступенькамъ внизъ. Окна приходились надъ землей и были небольшаго размѣра. Но внутри содержалась она всегда чисто, опрятно. Хозяйка была женщина въ высшей степени чистоплотная, аккуратная и трудолюбивая. Хозяинъ отличался тѣми же качествами, при томъ же оба они были честные и добродушные люди. У нихъ было двое дѣтей: Коля, четырехъ лѣтъ мальчикъ, и Гаша двухъ, которыя впослѣдствіи много доставили удовольствія Перепелкину, рѣзвясь по корридору близъ его комнаты и забѣгая къ нему, такъ какъ онъ всегда держалъ для нихъ гостинцы, потому что очень любилъ дѣтей вообще. Квартира состояла изъ четырехъ небольшихъ комнатъ, корридора и кухни, гдѣ за перегородкой и помѣстились сами хозяева, по занятіи Перепелкинымъ ихъ комнаты, и гдѣ также помѣщалась сестра хозяина, помогавшая своей невѣсткѣ въ стиркѣ бѣлья.

Квартиранты были изъ людей чиновныхъ—да еще какихъ! Двѣ заднія комнаты занималъ съ своею экономкой—ни больше, ни меньше, какъ захудалый почему-что, князь Крапоткинъ, «настоящій русскій князь», какъ онъ, обыкновенно, рекомендовалъ себя всѣмъ, «а не то, чтобы какой-нибудь кавказскій, сомнительнаго происхожденія, или бурятскій, калмыцкій тамъ и прочее». Въ четвертой комнатѣ, нѣсколько большей противъ занимаемой Перепелкинымъ, помѣщались двѣ чиновницы-вдовы, изъ которыхъ одна постарше лѣтами, бездѣтная, получала ежемѣсячно 9 рублей пенсіи, а другая съ двумя малолѣтними дѣтьми, только 8 рублей съ копейками. Обѣ онѣ жили дружно, душа въ душу, и пополняли свои скудныя средства заработкомъ отъ вязанья, шитья, а, главное, отъ чинки бѣлья и штопанья чулковъ и носковъ, отдаваемыхъ въ стирку хозяйкѣ квартиры. Всѣ обитатели этихъ квартиръ нравами были тихи, спокойны, молчаливы, и до пробужденія дѣтей хозяйки и вдовы чиновницы подъ часъ можно было подумать, что комнаты пусты, никто въ нихъ не живетъ. Князь, обыкновенно, занимался чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ, его экономка — приготовленіемъ обѣда, уборкой комнатъ, а иногда и стиркой своего и княжьяго бѣлья.

Обѣ вдовы вѣчно сидѣли за иголкой, или за вязальными спицами и имѣли видъ изнуренный, особенно младшая, которая таяла, какъ свѣча, отъ тоски по мужѣ, заботы о дѣтяхъ, а, главное, отъ непрерывной работы, оплачиваемой такъ скудно, что Перепелкинъ съ трудомъ могъ повѣрить, чтобы двѣ женщины, просидѣвъ за иголкой съ ранняго утра до поздней ночи, могли только заработать вдвоемъ около сорока копеекъ. Но онѣ получали работу изъ третьихъ рукъ, слѣдовательно, только одна треть платы перепадала на ихъ долю, другія же двѣ трети оставались въ рукахъ коммиссіонеровъ. Самыя загребистыя, безбожно воровскія руки были первыя, принадлежавшія экономамъ казенныхъ учрежденій, которые заставляли вторыя руки расписываться въ полученіи 60 коп., напримѣръ, за шитье рубахи и кальсонъ, да еще на казенныхъ ниткахъ, въ дѣйствительности же платили только 30, а о ниткахъ и помину не было. Если вторыя руки не успѣвали сами справиться съ подрядомъ, то передавали часть его въ третьи руки, беря за коммиссію 10 коп. за два предмета, надъ которыми одной швеѣ надо просидѣть болѣе сутокъ, а получить только 20 коп. и еще шить своими нитками. Самымъ жалкимъ представлялось положеніе младшей вдовы, Настасіи Ивановны Крипиной, у которой было двое дѣтей: Саша, сынъ 8 лѣтъ, и дочь Катя 6-ти. Ихъ пора было учить, но на какія средства покупать учебники и кому учить? Мать положительно не имѣла времени заниматься ими, хотя все-таки кое-какъ и выучила сына читать, а онъ уже самъ сталъ пробовать копировать съ прописи буквы и сестренку пріучать разбирать азбуку, когда поселился здѣсь Перепелкинъ. Познакомившись съ ними, онъ на третій день своего прибытія вызвался безмездно заниматься часа по два каждый день съ дѣтьми, которыя доставляли ему много удовольствія своею понятливостію и успѣхами, приводившими его въ изумленіе, особенно дѣвочка 6 лѣтъ. Не прошло и мѣсяца отъ начала занятій, какъ оба они читали и писали уже хорошо.

Въ занятіяхъ съ этими дѣтьми и въ ежедневномъ ознакомленіи съ внѣшней стороной Петербурга незамѣтно прошла для Перепелкина недѣля, и онъ отправился въ контору редакціи, съ тѣмъ, чтобъ оттуда пройти и къ суровому попечителю, такъ какъ именно въ этотъ день у него назначенъ былъ пріемъ.

Не безъ волненія обратился онъ къ завѣдывающему конторой съ вопросомъ о судьбѣ своего литературнаго дѣтища, но тотъ, чѣмъ-то занятый, сурово отвѣтилъ, что объ этомъ справляются у редактора, а не въ конторѣ.

Редакторъ, какъ только завидѣлъ Перепелкина на порогѣ своего кабинета, поспѣшилъ предупредить словами:

«Тамъ въ конторѣ!» А когда Перепелкинъ сказалъ, что его изъ

конторы сюда послали, онъ опять повторилъ два раза: тамъ, въ конторѣ, и указалъ пальцемъ внизъ, должно быть, для большей убѣдительности.

Перепелкинъ опять предсталъ предъ завѣдывающимъ конторой, который на этотъ разъ былъ свободенъ и отнесся къ нему мягче и внимательнѣе.

— Что редакторъ вамъ сказалъ?—спросилъ онъ Перепелкина.

— Опять то же самое, что здѣсь я долженъ получить отвѣтъ.

— Вретъ онъ: никакого отвѣта вы не дождетесь ни въ конторѣ, ни въ редакціи. Да вы что ему представили?

— Дорожныя сцены.

— Такъ что-нибудь идеальное... А, вѣдь, онъ ищетъ людей съ «коготкомъ», чтобъ больно царапались, да завлекали побольше публики въ его лавочку, а онъ бы только загребалъ чужими руками жаръ, да карманы себѣ набивалъ бы потуже, для приманки содержанокъ,—говорилъ, злобно сверкая глазами, управляющій конторой, уславъ напередъ куда-то мальчика. А у васъ-то, можетъ быть, и ноготокъ слабъ, или не заострился еще какъ слѣдуетъ. Да, пожалуй, и къ лучшему, а то повыжалъ бы онъ изъ васъ соки. Вонъ, вѣдь, какую силу загубилъ (онъ назвалъ извѣстнаго литератора), заваливая работою, за которую отплачивалъ пятаками, а самъ получалъ тысячи.

Сильно смутился юноша, выходя изъ конторы и совершенно отрѣшаясь отъ своихъ иллюзій насчетъ готовности редакторовъ принять участіе въ безпомощныхъ молодыхъ людяхъ, стремящихся къ высшему образованію, доставленіемъ имъ какихъ-нибудь работъ. Между тѣмъ эта иллюзія была причиной того, что у него осталось денегъ только 6 рублей. Правда, онъ уплатилъ хозяевамъ за квартиру впередъ за мѣсяцъ 12 рублей, но отъ нѣкоторыхъ расходовъ все-таки можно было бы удержаться до болѣе благопріятнаго времени, не будь этой иллюзіи.

Такъ, нѣкоторые учебники для Саши и Кати можно было бы отложить покупкой, потому что въ нихъ особенной надобности пока не представлялось.

Смущеніе Перепелкина еще болѣе усилилось послѣ пріема у попечителя. Просителей и просительницъ было не мало, всѣ они дожидались въ залѣ, когда вышелъ чиновникъ (это, кажется, былъ правитель канцеляріи) и предложилъ, по одиночкѣ, дожидаясь очереди, входить въ кабинетъ его превосходительства. Сановникъ, какъ видно, былъ не въ духѣ, а, можетъ быть, и вообще былъ нрава сердитаго, потому что то и дѣло возвышалъ голосъ и часто выкрикивалъ: «вамъ говорятъ, что этого нельзя сдѣлать». Аудіенція каждаго продолжалась не долго, и вотъ дошла, наконецъ, очередь и до Перепелкина. Онъ вошелъ въ ка-

бинетъ, когда тамъ откланивался генералу невысокаго роста чиновникъ въ вицъ-мундирномъ фракѣ и съ орденомъ на шеѣ. Это былъ инспекторъ студентовъ, какъ послѣ узналъ Перепелкинъ.

— Такъ вы такъ и сдѣлайте,—рекомендовалъ что-то сановникъ своему подчиненному.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

— Если заупрямится, вонъ его!—рѣзко произнесъ генералъ.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство.

— Разговаривать съ нимъ много не нужно, но внушеніе сдѣлать самое стрррогое!—заключилъ его превосходительство, злобно сверкнувъ глазами.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!—сказалъ въ послѣдній разъ вицмундирный орденоносецъ и, отставивъ руки на отлетъ, сталъ пятиться назадъ, отвѣшивая начальству низкіе поклоны, хотя въ это время оно подписывало бумаги, которыя быстро подкладывалъ и засыпалъ пескомъ подпись чиновникъ, а можетъ быть, и правитель канцеляріи.

Подписавъ послѣднюю, его превосходительство мотнулъ молніеносный взглядъ на просителя, но эффекта не произвелъ, потому что Перепелкинъ ни бояться, ни уважать такого свойства людей не могъ, считая всякаго человѣконенавистника воплощеніемъ злаго начала, отвергнутаго самимъ Богомъ.

Когда Перепелкинъ выставилъ два обстоятельства: можетъ ли онъ быть освобожденъ отъ взноса денегъ за право слушанія и, чтобъ не пропустить первыхъ лекцій, имѣть разрѣшеніе посѣщать ихъ въ началѣ курса, до высылки ему изъ К. увольнительнаго въ свѣтское званіе свидѣтельства, то генералъ даже привскочилъ на креслѣ, должно быть, отъ злости.

— Какъ же лѣзть съ просьбой, когда нѣтъ ни увольненія отъ общества, ни свидѣтельства о бѣдности?

— Послѣдняго и достать мнѣ теперь негдѣ, да я и не считалъ его нужнымъ, думая, что отъ человѣка, который пѣшкомъ пришелъ за полторы тысячи верстъ, чтобы поучиться въ столицѣ, оно и не требуется.

— Безъ этихъ свидѣтельствъ ни допустить къ экзамену, ни приватно слушать лекціи я не дозволю... Это не согласно было бы съ законами,—пояснилъ онъ, когда уже Перепелкинъ выходилъ за дверь.

А между тѣмъ черезъ три дня, по ходатайству одного благочестиваго вельможи, оказалось почему-то для сановника совершенно согласнымъ съ законами—свидѣтельства о бѣдности вовсе не требовать и допустить слушать лекціи до полученія увольнительнаго свидѣтельства. Этого мало. Той же самой вдовѣ, которой въ этотъ пріемъ грубо отказано было въ ходатайствѣ объ увеличеніи пенсіи, «потому что этого

нельзя, закономъ не допускается», вскорѣ этотъ же самый сановникъ, по простой запискѣ къ нему одного высокопоставленнаго лица, нашелъ возможнымъ исходатайствовать приличную пенсію. Зачѣмъ же было лицемѣрить и грубости дѣлать!

Взволнованный впечатлѣніями въ редакціи и у сановника, Перепелкинъ зашелъ на почту за письмами, которыхъ съ большимъ нетерпѣніемъ поджидалъ. Ѳаворовъ писалъ, что оставленныя имъ прошенія объ увольненіи изъ академіи—на имя ректора, а въ свѣтское званіе—на имя владыки, поданы своевременно по назначенію, какъ было условлено при разставаньи, но что дѣло не начиналось еще, вѣроятно, въ предположеніи, не раздумаетъ ли проситель, а потому для ускоренія рѣшенія совѣтовалъ прибѣгнуть къ содѣйствію извѣстнаго почитателя и покровителя духовныхъ, которому-де никогда ни въ чемъ не отказываютъ высшіе наши администраторы.

«Настоящій русскій князь» сообщилъ адресъ этого благодѣтеля всѣхъ прибѣгающихъ къ нему за помощью.

— Да вы сперва зайдите къ священнику больницы, отцу Никитѣ—квартира его въ нижнемъ этажѣ, какъ разъ напротивъ квартиры этого вельможи—онъ васъ и представитъ ему, потому что самъ очень любитъ тереться у людей сановныхъ,—дополнилъ князь.

Перепелкинъ такъ и сдѣлалъ. На другой день, въ половинѣ десятаго, утромъ, онъ представился отцу Никитѣ. Это былъ на видъ человѣкъ еще моложавый, не высокаго роста, не дуренъ собой, съ черными блестящими глазами, красивою черною, какъ смоль, бородой, и очень подвижной и шустрый. У него была страсть къ попугаямъ, которые трещали въ клѣткахъ во всѣхъ комнатахъ и которыхъ онъ самъ воспитывалъ, пріучая ихъ къ произношенію разныхъ привѣтствій и комплиментовъ, а потомъ продавалъ за дорогую цѣну. Такъ какъ въ первой комнатѣ, гдѣ произошло знакомство, трудно было слышать рѣчь, изъза крика этихъ птицъ, то отецъ Никита увелъ гостя въ отдаленную комнату, предупредивъ попутно, чтобы онъ не употреблялъ какихъ-нибудь бранныхъ словъ, въ родѣ дуракъ, болванъ, оселъ.

— Тутъ у меня, надобно вамъ сказать, одинъ только попугай содержится и такой переимчивый... Я знаю, что зашибу за него копейку... Вотъ вы услышите, какое онъ произноситъ привѣтствіе. Я, вѣдь, на замкѣ держу комнату,—говорилъ скороговоркой отецъ Никита, отпирая ключемъ дверь.

Къ радости его попугай не замедлилъ показать свое искусство, произнеся очень выразительно вытверженное привѣтствіе, въ которомъ лишнее слово, конечно, было бы не только неумѣстно, но и опасно.

— Каковъ!—сказалъ въ восторгѣ отецъ іерей, поднявъ палецъ вверхъ.

— Да, удивительно хорошъ!—отвѣчалъ Перепелкинъ не громко.

— Ка-р-р-ошъ, ка-р-р-ошъ,—подхватилъ попугай.

Отецъ Никита тотчасъ же схватилъ Перепелкина за руку и, отведя въ дальній уголъ комнаты, громко и внятно произнесъ: «Спаси, Господи, люди Твоя». Попугай зналъ и это, и не замедлилъ два раза повторить эти слова съ удивительной отчетливостію. Собесѣдники повели разговоръ, въ отдаленіи отъ клѣтки, очень тихо, тѣмъ не менѣе попугай навострилъ свой слухъ и долго прислушивался, но, раздосадованный, вѣроятно, тѣмъ, что не могъ уловить ни одного звука, онъ сталъ кричать, прыгать, цѣпляться за прутья клѣтки и, наконецъ, страшно надоѣдать частымъ повтореніемъ вытверженныхъ словъ, къ которымъ, нѣтъ-нѣтъ, да и присоединитъ—кар-р-р-ошъ, теперь только усвоенное имъ, по словамъ его воспитателя, повидимому, немножко закручинившагося по этому поводу. Узнавъ о неудачахъ Перепелкина у редактора и попечителя, отецъ Никита пообѣщалъ для полученія работы литературной рекомендовать его другому лицу, а для поправки дѣла у попечителя предложилъ сейчасъ же отправиться къ извѣстному вельможѣ: «вотъ онъ гдѣ живетъ», указалъ онъ рукой на подъѣздъ противоположнаго дома.

Черезъ минуту ужъ они позвонили тамъ. Дверь отворилъ прилично одѣтый лакей и объяснилъ отцу Никитѣ, что генералъ у себя и принять, вѣроятно, приметъ. Перепелкина немножко удивило, что въ помѣщеніи такого вельможнаго господина пришлось съ подъѣзда спуститься по тремъ ступенькамъ внизъ, точно такъ же, какъ въ его мизерной подвальной квартирѣ. Но дальше, конечно, никакого ужъ сравненія быть не могло. Комнаты большія, свѣтлыя, съ большими, выходящими на улицу и во дворъ, окнами. Весь этажъ былъ занятъ однимъ человѣкомъ (вельможа не былъ женатъ, и кромѣ прислуги съ нимъ никто не жилъ вмѣстѣ), вверху жилъ самъ хозяинъ дома генералъ съ семействомъ, который около этого времени скончался отъ антонова огня на ногѣ, вслѣдствіе глубокаго неосторожнаго порѣза мозоли на пальцѣ.

Послѣ продолжительнаго доклада, слуга предложилъ Перепелкину посидѣть въ залѣ, а отца Никиту пригласилъ въ кабинетъ его превосходительства.

Минутъ черезъ пять вышелъ въ залу, въ сопровожденіи отца Никиты, высокій, атлетическаго сложенія, человѣкъ, въ бѣлой коломенковой матроскѣ, перехваченной кожанымъ ремнемъ, и такихъ же панталонахъ. Онъ привѣтливо кивнулъ головой Перепелкину и, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, не садясь самъ и не приглашая никого сѣсть, ожидалъ, что скажетъ юноша.

Когда Перепелкинъ объяснилъ ему о затрудненіи поступить въ

университетъ, за неимѣніемъ требуемыхъ документовъ, и объ опасеніи пропустить первыя лекціи, вслѣдствіе несвоевременнаго полученія ихъ, вельможа пристально, но кротко взглянулъ ему въ глаза и спокойнымъ мужественнымъ голосомъ сказалъ:

«Объ увольненіи васъ изъ академіи и въ свѣтское званіе я сегодня же напишу архіепископу К., а относительно допущенія васъ къ слушанію лекцій, приватно, я завтра лично переговорю съ попечителемъ округа. О результатахъ письма справляйтесь въ почтамтѣ, соображаясь съ временемъ прихода и отхода почтъ изъ того мѣста, а о моихъ переговорахъ съ попечителемъ можете узнать завтра или послѣ завтра въ канцеляріи его».

Затѣмъ онъ также привѣтливо кивнулъ головой и вернулся въ кабинетъ.

Когда, по выходѣ, Перепелкинъ спросилъ у отца Никиты, такъ ли все это будетъ, какъ обѣщано, онъ съ улыбкой замѣтилъ, что въ Петербургѣ, гдѣ часто много обѣщаютъ, а почти никогда ничего не дѣлаютъ, это, можетъ быть, единственный вельможа, который всегда бываетъ «господинъ своего слова». Это, дѣйствительно, такъ и было.

Отецъ Никита, прощаясь съ Перепелкинымъ, пригласилъ его въ слѣдующее воскресенье къ обѣду, обѣщая ему достать къ этому времени пробную работу, но отъ кого, пока не сообщилъ.

Вотъ это обстоятельство, что удастся ли найти работу, только его и смущало, когда онъ возвращался къ себѣ въ квартиру. А возвращался онъ сюда всегда точно въ свое семейство, гдѣ всѣ его встрѣтятъ съ ласкою, съ привѣтомъ. Несмотря на его недавнее пребываніе, его всѣ полюбили здѣсь. Хозяинъ и хозяйка, за ласку его къ дѣтямъ, наперерывъ другъ предъ другомъ старались оказать ему ласку и услугу. Они оставили ему свою кушетку, дали головную подушку и три простыни, пока онъ обзаведется всѣмъ необходимымъ для себя, хозяйка перемыла бѣлье и носки, а вдовушки перечинили все и перештопали безъ его вѣдома, всѣ же онѣ вмѣстѣ заботились о чистотѣ и приличномъ содержаніи его комнаты, а хозяинъ перечинилъ ему сапоги и ежедневно ихъ чистилъ, хотя Перепелкинъ и объявилъ ему, что въ этой услугѣ онъ не нуждается, потому что съ малолѣтства привыкъ самъ все дѣлать. Дѣти же, какъ хозяйскія, такъ и вдовины почти не оставляли его комнаты. Коля хозяйскій иногда плакалъ, когда Перепелкинъ долго не возвращался. Саша и Катя, чѣмъ больше подвигались въ усвоеніи нѣкоторыхъ понятій изъ естественной исторіи, иллюстрированной рисунками, тѣмъ больше осаждали своего ментора вопросами: и что, и почему, и какъ? Особенно Катя, премилый ребенокъ, чрезвычайно была привязчива и настойчива въ подобныхъ случаяхъ.

Мать какъ будто ожила отъ этихъ успѣховъ дѣтей, но ее, бѣдную,

ждала близкая скоропостижная смерть отъ разрыва сердца, и несчастныя дѣти, оставшіяся круглыми сиротами, только благодѣтельной рукой дѣйствительно добраго извѣстнаго вельможи, вслѣдствіе просьбы Перепелкина, были пристроены въ учебныя заведенія, при содѣйствіи также одной княгини, почитательницы этого вельможи, собственная дача которой была на Крестовскомъ островѣ, куда лично Перепелкинъ былъ посланъ съ письмомъ вельможи, чтобы передать княгинѣ и на словахъ все, что было ему извѣстно относительно этихъ дѣтей-сиротъ. Гдѣ-то они теперь? Живы ли. Помнятъ ли они все это?

Когда въ воскресенье отправился Перепелкинъ къ отцу Никитѣ, его не оказалось дома, хотя было два часа, а въ это время, какъ онъ говорилъ, всегда можно застать его. Перепелкинъ уже уходилъ за дверь, когда его остановили и спросили фамилію.

— Милости просимъ,—говорила среднихъ лѣтъ женщина, худая, болѣзненная, съ желтымъ цвѣтомъ лица. Мы васъ ждали.

Это была жена отца Никиты, которой въ первый разъ не видалъ Перепелкинъ.

Послѣ нѣсколькихъ словъ о томъ, долго ли онъ былъ въ пути и гдѣ помѣстился теперь, она стала жаловаться на свое здоровье, разстройство котораго она, главнымъ образомъ, приписывала дурному помѣщенію и неугомонной трескотнѣ попугаевъ, сильно дѣйствовавшей на ея нервы.

— Видите, какой хлѣвъ отвели нѣмцы подъ помѣщеніе русскаго попа. У швейцара дома лучше квартира, чѣмъ у насъ: по крайней мѣрѣ не въ подвалѣ.

Перепелкинъ осмотрѣлся и нашелъ, что это дѣйствительно не казистое, подвальное помѣщеніе.

— А для себя и даже для выписанной своей нѣмецкой родни поразобрали лучшія квартиры,—продолжала матушка.

— Что же отца Никиту удерживаетъ на этомъ мѣстѣ, вѣдь, онъ могъ бы перейти въ другой приходъ?

— Нѣтъ, намъ другаго не дадутъ: онъ, вѣдь, изъ дьяконовъ и на этотъ съ большимъ трудомъ удалось сѣсть. Жалованья 400 рублей въ годъ, а доходовъ никакихъ нѣтъ, потому что всѣ служащіе тутъ нѣмцы-лютеране. Вотъ только этимъ и поддерживаемъ себя, указала она на кричавшихъ и разстраивавшихъ ея нервы попугаевъ.

Но вскорѣ пришелъ отецъ Никита и выяснилъ, что есть у него кромѣ попугаевъ и другой источникъ доходовъ. Поздоровавшись съ Перепелкинымъ и наскоро сообщивъ ему, что пробная работа для него уже приготовлена, онъ торопливо вынулъ изъ кармана книжечку и набросалъ что-то карандашомъ.

— Познакомился сейчасъ у Тишкиныхъ на молебнѣ съ значитель-

нымъ чиновникомъ Протогеномъ Филатьевичемъ Версицкимъ,—двоюродный братъ самой Тишкиной,—пояснилъ онъ женѣ. Сегодня празднуется день его ангела, такъ чтобъ не забыть на слѣдующій годъ поздравить его и молебенъ отслужить,—докладывалъ онъ уже Перепелкину.

— Развѣ у васъ дозволяется совершать требы въ чужихъ приходахъ?

— Не то, чтобы оно тамъ дозволялось или запрещалось, а сердятся таки на меня здорово многіе попы,—да что будешь дѣлать? Ѣсть, пить надо самому и семьѣ, а жалованья всего 400 рублей въ годъ, доходовъ же отъ нѣмцевъ ни гроша. Только, вѣдь, и живешь вотъ этимъ—указалъ онъ на попугаевъ—да молебнами въ чужихъ приходахъ. Спасибо, не гонятъ. Придешь, это, поздравить и сейчасъ же облачаешься. Ну, собирается семья, помолятся и наградятъ. А былъ же таки случай,—припомнилъ онъ, смѣясь,—что одинъ господинъ не далъ отслужить молебна, прогналъ изъ дома. Вотъ такъ же, какъ теперь, случайно познакомился съ нимъ, узналъ послѣ, когда празднуется день его ангела и шасть къ нему. Онъ мило, любезно встрѣтилъ меня. Поздравляю его и, по обыкновенію, сейчасъ же облачаюсь.

— Да вы не молебенъ ли, батька—такъ и сказалъ!—затѣваете?

— Надо, говорю, помолиться всеблагому Богу о вашемъ здравіи и благоденствіи, а самъ все продолжаю облачаться. Дьячекъ тутъ же суетится, помогаетъ мнѣ.

— Нѣтъ, батька, этого не будетъ: я и самъ за себя помолюсь всеблагому Богу, а вы снимайте-ка свой зипунъ—такъ и сказалъ: свой зипунъ, это ризу-то—да и убирайтесь, откуда пришли. Мы съ дьячкомъ переглянулись и отретировались. «Чайку откушать вечеркомъ, если будетъ угодно, милости просимъ»,—крикнулъ онъ въ догонку намъ.

Невысокъ же, батька, твой нравственный цензъ!—подумалъ Перепелкинъ.

— Хотѣлъ было жаловаться, да свидѣтелей не было, а то досталось бы ему за этотъ зипунъ. Шутка ли ризу назвать зипуномъ, святыню приравнять къ мужицкой вонючей одежинѣ!—ужасался онъ,—притворно или въ самомъ дѣлѣ,—и посматривалъ то на попадью, то на гостя, какъ бы спрашивая ихъ, какого они мнѣнія объ этомъ казусѣ. Попадья выразительно покачала головой, Перепелкинъ оставался въ неподвижномъ состояніи, съ любопытствомъ только поглядывая на духовную чету.

— Вотъ вы ученый человѣкъ,—обратился къ Перепелкину неугомонный отецъ Никита, шокируясь, повидимому, равнодушнымъ отношеніемъ гостя къ сообщенному имъ факту: какъ вы думаете, куда бы

упекли этого господина, если бы, кромѣ причетника, нашелся другой свидѣтель, который бы подтвердилъ, что онъ ризу назвалъ зипуномъ.

— Но мнѣ кажется, что за это ничего бы особеннаго ему не было, —скромно замѣтилъ Перепелкинъ.

— Какъ ничего не было бы!—вспыхнулъ вдругъ батюшка, весь побагровѣвъ отъ такого неожиданнаго отвѣта. У матушки тоже показались розы на увядшихъ желтыхъ щекахъ, и она какъ-то укоризненно, даже недружелюбно посматривала на переконфузившагося юношу.

— Я законовъ не знаю,—сталъ поправляться красный, какъ піонъ, Перепелкинъ,—но такъ позволилъ и позволяю себѣ выразить мнѣніе, лично мнѣ принадлежащее, что за это кромѣ выговора, можетъ быть, даже очень строгаго, по всей вѣроятности, ничего бы больше не было.

— За святыню-то!—загоготалъ рѣзкимъ, весьма непріятнымъ смѣхомъ отецъ іерей.

Матушка съ упрекомъ посмотрѣла на гостя и покачала головой.

— За святыню-то!—опять повторилъ онъ съ тѣмъ же, нервную дрожь возбуждавшимъ въ Перепелкинѣ, смѣхомъ: да вы не изъ вольнодумцевъ ли, батенька?—обратился отецъ Никита къ юношѣ, уставясь на него своими, какъ уголь, черными глазами, игравшими неровнымъ, показывавшимъ сильное раздраженіе, свѣтомъ.

— Нѣтъ, я не изъ вольнодумцевъ,—заговорилъ уже нѣсколько другимъ тономъ, начинавшій терять терпѣніе, особенно подъ вліяніемъ этихъ пытливыхъ взглядовъ, горячій по своему темпераменту юноша: я сужу такъ потому, что ризу не признаю за святыню.

— Э! батенька,—всплеснулъ руками отецъ Никита,—да за это здѣсь, сохрани Богъ узнаютъ, въ крѣпость посадятъ, что вы! что вы!

— Христосъ съ вами!—съ участливымъ испугомъ воззрилась на Перепелкина матушка.

— Но, вѣдь, если по-вашему принимать ризу за святыню, такъ и вамъ не миновать было бы бѣды наравнѣ съ этимъ господиномъ, а при нѣкоторой ловкости его, пожалуй, еще и большей противъ его.

— Какъ это такъ выходитъ по-вашему?—одновременно спросили удивленные супруги, не безъ нѣкотораго замѣшательства посматривая другъ на друга.

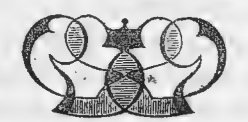
— Вамъ бы непремѣнно поставили въ вину то обстоятельство, что вы сами подали поводъ къ профанаціи такого предмета, который вы считаете за святыню, явившись для служенія молебна безъ приглашенія и облачаясь въ ризу наперекоръ требованію хозяина, чтобъ вы этого не дѣлали. Онъ могъ бы при этомъ, въ свое оправданіе, вотъ что сказать: приходитъ, дескать, незнакомый священникъ и собирается молебенъ служить. Я ему говорю, что не надо, а онъ все-таки продолжаетъ одѣваться во что-то, показавшееся мнѣ дотого страннымъ, что я иначе и не могъ назвать его какъ зипуномъ.

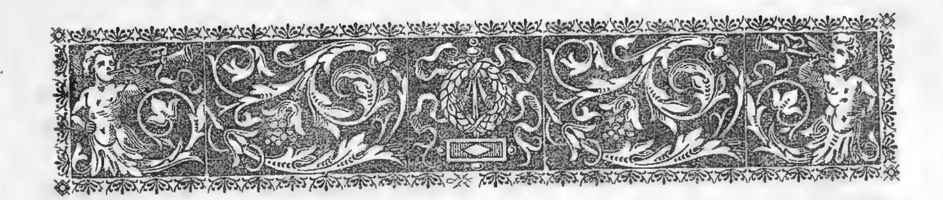
— Ну, вотъ тутъ-то онъ бы и попался!—весело уже заговорили супруги.

— И вовсе не попался бы. Вѣдь вы же имѣете полное право крестообразно разрѣзать ликъ святаго, такъ неискусно изображеннаго, что онъ можетъ только смѣхъ возбудить, такъ почему же...

— Да, вы вотъ съ какой точки смотрите,—успокоился, наконецъ, батюшка!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній по управленію С.-Петербургскимъ домомъ предварительнаго заключенія.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ управленіе С.-Петербургскимъ домомъ предварительнаго заключенія, а потому не мудрено, что при воспоминаніи о немъ многое и многое испарилось изъ памяти, но, тѣмъ не менѣе, есть и то, что никогда не забудется. Предполагая, что и бѣглая замѣтка о домѣ можетъ представить нѣкоторый интересъ для читателя, рѣшаюсь подѣлиться съ нимъ своими краткими воспоминаніями и заранѣе прошу извиненія за промахи въ системѣ ихъ изложенія и допущенные комментаріи.

Домъ предварительнаго заключенія, какъ извѣстно читателю, учрежденъ для содержанія лицъ, подвергшихся взятію подъ стражу, во время состоянія подъ слѣдствіемъ и судомъ. Состоитъ онъ изъ двухъ отдѣленій: мужскаго и женскаго, съ одиночными и общими камерами въ каждомъ изъ нихъ; одиночныя изолированныя камеры служатъ для содержанія лицъ исключительно во время слѣдствія, по окончаніи котораго они переводятся въ общія.

Открытіе дома послѣдовало въ 1875 году подъ управленіемъ подполковника Бахмутова, и вслѣдъ затѣмъ стали поступать туда арестанты какъ гражданскіе, такъ и политическіе.

Бахмутовъ, какъ ретивый служака, горячо принялся за сложную и трудную задачу устройства внутренняго порядка въ домѣ и въ теченіе полугода дошелъ до такого первнаго разстройства, что вынужденъ былъ по болѣзни оставить службу.

Послѣ него, въ январѣ 1876 года, послѣдовало назначеніе меня въ управляющіе домомъ, какъ мнѣ сообщали, по предложенію бывшаго

тогда предсѣдателемъ С.-Петербургскаго окружнаго суда К. (нынѣ сенаторъ), которому я сталъ извѣстенъ по дѣлу о безпорядкахъ среди студентовъ Технологическаго института.

При пріемѣ дома встрѣтилось не мало недоразумѣній, но о нихъ не пришлось распространяться какъ въ виду болѣзненнаго состоянія Бахмутова, такъ и особеннаго къ нему расположенія общаго нашего начальника, градоначальника, генерала Ѳ. Ѳ. Трепова, человѣка грознаго, необычайно энергичнаго, требовательнаго и въ то же время очень доброй души; я, по крайней мѣрѣ, за 12 лѣтъ службы при немъ, не зналъ случая, чтобы кто-либо изъ подчиненныхъ былъ уволенъ со службы безъ вполнѣ уважительной къ тому причины; что же касается излюбленнаго имъ взысканія сажать на гауптвахту, то этотъ обычай сдѣлался настолько обыденнымъ для насъ, что мы считали его скорѣе мѣрою отдохновенія, чѣмъ взысканія, и онъ имѣлъ значеніе лишь для посторонней публики, въ глазахъ которой строгость начальника къ подчиненнымъ есть черта его справедливости.

Вообще генералъ Треповъ былъ любимъ и уважаемъ нами, и, нѣтъ сомнѣнія, оставилъ бы по себѣ болѣе хорошую память, если бы не обладалъ двумя несчастными свойствами: горячностью и вспыльчивостью, пагубно отражавшимися какъ на дѣлѣ, такъ и на немъ самомъ.

Покончивъ съ пріемкой и вступивъ въ управленіе домомъ, прежде всего я началъ знакомиться съ крайне сложною конструкціею его постройки, въ которой, какъ говорили, совмѣщено было все наилучшее, существовавшее тогда въ заграничныхъ тюрьмахъ. И дѣйствительно, при первомъ обзорѣ мною зданія, величина его и всевозможныя въ немъ приспособленія и удобства произвели на меня сильное впечатлѣніе, такъ что я легко повѣрилъ сообщенію своихъ помощниковъ, руководившихъ мною на первыхъ порахъ, о томъ, что имѣется намѣреніе, по причинѣ нѣкоторой сухости воздуха въ зданіи, увлажить его устройствомъ фонтановъ. Впослѣдствіи сообщеніе это оказалось вѣрнымъ. Подобное предложеніе имѣло мѣсто въ засѣданіи «комитета для высшаго завѣдыванія домомъ», гдѣ большинствомъ голосовъ было отвергнуто, какъ кажется, вслѣдствіе явившагося предположенія о могущемъ произойти сильномъ наплывѣ охотниковъ пожить въ подобномъ замкѣ.

По недостатку времени, знакомство мое съ постройкою зданія шло довольно медленно, между тѣмъ незнаніе всѣхъ его премудростей давало себя чувствовать въ нерѣдкихъ случаяхъ весьма сильными нравственными потрясеніями. Такъ, напримѣръ, обходя однажды галлереи одиночныхъ камеръ, я вдругъ услышалъ крики заключенныхъ и въ то же время сталъ ощущать запахъ гари; бросаюсь въ ближайшую камеру и нахожу ее полною дыма, валившаго изъ вентиляціоннаго отвер-

стія. Признаюсь, пережилъ скверныя минуты,—тутъ мнѣ въ перспективѣ представился цѣлый адъ: пожаръ, смѣшеніе заключенныхъ, т. е. полнѣйшее нарушеніе изолированнаго ихъ положенія, затѣмъ побѣги, жертвы огня и, въ концѣ-концовъ, отвѣтственность, да быть можетъ весьма серьезная, потому что время было злое, полное недовѣрій, подозрѣній и сомнѣній. Но, благодаря Бога, всѣ эти ужасы вмѣстѣ съ дымомъ быстро вылетѣли въ тѣ же вентиляціонныя трубы. Весь переполохъ произошелъ отъ причины, не стоющей выѣденнаго яйца: на сосѣднемъ дворѣ, гдѣ помѣщалась, топившаяся въ то время, вентиляціонная печь, истопникъ, выходя зачѣмъ-то изъ помѣщенія, захлопнулъ за собою дверь, вслѣдствіе чего, за остановкою притока воздуха къ огню, въ магистральной трубѣ прекратилась тяга, и дымъ сталъ путешествовать по всѣмъ на пути лежавшимъ отверстіямъ, куда при правильномъ дѣйствіи вентиляціи онъ отнюдь не долженъ заходить.

Во избѣжаніе повторенія подобныхъ случаевъ и какъ бы въ назиданіе строителю, старшій печникъ при домѣ, крестьянинъ Александръ Лукьяновъ, продѣлалъ въ злосчастной двери полуаршинное квадратное отверстіе и этимъ простымъ средствомъ гарантировалъ зданіе вполнѣ и навсегда отъ мнимыхъ пожаровъ.

А вотъ и другой случай, не мало меня затруднившій. Занимаюсь въ канцеляріи, является ко мнѣ дежурный помощникъ и заявляетъ, что водоснабжающая машина чѣмъ-то испортилась, и вода изъ крановъ едва течетъ. Отправляюсь къ машинѣ и застаю ее, повидимому, на послѣднемъ издыханіи: пыхтитъ, скрипитъ и почти бездѣйствуетъ. Спрашиваю машиниста: что сталось съ ней? Получаю въ отвѣтъ, что ни онъ, ни машина тутъ ни при чемъ, а что вѣроятно есть посторонняя причина, мѣшающая машинѣ получать воду. Пока доискивались до причины, мнѣ приходилось ломать голову относительно доставленія воды въ домъ. Вопросъ для меня тѣмъ болѣе трудный, что принятыя мною двѣ лошади, которыя могли бы въ данномъ случаѣ оказать нѣкоторую помощь, находились буквально въ полудохломъ состояніи, такъ что одна изъ нихъ спустя недѣлю околѣла, а другую, найденную ветеринаромъ за дряхлостью неспособною къ труду, должны были продать за нѣсколько рублей. Правда, на арестантскомъ дворѣ существовала еще одна машина, бывшая при открытіи дома, но ее пришлось превратить въ запасную, такъ какъ силы ея оказались недостаточными для доставленія необходимаго количества воды, и вынуждены были замѣнить ее новой, болѣе сильной машиной. Вотъ это-та запасная и помогла горю, хотя, конечно, пришлось прекратить отпускъ воды въ бани, ванныя и прачешную.

Причиною бездѣйствія новой машины было засореніе водопроводной трубы, оставленной по непонятной ошибкѣ въ первобытномъ своемъ

состояніи, тогда какъ вновь поставленная машина, для свободнаго дѣйствія, требовала непремѣннаго увеличенія діаметра водопроводной трубы, иначе частыя засоренія послѣдней были неизбѣжны.

Много пережилъ я треволненій, пока не освоился съ зданіемъ, а, освоившись, пришелъ къ заключенію, что оно, во-первыхъ, можетъ быть годно скорѣе подъ пріютъ для схимниковъ, подъ богадѣльню и т. п., но отнюдь только не для лицъ, находящихся подъ слѣдствіемъ, и, во-вторыхъ, что авторъ его постройки—прекрасный техникъ-фантазеръ, но слабый тюрьмовѣдъ, такъ какъ домъ сооруженъ на основаніи чисто теоретическихъ воззрѣній, при полномъ невѣдѣніи типовъ людей преступной категоріи и при совершенномъ игнорированіи существующей разницы между осужденными за преступленіе и находящимися подъ слѣдствіемъ.

О погрѣшностяхъ въ постройкѣ дома мною уже было говорено въ статьѣ «Къ вопросу о постройкѣ тюремъ» [1]); здѣсь же коснусь самаго существеннаго его недостатка, заключающагося въ томъ, что нѣтъ возможности содержать въ немъ заключенныхъ совершенно изолированно, между тѣмъ какъ это—прямое его назначеніе.

Такой недостатокъ особенно вредно отзывается на слѣдственномъ производствѣ въ томъ случаѣ, когда въ домѣ содержатся нѣсколько лицъ по одному дѣлу; въ мое же время почти всѣ одиночныя камеры были заняты людьми, которые имѣли по дѣлу одинъ общій интересъ и которымъ слабыя стороны постройки дома и не замедлили послужить для эксплоатаціи.

Переходя къ заключеннымъ, я о содержавшихся по гражданскимъ дѣламъ распространяться не буду, такъ какъ этотъ сортъ людей никогда не переводился и, болѣе или менѣе, знакомъ каждому, а ограничусь только описаніемъ двухъ характерныхъ типовъ [2]), какъ составляющихъ бытовую келейную сторону тюрьмы, мало кому извѣстную, между тѣмъ какъ знаніе ея имѣетъ первостепенное значеніе для созданія чего-нибудь прочнаго въ системѣ тюремнаго управленія и установленія внутренняго порядка тюремъ на прочную и твердую почву; затѣмъ, закончу инцидентомъ съ палатою каторжныхъ, которые содержались въ домѣ до вступленія приговора о нихъ въ законную силу.

Въ 1877 году въ домъ доставленъ былъ Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда крестьянинъ Семенъ Михайловъ (онъ же Гуревичъ) за убійство съ цѣлью грабежа, на Охтѣ, содержателя кассы-ссудъ Рабиновича. На другой день своего заключенія въ одиночной камерѣ, Михайловъ подзываетъ къ себѣ дежурнаго надзирателя и заявляетъ же-

---

[1]) Газета „Минута" № 135—1881 года.

[2]) Типы эти были напечатаны въ 1880 г. въ прибавленіи къ „Новому Времени".

ланіе перейти въ другую камеру, такъ какъ настоящая ему почему-то показалась неудобною. Надзиратель отвѣчаетъ, что арестанты не могутъ выбирать помѣщенія, а должны сидѣть въ томъ, которое имъ назначено. Неудовольствіе свое Михайловъ выражаетъ бранью и угрозою надзирателю дорого поплатиться за неисполненіе его желанія. О выходкѣ Михайлова было тотчасъ же сообщено дежурному чиновнику, который, явясь къ нему, счелъ нужнымъ объяснить существующія правила и предупредить, что подобнаго рода поведеніе влечетъ за собой наказаніе. Но объясненія эти, повидимому, нисколько не удовлетворили Михайлова, и онъ сталъ настойчиво требовать немедленнаго приглашенія къ нему управляющаго домомъ. Ему объясняютъ, что нарочно для этого вызывать управляющаго находятъ излишнимъ и, тѣмъ болѣе, что онъ, много черезъ часъ, будетъ обходить тюрьму и тогда, вѣроятно, подойдетъ и къ его камерѣ. Михайловъ отплевывается и бросается на постель. Чиновникъ уходитъ и черезъ нѣкоторое время возвращается со мной. На вопросъ мой, обращенный къ Михайлову, что онъ хочетъ сказать? Михайловъ выражаетъ категорически желаніе перемѣнить камеру.—Для чего?—Мнѣ тутъ неудобно.—Всѣ камеры выстроены одинаково, а потому и удобства вездѣ одни и тѣ же. — Нѣтъ, на той сторонѣ мнѣ будетъ лучше. Подобные отвѣты вызываютъ меня на разъясненіе ихъ неосновательности, на напоминаніе о томъ, что онъ, Михайловъ, находится въ заключеніи, гдѣ долженъ подчиняться извѣстнымъ правиламъ и что въ данномъ случаѣ къ нему снисхожу только ради его недавняго поступленія, но что въ будущемъ такія желанія, какъ составляющія проступокъ, повлекутъ за собой ухудшеніе его положенія. По уходѣ моемъ, Михайловъ ломаетъ въ своей камерѣ газовой рожокъ и водопроводный кранъ, вынуждая такимъ образомъ невольно перемѣнить ему помѣщеніе. Слѣдуетъ распоряженіе посадить его въ карцеръ. Въ карцерѣ ломаетъ онъ лежанку и вырываетъ желѣзную рѣшетку изъ вентиляціоннаго отверстія. Вновь къ нему являюсь, но не съ тѣмъ, чтобы угрозою заставить его смириться [1]), а побесѣдовать съ нимъ и убѣдиться: въ здравомъ ли онъ разсудкѣ или находится подъ вліяніемъ нервнаго раздраженія, являющагося весьма не рѣдко у преступниковъ при пробужденіи въ нихъ совѣсти и при сознаніи преступленія,—они желаютъ чѣмъ бы то ни было какъ можно скорѣе заглушить это чувство. Я нашелъ Михайлова не подходящимъ ни къ тому, ни къ другому случаю, но, не довѣряясь собственному впечатлѣнію, назначаю перевести Михайлова въ лазаретъ, подъ наблюденіе врача. Въ лазаретѣ, рѣзкое до дерзости, поведеніе Михай-

[1]) Въ домѣ самое строгое наказаніе—карцеръ, и если оно оказывается недѣйствительнымъ, то угрозамъ нѣтъ мѣста, и всякое застращиваніе тогда было бы смѣшнымъ, а не грознымъ.

лова вынуждаетъ весьма осторожнаго врача провѣрить свое мнѣніе частнымъ образомъ, чрезъ знакомаго психіатра, и оба приходятъ къ убѣжденію, что Михайловъ совершенно здоровъ, но въ высшей степени злостнаго нрава. Тогда я вызываю его къ себѣ и, наединѣ, стараюсь вразумить и дать понять, что подобнаго рода поведеніе нисколько не улучшитъ его положенія, а скорѣе вызоветъ, по отношенію къ нему, какія-нибудь особыя мѣры со стороны высшей власти. Въ предположеніи, что арестантъ, понявъ высказанное, быть можетъ, успокоится, я сажаю его въ камеру.

На слѣдующій день, во время раздачи пищи заключеннымъ, Михайловъ, видя передъ собою надзирателя, заявляетъ свое намѣреніе выйти погулять. Опытный надзиратель, привыкшій ко всевозможнымъ эксцентричностямъ заключенныхъ, весьма спокойно отвѣчаетъ, что для прогулокъ теперь не время и что каждый изъ заключенныхъ выводится, согласно росписанію, въ опредѣленные часы и въ свою очередь. Едва онъ успѣлъ окончить эту фразу, какъ полетѣла въ него миска со щами, брошенная Михайловымъ. По моему распоряженію Михайлову назначается шести-суточное заключеніе въ темномъ карцерѣ. Исполненіе этого распоряженія представляетъ для дежурнаго чиновника не легкую задачу: добровольно идти въ карцеръ Михайловъ отказывается, и, вооружившись оторваннымъ отъ стѣны желѣзнымъ сидѣньемъ, грозитъ имъ убить перваго, кто войдетъ въ его камеру. Повременить приведеніемъ наказанія въ исполненіе не представлялось основательнымъ, такъ какъ арестантъ не принадлежалъ къ числу такихъ натуръ, которыя временемъ волнуются и затѣмъ успокоиваются, и, слѣдовательно, промедленіе наказанія въ глазахъ его умалило бы только значеніе власти; выжидать ночи и взять Михайлова во время сна—тогда отъ шума нарушилось бы спокойствіе другихъ арестованныхъ и явилось бы общее неудовольствіе. Поэтому необходимо было прибѣгнуть къ силѣ, для чего созвали 6 человѣкъ надзирателей, изъ которыхъ первые двое, держа передъ собою тюфяки, набросились на Михайлова, прижали его къ стѣнѣ и, при помощи другихъ надзирателей, конечно не безъ шума, перенесли его въ карцеръ, въ которомъ кромѣ голыхъ оштукатуренныхъ каменныхъ стѣнъ и дубовыхъ дверей, обитыхъ желѣзною бронею, другаго ничего не было. У карцера опять-таки представилось немалое затрудненіе — какъ арестанта туда помѣстить?

Втолкнуть и захлопнуть двери, — но тогда легко было прищемить ему руки или ушибить его; внести связаннаго веревками и, пока онъ будетъ распутываться, закрыть двери—тоже не хорошо, такъ какъ веревки остались бы у него въ рукахъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ результатъ одинъ—отвѣтственность для меня, потому не-

обходимо было изыскать особаго рода средство. Найденное средство [1]) побороло препятствіе, и Михайловъ сидѣлъ въ карцерѣ совершенно здоровымъ. Первое время онъ страшно кричалъ и стучалъ, но затѣмъ утихъ и тѣмъ навелъ сомнѣніе — все ли въ карцерѣ обстоитъ благополучно. Стали прислушиваться и убѣдились, что Михайловъ принялся за работу, свойственную только такимъ типичнымъ личностямъ, какъ онъ. Работа его заключалась въ разборкѣ стѣны, почти аршинной толщины, гдѣ онъ готовилъ отверстіе около $^3/_4$ аршина въ діаметрѣ, и на половинѣ своей работы уснулъ. Тогда воспользовались временемъ и, быстро войдя въ карцеръ, схватили арестанта и привели въ пріемную комнату, гдѣ онъ и находился подъ наблюденіемъ 3-хъ обладающихъ физическою силою надзирателей, до перевода въ Литовскій замокъ. Переводъ этотъ послѣдовалъ весьма скоро, несмотря на неоконченное слѣдствіе, по особому моему ходатайству, вслѣдствіе исключительныхъ характерныхъ свойствъ Михайлова, не допускавшихъ возможности содержать его въ домѣ предварительнаго заключенія. Въ Литовскомъ замкѣ, т. е. въ арестантскихъ ротахъ, Михайловъ нисколько не угомонился и также буйствовалъ, не разъ вынуждалъ смотрителя обращаться къ начальствующимъ лицамъ съ заявленіями о его проступкахъ, но, къ сожалѣнію, въ виду не имѣлось средствъ заставить Михайлова смириться и пришлось ограничиться учрежденіемъ усиленнаго надзора и, по возможности, не обращать вниманіе на его продѣлки. 20-го іюня 1877 года Михайлова выслали черезъ пересыльную тюрьму въ Сибирь на каторжныя работы.

Михайловъ, конечно, типъ выдѣляющійся, составляющій исключеніе, но ни одна тюрьма отъ него не гарантирована; въ каждой изъ нихъ всегда найдется не малое число лицъ, болѣе или менѣе близко подходящихъ къ Михайлову, что̀ въ результатѣ даетъ совершенную невозможность администраціи держаться какой-либо однообразной системы въ порядкѣ управленія, особенно если принять во вниманіе пагубное вліяніе подобныхъ личностей на остальныхъ заключенныхъ. Является вопросъ: какъ обращаться съ подобными испорченными личностями, вѣдь необходимо пресѣчь имъ возможность вліять на другихъ, а какъ этого достигнуть?

Лица, подобныя Михайлову, хотя и принадлежатъ къ одному изъ самыхъ злостныхъ и опасныхъ арестантскихъ типовъ, тѣмъ не менѣе имѣютъ ту хорошую сторону, что нравъ ихъ обозначается тотчасъ же, и потому представляется возможность учредить за ними особый надзоръ и принять своевременно мѣры предосторожности, но есть и такія

[1]) Помощникъ мой обѣщалъ Михайлову отъ себя записать на квитанцію 50 коп.

лица, которыя по первоначальному своему поведенію не подаютъ никакихъ признаковъ своей опасности, между тѣмъ временами бываютъ опаснѣе Михайловыхъ, такъ какъ обладаютъ способностью сдерживать проявленіе своихъ бурныхъ страстей до послѣдней крайности, и когда взрывъ у нихъ становится неизбѣжнымъ, то достаточно самаго малѣйшаго случая, напр., простаго боя часовъ, чтобъ произвести крайнее раздраженіе въ подобныхъ лицахъ. Тогда единственнымъ средствомъ избѣгнуть печальныхъ послѣдствій бываетъ предоставленіе разсвирѣпѣвшему человѣку «уходиться» надъ сокрушеніемъ всего окружающаго, и какъ бы ни былъ великъ ущербъ отъ дѣйствій такой натуры, но во всякомъ случаѣ онъ будетъ менѣе при невмѣшательствѣ административнаго надзора, чѣмъ наоборотъ. Къ подобнымъ типамъ принадлежалъ нѣкто Евдокимъ Шишкинъ, поступившій въ домъ предварительнаго заключенія въ концѣ 1876 года за бродяжничество, оказавшійся впослѣдствіи бѣглымъ изъ Сибири, куда былъ сосланъ, какъ ходила молва по тюрьмѣ, за совершеніе нѣсколькихъ убійствъ. По наружному виду, Шишкинъ принадлежалъ къ замѣчательнымъ типамъ: смуглое лицо, наморщенныя брови, постоянно вытягивающіяся губы съ какимъ-то намекомъ на улыбку (но улыбку самую злую), короткіе щетинистые волосы, какъ будто выросшіе послѣ недавняго бритья головы, съ бѣльмомъ на глазу, довольно высокаго роста, коренастый, всегда угрюмый и въ высшей степени не разговорчивый. Во время прогулокъ наружность Шишкина не допускала никого изъ арестантовъ начинать съ нимъ разговоръ. Не сходясь ни съ кѣмъ изъ нихъ, онъ въ то же время безупречнымъ выполненіемъ установленныхъ правилъ какъ бы давалъ понять и администраціи желаніе свое держаться отъ нея вдалекѣ и, вѣроятно, на этомъ же основаніи весьма рѣдко отвѣчалъ на неизбѣжные вопросы надзирателей, которые, ознакомившись съ его натурою, ни съ чѣмъ уже болѣе не обращались къ нему. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Шишкина какъ будто не существовало въ домѣ. Но вотъ однажды, въ довольно морозный вечеръ, по галлереямъ одиночныхъ камеръ, раздается страшный трескъ у Шишкина, дежурные бросаются къ нему и сейчасъ же выходятъ изъ камеры, захлопывая двери, такъ какъ Шишкинъ завывающимъ голосомъ кричитъ: убью, убью! Являюсь я и, слыша ужасающій трескъ и стукъ, не нахожу возможнымъ въ данный моментъ предпринять что-либо противъ Шишкина и предоставляю успокоиться ему самому. Проходитъ около часу времени, и въ камерѣ Шишкина стало тихо. Въ теченіе всей ночи онъ безпрестанно то ложился на полъ, среди всевозможныхъ обломковъ, то вставалъ и, немного походя, опять бросался на полъ, находясь все время безъ платья, несмотря на то, что въ его камерѣ рамы уже не существовало и едва-ли былъ градусъ тепла. Затѣмъ, въ

9-мъ часу утра, онъ надѣлъ на себя одежду и сдѣлался видимо сосредоточеннѣе. Весь день пробылъ онъ безъ пищи и не давалъ отвѣтовъ на вопросы; вечеромъ Шишкинъ заявилъ, что ему холодно, и его тотчасъ же перевели въ другую камеру, гдѣ онъ крѣпко проспалъ до слѣдующаго дня, въ который былъ вызванъ ко мнѣ на объясненіе. Терпѣливо слушая меня, Шишкинъ ни въ чемъ не возражалъ и ни на что не отвѣчалъ, ограничившись одною фразою, что если его посадятъ въ карцеръ, то отъ этого никому лучше не будетъ. Но въ карцеръ онъ, конечно, посаженъ не былъ; его помѣстили въ камеру, гдѣ онъ просидѣлъ остальное время своего заключенія, не заявляя о себѣ ничѣмъ.

По осмотрѣ камеры, въ которой Шишкинъ буйствовалъ, всѣ предметы, сдѣланные изъ прочнаго толстаго желѣза, оказались поломанными, не исключая и 4-хъ пудовой двойной желѣзной рамы, вырванной съ мѣста и изуродованной въ такой степени, что исправленіе ея было немыслимо. Вообще поломка представлялась настолько необыкновенной, что я счелъ нужнымъ камеру нѣкоторое время не исправлять, чтобы дать возможность интересующимся убѣдиться собственными глазами, до какихъ гигантскихъ размѣровъ можетъ доходить арестантская сила при появленіи въ человѣкѣ порыва страсти.

Конечно, не все хорошее за границею удобопримѣнимо на нашей почвѣ, но по отношенію, по крайней мѣрѣ, укрощенія непокорныхъ арестантовъ не мѣшало бы взять примѣръ съ заграничныхъ тюремъ, хотя бы съ исправительныхъ американскихъ или швейцарскихъ, гдѣ порядокъ почти идеальный, именно потому, что противъ каждаго безпорядка есть свои мѣры, — начиная съ выговора и кончая смертью арестанта. Въ примѣненіи мѣръ начальникъ пользуется полною свободою и за послѣдствія отвѣчаетъ только передъ Господомъ Богомъ. Никто ему не можетъ мѣшать и никто не имѣетъ права переступить порога тюрьмы безъ его разрѣшенія.

Правда, на должности директоровъ тюремъ назначаются тамъ лица по выбору общества, которому они хорошо извѣстны своими нравственными качествами, но что же препятствуетъ у насъ правительству назначать подобныхъ личностей?..

При нормальныхъ порядкахъ въ тюрьмахъ, нѣтъ сомнѣнія, что люди и съ высокообразовательнымъ цензомъ не откажутся служить въ нихъ, что было бы особенно желательно, такъ какъ для перевоспитанія порочнаго человѣка требуется очень и очень много отъ лица, стоящаго во главѣ дѣла.

Какъ на образецъ, заслуживающій подражанія, я могу указать на швейцарскую каторжную тюрьму въ Лозаннѣ, гдѣ при безупречномъ порядкѣ содержатся 350 человѣкъ, при штатѣ служащихъ всего только въ 10 человѣкъ: начальникъ, его помощникъ и 8 жандармовъ, изъ

коихъ шестеро постоянно находятся при исполненіи своихъ обязанностей, а двое въ очередь отдыхаютъ.

Читая описанія различныхъ заграничныхъ тюремъ и имѣя свѣдѣнія, записанныя моими знакомыми, въ бытность ихъ за границею, со словъ нѣкоторыхъ директоровъ тюремъ, а также и изъ собственнаго опыта, я пришелъ къ тому заключенію, что нравственное вліяніе въ тюрьмѣ начальникъ, главнымъ образомъ, получаетъ тогда, когда арестантъ сознаетъ, что за спиною у начальника есть въ резервѣ такая сила, которую ему, арестанту, не преодолѣть, несмотря ни на какія ухищренія, и потому, чтобы не ухудшать своего положенія, онъ невольно подчиняется требованіямъ власти и установленнымъ тюремнымъ порядкамъ.

Инцидентъ съ каторжниками состоялъ въ слѣдующемъ.

Одинъ изъ 18 человѣкъ, содержавшихся въ каторжной палатѣ, вздумалъ, ради шалости, отвертывать у люстры газовые рожки и гнуть газопроводную трубку, не обращая никакого вниманія на замѣчанія надзирателя. Надзиратель пожаловался дежурному помощнику; послѣдній, разобравъ въ чемъ дѣло и убѣдившись въ виновности арестанта, приказалъ ему слѣдовать за собой, чтобы посадить его въ карцеръ. Тогда остальные 17 человѣкъ заявили, что товарища не выдадутъ.

Объ обстоятельствѣ этомъ помощникъ доложилъ мнѣ.

Дѣло предстояло мнѣ крайне непріятное: вразумлять людей почти отпѣтыхъ, которымъ терять нечего. Но какъ бы тамъ ни было,—являюсь къ нимъ въ камеру, по обыкновенію одинъ, безъ провожатыхъ. Объясняю всю безразсудность ихъ проступка, могущаго имѣть печальныя для нихъ послѣдствія, и заканчиваю приказаніемъ виновному въ порчѣ люстры идти въ карцеръ. Послѣдній ни съ мѣста, и всѣ молчатъ; когда я повторилъ свое приказаніе, то камера загалдѣла и заявила мнѣ то же, что и помощнику, т. е., что товарища не допустятъ посадить въ карцеръ.

Видя ихъ озвѣрѣлыя лица и возбужденное состояніе, которое въ извѣстный моментъ можетъ быть весьма опаснымъ, но превращается иногда въ совершенное ничто, когда людямъ дать остыть и успокоиться, я приблизительно сказалъ слѣдующее: не желая зла кому бы то ни было, я даю вамъ срокъ одуматься до завтрашняго утра. Посадить вашего товарища въ карцеръ я могъ бы сейчасъ, стоитъ только вызвать караулъ, но тогда вы уже всѣ будете подлежать наказанію, а въ вашемъ положеніи оно не можетъ быть легкимъ... и изъ-за чего?.. Требованіе мое справедливое, а справедливость свято чтится и на далекой каторгѣ. Я убѣжденъ, что между вами найдутся настолько благоразумные, которые поймутъ, что изъ пустяковъ поднимать серьезную исторію смысла нѣтъ. Затѣмъ я вышелъ изъ камеры, приказавъ помощнику и надзирателю,

ожидавшимъ меня въ корридорѣ, отнюдь не вступать ни въ какіе разговоры съ камерой до слѣдующаго утра и тотчасъ же дать знать механику, чтобы исправилъ люстру.

На слѣдующій день, рано утромъ, мнѣ докладываютъ, что камера каторжныхъ желаетъ меня видѣть. Прихожу. Всѣ, какъ одинъ, приносятъ мнѣ повинную и заявляютъ, что виноватый ихъ товарищъ готовъ идти сейчасъ въ карцеръ. Тогда я говорю, что мнѣ важнѣе всего ихъ сознаніе въ собственной винѣ, и что теперь я не нахожу нужнымъ и ихъ товарища сажать въ карцеръ, въ надеждѣ, что подобнаго впередъ не повторится. Меня поблагодарили, и съ тѣмъ я вышелъ отъ нихъ.

Послѣ этого случая, я до самаго конца своего пребыванія управляющимъ никакихъ непріятностей съ камерою каторжныхъ не имѣлъ.

Если мнѣ скажутъ, что при такомъ моемъ отношеніи къ арестантамъ другаго исхода, въ данномъ случаѣ, и быть не могло, то это будетъ большой ошибкой, именно, потому, что исходъ здѣсь зависѣлъ, вполнѣ, отъ состава арестантовъ,—найдись между ними Михайловы,—исходъ, навѣрное, былъ бы печальный, но, къ моему счастью, среди ихъ, быть можетъ, были Шишкины, а не Михайловы, и потому исходъ вышелъ благополучнымъ.

Переходя теперь къ политическимъ заключеннымъ, предварительно, долженъ замѣтить, что испытанныя до сихъ поръ треволненія были только, какъ говорится, цвѣточками, а сладость ягодокъ приходилось вкушать при познаваніи этой категоріи узниковъ и, не менѣе того, окружавшей меня безчисленной власти, благодаря которой я, несмотря на любовь къ дѣлу, вынужденъ былъ неоднократно проситься объ увольненіи меня отъ занимаемой должности, чего, однако, добился не ранѣе, какъ по окончаніи процессовъ: «ста девяноста трехъ», бунтарей на Казанской площади и Вѣры Засуличъ.

Всѣхъ содержавшихся по политическимъ дѣламъ, въ бытность мою управляющимъ домомъ, было постоянно отъ 180 до 200 человѣкъ; изъ нихъ двѣ трети принадлежали къ группѣ привлеченныхъ по дѣлу, такъ называемому «ста девяносто трехъ», а остальные по разнымъ другимъ.

Между ними были всевозможныя жертвы: и злаго рока судьбы, и недозрѣлости, и фанатизма, и закоренѣлости убѣжденій, словомъ сказать, тутъ были всякіе—и такіе, на содержаніе которыхъ не слѣдовало тратиться, и такіе, которыхъ не стоило содержать; но во всякомъ случаѣ, содержать кого бы то ни было изъ нихъ въ одиночномъ заключеніи долгое время, иногда нѣсколько лѣтъ, подъ слѣдствіемъ—значило идти въ разрѣзъ духу установившагося у насъ суда, суда скораго и праваго.

Сто тридцать человѣкъ, принадлежавшихъ къ дѣлу «193», до поступленія въ домъ, содержались въ одиночномъ заключеніи при поли-

цейскихъ частяхъ въ разныхъ городахъ по году, по два и даже болѣе; дѣло ихъ окончилось судебнымъ производствомъ въ январѣ 1878 года, и того, значитъ, одни просидѣли въ одиночномъ заключеніи болѣе трехъ лѣтъ, другіе болѣе четырехъ.

Столь продолжительное сидѣніе въ одиночномъ заключеніи подъ слѣдствіемъ невольно возбуждаетъ желаніе разъяснить себѣ категорически: что же такое одиночное заключеніе и слѣдствіе?.. Я, по крайней мѣрѣ, по наблюденіямъ, пришелъ къ слѣдующему выводу.

Одиночное заключеніе, прежде всего, надо сказать, бываетъ строгое и нестрогое. Строгое заключеніе есть такое положеніе для человѣка, когда онъ содержится одинокимъ въ запертомъ помѣщеніи, лишенъ возможности сообщаться и видѣться съ кѣмъ бы то ни было, и единственнымъ развлеченіемъ ему служатъ книги тюремной библіотеки, преимущественно религіознаго содержанія. Не строгое—имѣетъ разныя степени, смотря по допускаемымъ въ немъ льготамъ.

Каждый попадающій въ строго-одиночное заключеніе сидитъ первое время, относительно, спокойно, потому, что руководствуется своимъ умомъ, убѣждающимъ его въ необходимости покориться обстоятельствамъ. Продолжительность этого относительнаго спокойствія зависитъ, безусловно, отъ нравственныхъ и физическихъ качествъ человѣка: чѣмъ сильнѣе и грубѣе натура, тѣмъ длиннѣе срокъ спокойствія, и, наоборотъ, но, во всякомъ случаѣ, результатъ для всѣхъ одинъ,—преждевременная могила. Опредѣлить maximum того времени, сколько, именно, человѣкъ можетъ просидѣть въ строго-одиночномъ заключеніи, безъ вредныхъ послѣдствій для своего организма—весьма трудно; по мнѣнію же нѣкоторыхъ ученыхъ [1]), таковой не превышаетъ 11 мѣсяцевъ. Не предрѣшая справедливости подобнаго мнѣнія, можно, во всякомъ случаѣ, смѣло утверждать, что этотъ maximum, для какой бы то ни было натуры, не можетъ идти далѣе двухъ лѣтъ, а затѣмъ наступаетъ періодъ упадка физическихъ силъ и ослабленіе разсудка, и, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе у заключеннаго разыгрываются всевозможныя фантазіи, дѣйствія становятся болѣе эксцентричными и, въ концѣ-концовъ, происходитъ борьба всѣхъ органическихъ недуговъ съ необходимостью оставаться въ созерцаніи четырехъ стѣнъ. Борьба эта, по наружнымъ признакамъ, проявляется различно, у иныхъ только въ выраженіи лица, у другихъ же всѣ недуги попорченнаго организма выходятъ наружу, и страданія тогда обозначаются уже въ явственной борьбѣ съ окружающею обстановкой. Какъ тѣ, такъ и другіе виды борьбы, усиливаясь въ своихъ симптомахъ,

---

[1]) Брошюра одного изъ нихъ, фамиліи котораго не помню, представлена была мною въ департаментъ полиціи исполнительной м. в. д.

длятся до извѣстнаго предѣла, за которымъ слѣдуютъ трагическіе исходы—смерть отъ чахотки или сумасшествіе.

Мимолетный обозрѣватель одиночно-заключенныхъ, въ періодъ борьбы послѣднихъ съ окружающею обстановкой, выноситъ сплошь и рядомъ крайне превратное понятіе о нихъ, потому что по спокойно сидящимъ онъ предполагаетъ о возможности безконечнаго сидѣнія въ одиночномъ заключеніи, а дѣйствія безпокойныхъ легко приписываетъ ихъ капризамъ, дерзкой натурѣ, невѣжеству и т. п., что̀ происходитъ исключительно вслѣдствіе непониманія психической стороны человѣка.

Въ мое время посѣтителей такихъ было много; находились и вздыхатели, но большинство изъ нихъ, какъ я убѣдился впослѣдствіи, вздыхали по привычкѣ и безразлично какъ по сидящему дьяволу въ образѣ человѣка, такъ и по жертвѣ, невинно-попавшей въ когти заключенія.

Сколько бы ни говорить о строго-одиночномъ заключеніи, а въ результатѣ все-таки будетъ тотъ итогъ, что оно составляетъ наказаніе, которое принимаетъ ужасающіе размѣры, по мѣрѣ продолжительности своего срока, и становится тогда хуже всякихъ каторжныхъ работъ; потому что на послѣднихъ человѣкъ, находясь въ сообщничествѣ и въ развлеченіи трудомъ, теряетъ силы медленнѣе и менѣе сознательно приближается къ концу своего существованія.

Всѣ содержавшіеся въ домѣ по политическимъ дѣламъ считались подвергнутыми строго-одиночному заключенію, которое если не имѣло особенно гибельныхъ послѣдствій, то только потому, что содержавшіеся нашли возможность сообщаться между собой, и имъ стали предоставляться разныя льготы.

Теперь перейду къ слѣдствію.

Слѣдствіе есть не что иное, какъ провѣрка и дополненіе данныхъ, служащихъ къ обвиненію извѣстнаго лица, т. е. такое по отношенію къ нему предварительное дѣйствіе, которымъ имѣется исключительная цѣль узнать—виновно оно, или нѣтъ. Слѣдовательно, о наказаніи тутъ и рѣчи быть не можетъ. Чтобы лишить возможности привлеченнаго къ слѣдствію скрыть слѣды преступленія или помѣшать ихъ обнаруженію, необходимость заставляетъ весьма часто прибѣгать къ содержанію его въ изолированномъ положеніи, т. е. въ заключеніи, но это заключеніе, какъ мѣра не карательная, должно приводиться въ исполненіе такъ, чтобы и подслѣдственный смотрѣлъ на принятую противъ него мѣру какъ на неизбѣжную необходимость, а не наказаніе, и потому, по возможности, не слѣдуетъ его лишать тѣхъ прерогативъ, которыми онъ пользовался на свободѣ. Затѣмъ, когда слѣдователь находитъ возможнымъ разрѣшать ему свиданіе съ родственниками, или знакомыми, то, разумѣется, надобность въ изолированномъ положеніи заключеннаго прекращается, такъ какъ de facto его уже не существуетъ.

Взглядъ этотъ на одиночное заключеніе и слѣдствіе, быть можетъ, раздѣляли и тогдашніе слѣдователи, товарищи прокурора Ж. и Ш., ведшіе дѣла «193», подъ непосредственнымъ наблюденіемъ прокурора саратовской судебной палаты Ж., на которыхъ сыпались со всѣхъ сторонъ обвиненія за медлительность слѣдствія, но были ли они въ томъ повинны?!... Я полагаю, что нѣтъ, такъ какъ дѣло было новое, чрезвычайно сложное, путаное, и приходилось собирать справки съ разныхъ концовъ Россійской Имперіи, на что требовалось, конечно, много и много времени.

Объясняя мотивы къ оправданію долго длившагося слѣдствія, я, въ то же время, не могу понять очень многихъ распоряженій и отказовъ на совершенно пустыя просьбы возбужденныхъ до послѣдней степени заключенныхъ. А эти распоряженія и отказы если и шли помимо гг. слѣдователей, то все-таки едва-ли они были тутъ правы, такъ какъ хорошо знали положеніе содержавшихся и, ведя долго слѣдствіе, казалось бы, должны были содѣйствовать къ успокоенію заключенныхъ и не допускать поводовъ къ большему ихъ раздраженію.

Впрочемъ, мои недоразумѣнія яснѣе будутъ видны въ ниже сказанномъ.

Во избѣжаніе сообщенія между собой политическихъ, первоначально предполагалось содержать ихъ не ближе другъ къ другу, какъ черезъ камеру, но для такого размѣщенія, во-первыхъ, не хватало камеръ, а во-вторыхъ, было и безполезно, потому что сообщеніе оказалось возможнымъ не только черезъ камеру, но и десятки ихъ, посредствомъ проведенныхъ трубъ въ стѣнахъ и превосходнаго устройства дома въ акустическомъ отношеніи, и потому пришлось содержать ихъ въ камерахъ смежныхъ.

Трубы, вентиляціи и ватерклозеты служили имъ самымъ простымъ способомъ для разговоровъ; стѣны же, потолки, подоконники и полы представляли болѣе сложное средство для обмѣна мыслей, именно, помощью стука, похожаго на тотъ, какой происходитъ при передачѣ депешъ на телеграфныхъ аппаратахъ. Этотъ послѣдній способъ, ключъ котораго составлялъ секретъ для администраціи, употреблялся заключенными, преимущественно, въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла у нихъ о такихъ предметахъ, о которыхъ не надо было вѣдать администраціи. Система подобнаго телеграфнаго сообщенія заключалась въ слѣдующемъ. Всѣ одиночныя камеры, расположенныя по тремъ фасамъ зданія, въ шести этажахъ, раздѣлялись на пять раіоновъ; въ центральномъ раіонѣ, находившемся въ среднемъ фасѣ, помѣщалась главная телеграфная станція у одного изъ лицъ, пользовавшагося нѣкоторымъ вѣсомъ среди заключенныхъ; въ другихъ двухъ фасахъ находились четыре второстепенныя станціи, расположенныя съ такимъ разсчетомъ, чтобы по воз-

можности быть въ центрѣ своего раіона. Каждый, желавшій поговорить съ кѣмъ-либо изъ товарищей, далеко сидящихъ, обращался къ посредству на пути стоявшихъ станцій, такъ, напримѣръ, чтобы говорить изъ первой камеры нижняго этажа, съ сидящимъ въ послѣдней камерѣ шестаго этажа,—необходимо было прибѣгать къ помощи трехъ станцій: двухъ второстепенныхъ и главной. Всѣ возбуждавшіеся вопросы, которые касались общаго интереса, прежде всего поступали на главную станцію, гдѣ они обсуждались, и если заслуживали принятія къ свѣдѣнію или исполненію, то передавались черезъ второстепенныя станціи, во всѣ №№ одиночныхъ камеръ. Быстрота сообщенія тутъ была неимовѣрная,—достаточно было нѣсколькихъ минутъ, чтобы сущность новости была бы достояніемъ всѣхъ одиночно-заключенныхъ.

Работа на станціяхъ, какъ требовавшая постояннаго бодрствованія, была, конечно, утомительна, вслѣдствіе чего станціи содержались заключенными поочередно, но угадать, у кого именно,—не представлялось возможнымъ, потому что стукъ былъ общій и отличительныхъ признаковъ, въ станціонныхъ камерахъ, никакихъ не имѣлось.

О существованіи сѣти телеграфныхъ станцій заключенные высказывались смѣло, не стѣсняясь ни передъ кѣмъ, но строго только держали въ секретѣ мѣсто ихъ нахожденія и телеграфный ключъ.

Шумъ, происходившій отъ стука и разговоровъ, походилъ на какой-то отдаленный гулъ, который при общей гармоніи порядка не могъ не обращать вниманія посѣтителя и, конечно, составлялъ своеобразный безпорядокъ, но могъ ли онъ не существовать?... Нѣтъ, не могъ, потому что люди слишкомъ долго содержались въ одиночномъ заключеніи, при полной неизвѣстности, когда будетъ конецъ ихъ дѣлу, не говоря уже о томъ, каковъ онъ будетъ. Правда, при домѣ находился товарищъ прокурора, завѣдывавшій дѣлами всѣхъ вообще заключенныхъ и обязанный, по желанію послѣднихъ, доставлять свѣдѣнія о положеніи ихъ дѣла, но это касалось только гражданскихъ, а о политическихъ наводить справки онъ лишенъ былъ всякаго права.

Обращались политическіе и къ другимъ лицамъ власть имущимъ какъ письменно, такъ и словесно за разъясненіемъ своего положенія, но все оказывалось безуспѣшнымъ: тѣ, которые не вели ихъ дѣла, предлагали обращаться къ слѣдователямъ, а слѣдователи на прошенія и заявленія не находили возможнымъ отвѣчать, ибо были страшно заняты работой. Чтобы добиться, наконецъ, какой-нибудь ясности въ своемъ дѣлѣ, заключенные сговорились подать прошенія и заявленія огуломъ ко всѣмъ, къ кому только можно было обращаться. Стали сыпаться просьбы на имя министра юстиціи, шефа жандармовъ, прокурора судебной палаты, слѣдователей, градоначальника и др., всѣ на одну тему о разъясненіи дѣла, и нѣкоторыя не безъ рѣзкостей.

Подобный поступокъ со стороны заключенныхъ сочтенъ былъ за демонстрацію, неповиновеніе и проявленіе дерзкой натуры, а потому, вѣроятно, и просьбы ихъ оставались безъ удовлетворенія; тѣмъ не менѣе, какъ бы для успокоенія умовъ, послѣдовало распоряженіе о прикомандированіи къ дому шестерыхъ товарищей прокурора для ежедневнаго, по-очереди, посѣщенія его, съ цѣлью непосредственнаго принятія отъ заключенныхъ просьбъ и заявленій и производства дознаній и разъясненій по подаваемымъ имъ жалобамъ.

Положеніе въ домѣ этихъ новичковъ товарищей прокурора было далеко незавидное, и въ нѣкоторой степени даже хуже моего, такъ какъ я, какъ обстрѣлявшійся и свыкшійся со всякаго рода волненіями, не такъ близко принималъ къ сердцу всѣ встрѣчавшіяся непріятности; они же, незнакомые ни съ условіями, при которыхъ домъ существовалъ, ни съ заключенными, ни съ дѣломъ ихъ, на каждомъ шагу оскорблялись, самолюбіе ихъ постоянно страдало, наталкивались они при томъ на непоборимыя препятствія къ продолженію своей роли, какъ легальныхъ представителей. Посѣщенія ими одиночно-заключенныхъ происходили почти всегда въ моемъ присутствіи, которое, нисколько не стѣсняя заключенныхъ, приносило ту пользу, что личнымъ разъясненіемъ встрѣчавшихся недоразумѣній являлась возможность избѣгать излишней переписки.

Чтобы представить характеристику этихъ посѣщеній, достаточно разсказать про нѣкоторыя изъ нихъ.

Очередной товарищъ прокурора, съ бумагою и карандашомъ въ рукахъ, входитъ со мною въ одиночную камеру и, обращаясь къ заключенному, спрашиваетъ:—не имѣете ли что заявить мнѣ? я товарищъ прокурора!—Имѣю, отвѣчаетъ заключенный.—Что же именно?—Да вотъ что: я въ заключеніи четвертый годъ по недоразумѣнію, такъ полезно было бы знать, въ какомъ положеніи находится мое дѣло. Товарищъ прокурора записываетъ, обѣщаетъ навести справку (завѣдомо говоритъ неправду, потому что сознаетъ, что справки этой ему нигдѣ не навести) и выходитъ. Обходя послѣдующія камеры и варьируя сущность одного и того же вопроса, онъ получаетъ и отвѣты по существу одни и тѣ же, но тоже съ разными варіантами и при томъ въ рѣзкой формѣ.

Понятно, что выслушивать подобныя вещи было весьма прискорбно, тѣмъ болѣе, что о преслѣдованіи за рѣзкость ихъ и помину быть не могло, чтобы не усложнять и безъ того запутаннаго дѣла—это, съ одной стороны, съ другой же и чувство безпристрастнаго сознанія говорило, что оскорбляться тутъ неумѣстно, такъ какъ отвѣты давались не голосомъ разсудка, а голосомъ больной души психически страдавшихъ людей; да къ тому же, вопросы товарищей прокурора въ данномъ слу-

чаѣ развѣ не служили сами по себѣ поводомъ къ рѣзкимъ отвѣтамъ?.. вѣдь постоянно спрашивать и спрашивать у больнаго, гдѣ болитъ, и нисколько не помогать, когда тотъ опредѣленно указываетъ больное мѣсто, развѣ не походитъ на издѣвательство или насмѣшку?..

Конечно, безцѣльныя прокурорскія предложенія только озлобляли заключенныхъ, что очень хорошо понимали и сами товарищи прокурора, положеніе которыхъ становилось особенно неловкимъ, когда заключенные, въ свою очередь, начали штурмовать ихъ вопросами чисто юридическаго свойства, на которые приходилось молчать, потому что нечѣмъ было возражать. Такъ, напримѣръ, спрашивалось: имѣютъ ли право содержащемуся четыре года подъ арестомъ не отвѣчать на вопросъ о разъясненіи причинъ, послужившихъ къ его заарестованію? Имѣютъ ли право оставлять безъ послѣдствій прошеніе арестанта, въ которомъ онъ выражаетъ желаніе узнать, въ какомъ положеніи находится его дѣло? Имѣютъ ли право, вопреки § 2 инструкціи по дому предварительнаго заключенія, лишать заключеннаго возможности подышать свѣжимъ воздухомъ, ибо существующія прогулки черезъ 3—4 дня, по 5—6 минутъ, отнюдь не могутъ считаться удовлетвореніемъ этой насущной потребности, особенно для человѣка, сидящаго нѣсколько лѣтъ въ заключеніи? и т. д.

Все это довело положеніе товарищей прокурора до того, что они, не выждавъ распоряженія объ отмѣнѣ своихъ дежурствъ, прекратили хожденіе въ домъ.

Спустя нѣкоторое время, взамѣнъ ихъ назначенъ былъ одинъ постоянный, хорошо понимавшій состояніе дома, именно тотъ, который и прежде состоялъ при немъ. Дѣла пошли нѣсколько спокойнѣе, по крайней мѣрѣ въ значительной степени сократились причины, вызывавшія раздраженіе заключенныхъ. Къ сожалѣнію, спокойствіе это длилось не долго.

По врученіи заключеннымъ обвинительнаго акта, что означало законченность слѣдствія и переходъ дѣла въ судъ, они, на основаніи существующихъ правилъ, обратились съ просьбою о перемѣщеніи себя въ общія камеры и о разрѣшеніи совмѣстныхъ другъ съ другомъ прогулокъ. На первое ихъ желаніе разрѣшенія не послѣдовало, въ силу, вѣроятно, какихъ-нибудь особыхъ соображеній, на второе же—дано было условное: не выводить заразъ болѣе 12 человѣкъ, гулять непремѣнно попарно, безъ права сходиться парамъ вмѣстѣ и т. п. Независимо сихъ просьбъ, заключенные, чтобы подкрѣпить себя физическимъ трудомъ, стали добиваться дозволенія работъ. Совмѣстныя работы были отклонены, а предоставлялось каждому испрашивать разрѣшенія работъ въ своей камерѣ, съ обозначеніемъ рода работы. На эти послѣднія просьбы согласіе выходило съ длинными проволочками и не малыми,

совершенно непонятными, ограниченіями и исключеніями. Такъ, одинъ заключенный, желая заниматься издѣліемъ глобусовъ изъ жеваной бумаги, просилъ дозволенія имѣть перочинный ножъ, необходимый для болѣе рельефной выдѣлки горъ. Дѣлать глобусы ему разрѣшили, а въ перочинномъ ножѣ отказали, какъ представляющемъ въ нѣкоторомъ родѣ опасное оружіе. Заключенный хотя и протестовалъ на отказъ ссылкою на то, что допущенныя работы по сапожному, рѣзному и переплетному мастерствамъ въ составѣ своихъ инструментовъ имѣютъ ножи несравненно опаснѣе въ смыслѣ допущенія возможности злоупотребленія ими, однако они не изъяты изъ обращенія, но, тѣмъ не менѣе, перочинный ножъ не былъ разрѣшенъ.

Такіе отказы, какъ не имѣющіе смысла, разумѣется, только раздражали заключенныхъ и нисколько не препятствовали имъ достигать своихъ желаній путемъ собственной изобрѣтательности, доходившей иногда до изумительнаго искусства. Лишенный перочиннаго ножа сдѣлалъ самъ весьма порядочный ножичекъ изъ половинки стальнаго пера, отточенной на аспидномъ подоконникѣ; другой, знавшій исторію съ ножемъ своего товарища, однажды, обратился ко мнѣ съ просьбой одолжить ему бритву, чтобы побриться; я, конечно, отказалъ и принялъ это за шутку; тогда онъ замѣтилъ, что обойдется и безъ моей любезности, и просилъ зайти къ нему черезъ нѣкоторое время. Спустя часа 3 или 4, я вновь навѣстилъ его и нашелъ отлично его выбритымъ, при чемъ онъ показалъ мнѣ смастеренный имъ бритвенный приборъ, состоявшій изъ трехъ предметовъ: стеариновой мыльницы съ вырѣзанными на ней цвѣтами, мыльной мочальной кисти въ деревянной ручкѣ, облитой стеариномъ, и бритвы, сдѣланной изъ ободка ватерклозетной крышки, съ деревянною ручкою; третій, замѣченный въ секретной передачѣ письма, и лишенный, вслѣдствіе того, письменныхъ принадлежностей, изобрѣлъ пилюли, носившія названіе «пилюли передачи мыслей», составъ которыхъ былъ слѣдующій: вырывавшійся клочекъ бумаги изъ книги исписывался сокращеннымъ способомъ помощью спичекъ и асфальтовыхъ чернилъ, свертывался въ ничтожный комочекъ и заливался стеариномъ,—вотъ и пилюля; употреблялась же она такъ: идущій на свиданіе бралъ пилюлю въ ротъ и при поцѣлуѣ съ посѣтителемъ передавалъ ее движеніемъ языка въ ротъ послѣдняго, а крѣпкіе поцѣлуи давали возможность передавать по двѣ, по три пилюли.

Много было и другихъ, болѣе или менѣе интересныхъ изобрѣтеній, на которыя монополіи среди заключенныхъ не существовало, все дѣлалось общимъ достояніемъ.

Къ сожалѣнію, изобрѣтенія эти, служа развлеченіемъ для заключенныхъ, не рѣдко довольно убыточно отражались на казенномъ имуществѣ, съ которымъ многіе обращались совершенно безцеремонно:

нужна тряпка—рвутъ бѣлье, нужна бумага—вырываютъ ее изъ книги, нуженъ рѣзакъ—ломаютъ ватерклозетную крышку и т. д. И на все такое, волей-неволей, приходилось смотрѣть сквозь пальцы и ограничиваться только усовѣщеваніемъ.

Не знаю, каковы были взаимныя отношенія у заключенныхъ до поступленія подъ арестъ, но въ домѣ, особенно за послѣдній годъ ихъ пребыванія, они представляли собой такое неразрывное цѣлое, что отказать въ просьбѣ одному значило отказать всѣмъ, предпринять что-либо противъ одного значило предпринять противъ всѣхъ. Такая полнѣйшая солидарность служила заключеннымъ сильнымъ рычагомъ къ противодѣйствію и неповиновенію власти, и развилась, конечно, вслѣдствіе долгаго ихъ сидѣнія въ одиночныхъ камерахъ, вслѣдствіе недоступныхъ къ уразумѣнію нѣкоторыхъ распоряженій и весьма индифферентнаго отношенія къ ихъ просьбамъ и заявленіямъ.

Съ сообщеніемъ между собой заключенныхъ, продолжавшимся до выбытія ихъ изъ дома, посѣщавшее начальство никакъ не могло примириться и, не обращая вниманія на приводимые мною аргументы, приписывало его исключительно распущенности заключенныхъ, а потому въ изобиліи награждало меня упреками самаго горькаго свойства. Но все было напрасно—прекратить сообщеніе не представлялось возможнымъ. Предлагавшіяся начальствомъ мѣры къ обузданію узниковъ лишеніемъ ихъ прогулокъ, книгъ, кипятка къ чаю и сажаніемъ въ карцеръ на хлѣбъ и на воду я находилъ безусловно вредными, по той простой причинѣ, что изнуренный организмъ лишеніями губится, а не исправляется и, кромѣ того, нельзя было упускать изъ виду вышеупомянутой солидарности заключенныхъ и нахожденіе ихъ въ послѣдней степени раздраженія. Все взвѣсивъ, я пришелъ къ убѣжденію, что въ данномъ случаѣ возможно мягкое обращеніе съ заключенными есть наилучшее средство для поддержанія спокойствія въ домѣ и что съ переговорами безъ шума и крика долго сидящихъ, при соблюденіи во всемъ остальномъ правилъ инструкціи по дому—не только можно мириться, но и должно, потому что такой безпорядокъ приносилъ свою дозу пользы—сокращалъ число жертвъ отъ долгаго одиночнаго заключенія. Что тутъ я не ошибался, служитъ доказательствомъ случай, бывшій во время моего отпуска, когда явился въ домъ градоначальникъ Треповъ для возстановленія идеальной дисциплины... и что же вышло?.. вышло то, что изъ относительнаго порядка въ домѣ совершился и водворился полнѣйшій безпорядокъ, отразившійся и на судѣ заключенныхъ, и на самомъ генералѣ Треповѣ.

Чтобы не дать повода заподозрить себя въ пристрастіи къ узникамъ заключенія, выскажу свое мнѣніе о нихъ, не какъ о жертвахъ тюрьмы, а какъ о вполнѣ свободныхъ гражданахъ.

Поступившіе въ домъ за безпорядки на Казанской площади, въ числѣ пятидесяти человѣкъ [1]), и просидѣвшіе въ немъ не долго, въ глазахъ моихъ представлялись ничѣмъ инымъ, какъ недоучками, уличными манифестантами, расплодившимися въ то время, про которыхъ и говорить не стоитъ.

Извиняя многое заключеннымъ по дѣлу «193» въ силу неблагопріятныхъ условій ихъ содержанія, невольно вызывавшихъ участіе и сожалѣніе къ нимъ, они, въ то же время, производили на меня въ общемъ далеко неблагопріятное впечатлѣніе.

Большинство ихъ было люди молодые—недоучки, не успѣвшіе вступить въ жизнь и пошедшіе по ложному пути, навѣянному, конечно, со стороны, а не въ силу собственнаго убѣжденія, ибо таковое не могло еще установиться.

Сущность дѣла, по которому они содержались въ заключеніи, мнѣ почти совсѣмъ не была извѣстна, а тѣмъ болѣе—насколько кто изъ нихъ виноватъ, но узнать, какую собственно цѣль они преслѣдовали и къ чему стремились—меня, разумѣется, интересовало.

Посѣщая ихъ въ камерахъ, я разговора на эту тему никогда не начиналъ заводить, такъ какъ считалъ неудобнымъ, но они, попривыкнувъ ко мнѣ, сами стали понемножку откровенно высказываться, быть можетъ даже съ намѣреніемъ провѣрить на мнѣ свои воззрѣнія, или же узнать меня поближе. Изъ этихъ разговоровъ я вывелъ заключеніе, что они желали пересоздать строй жизни съ цѣлью, чтобы всѣмъ было хорошо, но какъ всего этого достигнуть—путались въ такихъ невѣроятныхъ теоріяхъ, которыя, казалось мнѣ, и сами неясно сознавали.

Одинъ молодой фанатикъ, однажды, въ бесѣдѣ со мной высказался весь. Разговоръ нашъ длился довольно долго, и я, задавая разные вопросы, старался поближе узнать его вѣрованія въ будущее блаженное счастье людей.

Разговоръ нашъ приблизительно былъ таковъ:

— Вы говорите, что новый строй необходимъ, чтобы всѣмъ было лучше, и что все богатство какъ казенное, такъ и частное должно быть поровну распредѣлено между всѣми, но что же лѣнтяямъ тогда дѣлать, если таковые окажутся?—спрашиваю я.

— При абсолютной свободѣ каждый воленъ дѣлать, что хочетъ, а кто ничего не хочетъ дѣлать, и такъ будетъ жить.

— Ну, а если кто-нибудь захочетъ виномъ торговать?

— Пусть торгуетъ.

---

[1]) Между ними находился Добролюбовъ, за котораго впослѣдствіи защитницею выступила Вѣра Засуличъ.

— Но вѣдь для этого нужно имѣть въ виду потребителей?

— Разумѣется.

— Хорошо... а если потребители пропьютъ все доставшееся имъ отъ раздѣла?

— Этого общество не допуститъ.

— Какъ при абсолютной-то свободѣ?

Философъ мой сначала сталъ втупикъ, а потомъ отвѣтилъ: — Ну тогда сами будутъ виноваты.

— А васъ это не коснется?

— Да мнѣ-то что?!..

— Какъ-что?!.. Вѣдь тогда они съ завистью будутъ смотрѣть на васъ, сохранившаго богатство отъ раздѣла, и, пожалуй, захотятъ вновь перестраивать строй жизни.

Здѣсь философъ замялъ разговоръ и перешелъ, неожиданно, на исторію революціи во Франціи, какъ бы желая своими познаніями возстановить свой престижъ. Но и тутъ ему не повезло, въ исторіи я оказался тоже нѣсколько свѣдущимъ и дополнилъ его разсказъ описаніемъ смерти Робеспьера, погибшаго отъ рукъ своихъ же сотоварищей.

Уходя отъ него, мнѣ почему-то казалось, что онъ склоненъ былъ, хорошенько пообдумавъ, разочароваться въ своихъ фантазіяхъ.

Было нѣсколько человѣкъ уже въ лѣтахъ, державшихъ себя серьезнѣе и, повидимому, способныхъ скорѣй подчинять себя, чѣмъ подчиняться другимъ.

Были весьма антипатичные (преимущественно въ женскомъ отдѣленіи), были и симпатичные.

Въ числѣ послѣднихъ, особенно одинъ обращалъ на себя вниманіе своею миловидностью, добродушіемъ и деликатностью. Онъ не принадлежалъ къ дѣлу «193», а къ какому-то другому, по которому въ домѣ болѣе никого не содержалось. Взятъ онъ былъ подъ арестъ чуть ли не 15-ти лѣтнимъ, когда состоялъ ученикомъ въ одной изъ южныхъ гимназій; содержался болѣе четырехъ лѣтъ и, жестоко страдая, покушался два раза на самоубійство, не удавшееся только потому, что за нимъ былъ учрежденъ усиленный надзоръ по моему распоряженію.

Я его очень часто навѣщалъ, утѣшалъ чѣмъ только могъ и неоднократно слышалъ отъ него желаніе быть лучше сосланнымъ въ каторгу, чѣмъ содержаться въ одиночномъ заключеніи.

Но всему бываетъ конецъ,—получилась бумага, въ которой объявлялось ему, что, за окончаніемъ дѣла, онъ ссылается въ одинъ изъ дальнихъ городовъ подъ надзоръ полиціи. Описать его восторгъ и сцену прощанія съ нами—я не берусь, потому что изобразить вѣрно то и другое надо быть художникомъ пера.

Долгое сидѣніе подъ арестомъ, какъ уже говорилъ, сильно отража-

лось на характерѣ заключенныхъ и приводило нѣкоторыхъ положительно въ состояніе невмѣняемости къ власть имущимъ, передъ которыми они не находили нужнымъ вставать даже и тогда, когда вступали съ ними въ разговоръ, ведя его нервно, обрывисто и съ оттѣнкомъ рѣзкости.

Никогда не забуду случая, бывшаго съ моимъ любимымъ начальникомъ; съ нимъ я прохаживалъ однажды по корридору, ведущему отъ вестибюля къ одиночнымъ камерамъ, и разговаривалъ о томъ, о семъ, а главнымъ образомъ о злобахъ дома предварительнаго заключенія, при этомъ я выслушивалъ его наставленія и укоры въ своей слабости. Начальникъ находилъ, что содержавшихся въ домѣ слѣдуетъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ; я возражалъ, что прежде всего стараюсь быть справедливымъ, а строго относиться къ людямъ, теряющимъ способность здраваго мышленія, какъ находящимся въ исключительномъ положеніи, и вообще ставить имъ каждое лыко въ строку я нахожу несправедливымъ; но начальникъ мой такого взгляда не раздѣлялъ и, съ своей точки зрѣнія, конечно былъ правъ, говоря, что такому исключительному положенію они сами виноваты, никто ихъ не тянулъ въ петлю, и не могли же они, въ самомъ дѣлѣ, предполагать, что если попадутся, то ихъ будутъ по головкѣ гладить за ихъ дикія и безсмысленныя фантазіи, и, войдя въ паѳосъ, едва онъ успѣлъ произнести послѣднія слова, какъ изъ корридора одиночныхъ камеръ двое надзирателей выводятъ политическаго арестанта, одѣтаго въ казенное платье (черный суконный бушлатъ и таковыя же брюки) и имѣвшаго видъ совершеннаго простолюдина. Я сообщаю въ полголоса своему собесѣднику, что это ведутъ политическаго въ ванную. Онъ приказываетъ надзирателямъ остановиться и, обращаясь къ арестанту, спрашиваетъ: ты кто такой?.. Арестантъ смѣрилъ его суровымъ взглядомъ съ головы до ногъ и отвѣчалъ: а тебѣ на что?.. Я махнулъ надзирателямъ рукой, чтобы его уводили, а начальника, схвативъ подъ руку, просилъ зайти въ одиночныя камеры. Онъ, разумѣется, сейчасъ же понялъ какъ меня, т. е. мое желаніе замять непріятное впечатлѣніе, такъ и неосторожность формы своего вопроса, и ограничился только тѣмъ, что сказалъ: чортъ ихъ возьми, какія свиньи.

Болѣе поучительный и, слѣдовательно, болѣе непріятный случай былъ съ другимъ лицомъ, принадлежавшимъ къ другой категоріи начальствующихъ, менѣе для меня вліятельной.

Лицо это посѣтило домъ, когда въ карцерѣ находился гражданскій заключенный, посаженный по моему приказанію на трое сутокъ съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ. Посѣтитель зашелъ въ карцеръ, поговорилъ съ арестантомъ и, выйдя оттуда, обращается ко мнѣ съ предложеніемъ освободить его, такъ какъ нашелъ совершенный имъ проступокъ не на

столько серьезнымъ, чтобы подвергать арестованнаго такому строгому наказанію, какъ трехдневное содержаніе въ карцерѣ почти безъ пищи. Я объясняю, что зря мною наказанія никогда не налагаются и что срокъ назначилъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла и примѣняясь къ характеру арестанта, а потому освободить его раньше назначеннаго срока не считаю нужнымъ.

Ведя разговоръ на эту тему, мы обходили помѣщенія арестантовъ и зашли въ корридоръ одиночныхъ камеръ; посѣтитель читалъ мнѣ лекцію совершенно въ другомъ духѣ, чѣмъ любимый мною начальникъ, и, между прочимъ, высказалъ свое убѣжденіе въ томъ, что причиною безпорядковъ въ тюрьмахъ сплошь и рядомъ бываетъ несправедливое и грубое отношеніе къ арестантамъ тюремной администраціи. Я, не отрицая могущей случаться виновности со стороны администраціи, утверждалъ только, что сила безпорядковъ кроется главнымъ образомъ не въ администраціи, а въ ненормальной вообще постановкѣ у насъ тюремнаго дѣла, такъ какъ не рѣдко бываетъ, что въ тюрьмахъ нашихъ не арестанты находятся въ зависимости отъ администраціи, а наоборотъ— администрація отъ арестантовъ. При такихъ условіяхъ существованія тюрьмы, она уже не есть наказаніе, а зло и школа нравственнаго разврата.

Разговаривая такъ, мы дошли до камеры № (не помню фамиліи), посѣтитель останавливается и, указывая мнѣ на камеру, спрашиваетъ: вы знаете кто здѣсь сидитъ?

— Знаю [1]). Здѣсь сидитъ политическій такой-то, человѣкъ крайне раздраженный, вспыльчивый, горячій, требующій весьма осторожнаго обращенія съ собой; онъ всѣхъ ненавидитъ, а лицъ вашей корпораціи въ особенности.

— Вы такъ думаете?... саркастически улыбнувшись, спросилъ онъ.

— Не думаю, а навѣрное знаю.

— Въ такомъ случаѣ очень радъ, что представляется возможность доказать вамъ, что все зависитъ отъ умѣнья обращаться съ людьми. Прикажите открыть дверь.

— Позвольте, въ свою очередь, просить васъ не заходить къ нему, во избѣжаніе могущей быть непріятности. Увѣряю васъ, что я его хорошо знаю, и вамъ стоитъ только отрекомендовать себя, чѣмъ вы есть, чтобы получить непріятность.

— Именно съ этого я и начну.

— Въ такомъ случаѣ войдемте вмѣстѣ или возьмите надзира-

---

[1]) Я почти всѣхъ зналъ, кто гдѣ сидитъ, и нѣсколько знакомъ былъ съ характеромъ каждаго.

теля вмѣсто меня, иначе я положительно затрудняюсь васъ впустить къ нему.

— Никого мнѣ не нужно, и я требую, чтобы мнѣ открыли дверь.

Двери были открыты, онъ вошелъ въ камеру, но не прошло 2—3 минутъ, какъ онъ не вышелъ, а скорѣе выскочилъ изъ нея, совершенно блѣдный, и потребовалъ, чтобы находившагося въ камерѣ я сейчасъ бы посадилъ въ карцеръ. Требованіе это я отказался исполнить, и посѣтитель уѣхалъ, не простившись со мною.

Что произошло въ камерѣ, мнѣ не извѣстно, могу только догадываться, и такъ какъ догадка можетъ быть неосновательной, то и умолчу о ней.

Лѣтъ черезъ 5 мы встрѣтились на улицѣ, какъ старые знакомые, и онъ, вспоминая прошлое, сказалъ, что послѣ бывшаго съ нимъ случая въ домѣ предварительнаго заключенія онъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на тюремное дѣло и что теоретическихъ познаній далеко недостаточно, чтобы быть хорошимъ тюрьмовѣдомъ.

Домъ предварительнаго заключенія, какъ представлявшій тогда интересную новинку, весьма усердно посѣщался многими, преимущественно имѣвшими прямое или косвенное соотношеніе къ нему, и нѣкоторые, желая придать себѣ значеніе, старались проявить хотя бы въ чемъ-нибудь свою активную дѣятельность, а потому мораль читалась мнѣ въ изобиліи, и чего-чего только я не наслушался. Но зная дѣло практически довольно хорошо, изучивъ въ нѣкоторой степени его всѣ стороны, я держался увѣренно, не стѣснялся высказывать свои взгляды и дозволялъ себѣ иногда не соглашаться съ тѣмъ, что мнѣ говорилось. Послѣднее не всѣмъ, конечно, нравилось, и тогда давалось мнѣ понять, что я слишкомъ мелкая сошка, чтобы сужденіе свое имѣть.

Къ категоріи таковыхъ принадлежало и одно высокопоставленное лицо, пользовавшееся извѣстностью лучшаго тюрьмовѣда, которое хотя и не было моимъ прямымъ начальствомъ, но по своему положенію имѣло право потребовать отъ меня личнаго представленія статистической таблицы по дому, съ которой я въ назначенный день и явился.

Особа эта приняла меня очень сухо, не только не удостоивъ протянуть руки, но даже не удостоивъ пригласить меня сѣсть, и, разговаривая со мной сидя въ креслѣ, продержала меня на ногахъ довольно долго, чуть ли не около часу, тогда какъ третье лицо, находившееся въ кабинетѣ, значительно моложе меня и лѣтами и чинами, состоявшее при особѣ для особыхъ порученій и весьма часто посѣщавшее домъ предварительнаго заключенія, передъ моими глазами находи-

лось въ непринужденной позѣ на диванѣ, сзади кресла говорившаго со мной.

Признаюсь, я чувствовалъ себя дотого неловко и настолько сильно уязвленнымъ, что едва говорилъ и немного путался въ объясненіяхъ, на что менѣе надменный человѣкъ непремѣнно обратилъ бы вниманіе, но онъ—никакого. Развивая теорію тюремной науки, онъ высказалъ, что на своемъ вѣку видѣлъ много заграничныхъ тюремъ и пришелъ къ убѣжденію, что порядки въ нихъ вполнѣ зависятъ отъ начальниковъ, которые должны обладать способностью подчинять своему вліянію арестантовъ, на іоту не коснувшись практической закулисной стороны дѣла, вѣроятно потому, что и самъ не былъ знакомъ съ нею.

Слушая его, я рѣшительно пересталъ понимать, что онъ говоритъ, и, въ концѣ-концовъ, разразился слѣдующей шарадой: заграничныхъ тюремъ я не посѣщалъ, но знакомъ съ ними по описаніямъ, и то, что усвоилъ себѣ практикою, не промѣняю ни на какія ученыя теоретическія воззрѣнія. Онъ окинулъ меня холоднымъ взглядомъ, сказалъ что-то вродѣ того, что мое при мнѣ и останется, и затѣмъ кивнулъ головой, въ знакъ окончанія аудіенціи.

Я вышелъ отъ него совершенно озлобленнымъ. Проводя параллель между имъ и прямымъ своимъ начальствомъ, я поражался разницѣ отношеній ко мнѣ. Послѣднее когда давало мнѣ наставленія и дѣлало нахлобучки, то, какъ бы ни были сильны укоры, я положительно никакой злобы внутри не имѣлъ, именно потому, что и среди укоровъ чувствовалъ къ себѣ теплое расположеніе и глубоко убѣжденъ былъ, что, случись со мной какое-нибудь горе, то эти нахлобучники первые станутъ за меня горой, но лицо второстепеннаго для меня значенія, о которомъ только-что говорилъ, и который проповѣдовалъ мнѣ о способности подчинять своему нравственному вліянію людей, не только не подчинилъ меня своему вліянію, а исключительно вселилъ злобу какъ своимъ безтактнымъ пріемомъ меня, такъ и высокомѣрнымъ тономъ своей бесѣды.

Я всегда сознавалъ свои недостатки, которые на службѣ въ домѣ предварительнаго заключенія, отъ постоянно раздражаемыхъ нервовъ, могли только усиливаться, а не уменьшаться, но вѣдь съ такими недостатками бываютъ люди и среди заключенныхъ, слѣдовательно, чтобы подчинить ихъ своему вліянію и нравственно на нихъ дѣйствовать, прежде всего необходимо ихъ понимать, а кто ихъ не понимаетъ, тотъ никогда желаемыхъ результатовъ не достигнетъ.

Много горькаго приходилось мнѣ глотать, но, какъ зависѣвшій отъ службы, покорялся судьбѣ.

Теперь поименую свое начальство. Всего перечислить нѣтъ возможности, потому что границъ ему я никогда не зналъ, да думаю,

что и само начальство недоумѣвало, на комъ изъ нихъ кончается власть по дому, а потому стану называть только памятныхъ мнѣ.

Инструкція по управленію домомъ предварительнаго заключенія гласитъ такъ:

1) Завѣдываніе домомъ предварительнаго заключенія, въ порядкѣ управленія государственнаго, принадлежитъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.

2) Домъ предварительнаго заключенія состоитъ въ вѣдѣніи с.-петербургскаго градоначальника, на общемъ съ другими мѣстами заключенія столицы основаніи.

3) Въ отношеніи порядка содержанія арестованныхъ, управляющій домомъ дѣйствуетъ подъ непосредственнымъ надзоромъ прокурора, до свѣдѣнія котораго доводитъ о всѣхъ обстоятельствахъ, могущихъ имѣть какое-либо значеніе для производящагося объ арестованномъ дѣла.

4) Внутреннее завѣдываніе домомъ предварительнаго заключенія возлагается на особое управленіе и надзоръ, назначенные по штату, высочайше утвержденному 28-го января 1875 года, въ составъ котораго, кромѣ управляющаго съ его подчиненными, входитъ «комитетъ для высшаго завѣдыванія домомъ предварительнаго заключенія, состоящій изъ предсѣдателя товарища министра внутреннихъ дѣлъ и пяти членовъ изъ среды административной и судебной».

Кромѣ того, по отношенію къ заключеннымъ по политическимъ дѣламъ, домъ подчинялся шефу жандармовъ и прокурору судебной палаты. Ближайшій надзоръ за домомъ порученъ былъ помощнику градоначальника.

Всѣ эти лица имѣли непосредственную власть надъ домомъ, а къ условной надъ нимъ принадлежали слѣдующія: чиновники особыхъ порученій вышеупомянутыхъ министерствъ, шефа жандармовъ и градоначальника, затѣмъ товарищи прокурора, статсъ-секретарь Гротъ со своими чиновниками, чиновники государственнаго контроля и, наконецъ, нѣкоторые филантропы и филантропки.

Послѣдній разрядъ былъ самымъ ужаснымъ начальствомъ, потому что больше всѣхъ мѣшалъ и только вредъ приносилъ дому; попалъ же этотъ разрядъ въ число начальствующихъ по слѣдующему поводу.

Какъ-то разъ приглашаюсь я къ явившейся въ домъ филантропкѣ для дачи объясненій на заявленія, полученныя ею отъ арестантокъ. Я не пошелъ, а послалъ къ ней своего помощника. Спустя нѣсколько минутъ, прихожу я въ пріемную комнату и застаю госпожу филантропку сидящею за столомъ и подлѣ нея стоявшихъ дежурнаго помощника и эконома, предъявляющаго ей на повѣрку денежныя книги. Сцена эта меня дотого поразила, что я тотчасъ же помощника и

эконома отослалъ къ своимъ обязанностямъ, а контролера въ юбкѣ просилъ впредь ограничивать свои посѣщенія только бесѣдами съ заключенными. Филантропка уѣхала, а черезъ часъ по ея отъѣздѣ получаю отъ градоначальника телеграмму съ приказаніемъ немедленно явиться. Явившись, я пораженъ былъ какъ гнѣвомъ своего начальника, такъ и высказаннымъ имъ, что чѣмъ больше контроля, тѣмъ лучше дѣло должно идти, и чтобъ я впередъ, по желанію филантропки, предъявлялъ ей книги на просмотръ; мало того, мнѣ приказано было сейчасъ же отправиться къ ней съ извиненіемъ и сообщить, что въ будущемъ она не встрѣтитъ препятствій въ провѣркѣ книгъ. Какъ ни смѣшно, ни грустно было, а приказаніе исполнилъ въ точности, и настолько успѣшно, что филантропка эта болѣе въ домъ не пріѣзжала, а начальникъ никогда не вспоминалъ о ней.

Полагаю, что послѣ такого случая филантропокъ долженъ былъ причислить къ числу власти, хотя бы и очень скверной.

Многочисленное мое начальство не обладало солидарностью во взглядахъ, и потому распоряженія не рѣдко появлялись одно противорѣчащее другому, что, разумѣется, весьма вредно отражалось на порядкѣ внутренняго управленія домомъ. Антагонизмъ главнымъ образомъ замѣтенъ былъ между администраціею и прокуратурою.

Разскажу про одинъ случай по этому поводу.

Во избѣжаніе злоупотребленій служащихъ въ домѣ относительно писемъ, прошеній и заявленій заключенныхъ, я установилъ почтовый ящикъ и объявилъ всѣмъ содержавшимся, что таковой будетъ обноситься по камерамъ ежедневно въ извѣстное время, и чтобы они собственноручно опускали въ него ими написанное. Ключъ отъ ящика находился у меня, и слѣдовательно все опущенное въ него приходило ко мнѣ непосредственно. Какъ-то разъ вынимаю я изъ ящика тетрадку, исписанную совершенно безграмотно, въ стихахъ и прозѣ, омерзительную пасквиль на членовъ императорской фамиліи и подписанную 18-ти-лѣтнимъ крестьянскимъ сыномъ Арсентіемъ Бобковымъ, содержавшимся въ домѣ за кражу. Не желая придавать этой безусловной мерзости какого-либо оффиціальнаго значенія, я, все-таки, на всякій случай, оформилъ дѣло, т. е. лично самъ написалъ рапортъ на имя прокурора судебной палаты, составилъ протоколъ, прошнуровалъ и припечаталъ тетрадку, снявъ съ нея копію; затѣмъ, явясь къ градоначальнику, представилъ ему бумаги и высказалъ причины, побудившія меня, предварительно отсылки дѣла къ прокурору палаты, представить таковое на его благоусмотрѣніе. Мелькомъ просмотрѣвъ копію съ тетрадки, градоначальникъ приказалъ подавать лошадей и, усадивъ меня съ собою, поѣхалъ въ Зимній дворецъ. По прибытіи туда, я остался въ швейцарской, а генералъ отправился въ кабинетъ государя. Вер-

нувшись часа черезъ два, онъ, вручая мнѣ бумаги, приказалъ ѣхать къ шефу жандармовъ и доложить ему, что нежелательно дѣлу этому давать оффиціальнаго хода, а предоставляется ему, шефу, распорядиться по своему усмотрѣнію. Пріѣзжаю къ шефу и передаю ему все подробно. Внимательно выслушавъ меня и просмотрѣвъ тетрадку, онъ сказалъ: «вѣдь это все равно, что молитву пересыпать бранными словами!.. тутъ политическаго-то ничего нѣтъ!» Затѣмъ, получивъ приказаніе держать Бобкова, впредь до распоряженія, я уѣхалъ.

Чтобы числить кого бы то ни было за III отдѣленіемъ, необходимо было донести о томъ прокурору судебной палаты, и такъ какъ мотивы зачисленія Бобкова были исключительны, и къ тому же, по словесному распоряженію шефа, то я счелъ за необходимое представить донесеніе лично. Явясь къ прокурору и доложивъ ему объ обстоятельствахъ дѣла, я имѣлъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

— Почему вы обратились прежде къ градоначальнику, а не ко мнѣ, какъ бы слѣдовало по закону?—спрашиваетъ меня прокуроръ.—Потому что въ дѣлѣ собственнаго недоразумѣнія я болѣе удобнымъ считалъ обратиться къ ближайшему своему начальнику,—отвѣчаю я.—Да, вы были бы правы, еслибъ предметъ имѣлъ характеръ чисто полицейскаго свойства, но въ данномъ случаѣ,—я ближе къ вамъ генерала Трепова... Вамъ слѣдовало первымъ долгомъ явиться ко мнѣ, а затѣмъ ужъ отъ меня бы зависѣло, какъ посмотрѣть на дѣло и какъ съ нимъ поступить... Я этого такъ не оставлю, законъ нельзя такъ игнорировать.

Послѣ такой тирады, я сталъ извиняться и доказывать, что всѣ непріятности по настоящему дѣлу обрушатся на мою голову, и потому просилъ предать дѣло забвенію. Получивъ согласіе, я оставилъ прокурора, какъ кажется, удовлетвореннымъ въ самолюбіи.

Подобныхъ случаевъ было не мало, ясно указывавшихъ на существовавшій разладъ между прокуроромъ судебной палаты и градоначальникомъ, который не прекращался вплоть до оставленія первымъ своего поста. Разладъ этотъ имѣлъ особенно важное значеніе за послѣдній годъ моего управленія домомъ, когда прокуроръ палаты и градоначальникъ, по дѣятельности своей, оставались главными представителями власти надъ домомъ, другіе же, какъ выше ихъ стоявшіе, такъ и равные имъ, отвлекаемые дѣлами бурнаго того времени, какъ бы отшатнулись отъ дома, сознавъ, что многоначаліе порождаетъ въ немъ только неурядицу.

Время тогдашнее, помимо дома, было вообще, для всѣхъ весьма неблагопріятнымъ, безтолковымъ и полнымъ хаоса; усиленію же броженія умовъ въ обществѣ, я увѣренъ, не мало способствовалъ и безконечно тянувшійся процессъ дѣла «193».

Броженіе идей того времени особенно ярко отражалось на учащейся

молодежи, не отличавшейся и тогда самовоздержаніемъ. Многіе студенты вовсе не посѣщали лекцій и только бродили по улицамъ, одѣваясь преимущественно въ извѣстный костюмъ: шляпа съ широкими полями, черезъ плечо пледъ и высокіе сапоги. Шатаніе ихъ разнообразилось иногда бесѣдами со спутницами въ темныхъ очкахъ, съ коротко стрижеными волосами, съ манерами, далеко не изящными. Встрѣчаясь съ человѣкомъ, болѣе или менѣе приличнаго вида, они считали какъ бы долгомъ не давать имъ дороги и непремѣнно провожать его дерзкимъ взглядомъ.

Подобныя лица, собираясь въ кучу, присоединяли къ себѣ праздношатающихся на улицѣ и составляли толпу, готовую на демонстрацію, заключавшуюся въ безцѣльномъ шествіи по улицамъ.

Наибольшее удовольствіе, повидимому, такая толпа испытывала въ демонстраціи съ покойниками, изъ принадлежавшихъ къ числу лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію или суду по политическому дѣлу, которыхъ она добывала съ квартиръ—если лицо проживало на свободѣ, или просто крала изъ военнаго госпиталя,—если оно находилось подъ стражею. Толпа, съ такою ношею, прежде всего, подходила къ воротамъ дома предварительнаго заключенія, гдѣ пѣла панихиду, и затѣмъ отправлялась на кладбище.

Видя подобныя насиліе, грубость, невѣжество и ничего недѣланіе, я не разъ задавался вопросомъ: неужели же это неизбѣжные предвѣстники движенія впередъ, къ развитію, къ культурности?!.. И думалось мнѣ, что тутъ, скорѣе, признаки совершенно противоположныхъ результатовъ, именно—полнѣйшее нравственное паденіе общества.

Толпа, конечно, ни разу не собиралась безъ того, чтобы тотчасъ не появлялась полиція, но послѣдняя не предпринимала никакихъ обстоятельныхъ мѣръ, потому что не имѣла опредѣленной инструкціи, какъ дѣйствовать, а инструкція не появлялась потому, что власть держалась политики выжиданія, высматриванія, и занималась соображеніемъ мѣръ болѣе цѣлесообразныхъ къ успокоенію взбаламученныхъ нравовъ.

Насколько, вообще, власть тогда была осторожною, и какъ близко къ сердцу принимала даже дикіе слухи, ходившіе по городу, можно судить по слѣдующимъ, хотя бы двумъ, обстоятельствамъ. Къ первому отнесу покойниковъ изъ заключенныхъ по политическому дѣлу. Они отправлялись изъ дома предварительнаго заключенія на кладбище, не иначе, какъ при соблюденіи совершенной тайны, затѣмъ принимались самыя строгія мѣры къ охраненію дома предварительнаго заключенія отъ нападенія.

Наконецъ, слухи о намѣреніи непріятеля стали умолкать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мы начали разоружаться, и дошли совсѣмъ до мирнаго положенія, когда окончился процессъ «193».

Судебное разбирательство дѣла «193» ознаменовалось весьма прискорбнымъ поведеніемъ заключенныхъ, дозволившихъ себѣ кричать, стучать и ругаться. Нѣтъ сомнѣнія, что подобный скандалъ произошелъ потому, что на судѣ представился удобный моментъ разразиться чувству накипѣвшаго у нихъ негодованія за все ими испытанное въ теченіе 3—4 лѣтняго заключенія, а что была причина назрѣвать такому чувству—служитъ доказательствомъ резолюція суда, которой очень многіе совсѣмъ оправданы, очень многимъ вмѣненъ предварительный арестъ въ наказаніе, и очень немногіе (кажется, 12 человѣкъ) понесли дальнѣйшую кару.

Едва покончился разсчетъ дома съ содержавшимися по дѣлу «193», какъ предстало новое, не менѣе громкое дѣло, Вѣры Засуличъ. Разсказывать о немъ излишне, такъ какъ оно, въ свое время, было подробно напечатано въ газетахъ, но я дополню его лишь свѣдѣніями о такомъ обстоятельствѣ, которое очень мало кому извѣстно.

31-го марта 1878 года, по требованію суда, Вѣра Засуличъ была доставлена мною въ зданіе судебныхъ учрежденій, къ 12 часамъ дня и сдана подъ росписку дежурнаго пристава. По окончаніи засѣданія и произнесеніи резолюціи предсѣдателемъ К., на моихъ глазахъ, судебный приставъ объявилъ Засуличъ о ея свободѣ, а начальникъ конвоя, жандармскій офицеръ, скомандовалъ «сабли въ ножны», снялъ часовыхъ, и, такимъ образомъ, Засуличъ, сойдя со скамьи подсудимыхъ, имѣла полную возможность, совершенно безпрепятственно, вмѣстѣ съ публикою, выйти на улицу, но она первоначально отправилась въ домъ предварительнаго заключенія за вещами. Пока она занималась сборкою вещей и чаепитіемъ, я обратно вернулся въ зданіе суда и, встрѣтивъ тамъ, спускавшимся съ лѣстницы, вновь назначеннаго прокуроромъ судебной палаты Л., заявилъ ему, что Засуличъ, въ данный моментъ, въ домѣ предварительнаго заключенія собираетъ свои вещи. На это Л., какъ бы въ видѣ совѣта, сказалъ мнѣ, чтобы я, до полученія предписанія, повоздержался бы ея освобожденіемъ.

Придя въ домъ, я находился въ крайне затруднительномъ положеніи: съ одной стороны—незаконное мною задерживаніе Засуличъ, которое, хотя и было извѣстно прокурору палаты, но, тѣмъ не менѣе, въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, безъ письменнаго документа, однимъ словамъ, невозможно было придавать особаго значенія; съ другой—возбужденная огромная толпа, собравшаяся на улицѣ, горѣла нетерпѣніемъ скорѣйшаго свиданія съ Засуличъ, и, вслѣдствіе задержки въ выпускѣ, могла произвести безпорядокъ, который, конечно, всецѣло былъ бы отнесенъ ко мнѣ, но, къ счастію, не прошло и четверти часа, какъ я получилъ предписаніе суда о ея немедленномъ освобожденіи, и, одновременно съ этимъ, явившійся мѣстный участковый приставъ передалъ мнѣ просьбу

предсѣдателя суда К. (который, несомнѣнно, видѣлся съ прокуроромъ Л.) о томъ, чтобы Засуличъ была выпущена не на Шпалерную, а на Захарьевскую улицу, во избѣжаніе могущей быть демонстраціи собравшейся толпы. Предложенія этого я исполнить не могъ и не желалъ: не могъ—за неимѣніемъ выхода на Захарьевскую улицу, не желалъ, во-первыхъ, потому, что это было бы противъ установленнаго порядка, а, во-вторыхъ, освобождая Засуличъ секретнымъ путемъ, невозможно было бы убѣдить волновавшуюся толпу въ ея освобожденіи, и, безъ сомнѣнія, произошелъ бы крупный скандалъ, который опять-таки могъ быть приписанъ моей винѣ. Въ виду этихъ соображеній, Засуличъ была освобождена обыкновеннымъ порядкомъ, чрезъ ворота на Шпалерную улицу, въ восьмомъ часу вечера. На улицѣ толпа, принявъ ее, сопровождала подъ наблюденіемъ, находившихся въ нарядѣ, чиновъ полиціи и жандармовъ.

Въ этотъ же день, около 11 часовъ вечера, явился ко мнѣ прокуроръ окружнаго суда С., съ предписаніемъ прокурора судебной палаты о содержаніи Засуличъ подъ стражею впредь до особаго распоряженія. Я до того поразился подобнымъ предписаніемъ, что сначала принялъ его за мистификацію, такъ какъ всему Петербургу уже было извѣстно объ освобожденіи Засуличъ, а тѣмъ болѣе прокурору, изъ канцеляріи котораго, часа четыре тому назадъ, я получилъ предписаніе о немедленномъ ея освобожденіи; но моментъ столбняка моего прошелъ, и я уразумѣлъ, что здѣсь мистификаціи быть не можетъ, и что таковое предписаніе послѣдовало, вѣроятно, въ силу какихъ-либо исключительныхъ обстоятельствъ, чего прокуроръ С. объяснить мнѣ не могъ, или, вѣрнѣе, не хотѣлъ, а далъ только понять, что въ данномъ случаѣ онъ исполнитель приказанія высшей власти.

Составивъ по этому поводу докладную записку, я, на слѣдующій день, рано утромъ, поѣхалъ съ нею къ генералу Трепову, который, несмотря на свое болѣзненное состояніе, принялъ меня и, выслушавъ, обѣщалъ дать ходъ моей запискѣ.

Черезъ нѣсколько дней, я вызываюсь къ прокурору Л. Являюсь. Въ кабинетѣ у него застаю прокурора С., и мы, втроемъ, садимся за письменный столъ. Л., предложивъ мнѣ любезно папиросы, повелъ со мной, приблизительно, слѣдующій разговоръ:—я желалъ, съ вами, полковникъ, побесѣдовать, чтобы освѣжить въ вашей памяти обстоятельства освобожденія Засуличъ... Вы, вѣроятно, помните, что по окончаніи судебнаго засѣданія, встрѣтившись со мной на лѣстницѣ, я предложилъ вамъ не выпускать Засуличъ впредь до моего распоряженія?—Это я не помню,—отвѣчаю я,—а помню очень хорошо, что вы предложили не выпускать Засуличъ до полученія мною бумаги отъ суда, что́ я и исполнилъ.—Нѣтъ, это не такъ!... Вы припомните хорошенько!... ко-

нечно, вы были въ такомъ экзальтированномъ состояніи, что легко могли недослышать или перепутать мои слова, но я-то очень хорошо помню, что предупреждалъ васъ не освобождать Засуличъ впредь до моего особаго распоряженія.

Дѣйствительно, я находился тогда подъ сильнымъ впечатлѣніемъ только-что окончившагося суда надъ Засуличъ, да и кто не былъ подъ этимъ впечатлѣніемъ изъ присутствовавшихъ?!... Въ бытность свою управляющимъ домомъ предварительнаго заключенія, я не пропускалъ ни одного политическаго судебнаго процесса, слышалъ всѣхъ лучшихъ защитниковъ, какъ-то: Спасовича, Лохвицкаго, Герарда, Утина, Турчанинова, Потѣхина и др., но никто изъ нихъ не говорилъ такъ сильно, убѣдительно, захватывая за душу, какъ Александровъ—защитникъ Засуличъ. Впервые тогда я слышалъ на судѣ взрывъ апплодисментовъ, не только со стороны обыкновенныхъ смертныхъ, переполнявшихъ залъ и хоры, но и среди лицъ, сидѣвшихъ за судейскими креслами, изъ которыхъ на многихъ виднѣлись звѣзды. Слѣдовательно, впечатлѣніе было общее.

Бесѣда моя съ прокуроромъ Л. длилась не долго. Я рѣшительно отказался считать себя виновнымъ въ неисполненіи его распоряженія, и въ доказательство своей правоты приводилъ тотъ аргументъ, что если бы онъ имѣлъ въ виду сдѣлать распоряженіе относительно задержанія Засуличъ, то, вѣроятно, пригласилъ бы меня къ себѣ, ибо встрѣча со мной на лѣстницѣ, по которой онъ спускался, чтобы ѣхать съ докладомъ къ министру юстиціи, была дѣломъ случайнымъ. Л. стоялъ на своемъ, и на томъ мы разстались.

Проходятъ еще нѣсколько дней, и меня потребовалъ къ себѣ генералъ Козловъ, исправлявшій должность градоначальника, за болѣзнью генерала Трепова. По прибытіи моемъ въ канцелярію градоначальника, генералъ Козловъ уводитъ меня въ отдѣльную комнату, сажаетъ подлѣ себя на диванъ и говоритъ: вы много терпѣли и выслушивали разныхъ непріятностей, выслушайте теперь послѣднюю, а затѣмъ, надѣюсь, пойдетъ все къ лучшему. Дѣло въ томъ, что вы, по высочайшему повелѣнію, за несвоевременное освобожденіе Засуличъ, должны отбыть семидневный арестъ на гауптвахтѣ, въ утѣшеніе же вамъ скажу, что вы теперь же представляетесь къ слѣдующему ордену, на лѣто увольняетесь въ отпускъ, съ выдачею вамъ пособія, и въ приказѣ объ арестѣ вашемъ, не будетъ отдано, а равно не будетъ онъ занесенъ и въ формуляръ вашъ, такъ какъ, въ данномъ случаѣ, вы становитесь жертвою неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, хотя всѣ мы не сомнѣваемся въ вашей правотѣ. Кромѣ того, я попрошу васъ, когда вы выберете гауптвахту и получите отъ насъ бумагу, отправиться подъ арестъ какъ можно раньше и никому не говорить, гдѣ будете находиться.

Имѣйте въ виду, что дѣло это исправить ничѣмъ нельзя, и высочайшая воля должна быть исполнена.

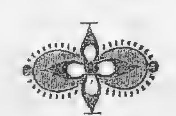
Генералъ Козловъ, какъ прекраснѣйшей души человѣкъ и очень хорошо меня знавшій, все это старался высказать насколько возможно мягко и сочувственно, но, тѣмъ не менѣе, суть дѣла осталась та же—грустное и тяжелое, и я чуть не со слезами на глазахъ вышелъ изъ комнаты.

На слѣдующій же день я сталъ отбывать свое наказаніе, а по отбытіи его, подалъ прошеніе объ увольненіи меня отъ должности управляющаго домомъ предварительнаго заключенія, и послѣ того не переступалъ порога его даже тогда, когда сдавалъ должность.

Спустя нѣсколько лѣтъ, я встрѣчался на улицахъ съ нѣкоторыми изъ бывшихъ при мнѣ въ заключеніи по дѣлу «193» и узналъ, что многіе изъ нихъ, по окончаніи курса въ университетѣ, поступили на службу и вспоминаютъ о прошломъ, какъ объ увлеченіи молодости.

Въ настоящее время, домъ предварительнаго заключенія, вѣроятно, во многомъ измѣнился, и, нѣтъ сомнѣнія, что къ лучшему, потому что то, что было при мнѣ, повториться не можетъ.

М. Федоровъ.

Записки П. Н. Глѣбова.

Порфирій Николаевичъ Глѣбовъ, будучи командиромъ конной батареи, находился подъ начальствомъ генерала Купріянова. Сначала отношенія между ними были вполнѣ хорошія, и батарея Глѣбова, по первоначальнымъ отзывамъ самого Купріянова, была одна изъ лучшихъ. Но генералъ Купріяновъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя не всегда отдѣляютъ свои собственные интересы отъ казенныхъ и смѣшиваютъ служебныя дѣла съ своими личными отношеніями. Встрѣтивъ отпоръ со стороны своего подчиненнаго, онъ круто измѣнилъ свое отношеніе къ Глѣбову и какъ начальникъ имѣлъ полную возможность поставить Глѣбова въ такое положеніе, которое какъ Глѣбова лично, такъ и его батарею привело бы въ большое разстройство. Такъ, онъ несправедливо выранжировывалъ въ ущербъ батареѣ лошадей, назначалъ время для ученья и смотровъ самое жаркое, заставляя ждать себя цѣлыми часами и безполезно утомляя какъ людей, такъ и лошадей, а во время производства ученья производилъ всѣ эволюціи самыми быстрыми аллюрами по глубокому песку, изнуряя батарею.

Все это довело Глѣбова до того, что онъ началъ переписку съ Купріяновымъ, дошедшую въ рѣзкости до того, что Глѣбовъ наконецъ попалъ подъ судъ, судился нѣсколько лѣтъ, и только благодаря Ростовцеву дѣло это дошло до Николая Павловича и было вновь пересмотрѣно, при чемъ Глѣбову разрѣшено было вновь поступить на службу.

14-го февраля 1855 года послѣдовала высочайшая конфирмація по моему дѣлу. За тяжкую обиду начальнику повелѣно выдержать меня два мѣсяца въ казематѣ въ крѣпости, а потомъ вновь обратить на службу, но съ тѣмъ, чтобы отдѣльныхъ частей не довѣрять, доколѣ отличными заслугами не обращу на себя вниманіе начальства.

17-го марта объявлена мнѣ помянутая конфирмація въ Кіевскомъ ордонансъ-гаузѣ въ присутствіи плацъ-маіора полковника Левковича. Но на основаніи милостиваго манифеста, послѣдовавшаго по случаю вступленія на престолъ новаго императора, срокъ заточенія уменьшили на половину, такъ что не 17-го мая, какъ слѣдовало по приговору конфирмаціи, но 17-го апрѣля я былъ уже на свободѣ.

8-го мая выѣхалъ изъ Кіева съ женой и сыномъ въ Кременчугъ, явился къ начальнику резервной конной артиллеріи, такъ какъ во время производства надо мной суда былъ я переведенъ изъ дѣйствующей 24-й въ резервную 10-ю батарею. Вояжъ совершили мы весьма пріятно; погода была чудесная. Ѣхали черезъ Борисполь, Переяславль, Золотоношу и Городище. По этому тракту изъ Кіева до Кременчуга было 250 верстъ. Большую часть дороги шелъ я пѣшкомъ, переносясь мыслью въ прошедшее и припоминая всѣ частности печальной и тяжкой борьбы моей съ негодяями. Мысли эти, кажется, не оставятъ меня до гроба!...

Въ Кременчугѣ— инспекторъ, графъ Никитинъ, принялъ меня весьма милостиво. Замѣтно было изъ разговора и изъ выраженія лица этого старика, что онъ принимаетъ во мнѣ участіе. Не могу того же сказать о начальникѣ штаба, Л—цѣ. Впрочемъ, этотъ человѣкъ, если не ошибаюсь, до того сосредоточенъ на своихъ собственныхъ дѣлишкахъ, служебныхъ и не служебныхъ, что интересы другихъ—ему болѣе не доступны. Нѣтъ сомнѣнія, что даже кровавая драма Севастопольская не занимаетъ его и не затрогиваетъ въ немъ ни одной струны чувствительной. Онъ—машина. Впрочемъ, какъ говорятъ, хорошо устроенная для аккуратнаго производства текущихъ дѣлъ канцелярскихъ. Не взирая однако на его усердіе и способности, графъ Никитинъ его не любитъ, даже не довѣряетъ ему и держитъ его въ черномъ тѣлѣ. Лутковскій, начальникъ артиллеріи по части инспектора резервной кавалеріи, а въ сущности—начальникъ семи или восьми резервныхъ конныхъ батарей,—встрѣтилъ меня весьма внимательно и тотчасъ же отнесся въ Петербургъ съ запросомъ,—куда меня обратить на службу. Онъ человѣкъ кроткій, учтивый и неразговорчивый, но, какъ кажется, на счету весьма хорошемъ у начальниковъ. По телеграфу дано знать, что онъ назначенъ начальникомъ артиллеріи въ Западную армію въ Варшаву.

15-го іюня по телеграфу дано знать, чтобы меня отправить въ Крымъ въ 21-ю батарею. На другой день Лутковскій сообщилъ мнѣ объ этомъ предписаніи.

И такъ, служебная моя судьба рѣшена, и я отправляюсь въ Крымъ. О предстоящихъ мнѣ лишеніяхъ, трудахъ и опасностяхъ всякаго рода я не думаю, но мнѣ грустно разстаться съ моей доброй женой и съ

моимъ милымъ сыномъ. Но, Богъ милостивъ! Если меня не станетъ, братъ Викторъ ихъ не оставитъ! Какъ меня въ продолженіе моего 6-тилѣтняго бѣдствія онъ утѣшалъ и успокаивалъ, такъ точно отогрѣетъ онъ и мою Сашурку, нѣжную и добрую мою подругу. Впрочемъ, къ чему ведетъ каждаго изъ насъ судьба, вѣдано одному Богу. Покоряюсь безропотно этому новому назначенію, и пока здоровье мнѣ не измѣнитъ, буду служить царю и отечеству честно и правдиво.

Наконецъ, 19-го іюня выѣхалъ я изъ Кременчуга. Грустно, невыразимо грустно было мнѣ оторваться отъ милыхъ сердцу! Я и не помню, когда я такъ сильно страдалъ душой.

Елисаветградъ—заштатный городокъ Новороссійскаго военнаго поселенія,—какъ оазисъ въ пустынѣ освѣжилъ меня. Тутъ было много народу, тратившаго деньги, нѣсколько штабовъ съ огромнымъ числомъ голодныхъ желудковъ. По планировкѣ города и по прямымъ его улицамъ, Елисаветградъ нѣсколько напоминаетъ собой Царское Село, разумѣется, за исключеніемъ царской роскоши, которой въ Елисаветградѣ нѣтъ, хотя и возвышаются на оконечности города огромныя зданія, носящія наименованіе дворца.

Главныхъ зданій этихъ три: въ одномъ назначены помѣщенія для государя, его свиты, корпуснаго командира и для всѣхъ генераловъ; въ другомъ для штабныхъ чиновниковъ, въ третьемъ—для штаба и писарей. Всѣ зданія трехъэтажныя съ длинными фасадами, тутъ же манежъ, главная гауптвахта, церковь прекрасной архитектуры съ 5-ю куполами, небольшой плацъ-парадъ и разныя хозяйственныя постройки: конюшни, сараи и пр. Все отличается массивностью; постройки—удобствами жизненными, симметріей, опрятностью, но нигдѣ и слѣдовъ нѣтъ на претензію и на роскошь, или на какое-либо изящество; вездѣ только одно необходимое, и ничего лишняго; словомъ, Елисаветградскій дворецъ нельзя назвать царскимъ, но правильнѣе—дворцомъ военнаго поселенія. Помѣщеніе для государя въ нижнемъ этажѣ одного изъ трехъ зданій, состоящее всего изъ 4 покоевъ: спальни и уборной, гостиной, кабинета и пріемной, также не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ опрятности, доведенной до высшей степени.

Елисаветградъ былъ когда-то крѣпостію, но теперь это открытый со всѣхъ сторонъ городъ и со всѣхъ сторонъ окруженный необозримыми степями, на которыхъ часто покойный императоръ производилъ кавалерійскіе маневры съ Герценшвейгомъ, Сакеномъ, Офенбергомъ и Гейльфрейхомъ, съ русскими генералами. Не знаю, каково было графу Никитину переваривать всѣ эти фамиліи заморскія.

Память о покойномъ императорѣ надолго останется не токмо въ поселенныхъ войскахъ, но и въ жителяхъ Елисаветграда. Когда я по-

велъ рѣчь съ хозяйкой постоялаго двора, очень умною мѣщанкой, о примѣчательностяхъ города, она прежде всего начала разсказъ о дворцѣ.

— Ступайте, батюшка, — говорила старуха, — взгляните на дворецъ. Вѣдь покойный батюшка государь часто навѣщалъ насъ и гостилъ у насъ иногда по 10 дней.

— Для смотровъ и маневровъ—замѣтилъ я.

— Это своимъ порядкомъ, — возразила тотчасъ же старуха,—но онъ пріѣзжалъ и для насъ. Бывало, какъ подъѣдетъ къ крылечку, такъ всегда и скажетъ: я дескать пріѣхалъ къ вамъ, чтобы у васъ отдохнуть.—Да, батюшка, любилъ и жаловалъ насъ покойный.

— Да за что же онъ васъ любилъ такъ?

— Какъ за что?—За порядочность нашу, за православіе, за вѣрность. Да и мы-то любили его. Если бы вы были здѣсь, какъ получено было извѣстіе объ его кончинѣ, вы насмотрѣлись бы на наше горе, слезъ-то, батюшка, слезъ и плача было много по всему городу. И какъ подумаешь, послѣдній разъ пріѣзжалъ онъ къ намъ такимъ здоровымъ и веселымъ, и вдругъ не стало! Воля твоя, Господи! Слава еще Богу, (и съ этимъ словомъ старуха набожно взглянула на иконы и перекрестилась), что преемникъ его уже въ лѣтахъ и не дастъ насъ на поруганіе врагамъ нечестивымъ. Слухи даже ходятъ въ народѣ, что новый императоръ повѣстилъ грамотою, что и онъ отъ дѣла праваго не отступитъ и будетъ такъ же, какъ и отецъ, биться съ врагомъ до послѣдней капли крови. Дай-то Богъ ему силу и мудрость отцовскую!

Нѣтъ сомнѣнія, что въ родѣ моей старухи-хозяйки многіе изъ жителей Елисаветграда вспоминаютъ объ усопшемъ императорѣ. Дѣйствительно, если этотъ городъ процвѣтаетъ, то преимущественно обязанъ этимъ Николаю Павловичу. Холеры пока еще здѣсь нѣтъ, но по слухамъ,—въ Николаевѣ и Херсонѣ она уже свирѣпствуетъ. Кстати, въ кондитерской встрѣтилъ я самую словоохотливую «dame de comptoir.» Между прочимъ, она объявила мнѣ, что на-дняхъ получила письмо изъ Симферополя отъ сестры, что холера преужаснѣйшая и тамъ свирѣпствуетъ, и что народу отъ нея валитъ премного.

— А французы отъ нея умираютъ?—спросилъ я.

— Какъ не умирать! Ихъ еще больше умираетъ, чѣмъ нашихъ, вѣдь она, проклятая, на своихъ не такъ озлобляется, какъ на чужихъ; да и народъ у нихъ, правду сказать, нетерпѣливый и невоздержный: жрётъ себѣ всё, что ни попало. Но намъ отъ этого не легче.

— Вѣстимо такъ, подумалъ я и въ раздумьѣ пошелъ снова бродить по городу.

По дорогѣ отъ Елисаветграда до Николаева, почти на 200 верстъ, всего одинъ городъ—Бобринецъ, гнѣздо жидковъ съ одною право-

славною церковью и съ нѣсколькими мазанками, а послѣ Бобринца опять степь, степь и степь!

На станціи встрѣтился съ какимъ-то господиномъ въ халатѣ,— ѣдущимъ за панибрата съ жидкомъ изъ Николаева на ярмарку въ Елисаветградъ. Хотя господинъ этотъ и отрекомендовался мнѣ вольно-практикующимъ лѣкаремъ, но по физіономіи его, болѣе чѣмъ подозрительной, что-то не вѣрится, чтобы онъ могъ принадлежать къ семьѣ эскулаповъ; достовѣрно можно предположить, что онъ просто коновалъ, или ветеринарный лѣкарь. Но въ степи я и ему обрадовался, тѣмъ болѣе, что онъ собесѣдникъ не молчаливый. Разумѣется, прежде всего рѣчь пошла о настоящихъ событіяхъ.

По его словамъ, французы шли на приступъ мертво-пьяные (6-го іюня), положено ихъ на мѣстѣ до 8 тысячъ и взято въ плѣнъ 800 чел.; часть плѣнныхъ отправлена на Кіевъ, другая же партія на Елисаветградъ изъ Николаева; все народъ рослый и красивый, сами себя называютъ дураками и говорятъ, что на одного русскаго надо по крайней мѣрѣ 3-хъ французовъ.

Въ степяхъ, пожалуй, еще можно найти поэзію. Но для этого необходимы: пылъ молодости, богатырское здоровье да лихой конь. При такихъ условіяхъ и въ степи какое угодно горе размыкать можно. Но вотъ и Николаевъ, гнѣздо моряковъ, съ его корабельною верфью, адмиралтействомъ и разными другими заведеніями морскаго вѣдомства.

Въ городѣ замѣтна пустота, скука и вялость или, вѣрнѣе — безжизненность. Быть можетъ въ другое время и другой видъ имѣлъ городъ; но при настоящихъ обстоятельствахъ, особенно въ столь близкомъ разстояніи отъ театра войны, жителямъ Николаева не до веселостей.

Для военныхъ никакого стѣсненія относительно формы; всякій ходитъ, въ чемъ ему заблагоразсудится, и всѣ въ бѣлыхъ фуражкахъ, даже солдаты въ такихъ же фуражкахъ съ козырьками. Головной уборъ этотъ присвоенъ всей арміи Крымской. Но пуще всего отличаются безцеремоннымъ костюмомъ моряки и матросы, иной съ набросанной на плечи парусиновой курткой, а другой просто въ рубахѣ, но всѣ отличаются какой-то особенной лихостью и непринужденностью. Встрѣчалъ нѣсколько матросовъ, раненыхъ при оборонѣ Севастополя.

Бѣдные калѣки на костыляхъ! Если бы вы знали, съ какимъ уваженіемъ и умиленіемъ смотрѣлъ я на ваши благородныя увѣчья. Геройствомъ вашимъ безпримѣрнымъ при защитѣ столицы черноморскаго флота заслужили вы не токмо признательность Россіи, но и удивленіе цѣлой Европы.

Въ Николаевѣ начальникъ всѣхъ войскъ ген.-адъютантъ Кнорингъ, Романъ Ивановичъ. Онъ меня принялъ по-артиллерійски, какъ то-

варища, и оставилъ у себя обѣдать. Послѣ обѣда поѣхали мы осматривать николаевскія батареи, только-что воздвигнутыя на защиту города и адмиралтейства. Главная оборонительная линія тянется на разстояніи почти 5 верстъ отъ Буга до Ингула. Всего батарей, если не ошибаюсь, 9, и всѣ онѣ соединены одна съ другой траншеями и одною ружейной обороною. Особенно двѣ батареи, обстрѣливающія фарватеръ Буга, прекрасно вооружены морскою артиллеріей; одна изъ нихъ, ближайшая къ берегу, называется трехъ-ярусная, другая же — трехъдечная.

Вся прислуга изъ моряковъ, и на батареяхъ построили они для себя землянки, которыя называютъ блиндажами. По словамъ Кноринга, дѣйствуютъ моряки при орудіяхъ молодцами и даже лучше нашихъ все у нихъ упрощено донельзя, и ни одного лишняго пріема.

Наконецъ добрался я и до Херсона, ближайшаго города къ театру войны. Столбы телеграфической линіи уже поставлены по дорогѣ изъ Николаева до Херсона, но проволока еще не протянута. Какъ подумаешь, такъ война не совсѣмъ для насъ безполезна: благодаря ей мы заводимся телеграфами, предполагаемъ устроить желѣзныя дороги, заводимъ штуцера, а главное—надѣлаемъ много пороха, котораго, къ удивленію, у насъ не стало къ самому открытію кампаніи. Столько тревогъ, хлопотъ и денегъ стоила правительству одна перевозка пороха изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ имперіи въ Севастополь! Много, много уроковъ даетъ намъ эта война!

Херсонъ, на Днѣпрѣ, городокъ ничтожный, въ настоящее же время мрачный и скучный.

Новостей въ народѣ носится много, но большая ихъ часть нелѣпа.

Такъ, напр., толкуютъ, что нашъ главнокомандующій (кн. Горчаковъ) сошелъ съ ума, а французскаго главнокомандующаго Пелисье—предали суду за необдуманный приступъ нашихъ верковъ и бастіоновъ 6-го іюня кромѣ того и войска французскія взбунтовались и кричатъ: «à bas Pelissier!» Въ Парижѣ также не спокойно и т. п. Интересно было бы открыть источникъ всѣхъ такихъ нелѣпыхъ толковъ.

Изъ Херсона до Алешекъ, 17 верстъ, ѣхалъ я водою, на дубѣ, подъ двумя парусами. Погода стояла чудесная, вѣтеръ попутный, и мы долетѣли менѣе, чѣмъ въ часъ, до Алешекъ. Подъѣзжая къ этой деревнѣ, я увидѣлъ, что сотни людей разнаго возраста и пола, совершенно нагіе, купались, или сидѣли на берегу, а иные лежали на баркахъ и паромахъ. Смотря на этихъ нагихъ людей, мнѣ приходило на мысль путешествіе Араго, который такъ часто видѣлъ подобныя сцены, приближаясь къ какому-нибудь дикому острову въ Тихомъ океанѣ.

На станціи засталъ я какого-то провіантскаго чиновника, повидимому, весьма дѣльнаго человѣка. Онъ ѣхалъ изъ Симферополя, а по-

тому и могъ передать мнѣ нѣкоторыя подробности о Севастополѣ. Вотъ онѣ: Нахимовъ, этотъ герой севастопольской осады,—раненъ, и опасно: штуцерною пулею въ голову. Потеря незамѣнима. Самъ чиновникъ говоритъ, что намъ легче было бы потерять 5 тысячъ войска, чѣмъ Нахимова, онъ раненъ не во время дѣла, когда присутствіе его было бы необходимо, а при обходѣ батарей.

Другой такой же герой, какъ и Нахимовъ, не по моему мнѣнію, а по мнѣнію чиновника,—Хрулевъ, былъ другомъ раненаго адмирала. Обоихъ ихъ войско любитъ и въ ихъ обоихъ безотчетно вѣруетъ.

На штурмѣ 6-го іюня, когда непріятель, воспользовавшись туманомъ, прорвался въ городъ, Хрулевъ вскочилъ въ одной рубахѣ на коня и въ этомъ костюмѣ полетѣлъ къ нашимъ войскамъ, которыя уже отступали. Наткнувшись на одинъ баталіонъ, онъ приказалъ командиру онаго ударить въ штыки, но этотъ отказался тѣмъ, что французы числомъ значительно превышаютъ его баталіонъ; тогда Хрулевъ, устранивъ командира баталіона отъ командованія, самъ повелъ нижнихъ чиновъ на штыки, а, между тѣмъ, подоспѣли и другія войска; и этимъ будто бы мы обязаны спасенію Корниловской батареи. Случай этотъ записываю я потому, что подобное что-то слышалъ я также и въ Херсонѣ отъ многихъ. Быть можетъ, оно и такъ.

Духъ войскъ нашихъ превосходный. Въ Севастополѣ русскій солдатъ просто перерождается,—дѣлается необыкновенно ловкимъ и смѣлымъ. Особенно слѣдятъ они за лазутчиками и многихъ уже открыли. Лазутчики эти переодѣваются въ священниковъ, а большею частію въ офицеровъ, и, разумѣется, говорятъ по-русски, какъ природные русскіе. Одинъ изъ такихъ, переодѣтый въ офицерскую шинель, пришелъ на одну батарею и сталъ неосторожно допрашивать солдатъ о числѣ орудій, о производимыхъ ими земельныхъ работахъ, и т. п. Солдаты, съ своей стороны, стали допрашивать его—въ которомъ полку онъ служитъ, и, наконецъ, кончилось тѣмъ, что они его задержали. Обнаружилось, что это былъ полякъ, служившій французамъ лазутчикомъ; на немъ нашли даже много разныхъ важныхъ бумагъ.

А что касается до моряковъ, то это просто чудо-богатыри. Въ особенности же отличаются они привязанностью къ своему родному Севастополю. Одинъ чиновникъ, идя по улицѣ, поднялъ какой-то камешекъ и спряталъ его въ карманъ на память посѣщенія имъ Севастополя въ такую страшную эпоху. Матросъ, увидѣвшій это, тотчасъ же сталъ просить чиновника, чтобъ онъ камешекъ положилъ на прежнее мѣсто, что Севастополь и все, что въ немъ ни есть, принадлежитъ имъ, морякамъ, и что они, пока еще живы, никому ничего не позволятъ взять изъ роднаго ихъ города. Если это и анекдотъ, то умно сочиненный. Пластуны также обратили на себя вниманіе. Они теперь уже на Кавказѣ, но, въ

бытность ихъ въ Севастополѣ, отличались многими отважными подвигами. Особенно, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, ловко ползаютъ, такъ что самый бдительный пикетъ не всегда услышитъ, какъ подползутъ они къ нему. Такъ, напримѣръ, въ одну ненастную ночь—трое пластуновъ подползли къ часовому французскому и живьемъ сняли его съ часовъ,—съ ружьемъ и закутаннаго въ шинель. Французъ былъ въ отчаяніи. «Какая низость,—говорилъ онъ:—снимать такъ часовыхъ съ часовъ; лучше было бы, если бы они меня убили или закололи; а то какъ ребенка схватили, да и понесли запелёнутаго». На этихъ дняхъ ждутъ штурма новаго. Странно, а сегодня на станціи какъ будто слышны залпы выстрѣловъ, по крайней мѣрѣ, такъ увѣряютъ меня чиновникъ и смотритель станціи, но я, глухой, ничего не слышу. При томъ, смотритель увѣряетъ, что, въ извѣстные часы, когда была подъ Севастополемъ бомбардировка, всегда на этой станціи слышенъ былъ какой-то явственный гулъ. Такъ ли это? что-то не вѣрится! Впрочемъ, скоро узнаю—было ли что-нибудь 1-го іюля.

На счетъ занятія Керчи-Еникаля безъ выстрѣла чиновникъ также недоумеваетъ, какъ это могло случиться. Моряки будто бы говорили, что если бы остался тамъ Хомутовъ, то оно бы такъ не было, но Врангель оплошалъ, и, вообще, отъ этого генерала хорошаго ждать нельзя. Разумѣется, я записываю это—какъ одинъ толкъ народный, которому вѣры до поры до времени давать нельзя.

Между прочимъ, распространялся чиновникъ много о ихъ штуцерахъ, бьютъ они наповалъ съ тысячи шаговъ, а поранить могутъ и съ тысячи пятисотъ. Стрѣлки у французовъ превосходные. Патроны приготовляютъ какъ у артиллерійскихъ снарядовъ. Полевая артиллерія противъ штуцерныхъ и показываться не можетъ. На послѣднемъ штурмѣ мы отбили болѣе 2 тысячъ штуцеровъ. Отданъ приказъ, чтобы солдаты наши, если отобьютъ штуцеръ непріятельскій, не сбывали бы его на сторону, а приносили бы въ главную квартиру, и за каждый штуцеръ дается по пяти рублей. Офицеровъ въ полкахъ осталось мало; въ нѣкоторыхъ баталіонахъ не болѣе трехъ. Моряковъ почти уже и не видать, всѣхъ поизрасходовали!

Въ Перекопѣ остановиться я не могъ: всѣ дома въ городѣ заняты подъ раненыхъ и больныхъ, да, при томъ, и самый городъ не стоитъ деревни. Проѣхавъ четыре версты отъ Перекопа—большое село, подъ названіемъ «Армянскій Базаръ»; тамъ я и кормилъ лошадей.

Съ Перекопа начинается настоящій театръ войны. Вся большая дорога заставлена верблюдами, обозами, транспортами, разными командами, курьерами и фельдшерами; не вездѣ даже легко проѣхать; между тѣмъ, какъ дорога весьма широкая. Разумѣется, при такомъ стеченіи народа,—и дороговизна на все чрезвычайная: овесъ отъ 7 р. до 8 р.

четверть, а пудъ сѣна—60 к. с. Далѣе, вѣроятно, будетъ и еще дороже.

Въ Армянскомъ Базарѣ обѣдалъ я въ трактирѣ, гдѣ имѣлъ случай слышать пренаивный разговоръ, происходившій между тремя ранеными офицерами. Постараюсь по возможности передать сколько можно буквально этотъ разговоръ.

— А вы гдѣ ранены?

— Подъ Севастополемъ два раза, 26-го мая и 6-го іюня.

— А 6-го было жарко?

— Да, ничего себѣ, жарко. Если бы не Хрулевъ, то еще Богъ вѣсть чѣмъ бы эта жарня кончилась.

— А Хрулевъ молодецъ?

— Да еще какой? По цѣлымъ днямъ и ночамъ шныряетъ себѣ по траншеямъ, да на батареяхъ, какъ это Богъ до сихъ поръ еще хранитъ его! А заведется дѣло, онъ мигомъ взлетитъ на свою казацкую лошаденку, да первый къ батальонамъ и прискачетъ: «впередъ, ребята, впередъ!»—а самъ впереди всѣхъ, и всѣ за нимъ: кажись, и мертвые полѣзли бы снова съ такимъ молодцомъ на батареи. Зато пѣхота и любитъ его, и гдѣ онъ,—тамъ всѣ молодцы...

— А какъ же у васъ тамъ нѣкоторые полки труса отпраздновали?

— А что прикажете дѣлать съ нашимъ солдатомъ? Все оглядывается назадъ; когда резервы за нимъ, онъ шагу не попятится назадъ; обѣ ноги отобьютъ, а все летитъ впередъ, да стрѣляетъ. Но зато, какъ только резервовъ нѣтъ, того и смотри, что дастъ тягу. Хрулевъ и спросилъ одинъ баталіонъ: зачѣмъ, дескать, подлецы, бѣгали?—Офицеровъ съ нами не было.—Какъ, подлецы, офицеровъ не было!—и съ этими словами повелъ баталіонъ въ ровъ, да и указалъ имъ, подлецамъ, болѣе десятка ихъ офицеровъ, которые во рву лежали убитые, а солдатъ сравнительно было тамъ не много.—Вотъ ваши офицеры,—закричалъ Хрулевъ: всѣ они умерли честною смертью: на одного офицера васъ должно лечь сто человѣкъ, а здѣсь и пяти солдатъ нѣтъ на офицера.—И съ этимъ словомъ какъ началъ валять по зубамъ, такъ болѣе чѣмъ двадцати солдатамъ собственноручно разбилъ морды въ кровь, а извѣстно, что Хрулевъ драться не любитъ. Теперь уже подлецы не говорятъ, что офицеровъ съ ними не было, а когда спроситъ:—зачѣмъ бѣгали?—не могимъ знать, зачѣмъ, ваше превосходительство,—отвѣчаютъ всѣ въ одинъ голосъ.

— А правда ли, что французы на штурмъ лѣзли пьяные?

— Сущая правда. За то послѣ, какъ протрезвились, да какъ наши приняли ихъ въ штыки, такъ просто сдѣлались какъ мухи; жаль было даже и добивать. А нельзя не бить; въ другой разъ полѣзетъ.

— А женщины были съ французами?

— Говорятъ, всего было три, переодѣтыхъ въ солдатскую форму и

съ штуцерами. Одну я самъ видѣлъ на перевязочномъ пунктѣ; она была ранена пулею въ грудь. Когда мундиръ разстегнули, и я увидѣлъ большую грудь, то сначала подумалъ, что это опухло отъ раны, но смотрю, и другая такая же грудь. А тутъ и солдаты замѣтили, что женщина, да какъ пристали къ ней, кто за шею, кто за з—цу, да вздумали было и раздѣвать ее, да и за штаны ужъ ухватились. Насилу разогнали; но и отошли, а все кричатъ: «баба, баба!»

Кстати о женщинахъ. Какъ молва всегда преувеличиваетъ всякую боль. Не доѣзжая одной станціи до Перекопа, провелъ я вечеръ у одного помѣщика, гдѣ встрѣтилъ какую-то зрѣлую дѣву—съ самыми смѣшными претензіями на ораторство. Долго она молола мнѣ всякій вздоръ о восточномъ вопросѣ и о нынѣшней войнѣ. Наконецъ, начала разсказывать про послѣдній штурмъ.

— Вѣдь вы знаете,—говорила она,—что самъ Наполеонъ собрался было въ Крымъ, даже и поѣхалъ, но дорогою струсилъ и вернулся назадъ, а вмѣсто себя послалъ господина Пелисье. Предъ штурмомъ новый главнокомандующій приказалъ всѣхъ солдатъ напоить ромомъ, даже, говорятъ, что въ ромъ положено было какое-то одуряющее снадобье, нарочно для этого казуса выписанное изъ Парижа. Кромѣ солдатъ было и тысяча женщинъ, все переодѣтыя. Прежде всего г. Пелисье сказалъ имъ рѣчь и напомнилъ о славѣ покойнаго Наполеона, но вѣдь и французскіе солдаты не вѣрятъ въ воинскую славу бывшаго императора, они такъ же, какъ и мы, знаютъ, что Наполеонъ I осрамилъ себя на полѣ сраженія въ Россіи. Какая же можетъ быть приписана ему воинская слава? Но женщины восхитились рѣчью главнокомандующаго и первыя бросились на наши пушки, разумѣется, солдатамъ было стыдно не идти за женщинами, и они бросились. Но какъ только изъ нашихъ пушекъ стали по женщинамъ стрѣлять, онѣ, разумѣется, струсили и побѣжали назадъ, и солдаты за ними, и т. д.

Можно вообразить, съ какимъ вниманіемъ прислушивался я къ этой оригинальной болтовнѣ глупой бабы, которая берется разсуждать о томъ, о чемъ она и понятія не имѣетъ. А, между тѣмъ, извольте эту дуру увѣрить, что она несетъ сущій вздоръ. Легче взять Севастополь, чѣмъ образумить зрѣлую дѣву, которая, отъ нечего дѣлать, вмѣнила себѣ въ обязанность слѣдить за войной и разсуждать о ней, и гдѣ? Въ Херсонскихъ степяхъ.

Не доѣзжая сорока верстъ до Симферополя, своротилъ я отъ станціи Три-Абламы вправо на проселокъ и не болѣе какъ въ два часа ѣзды прибылъ въ разоренный аулъ Юхаръ-Джаминъ (4-го іюня), гдѣ расположенъ штабъ евпаторійскаго отряда, состоящаго подъ начальствомъ Шабельскаго. Принялъ онъ меня чрезвычайно внимательно, оставилъ у себя обѣдать, долго бесѣдовалъ о настоящихъ событіяхъ и

даже предложилъ остаться при немъ; но я отклонилъ такое предложеніе, возлагая въ моемъ положеніи всю надежду на Крыжановскаго и артиллерійское начальство.

Изъ разговоровъ Шабельскаго видно, что онъ не партизанъ Меншикова, и единственно ему одному приписываетъ то, что разгорѣлась въ настоящее время война въ Крыму; въ особенности же не одобряетъ сдѣланныхъ княземъ распоряженій 24-го октября минувшаго года для Инкерманской битвы. Большой промахъ также, по мнѣнію Шабельскаго, сдѣлалъ въ этотъ день Липранди. Когда Боске, старѣйшій этого генерала, бросилъ свою позицію и побѣжалъ на выручку англичанъ, тогда Липранди долженъ былъ немедленно послѣдовать со всѣмъ своимъ отрядомъ по пятамъ Боске и задержать его. Правда, что Липранди отъ главнокомандующаго не имѣлъ разрѣшенія завязывать дѣло съ непріятелемъ, но ограничиваться токмо одною диверсіею; однако, бываютъ случаи, когда отрядный начальникъ можетъ перейти границы данной ему инструкціи, и эти именно случаи вызываютъ извѣстный въ исторіи приговоръ: «побѣдителя не судятъ». Колобовъ полагаетъ, что Липранди не пошелъ на выручку Даненберга по личнымъ къ нему отношеніямъ; что онъ (Колобовъ) за недѣлю до дѣла, самъ былъ свидѣтелемъ—какъ Даненбергъ, на предложеніе Липранди, отвѣчалъ холоднымъ и презрительнымъ тономъ: «Да, генералъ, это хорошо, но мы придумаемъ что-нибудь получше». Я не допускаю такого предположенія, но скорѣе думаю, что у Липранди не хватило героизма совершить подвигъ, какъ говорится, на свой страхъ. Въ корпусномъ штабѣ особенно тронулъ меня до глубины души пріемъ Лосьева; онъ встрѣтилъ меня какъ самаго близкаго роднаго.

Наконецъ, отправился я и въ деревню Сакъ, лежащую на берегу озера Соленое Тузло, невдалекѣ отъ моря, въ восемнадцати или въ двадцати верстахъ отъ Евпаторіи. Въ деревнѣ этой расположенъ авангардъ евпаторійскаго отряда, состоящій изъ 18-ти эскадроновъ драгунъ при нѣсколькихъ сотняхъ казаковъ и при одной конной батареѣ. Войска авангарда перемѣняются ежемѣсячно, и вотъ почему прежде стояла въ Сакѣ 22-я батарея (Пущина), а теперь здѣсь стоитъ 21-я батарея (Колобова). Но начальникъ авангарда постоянный—свиты его величества князь Радзивиллъ; при немъ находится и офицеръ генеральнаго штаба, капитанъ Дерожинскій. Полкъ и батарея стоятъ на бивуакахъ; на ночь всѣ лошади сѣдлаются, но днемъ наготовѣ выскочить на позицію и встрѣтить непріятеля: одинъ только взводъ артиллерійскій при эскадронѣ драгунъ. Справедливо Шабельскій выразился, что мы стережемъ мышь въ ямѣ, дѣйствительно, турки засѣли въ Евпаторіи, какъ въ ямѣ.

Вчера, 6-го іюля, собралъ я весьма достовѣрное свѣдѣніе объ атакѣ

Евпаторіи Хрулевымъ 5-го февраля этого года. Въ то время командовалъ всѣмъ отрядомъ евпаторійскимъ баронъ Врангель, начальникъ 1-й драгунской дивизіи. Два раза кн. Меншиковъ вызывалъ его въ главную квартиру для изустныхъ объясненій на счетъ возможности овладѣть Евпаторіею открытою силою, но Врангель всякій разъ докладывалъ главнокомандующему, что городъ этотъ непріятель такъ сильно укрѣпилъ, что взять его безъ большой потери въ людяхъ невозможно, при томъ, и ворвавшись въ него, удержаться въ немъ нельзя, такъ какъ онъ обстрѣливается многочисленнымъ флотомъ. Къ этому Врангель присовокуплялъ, что въ готовности и рѣшимости его исполнить всякое предначертаніе главнокомандующаго — никто сомнѣваться не можетъ, а потому онъ и ждетъ токмо письменнаго предписанія атаковать Евпаторію открытою силою. При послѣднемъ объясненіи (это было въ январѣ мѣсяцѣ), кн. Меншиковъ приказалъ Врангелю возвратиться къ своему отряду, произвести новую усиленную рекогносцировку окрестностей Евпаторіи и обстоятельно обо всемъ донести ему на бумагѣ.

Осмотрѣвъ тщательно всѣ передовыя укрѣпленія города и собравъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія о силахъ непріятеля, Врангель еще болѣе убѣдился, что взять Евпаторію безъ значительной потери въ людяхъ не предстоитъ никакой возможности, особенно въ то время года, когда грязь невылазная покрывала всю землю, такъ что лошади вязли въ грязи по самое колѣно, тонули какъ въ болотѣ; обо всемъ этомъ Врангель и донесъ кн. Меншикову, повторивъ ему снова, и на бумагѣ, что, не взирая на предстоящія препятствія и затрудненія, онъ готовъ, съ ввѣренными ему войсками, тотчасъ же идти на приступъ, на что́ и ждетъ предписанія. Въ отвѣтъ на донесеніе это, князь отвѣчалъ, что всѣ предположенія Врангеля находитъ онъ основательными и вполнѣ ихъ одобряетъ. Между тѣмъ, прибылъ къ Евпаторіи Хрулевъ съ флигель-адъютантомъ Волковымъ и тотчасъ же, на казацкой лошади, поѣхалъ въ нашу передовую цѣпь, которою тогда командовалъ кн. Радзивиллъ. Спросивъ у князя, сколько у него подъ рукою было казаковъ (а ихъ было не болѣе пяти сотенъ), Хрулевъ приказываетъ съ этими казаками атаковать непріятельскія батареи, чтобъ удостовѣриться, — какими калибрами вооружены онѣ. Разумѣется, на это Радзивиллъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, по какому праву Хрулевъ даетъ ему такого рода порученіе, что онъ, Радзивиллъ, состоитъ въ полномъ распоряженіи отъ своихъ начальниковъ, и что безъ ихъ особаго приказанія атаковать съ пятью сотнями казаковъ непріятельскія батареи онъ никогда не рѣшится. Кончилось тѣмъ, что Хрулевъ съ сотнею казаковъ и въ сопровожденіи Радзивилла и Волкова поѣхалъ вдоль линій цѣпи, чтобъ вызвать непріятеля на открытіе огня изъ орудій, что́ и

случилось: всѣ батареи открыли огонь. Хрулевъ—подъ огнемъ этимъ—соблюдалъ чрезвычайное присутствіе духа: на своей казацкой лошади, съ подвязанною правою рукою (онъ былъ раненъ на Дунаѣ), въ папахѣ, нахлобученной на самыя брови, онъ ѣхалъ тихимъ шагомъ по цѣпи, останавливая нѣсколько разъ свою лошадь; и когда замѣчалъ, что казаки, отъ ходившихъ окрестъ ихъ снарядовъ, раздавались въ стороны, говорилъ съ неудовольствіемъ Радзивиллу, что они срамятъ себя въ глазахъ непріятеля. Этой фанфаронскою поѣздкою по цѣпи рекогносцировка и кончилась, и, въ результатѣ, Хрулевъ изъ нея никакихъ свѣдѣній положительныхъ пріобрѣсть не могъ—какъ объ укрѣпленіяхъ Евпаторіи, такъ равно и о силахъ гарнизона непріятельскаго. Послѣ этого, видѣлся онъ съ Врангелемъ, который обстоятельно передалъ ему убѣжденія свои на счетъ невозможности взять городъ укрѣпленный безъ значительной потери въ людяхъ, и на счетъ того, что въ настоящее время легко можно держать непріятеля въ самой тѣсной блокадѣ. Повидимому, на всѣ доводы Врангеля—Хрулевъ согласился, по крайней мѣрѣ ничего не возразилъ ему, а, между тѣмъ, въ тотъ день донесъ кн. Меншикову, что, по его личному удостовѣренію, Евпаторію взять весьма не трудно, и что онъ обѣщаетъ завладѣть городомъ безъ большой даже потери въ людяхъ. Вслѣдствіе такого необдуманнаго донесенія Хрулева, главнокомандующій предписалъ Врангелю отдать въ распоряженіе Хрулева извѣстное число войскъ, артиллеріи, пѣхоты и кавалеріи для овладѣнія Евпаторіею открытою силою. Такимъ образомъ, состоялся 5-го февраля штурмъ, но чѣмъ окончился онъ? Безполезною потерею, и весьма значительною, въ людяхъ, постыднымъ отступленіемъ нашихъ войскъ изъ подъ огня непріятельскаго и, впослѣдствіи, еще большимъ усиленіемъ непріятельскихъ укрѣпленій. Разумѣется, и служба боевая Хрулева помрачилась бы въ конецъ, еслибъ оборона Севастополя не доставила ему нѣсколько случаевъ обнаружить себя настоящимъ героемъ—неутомимымъ, предпріимчивымъ и храбрымъ до отчаянія. Но, отдавая ему полную справедливость въ необыкновенномъ его мужествѣ и въ замѣчательномъ въ самыя критическія минуты присутствіи духа, я все-таки убѣжденъ, какъ нельзя болѣе, что Хрулевъ лихой партизанъ и отчаянный воинъ, но не генералъ—въ настоящемъ значеніи этого слова.

Артиллерія, на штурмѣ Евпаторіи, дѣйствовала согласно предварительно составленной для этой цѣли диспозиціи и на основаніи руководства для артиллерійской службы, изданнаго по высочайшему повелѣнію въ 1853 году (Атака укрѣпленныхъ постовъ, стр. 696—697).

Въ ночь съ 4-го на 5-е февраля для орудій были устроены эполементы, и, несмотря на темноту ночи, такъ удачно и вѣрно, что артиллерія заняла позицію въ 250 саж. отъ города.

Въ 6 часовъ утра артиллерія лѣвой колонны (шесть батарей — двѣ легкихъ и четыре батарейныхъ) была уже на мѣстахъ, и прочія (пять батарей, въ томъ числѣ конная бат. № 21) двигались развернутымъ фронтомъ уступами на позиціи. Въ это время и непріятель открылъ на всемъ протяженіи укрѣпленій артиллерійскій и ружейный огонь. Но, несмотря на это, батареи, бывшія въ движеніи, подъ покровительствомъ огня расположенныхъ уже батарей на позиціи, заняли приготовленныя мѣста съ эполементами, и началась общая канонада съ 76 орудій.

Артиллерія наша дѣйствовала съ необыкновеннымъ успѣхомъ, заставляя попеременно непріятельскія орудія умолкать, и взорвала на воздухъ мѣткими выстрѣлами пять зарядныхъ ящиковъ или погребковъ. Но несправедливо донесъ Хрулевъ, будто бы, около 10 часовъ утра, батареи наши эшелонами двинулись впередъ для дѣйствія картечью, быстро перешли на новыя позиціи и открыли огонь. Ничего этого не было; батареи не двигались впередъ съ первоначально занятой ими позиціи, за исключеніемъ 23-й бат. (Опочинина), которая, съ лейбъ-драгунскимъ полкомъ, дѣйствительно подскакивала на сто саженей къ непріятелю и дѣйствовала по немъ картечью; но всѣ другія батареи не двигались съ мѣста. Между тѣмъ, о фланговомъ передвиженіи батарей подъ сильнымъ огнемъ непріятельскимъ, справа налѣво, Хрулевъ умалчиваетъ, а это произошло отъ необдуманно избранной имъ позиціи, правый флангъ которой подвергался сильному огню съ кораблей; чтобъ отойти отъ этого адскаго огня—принуждены были, во время самаго дѣла, стянуть батареи къ лѣвому флангу, каковое движеніе, произведенное во фланговомъ порядкѣ, подъ огнемъ, подвергло нѣкоторыя батареи довольно значительному пораженію. При отступленіи— батареи начали движеніе назадъ по эшелонамъ съ лѣваго фланга, въ такомъ порядкѣ и въ такомъ устройствѣ, какъ бы на маневрахъ, несмотря на то, что турецкая кавалерія угрожала атаковать наши фланги.

Въ заключеніе движенія своего Хрулевъ говоритъ, что при всѣхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ артиллерія наша показала чудеса храбрости, и что отъ старшаго до младшаго, отъ полковника до солдата, всѣ показали себя достойными сынами своего отечества,—въ чемъ никто, кто только знаетъ нашихъ молодцовъ-пушкарей, не усумнится.

Еще въ Кіевѣ читалъ я въ «Constitutionnel» о томъ, какъ на аванпостахъ подъ Евпаторіей съѣхались Сеферъ-паша съ Радзивилломъ и вели между собою разговоръ о нынѣшней войнѣ. По словамъ Радзивилла, случай этотъ разсказанъ былъ въ французскихъ газетахъ неточно. Дѣйствительно, въ одно прекрасное утро, князь съѣхался на аванпостахъ съ Сеферъ-пашою (Косцельскій), котораго онъ однажды видѣлъ въ Парижѣ и съ Искандеръ-беемъ (графъ Ильинскій), извѣст-

нымъ casse-cou и наѣздникомъ, преимущественно, прославившимся налетомъ на отрядъ Карамзина около Калафата и истребленіемъ его. Разговоръ начался тѣмъ, что они спросили у князя, съ кѣмъ имѣютъ честь говорить, и когда князь сказалъ, что онъ командиръ авангарда евпаторійскаго отряда, тогда Сеферъ-паша объявилъ, что и онъ начальствуетъ надъ передовыми войсками восточной арміи Омеръ-паши; теперь же, какъ извѣстно, Сеферъ-паша исправляетъ должность начальника штаба у главнокомандующаго турецкими войсками. Я забылъ сказать, что въ свитѣ Сеферъ-паши было много офицеровъ французскихъ и англійскихъ, которые хотя и стояли въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи, однако могли слышать происходившій между нимъ и Радзивилломъ разговоръ.

— Мы имѣемъ сообщить вамъ весьма непріятную новость,—сказалъ Сеферъ князю Радзивиллу.

— Какую?

— Вашъ государь скончался.

— Это не правда,—отвѣчалъ князь.

— Но мы сегодня получили объ этомъ оффиціальное увѣдомленіе чрезъ телеграфъ.

— А я могу увѣрить васъ, что полученное вами увѣдомленіе, какъ вы выражаетесь оффиціальное,—не имѣетъ никакого основанія.

Надо сказать, что наканунѣ этого дня князь былъ въ главной квартирѣ, гдѣ тогда были и великіе князья, и ихъ высочества ничего еще не знали о кончинѣ государя. Поэтому, Радзивиллъ и имѣлъ основаніе не довѣрять словамъ своего собесѣдника.

Потомъ Сеферъ-паша подалъ князю папироску и просилъ его принять отъ него кисетъ съ табакомъ.

Радзивиллъ, взявъ кисетъ, съ своей стороны подарилъ Сеферъ-пашѣ сигарочницу, сказавъ при этомъ: «blague pour blague». Французскіе офицеры, понявшіе намекъ князя, громко засмѣялись.

Радзивиллъ, разговаривая съ Сеферъ-пашою, тотчасъ же узналъ въ немъ переодѣтаго ренегата Косцельскаго, но не хотѣлъ говорить ему объ этомъ; Косцельскій же самъ напомнилъ князю о свиданіи ихъ въ Парижѣ у Браницкаго. Въ концѣ разговора приняли въ немъ участіе и французскіе офицеры. Они всячески старались вызвать мнѣніе князя о настоящей войнѣ, и когда Радзивиллъ отъ этого уклонялся, замѣтивъ имъ, что въ ихъ обоюдномъ положеніи не слѣдуетъ имъ говорить о томъ, что происходитъ въ настоящую пору на театрѣ войны, тогда одинъ изъ французовъ съ оживленіемъ сказалъ:

— Вы совершенно правы, князь, что мы не должны говорить о томъ, что теперь происходитъ въ Крыму, но почему не говорить намъ о событіяхъ уже минувшихъ, о событіяхъ, которыя теперь уже сдѣла-

лись достояніемъ исторіи. Почему, напримѣръ, не отдать намъ должной справедливости военнымъ талантамъ князя Меншикова, который своими умными распоряженіями спасъ Севастополь, а вмѣстѣ съ нимъ и Крымъ? По-моему, Россія впадетъ въ величайшую несправедливость, если не воздвигнетъ памятника спасителю Севастополя и Крыма!

На эту выходку Радзивиллъ не отвѣчалъ ни слова, опасаясь навлечь на себя неудовольствіе покойнаго императора, такъ какъ онъ напередъ зналъ, что всякое разсужденіе его о Меншиковѣ и о настоящей войнѣ попадетъ на столбцы французскихъ газетъ и, быть можетъ, въ превратномъ видѣ.

— А генералъ мой,—такъ называлъ Радзивиллъ покойнаго государя, передавая мнѣ свою встрѣчу съ Косцельскимъ,—какъ вы сами знаете, шутить не любилъ и потребовалъ бы отъ меня строгаго отчета за каждое неосторожное слово. Но, признаюсь вамъ, на выходку относительно Меншикова крѣпко у меня вертѣлось на языкѣ сказать французу, что Россія скупа на памятники, и что до сихъ поръ еще она не воздвигла памятника Чичагову за Березину и за окончательное истребленіе полчищъ Наполеона на этой рѣкѣ.

Послѣ этой встрѣчи была у Радзивилла и переписка съ Косцельскимъ; письмо его хотѣлъ онъ мнѣ, при случаѣ, показать.

Извѣстно, что около озера Сасыкъ много соленыхъ озеръ, изъ которыхъ добывается соль въ огромномъ количествѣ. И теперь, не взирая на близость непріятеля, чумаки пріѣзжаютъ за солью большими обозами. Непріятельскій флотъ не могъ не замѣтить ихъ, такъ какъ гурты соленые возвышаются въ весьма недалекомъ разстояніи отъ моря. Въ одинъ прекрасный день, когда чумаковъ столпилось болѣе обыкновеннаго около гуртовъ, одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ быстро приблизился къ берегу и открылъ по толпѣ хохловъ орудійный огонь. Къ счастію, никого не задѣло, но хохлы до того перепугались, что побросали своихъ воловъ и безпорядочною толпою бросились бѣжать въ деревню. Потомъ, съ ужасомъ разсказывали объ этомъ происшествіи наивные малороссіяне и говорили: «Якой-то бисова война; то просто—смертобивство».

Жизнь наша бивуачная. Люди подъ открытымъ небомъ, лошади на коновязи; все наготовѣ въ одинъ часъ вскочить на коней и полетѣть навстрѣчу непріятеля. Князь Радзивиллъ, мой старый знакомый, еще подъ Варшавою оказалъ мнѣ онъ услугу: когда подбили у меня орудіе, онъ полетѣлъ стрѣлою къ обозу и привезъ мнѣ запасной лафетъ. На другой день по пріѣздѣ моемъ въ деревню Сакъ, я уже собирался облачиться въ форму, чтобы явиться къ начальнику авангарда, какъ князь предупредилъ меня, самъ пріѣхалъ ко мнѣ, приказалъ убрать

форму, сказавъ при этомъ, что онъ во мнѣ видитъ товарища, а не подчиненнаго. Человѣкъ онъ добрый, беззаботный весельчакъ, безцеремонный, и въ дѣлѣ, сколько я могу понимать, долженъ быть молодцомъ. У него по цѣлымъ днямъ пиры и веселье, пьянство, пѣсельники, разговоръ на распашку.

Костюмы офицеровъ, собирающихся у князя, да и вообще у всѣхъ преоригинальные: какія-то пальто изъ разныхъ матерій и всевозможныхъ фасоновъ; одна только у нихъ форма однообразная, это бѣлыя фуражки.

Самъ онъ всегда на распашку, а иногда и въ одной рубахѣ, среди пѣсельниковъ, и пьетъ, и поетъ, и пляшетъ. Характеръ настоящій бивуачный, беззаботный въ высшей степени. Пѣсельники при началѣ пиршества съ большимъ выраженіемъ поютъ объ немъ:

Что это за князь за такой,
Что печали не имѣетъ никакой.

Но потомъ, когда все и всѣ закатятъ за галстухъ, начинается Феня и, въ числѣ другихъ строфъ, пѣсельники громко и выразительно кричатъ:

„Стоитъ Феня у перилъ,
. . . . . . ее Радзивиллъ!“...

И Радзивиллъ счастливъ, бросаетъ молодцамъ деньги и кричитъ: ура!

Другой собутыльникъ забіяка, графъ К—инъ, командиръ 3-го полка, но теперь онъ уже сдаетъ полкъ Корфу и уѣзжаетъ въ Петербургъ. Этотъ собутыльникъ, какъ кажется, совсѣмъ спился, и онъ держитъ себя безъ всякаго достоинства. Грустно встрѣтить человѣка въ званіи командира полка и флигель-адъютанта—въ такомъ унизительномъ состояніи.

Всегдашнее мое убѣжденіе таково, что начальники частей, особенно въ военное время, должны вести жизнь веселую, даже разгульную; ничто столько не поддерживаетъ духа военнаго, какъ никогда не умолкаемая пѣсня, чарка водки, веселыя шутки и жизнь беззаботная. Но на все долженъ быть тактъ: начальникъ и среди самаго разгульнаго пиршества не долженъ ронять своего достоинства, такъ, чтобъ подчиненные всегда и вездѣ въ немъ видѣли начальника. Графъ Паленъ (извѣстный подъ именемъ «Картина»), бывало, пьяный, въ одной рубахѣ, стоитъ среди пѣсельниковъ съ бутылкой въ рукѣ, а, между тѣмъ, въ бывшей второй гусарской дивизіи никто и никогда не забывалъ, что «Картина» былъ нашимъ корпуснымъ командиромъ.

Но самое замѣчательное явленіе встрѣтилъ я въ женѣ К—на, молодой 18-ти-лѣтней женщинѣ, только-что вышедшей замужъ и пре-

давшейся съ полнымъ увлеченіемъ бивуачной жизни, разъѣзжая ежедневно то одна, то въ сопровожденіи какого-либо офицера по полкамъ и присутствуя на всѣхъ бивуачныхъ разгулахъ. Я ее знавалъ еще ребенкомъ.

Мать ея—умная и свѣтская женщина. Впрочемъ, наружность ея довольно привлекательная: полная, румяная, съ оживленными черными глазами; одѣвается, сверхъ платья, въ пальто военное, съ погонами и съ воротникомъ того полка, которымъ командуетъ мужъ.

На ночь, ежедневно, всѣ сходятся у полковаго командира Моравскаго, который занимаетъ большой домъ. Здѣсь уже пьянства нѣтъ, но всѣ предаются картежной игрѣ. Штосъ и банкъ мечутъ цѣлую ночь, и тысячи переходятъ изъ рукъ въ руки. Но, кромѣ азартной игры, играютъ и въ ералашъ, и я имѣю партію самую пріятную. Моравскій сказалъ мнѣ, что онъ устроилъ эти сборища для того, чтобъ самому и офицерамъ не спать по ночамъ, такъ какъ въ ночное время скорѣе всего можно ожидать внезапнаго нападенія непріятеля.

Многихъ въ полку встрѣтилъ я изъ прежнихъ моихъ знакомыхъ, и всѣ они ко мнѣ внимательны донельзя.

И вотъ жизнь, какую судьба привела вести мнѣ послѣ долгаго заточенія моего въ Шіановской улицѣ. Но отъ этой жизни я уже отвыкъ и не могу сродниться съ нею. Мысль и чувства всегда уносятъ меня далеко отъ пустой болтовни гулякъ беззаботныхъ; здѣсь одно только тѣло мое присутствуетъ на оргіяхъ. Теперь еще болѣе убѣжденъ я, что единственное и настоящее богатство для человѣка—это жизнь семейная, тихая и уединенная; шумъ и многолюдство не замѣнятъ тихихъ радостей семейныхъ,—веселая пѣснь скучна послѣ милаго лепета ребенка, и циническая бесѣда отвратительна послѣ милой и чувствительной бесѣды съ доброй женой.

Вчера, 8-го іюля, вмѣстѣ съ Колобовымъ, ѣздилъ я въ Чеботари, гдѣ расположена 22-я батарея, бывшая 24-я. Ею командуетъ Пущинъ; старикъ онъ добрѣйшій, безсребренникъ, но пустой и ничтожный. Изъ прежнихъ сослуживцевъ моихъ осталось уже мало. Кто умеръ, кто въ отставкѣ, но большая часть въ резервахъ. Лошадьми батарея много украсилась. Видно, что Пущинъ, знатокъ лошадинаго дѣла и ничего не жалѣетъ въ этомъ отношеніи. Гайдуковъ такой же молодецъ, какимъ былъ и при мнѣ; я обнялъ и поцѣловалъ его.

Всякій день мы купаемся въ морѣ; наслажденіе чудесное. Въ двухъ шагахъ отъ берега ляжешь въ воду, а волны начинаютъ обкачивать тебя съ ногъ до головы, и надо крѣпко держаться на мѣстѣ, чтобы не быть выброшеннымъ волною на берегъ. Послѣ купанья такого—все

тѣло покраснѣетъ и горитъ. Словомъ, купанье въ морѣ—это самые сильные души.

Вчера, когда мы купались, виденъ былъ большой корабль на всѣхъ парусахъ, не болѣе какъ въ трехъ или въ четырехъ верстахъ отъ берега; повидимому, шелъ онъ по направленію отъ Евпаторіи къ Севастополю, но вскорѣ перемѣнилъ направленіе и повернулъ вправо, вѣроятно—къ Константинополю. Вообще, флотъ снуетъ въ значительномъ числѣ около занимаемаго нами берега, и близъ Евпаторіи всегда видно отъ 15 до 20 кораблей. Сношеніе Евпаторіи съ Севастопольскою бухтою и съ Балаклавою не прекращается ни днемъ, ни ночью. Трудна война для насъ, но и для нихъ не легка она!

Вчера, у Моравскаго, драгуны разсказывали слѣдующія новости:

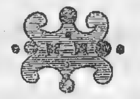
Вмѣсто Горчакова, командира 6-го пѣхотнаго корпуса, назначенъ Липранди.

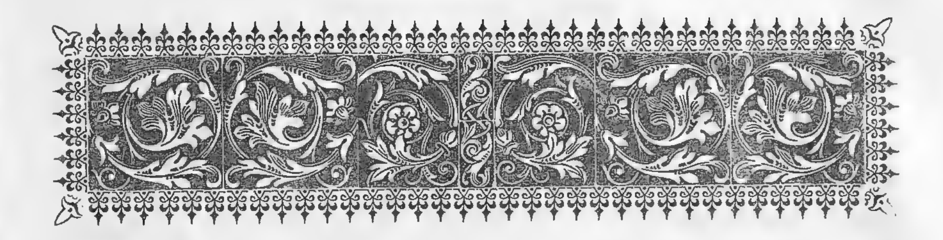
25-ти-тысячный непріятельскій отрядъ отправился изъ Балаклавы въ Батумъ для дѣйствія въ Малой Азіи противъ Муравьева.

Пелисье уполномоченъ дѣйствовать по личному своему усмотрѣнію, но съ тѣмъ, однако, чтобъ дѣйствовалъ энергически, щадя, вмѣстѣ съ тѣмъ, кровь французовъ; одно съ другимъ не совпадаетъ. Три или четыре эскадрона драгунъ 2-й дивизіи пробрались въ Байдарскую долину и потревожили тамъ непріятельскихъ кирасиръ.

Выстрѣлы подъ Севастополемъ—вчера и сегодня—не слышны; въ другіе же дни явственно у насъ слышна канонада.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки стараго актера.

Въ 1842 году я пятилѣтнимъ ребенкомъ впервые былъ введенъ отцомъ на сцену Московскаго Малаго театра и съ тѣхъ поръ, т. е. почти шестьдесятъ лѣтъ, не покидалъ его. За этотъ длинный срокъ столько пришлось видѣть, слышать и перечувствовать, что можетъ быть мои записки и представятъ какой-нибудь интересъ.

I.

Въ сороковые и пятидесятые годы, съ которыхъ мнѣ приходится начать мои записки, крѣпостное право было еще въ полной силѣ и давало себя чувствовать на каждомъ шагу. Не было такого учрежденія ни казеннаго, ни частнаго, гдѣ бы сношенія служащихъ между собой не говорили о гнетѣ, о подчиненіи одного лица другому. Въ каждомъ словѣ, взглядѣ, приказаніи старшаго по чину, въ трепетѣ и подобострастіи младшаго, все говорило не о простомъ исполненіи долга каждымъ, а именно о рабствѣ, которымъ, казалось, былъ насыщенъ и самый воздухъ.

Но нигдѣ такъ ярко, такъ наглядно не проявляло оно себя, какъ въ нашемъ театральномъ мірѣ. Причина та, что именно въ этомъ мірѣ баринъ и крестьянинъ сходились такъ близко, какъ ни въ какомъ другомъ учрежденіи. Прежде всего начальникъ въ театрѣ—баринъ—помѣщикъ, какъ Кокошкинъ, Загоскинъ, или князь Шаховской, имѣвшіе собственныхъ актеровъ-пѣвцовъ, музыкантовъ, танцовщицъ, а упра-

вляемые ими, за малымъ исключенiемъ, прежнiе крѣпостные; оркестръ же состоялъ почти изъ однихъ крѣпостныхъ.

Да!.. Они теперь артисты, художники, мыслители, изслѣдователи человѣческой жизни и страстей. Но язвы прежняго рабства такъ быстро зарубцовываться не могутъ. Никакiе успѣхи, лавры и почетъ не исцѣлятъ, а только временно прикроютъ ихъ. Но чуть явится не баринъ даже, а похожiй на барина, какъ бывшiй рабъ торопится выразить ему свою покорность.

Упоминая объ этихъ трехъ лицахъ, считаю нужнымъ оговориться: я ихъ не помню совсѣмъ, но между нашими стариками о нихъ и ихъ воздѣйствiяхъ на нашъ малый театръ, администрацiю и актеровъ такъ много говорилось, что они являются для меня вполнѣ опредѣленными личностями не только въ дѣлѣ искусства, а даже въ ихъ семейномъ быту.

Напримѣръ, вотъ что разсказывалъ о Шаховскомъ М. С. Щепкинъ.

Въ вотчинѣ князя,—по словамъ Щепкина,—былъ огромный театръ; актеры, пѣвцы, музыканты, танцовщицы—всѣ были его крѣпостные. Всѣ сосѣди-помѣщики за десятки верстъ съѣзжались къ нему на спектакли. Самъ князь, страстный поклонникъ искусства, вообще, и особенно драматическаго, былъ и режиссеромъ и учителемъ, пѣвцомъ и капельмейстеромъ (хотя капельмейстеръ былъ нанятой, онъ же учитель музыки и пѣнiя). Все до мелочей дѣлалось по указанiю самого князя. И вотъ ставитъ онъ какую-то трагедiю у себя въ театрѣ и учитъ молодую актрису, играющую главную роль героини. Ходитъ князь по сценѣ и слѣдитъ за каждымъ малѣйшимъ движенiемъ юной, талантливой крѣпостной дѣвицы. Глядя со стороны на обоихъ лицъ, учителя и ученицу, казалось, что передъ вами происходитъ игра кошки съ мышкой.

Въ патетической сценѣ онъ рѣзкимъ, энергичнымъ шопотомъ подбодрялъ героиню: «Дашка!... сильнѣй!... сильнѣй!... Нутра больше, нутра, Дашка!...» Но, видимо, что ни дѣлала Дашка, какъ ни напрягала силы, учитель былъ не вполнѣ доволенъ. Наконецъ, не выдержалъ, хлопъ ее по физiономiи. «Говорю сильнѣй, бестiя!...»

Это такой обыкновенный прiемъ учителя, что ни сама героиня, ни присутствующiе тутъ же король, королева, принцы и весь придворный штатъ, разумѣется, не придавали этому ровно никакого значенiя. «Баринъ поучаетъ»,—вотъ и все. Впрочемъ, кто знаетъ?—въ душу поучаемыхъ такимъ образомъ никто тогда не считалъ нужнымъ заглядывать.

Тѣмъ не менѣе, Дашка, съ зардѣвшейся щекой отъ полновѣсной пощечины, одушевилась страшно и къ концу сцены съ ней отъ сильнаго напряженiя нервовъ сдѣлался обморокъ. Блѣдна Дашка, краше въ гробъ кладутъ, только одна щека горитъ по-прежнему. «Молодецъ, Даш-

ка!.. Молодецъ!»,—кричитъ восторженный учитель. Но молодецъ лежитъ безъ памяти.

Учитель тихо, осторожно, какъ любимое дѣтище, беретъ ее къ себѣ на руки и какъ тростиночку носитъ по сценѣ, самъ заливаясь слезами и причитывая, картавя, какъ говорятъ съ маленькими дѣтьми: «Гоюбушка ты моя!.. Кьясавица ты моя дѣвочка!... Хоясё, хоясё, чудесно!... Вотъ всегда такъ нужно, дѣточка моя!...»

Красавица, наконецъ, пришла въ сознаніе, открыла глаза. И онъ съ тѣми же причитаніями, какъ самая нѣжная мать, бережно опустилъ ее на софу и огромной дланью тихо, нѣжно, какъ будто прикасаясь къ чему-то хрупкому, приглаживалъ разсыпавшіеся волосы на головѣ, продолжая плакать чуть не навзрыдъ.

Такіе пріемы баръ-начальниковъ съ крѣпостныхъ сценъ были перенесены и на казенные театры, за исключеніемъ, развѣ, однихъ физическихъ заушеній.

Управленіе Верстовскаго, этого барина-крѣпостника, талантливаго композитора, глубоко понимавшаго искусство вообще, было вполнѣ деспотическое.

Да никто изъ рабовъ ему подвластныхъ и не мечталъ и во снѣ не видалъ, что могло быть и иное, болѣе человѣческое, отношеніе къ нему. Всякій ясно сознавалъ, что одно его слово, и вы завтра же безъ куска хлѣба. Никого не удивляли, не возмущали такія выходки, когда приходилось слышать распеканіе мелкихъ артистовъ за какой-нибудь въ сущности очень не важный проступокъ. Рѣзкіе эпитеты сыпались на провинившагося градомъ. «Я тебя, каналья, въ солдаты отдамъ!»... и въ заключеніе отрывистый возгласъ: «въ караульню!...» и несчастнаго сейчасъ же уводили въ помѣщеніе, гдѣ во время спектаклей въ маломъ театрѣ пребывали караульные солдаты, на сутки, на двое, на трое, судя по винѣ, или, вѣрнѣе, по раздраженію начальника. И это никому не казалось униженіемъ, а если втихомолку и обсуждали выходку, то только въ томъ смыслѣ, что за такую вину трое сутокъ много. Вотъ такого-то посадилъ всего на сутки, а онъ больше виноватъ.

Къ драматической труппѣ отношеніе начальника было еще сравнительно мягче. Тремъ, четыремъ лицамъ онъ всегда говорилъ вы. Вы, Павелъ Степановичъ (Мочаловъ) [1], или, вы, Михаилъ Семеновичъ (Щепкинъ). Такъ же и нѣкоторымъ актрисамъ, напримѣръ, Аграѳенѣ Тимоѳеевнѣ Сабуровой (несравненной, дивной актрисѣ комедіи). А всѣ другіе назывались просто по фамиліи: Шумскій, Самаринъ, а иногда въ видѣ особой милости удостоивались иногда и: Сергѣй Васильевичъ, Иванъ Васильевичъ, но всегда при этомъ прибавлялось: «ты, братецъ!»,

---

[1]) Мочалова едва помню на сценѣ.

*

засимъ произносился какой-то неопредѣленный, длинный звукъ вродѣ—э-э!... какъ будто онъ вспоминалъ что-то и при этомъ указательный палецъ правой руки непремѣнно прижималъ кончикъ носа снисходительнаго начальника и тогда уже рѣзко, отрывисто предъявлялись требованія. Не мало было и такихъ, которые назывались по именамъ, безъ отчества и фамиліи, и всѣ они крупные актеры и далеко не молодые. Орловъ, напримѣръ, игралъ такія роли, какъ Скалозуба въ «Горе отъ ума», Степановъ Тугоуховскаго. Степанова возили въ Петербургъ для исполненія этой роли по приказу императора Николая Павловича. А былъ одинъ, который назывался Мекешка!... Эту фамильярную кличку носилъ извѣстный актеръ Николай Матвѣевичъ Никифоровъ. Такое отношеніе къ служащимъ не ограничивалось одними артистами, но распространялось и на чиновниковъ конторы; и тамъ такъ же два, три лица назывались полными именами, а остальныя или фамиліями, или только именами.

Большинство чиновниковъ были недоучившіеся семинаристы. Обхожденіе съ ними управляющаго конторой было крайне рѣзкое: выговоры, распеканія, не рѣдко съ прибавленіемъ очень нелестныхъ прозвищъ. Это было такъ обыкновенно, что противъ такого обращенія они ничего не имѣли, если бы это говорилось въ ихъ кругу, чиновничьемъ. «Но вотъ обидно что», высказывалъ одинъ изъ нихъ: «что эти нехорошія слова говорятся иногда и при артистахъ. А вѣдь мы, чиновники, начальники!... Какое же можетъ быть у артистовъ уваженіе, почтеніе къ намъ, когда они слышатъ такія слова? Вѣдь я не какой-нибудь артистъ или музыкантъ, у меня впереди повышенія, чины, можетъ быть со временемъ я и самъ буду управляющимъ конторой».

Вѣроятно, вслѣдствіе такихъ соображеній, они держали себя съ артистами недоступными олимпійцами, едва удостоивая отвѣтомъ, когда обращались къ нимъ съ какимъ-нибудь дѣломъ, справкой. Справка требовала нѣсколько минутъ, а приходилось ждать два, три часа, судя по тому, какого полета проситель. Вотъ и ждутъ, когда, наконецъ, наскучитъ ему перелистывать старую газету или просматривать вышедшую афишу. Счастье еще, если въ это время къ нему не подсядетъ отъ другаго стола такой же олимпіецъ и не начнетъ бесѣды о дѣлахъ семейныхъ, о дороговизнѣ припасовъ, о встрѣчѣ его вчера съ общими знакомыми въ театрѣ. Вся бесѣда идетъ вяло, тоскливо, съ упорнымъ зѣваніемъ и крещеніемъ рта въ это время, нисколько не представляя интереса ни тему, ни другому, а вы стойте и ждите «своего термина», какъ выражался одинъ изъ столоначальниковъ. Но вотъ бѣда, если въ это время придетъ извѣстіе, что управляющій не будетъ въ конторѣ, тогда можно прождать и до конца присутствія и рискуешь еще быть приглашеннымъ на завтра: сегодня нѣтъ времени, онъ очень занятъ.

Все это теперь кажется невѣроятнымъ, но при тѣхъ воззрѣніяхъ чиновниковъ на свою дѣятельность иначе и быть не могло. Вотъ, напримѣръ, что высказывалъ столоначальникъ, нѣкій Каракалпаковъ: «театръ и актеры существуютъ только потому, что есть мы, чиновники, а не будь насъ, ни театръ, ни актеры и не нужны совсѣмъ. Вотъ это все вы и должны понимать». Говорилось это при случаѣ каждому очень внушительно и съ апломбомъ, не допускающимъ возраженій.

Но такое издѣвательство было не со всѣми служащими въ труппахъ; всегда находились лица, избавленныя отъ такихъ обращеній, одни по своему положенію, занимаемому въ труппахъ (этихъ не много), другія по инымъ, довольно разнообразнымъ причинамъ: по расположенію къ нимъ высшаго начальства (причины тоже разнообразны), иныя по особой ласковости и невзыскательности характера, четвертыя вызывали любезность и снисходительность вещественными приношеніями въ видѣ ящика сигаръ, подсвѣчниковъ, ковриковъ, шитыхъ подушекъ на диванъ, даже пѣвчія птицы вызывали умиленіе на строгихъ лицахъ пріемлющихъ, а пятыя необыкновеннымъ упорствомъ, терпѣніемъ и настойчивостью, достойными лучшаго примѣненія. Разъ цѣль намѣчена, такой субъектъ будетъ мѣсяцъ, два, каждое утро стоять у стола чиновника, отъ котораго зависитъ двинуть его дѣло. Бухгалтеръ Малышевъ, на вопросъ, отчего такъ долго тянется дѣло?—указалъ около своей конторки совершенно вытертое мѣсто на полу, лишенное всякой краски, и произнесъ: «вотъ какъ надо дѣйствовать просителямъ». И при семъ имя рекъ—сего упорнаго мужа, унесшаго всю краску на ногахъ.

Приведу собственный разсказъ одного изъ «упорныхъ», какъ онъ добивался прибавки къ жалованью при инспекторѣ репертуара Бегичевѣ (объ его управленіи будетъ разсказано ниже). «Я»,—говоритъ «упорный»,—«добился, наконецъ, серьезнаго обѣщанія Владиміра Петровича дать мнѣ прибавку» (а не-серьезно онъ обѣщалъ всегда и всѣмъ, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда просило лицо, къ которому онъ не былъ расположенъ. Такихъ немного, и имъ онъ отказывалъ, не стѣсняясь).

Проходитъ недѣля, двѣ, мѣсяцъ, другой, а о прибавкѣ ни слуху, ни духу. «Вижу»,—говоритъ «упорный»,—«нужно приняться за мою систему понужденія». Одиннадцать часовъ утра, звоню у подъѣзда Владиміра Петровича. Вхожу, капельдинеръ снимаетъ шубу». «Что Владиміръ Петровичъ всталъ?»—«Точно такъ-съ, пожалуйте въ пріемную». Пріемная особенная: у всѣхъ стѣнъ и между мебелью разставлены попугаи всѣхъ цвѣтовъ и наименованій, и въ клѣткахъ, и на желѣзныхъ стойкахъ; на окнахъ за проволочными сѣтями множество всевозможныхъ птицъ; въ углу огромная клѣтка съ двумя маленькими обезьянами; портьеры, занавѣски необыкновенныхъ цвѣтовъ и рисунковъ; глубокіе, мягкіе бархатные ковры покрываютъ весь полъ; столики, стульчики,

козеточки, изящныя пепельницы, спичечницы повсюду. Все нѣжно, мягко, воздушно, по красотѣ—художественно. Глядя на все окружающее, вамъ и въ голову не придетъ, что здѣсь живетъ могучій красавецъ-мужчина!...

Нѣтъ, тутъ непремѣнно должна обитать томная, нѣжная, слабая нервами дама идеалистка, мечтательница. Посѣтитель, ожидая хозяина, не соскучится, развлеченія повсюду: тутъ попугаи докладываютъ вамъ отрывки изъ разныхъ стихотвореній, сопровождая ихъ иногда и бранными словами, здѣсь обезьянки занимаютъ пришельца смѣшными ужимками, прыжками и иными не всегда приличными поступками, а хоръ пѣвцовъ за желѣзной сѣтью на окнѣ въ свою очередь поетъ, трещитъ, пищитъ, щелкаетъ на всѣ лады.

Капельдинеръ просовываетъ голову изъ двери передней и робкимъ шопотомъ докладываетъ посѣтителю: «изволили выйти въ столовую, сейчасъ доложу». Проходитъ добрыхъ полчаса, наконецъ, портьера откидывается, и на порогѣ появляется чудная, величественная, изящная фигура хозяина, въ шелковомъ халатѣ необыкновеннаго цвѣта и покроя, въ шитыхъ туфляхъ, гармонирующихъ и съ халатомъ и общимъ элегантнымъ видомъ вершителя нашихъ судебъ.

— Здравствуйте, мой дружокъ!.. что скажете?

Отвѣтъ извѣстный—повтореніе просьбы съ напоминаніемъ о его обѣщаніи. Обѣщаніе подтверждается снова, что разъ онъ обѣщалъ, исполнитъ непремѣнно, но нужно немного подождать. Бесѣда по времени длится разно: если посѣтитель умѣетъ вести себя (какъ объ этомъ тоже будетъ сказано въ свое время), то бесѣда можетъ продолжаться довольно долго, а не умѣетъ или не желаетъ умѣть, то очень скоро: нѣсколько необходимыхъ словъ и конецъ. Всѣ «упорные» знаютъ, какъ нужно держать себя, и бесѣда идетъ долго, періодически пополняясь продолженіемъ обѣщаній съ одной стороны и просьбами съ другой.

На слѣдующій день, ровно въ одиннадцать часовъ утра, «упорный» звонитъ у подъѣзда, и все вчерашнее, съ нѣкоторыми варіантами, повторяется снова. И такъ цѣлыя недѣли. Ни праздники, ни будни осада не прекращается. В. П. видимо начинаетъ тяготиться ежедневнымъ посѣтителемъ, а посѣтитель этого-то и добивался и не только не смягчалъ, а усиливалъ нападеніе. Наконецъ, слышитъ давно желанное слово:

— Дружокъ мой!.. вы знаете, какъ я къ вамъ расположенъ, но поймите, что на этотъ разъ не отъ меня зависитъ ускорить, какъ вы хотите: баронъ Кистеръ упрямится, ну что же съ нимъ прикажете дѣлать? А вы поступите такъ: отправляйтесь въ Петербургъ, къ барону, я вамъ дамъ отпускъ, и, вѣроятно, вы тамъ скорѣй устроите всё.

«Дѣло въ шляпѣ», думаетъ «упорный»: онъ въ глубинѣ души только и мечталъ объ этакой поѣздкѣ, но ѣхать вопреки желанію В. П. значитъ испортить свои отношенія къ нему, а это не входило въ его разсчеты. А теперь онъ ѣдетъ съ его благословенія, чего такъ усердно и добивался; значитъ, однимъ выстрѣломъ убиты два зайца, и все будетъ превосходно.

«Упорный» въ Петербургѣ. Десять часовъ утра, онъ въ конторѣ. Баронъ не пріѣдетъ раньше двѣнадцати, но по разсчету «упорнаго» лучше быть пораньше. Входитъ баронъ, онъ лично знаетъ «упорнаго».

— А!.. здравствуйте!.. ко мнѣ?—очень радъ, въ чемъ дѣло?

Дѣло излагается. Баронъ отнѣкивается: нѣтъ суммъ, нужно повременить, потерпѣть. Поговоривъ и обнадеживъ, проходитъ въ свой кабинетъ. «Упорный» остается и ждетъ конца присутствія. Четыре часа, присутствіе кончено. Баронъ выходитъ изъ кабинета, собираясь ѣхать домой, передъ нимъ «упорный» и, провожая барона, проситъ о прибавкѣ.

Проходитъ недѣля, другая послѣ первой встрѣчи съ «упорнымъ», и за весь этотъ срокъ не было дня, кромѣ праздниковъ, чтобы «упорный» не былъ въ конторѣ, а вечеромъ въ театрѣ, стараясь непремѣнно встрѣтить барона съ тѣми же просьбами и заявленіями.

Баронъ, при видѣ его, замѣтно начинаетъ волноваться и чувствовать себя нехорошо отъ постоянныхъ преслѣдованій «упорнаго». Какъ увидитъ его, тоскливо охаетъ и тяжело вздыхаетъ:

— Ахъ, Боже мой!.. вы опять здѣсь? Вѣдь я же вамъ сказалъ— повремените.

Проходитъ еще недѣля, ежедневныя встрѣчи продолжаются самымъ аккуратнымъ образомъ. Баронъ окончательно впадаетъ въ тоску, даже какъ будто осунулся.

— Боже всемогущій, опять вы?!.. охъ!.. Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ.

Приходятъ, садятся. Баронъ пишетъ письмо; кончилъ, запечаталъ и подаетъ «упорному»:

— Отправляйтесь въ Москву и передайте мое письмо Владиміру Петровичу. Всё будетъ сдѣлано, о чемъ вы просите. Надѣюсь, вы довольны?

— Очень доволенъ, ваше сіятельство.

— Ну, съ Богомъ, поѣзжайте. Вы когда ѣдете?

— Завтра же, ваше сіятельство.

— Охъ!.. прощайте.

«Упорный» въ Москвѣ и на другой день у Владиміра Петровича. Подаетъ письмо барона и съ восторгомъ увѣряетъ, что баронъ принялъ его превосходно, такъ былъ любезенъ, привѣтливъ, все обѣщалъ сдѣ-

лать непремѣнно, и бумага о прибавкѣ вѣроятно придетъ въ Москву дня черезъ три, четыре. В. П., какъ дѣйствительно очень добрый человѣкъ, выражаетъ искренно свое удовольствіе по случаю удачи и между прочимъ вскрываетъ письмо барона къ нему. Съ первыхъ строкъ В. П. немножко измѣнился въ лицѣ. «Упорный» замѣтилъ перемѣну и спрашиваетъ безпокойно:

— Что такое пишетъ баронъ?

— Ничего, ничего, дружокъ мой!.. это у насъ съ нимъ свои дѣла и до вашей прибавки не касаются.

Опять проходятъ недѣля за недѣлей, а прибавка какъ въ воду канула, никакихъ извѣстій.

«Упорному» западаетъ такая мысль въ голову: это самъ В. П. задерживаетъ бумагу о прибавкѣ, а она, разумѣется, давно пришла. Одиннадцать часовъ утра, звонокъ у подъѣзда В. П.

— Здравствуйте, мой дружокъ! Въ чемъ дѣло?

— Владиміръ Петровичъ, я удивленъ!—что значитъ, почему нѣтъ извѣстій о прибавкѣ, я былъ увѣренъ, что дня три, четыре, и она должна быть у васъ.

— И я не понимаю, дружокъ мой, рѣшительно не понимаю, почему нѣтъ.

— Мнѣ кажется, В. П., что можетъ быть вы сами считаете меня не заслуживающимъ этой прибавки и не хотите объявить мнѣ объ этомъ. Вдругъ В. П. заволновался.

— Я, я, значитъ, я задерживаю?—Да что вы, дружокъ мой!.. зачѣмъ я это сдѣлаю?

— Да мнѣ очень странно, В. П.: баронъ меня такъ увѣрялъ, что скоро, вслѣдъ за мной... и письмо вамъ прислалъ объ этомъ и вдругъ...

— Письмо?—вы говорите, письмо!.. Хорошо же, хорошо. Я не хотѣлъ говорить, огорчать васъ!.. но разъ вы меня подозрѣваете, я вамъ сейчасъ покажу это письмо.

В. П. быстро идетъ въ кабинетъ, выноситъ письмо барона и подаетъ «упорному».—Повторяю, я не хотѣлъ его показывать, но вы думаете... такъ пеняйте на себя, читайте. «Упорный» читаетъ слѣдующее: «Ради всего святаго уберите отъ меня этого упорнаго!.. Онъ преслѣдуетъ меня повсюду, какъ тѣнь отца Гамлета, цѣлый мѣсяцъ. Нагналъ на меня страшный кошмаръ по ночамъ. Если такъ будетъ продолжаться, я чувствую, что не перенесу этого и заболѣю. Главное — не давайте ему отпуска въ Петербургъ, онъ меня совсѣмъ сокрушитъ».

Мѣсяца черезъ два упорный все-таки желанную прибавку получилъ.

Разсказъ объ «упорномъ» заставилъ меня далеко забѣжать впе-

редъ, что нарушаетъ послѣдовательность въ смѣнѣ начальниковъ одного другимъ, ихъ взглядовъ на театръ, искусство, артистовъ и на разрѣшеніе задачъ, къ которымъ каждый изъ нихъ приступалъ съ легкимъ сердцемъ и глубокой вѣрой въ свое знаніе и непогрѣшимость. Глядя на ломку, совершаемую ими, невольно думалось: какъ крѣпко они держатся изреченія Цезаря: «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ». Жили, уходили или устранялись со службы съ полной вѣрой, что театръ и искусство погибло безъ нихъ, а устранены они только по интригамъ и зависти.

II.

Во времена крѣпостнаго права, публика обоихъ театровъ состояла почти исключительно изъ однихъ помѣщиковъ и служилаго чиновнаго люда. Купечество и богатое мѣщанство бывало только на масляницѣ и святкахъ. Со второй половины октября Москва оживала, начинался съѣздъ помѣщиковъ, и въ ноябрѣ уже всѣ были въ сборѣ. Балы, клубы, собранія, театры смѣняли деревенскую жизнь. Надо сказать, что оба театра хотя и посѣщались публикой, но очень слабо, такъ что весьма рѣдко можно было видѣть залъ наполненнымъ до половины, и только въ исключительныхъ случаяхъ онъ бывалъ полонъ. За то истинные любители и поклонники драматическаго искусства были ежедневными посѣтителями и знали всѣхъ актеровъ и актрисъ по именамъ, начиная съ первыхъ и кончая самыми мелкими—выходными.

Да и не мудрено, вся труппа Малаго театра состояла по штату изъ тридцати человѣкъ мужчинъ и женщинъ. Когда ставились пьесы сложныя, народныя и актеровъ не хватало, тогда назначались для пополненія ихъ изъ балета, оперы или такъ называемаго «мѣднаго хора» (нѣчто вродѣ военнаго оркестра). Даже свободные музыканты оркестра иногда играли маленькія роли въ два слова (многіе изъ нихъ были экстернами-воспитанниками). Такъ, напримѣръ, было при постановкѣ на сценѣ Малаго театра «Коріолана», Шекспира или «Смерть Ляпунова», гдѣ великое множество мелкихъ ролей. Въ свою очередь нерѣдко и драматическіе актеры участвовали въ операхъ, а молодые и въ балетахъ. И. В. Самаринъ, играя въ Маломъ театрѣ Скопина-Шуйскаго, по окончаніи перевозился въ Большой для участія въ дивертисементѣ, гдѣ и отплясывалъ—«Польку-козакъ». При постановкѣ оперы Верстовскаго «Вадимъ», ему поручена была роль Вадима. Въ операхъ вообще очень часто участвовали даже такіе артисты, какъ П. М. Садовскій,

В. И. Живокини, Н. М. Никифоровъ, С. М. Акимова, а въ драмахъ приходилось видѣть оперныхъ и балетныхъ артистовъ въ довольно крупныхъ роляхъ. Знаменитая танцовщица Санковская играла въ Маломъ театрѣ драму: «Два слова или ночь въ лѣсу», а драматическая актриса Е. Бороздина очень часто пѣла вторыя партіи въ операхъ. Вообще всѣ труппы составляли какъ-бы одно цѣлое. Когда рядомъ съ Малымъ театромъ былъ выстроенъ деревянный циркъ Новосильцевымъ, и при постановкѣ въ нёмъ разныхъ военныхъ пантомимъ, туда командировались вторые актеры драматическіе и балетныя танцовщицы для исполненія главныхъ ролей, актеры играли генераловъ, офицеровъ и говорящихъ солдатъ, а циркисты—черкесовъ и отвѣчали на русскія рѣчи пантомимой, отчаянно размахивая руками. Тутъ былъ маленькій подлогъ со стороны начальства и Новосильцева, дѣло было поставлено такъ, какъ будто циркъ былъ тоже императорскій, а потому отъ участія въ его представленіяхъ отказываться было нельзя.

Между публикой и актерами Малаго театра всегда существовала крѣпкая нравственная связь, публика говорила: «наши актеры», актеры: «наша публика». Судъ этой публики былъ страшенъ не только въ оцѣнкѣ талантовъ и дарованій, но и въ частной жизни каждаго. Какъ всякіе несправедливые поступки, обиды, учиненныя съ кѣмъ-нибудь изъ актеровъ за кулисами, непремѣнно доходили до публики, и она очень рѣзко выражала свое сочувствіе обиженному, такъ и дурной поступокъ актера замѣтно отражался на немъ при появленіи его на сценѣ. Эта связь создавалась не годами, а цѣлыми десятками лѣтъ и традиціонно передавалась отъ поколѣнія къ поколѣнію. На глазахъ этой образованной публики, съ развитыми художественными вкусами, актеры росли, совершенствовались и старѣлись. Сочувствіе «къ своимъ актерамъ» особенно сильно проявлялось послѣ отъѣзда изъ Москвы знаменитыхъ гастролеровъ Петербурга, какъ Каратыгинъ, Мартыновъ, Самойловъ и другихъ. Публика искренно восторгалась этими знаменитыми художниками, шумливо выражая свое удовольствіе, но завтра въ тѣхъ же роляхъ выступали «свои», и сочувственныя встрѣчи были просто бурными.

Въ свою очередь и актеры въ дѣло изученія жизни и характеровъ вкладывали, какъ говорится, всю свою душу. Такъ проходили годы въ нравственномъ и воспитательномъ воздѣйствіи публики на актеровъ, актеровъ на публику, хотя большинство труппы продолжало крѣпко держаться за унаслѣдованную рутину.

Въ кругу публики много было такихъ, которые все свободное время проводили въ обществѣ актеровъ и, благодаря своему высокому образованію, много способствовали общему развитію вкуса, художественному подъему въ актерахъ. Я, какъ актеръ, уже не засталъ знамени-

той кофейной Печкина, на Театральной площади, но знаю, что происходило въ той отдѣльной комнатѣ, куда никто не допускался изъ посторонней публики и гдѣ ежедневно собирались лучшіе люди того времени. Тутъ были литераторы, критики, ученые всѣхъ отраслей знанія, художники, актеры. На этихъ собраніяхъ шли горячіе диспуты о томъ, что видѣли вчера, что предстоитъ видѣть завтра, обсуждали вновь вышедшія литературныя произведенія или ученыя сочиненія; указывались недостатки, сдѣланные авторомъ, часто присутствующимъ тутъ же; порицалась неправильная передача характеровъ актерами. Эта аудиторія создала многихъ крупныхъ литераторовъ, художниковъ, актеровъ.

Вслѣдствіе очень важныхъ причинъ, аудиторія распалась, одни изъ дѣятелей удалились въ Англію, другіе въ Швейцарію, и изъ всѣхъ остались два, три—какъ-то: Н. Х. Кетчеръ, С. А. Юрьевъ, и они до конца дней своихъ не покидали насъ своими добрыми совѣтами и указаніями. Большинство актеровъ были воспитанниками театральной школы, а какое мы получали тамъ научное образованіе, будетъ сказано ниже. Благодаря постояннымъ сходкамъ въ этомъ импровизованномъ университетѣ, образовательный цензъ актеровъ возрасталъ, ширился и отражался на ихъ творчествѣ.

Но къ несчастью ни публика, ни эти просвѣтители актеровъ не въ силахъ были отстаивать даровитѣйшихъ отъ преслѣдованій и утѣсненій власть имѣющихъ. Приведу случай далеко не единственный, бывшій съ С. В. Шумскимъ. Еще въ школѣ, бывши ученикомъ М. С. Щепкина, Шумскій уже обѣщалъ быть знаменитостью. По выходѣ изъ школы, въ силу нерасположенія къ нему начальства и разныхъ закулисныхъ интригъ, ему рѣдко приходилось играть порядочныя рольки, а больше выходныя въ два слова. Но публика знала его какъ талантливаго, молодаго актера и всегда выражала ему свое сочувствіе, а это только усиливало къ нему нерасположеніе враговъ.

Наконецъ, онъ понялъ, что если останется въ Москвѣ, то никакъ не выберется изъ этихъ тисковъ, и съ помощью людей, расположенныхъ къ нему, получилъ приглашеніе на службу въ Одессу. Подаетъ прошеніе объ отпускѣ, и ему, конечно, съ большой охотой даютъ отпускъ, чтобы избавиться отъ непріятнаго члена труппы. Передъ отъѣздомъ онъ играетъ какую-то маленькую не видную роль, но публика уже знала о его оставленіи московской сцены и дѣлаетъ ему такой пріемъ, что въ пору хоть-бы и первому актеру.

Цѣлыхъ шесть лѣтъ онъ провелъ въ Одессѣ, создалъ себѣ громкое имя, начальство знало его успѣхи, но и не думало требовать его обратно въ Москву; напротивъ, съ большимъ удовольствіемъ каждый годъ продолжало возобновлять его отпускъ.

И если бы не счастливый случай, врядъ-ли Шумскій и совсѣмъ когда-нибудь вернулся въ Москву.

Весной пріѣзжаетъ въ Малый театръ на гастроли извѣстная петербургская знаменитость Прасковья Ивановна Орлова. Репертуаръ съ ея участіемъ присланъ давно, и начальство роздало роли участвующимъ съ гастролершей. Орлова просмотрѣла списокъ именъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и категорически заявила, что такія-то пьесы она ни съ кѣмъ инымъ играть не будетъ кромѣ Шумскаго, съ которымъ она играла ихъ въ Одессѣ. Ей объявляютъ, что Шумскій въ отпуску и вызванъ быть не можетъ, но съ Орловой ладить трудно, и она рѣшительно заявила, что если Шумскій не будетъ вызванъ въ Москву, то она сейчасъ же увѣдомитъ директора и министра двора, что отъ гастролей вынуждена отказаться. Такая угроза, конечно, могла имѣть для начальства пагубныя послѣдствія; оно хорошо знало силу и вліяніе Орловой въ Петербургѣ, а потому гастроли были нѣсколько отодвинуты до пріѣзда Шумскаго. При первомъ его появленіи на сценѣ, онъ былъ встрѣченъ публикой такъ восторженно, что сама Орлова могла только позавидовать такому общему радушію.

И всѣ десять спектаклей и одиннадцатый ея бенефисъ были тріумфомъ дивнаго актера. Само собой, послѣ такихъ торжествъ и дружескихъ отношеній къ нему Орловой, начальство тоже смѣнило гнѣвъ на милость.

Говоря о сочувственномъ отношеніи публики къ актерамъ, нельзя не упомянуть о странности взглядовъ и понятій того времени той же публики, сочувствующей и преклоняющейся передъ актеромъ-талантомъ.

Въ Москву по дѣлу пріѣхалъ богатѣйшій помѣщикъ провинціалъ, господинъ Н. Былъ въ Маломъ театрѣ, видѣлъ Шумскаго въ какой-то пьесѣ, не помню, и пришелъ въ такой восторгъ отъ его исполненія, что непремѣнно хотѣлъ проникнуть къ нему въ уборную. Пришелъ и чуть не со слезами на глазахъ выражалъ ему свой восторгъ. Наконецъ, проситъ его, какъ милости, позволить завтра пріѣхать къ нему въ домъ, «это будетъ — памятью для меня на всю жизнь». Шумскій назначилъ часъ, и на другой день господинъ Н. у него. Сидятъ въ кабинетѣ, разговаривая о томъ, о другомъ, вдругъ отворяется дверь, и входитъ отецъ Шумскаго. Почтенный старикъ, шевелюра—Шумскаго-сына, только сѣдъ, какъ лунь. Господинъ Н. удивленно смотритъ на него и послѣ небольшой паузы спрашиваетъ старика: «Василій, ты какъ сюда попалъ?» И слышитъ: «здравствуйте, баринъ», и, указывая на Шумскаго: «Вѣдь это, баринъ, мой сынъ». Господинъ Н., какъ ушибленный, едва поднялся съ мѣста и послѣ нѣкотораго молчанія тихо произнесъ:

«Извините!».. какъ бомба вылетѣлъ вонъ.

Отецъ Шумскаго оказался бывшимъ крѣпостнымъ господина Н.

Въ описываемое время, рядомъ съ русской, служила и французская драматическая труппа и три раза въ недѣлю, считая и субботу, давала свои спектакли. Для русскихъ артистовъ полный срокъ службы для полученія пенсіи былъ двадцать лѣтъ и еще два года такъ называемой—«благодарности», т. е. получать только одну пенсію, а жалованье прекращалось на эти два года, тогда какъ всѣ иностранцы получали пенсію черезъ десять лѣтъ. Такая льгота привлекала ихъ служить въ Россіи, и все выдающееся, чѣмъ восхищался Парижъ, неудержимо стремилось на службу въ Петербургъ или Москву. И дѣйствительно, французская труппа въ обѣихъ столицахъ была великолѣпная. На ихъ спектакляхъ, особенно субботнихъ, публика бывала только высшаго аристократическаго общества, которое ѣздило въ русскіе спектакли въ исключительныхъ случаяхъ, но французскіе посѣщались усердно.

Все было разодѣто, вылощено, какъ на балъ. Не только въ партерѣ и ложахъ, но даже на галлереѣ, нельзя было встрѣтить посѣтителя иначе какъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, а посѣтительницу почти въ бальномъ платьѣ. Во время антрактовъ въ корридорахъ и крошечномъ фойе Малаго театра французская рѣчь лилась рѣкой, и только случайно, робко и несмѣло русское слово, какъ что-то не законное, проскользало иногда, и то сказанное прислугой.

Репертуаръ обѣихъ труппъ былъ одинъ и тотъ же, такъ какъ русская сцена пробавлялась почти одними переводными французскими. Не рѣдко и русскіе актеры участвовали во французскихъ спектакляхъ, конечно, въ роляхъ въ два, три слова. И. В. Самаринъ игралъ у нихъ драму: «Ингувильскій нѣмой», и въ концѣ драмы говорилъ нѣсколько словъ. Воспитаніе русскаго актера, съ первыхъ шаговъ его на школьной сценѣ, шло исключительно на французскихъ драмахъ и комедіяхъ, а потому многіе изъ нихъ, какъ Самаринъ, Живокини по ловкости и легкости пріемовъ на сценѣ были чистѣйшими французами.

Насколько такое мнѣніе справедливо, можно судить по слѣдующему случаю. Репертуаръ обѣихъ труппъ составлялся обыкновенно на недѣлю впередъ; и вотъ въ русскомъ, между прочимъ значились двѣ французскія переводныя пьесы для одного спектакля, первая: «Записки демона», и для конца: «Стряпчій подъ столомъ». Обѣ главныя роли, въ первой—Робанъ—исполнялась Самаринымъ, а во второй—стряпчій Жовьаль—Живокини.

Нужно замѣтить, что для этихъ пьесъ во французской труппѣ исполнителей не было, и онѣ не шли совсѣмъ.

Но вотъ пріѣзжаютъ изъ Парижа вновь приглашенныя на службу двѣ знаменитости, на роли любовниковъ—Бресанъ, на роли—комиковъ-буфъ—Пешна. Въ репертуарѣ, присланномъ раньше, для первыхъ выходовъ того и другаго значилось: Бресанъ—«Записки демона», а Пешна—«Стряпчій подъ столомъ». Вдругъ видятъ афишу, что ихъ дебютныя роли сегодня играются русскими!.. Какъ не взглянуть, что могутъ сдѣлать русскіе изъ ихъ, такъ сказать—«коронныхъ ролей». И вотъ они оба въ ложѣ бельэтажа. Результатъ провѣрки былъ тотъ, что оба премьера на другой день вычеркнули изъ своего репертуара обѣ пьесы.

III.

Возвращаюсь къ управленію Верстовскаго, его отношеніямъ къ артистамъ и искусству. У него, напримѣръ, всегда избирался какой-нибудь музыкантъ управляющимъ по дому, онъ же экономъ по кухнѣ и для разныхъ побѣгушекъ, не свойственныхъ артисту домашнихъ исправленій всего, и до починокъ старья — включительно, конечно, даромъ, изъ одной чести услуживать ему. Развѣ если что не такъ сдѣлано, какъ онъ приказалъ или куплено не по нраву, могъ обругать какъ своего крѣпостнаго лакея и прибавить: «Бѣги перемѣни». И семейный артистъ, трепеща за свою службу въ театрѣ, бѣжалъ изъ «Староконюшенной» опять въ «Охотный рядъ» мѣнять толстокожіе апельсины, а если не перемѣнятъ (съ нѣсколькихъ снята кожа для пробы), то покупалъ другіе на свой счетъ.

Что же касалось искусства, онъ былъ художникъ въ полномъ смыслѣ слова. Любилъ дѣло и умѣлъ цѣнить людей, конечно, съ высоты своего величія. Вездѣ и во всемъ дѣйствовалъ самъ, не довѣряя никому. Завѣдывалъ не только составленіемъ репертуара, но даже распредѣленіемъ ролей, хотя для этого было особое лицо, т. е. инспекторъ репертуара—Пороховщиковъ.

Что дѣйствительно было брошено имъ, какъ говорится, «на произволъ судьбы», такъ это школа, куда онъ являлся очень рѣдко и то главнымъ образомъ для распеканія, особенно эконома Борегара (онъ же и содержатель кофейной въ обоихъ театрахъ).

Забота о воспитаніи дѣтей ограничивалась у него приличной кормежкой, чистотой внѣшняго вида и дисциплиной, а что дѣлали дѣти, какъ учились, что были за учителя, воспитатели и воспитательницы, объ этомъ онъ не заботился.

И дѣйствительно, со стороны научно-воспитательной дѣло обстояло весьма плохо. Классныя дамы служили такія, что развѣ только въ няньки годились, такъ что самыя няньки, жившія при воспитанницахъ, были нисколько не хуже классныхъ дамъ, вся разница только въ костюмахъ и въ томъ, что няньки не могли приносить воспитанницамъ никакого вреда, тогда какъ классныя дамы, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, только и дѣлали, что коверкали и ломали дѣтей своими дикими, невѣжественными внушеніями и требованіями. Полное бездѣлье, пересуды, перебранки между собой надзирательницъ, ихъ угодничество, подобострастіе передъ начальствомъ, вотъ все, что могли видѣть, слышать и усвоивать воспитанницы. И при этомъ всѣ онѣ ужасно были заняты тѣмъ, чтобы представлять изъ себя дамъ образованныхъ и съ тономъ; что, конечно, шло къ нимъ, какъ къ коровѣ сѣдло, и только смѣшило и еще болѣе унижало ихъ въ глазахъ взрослыхъ воспитанницъ. И учителя были не лучше. Кромѣ танцевъ, обязательныхъ для всѣхъ, преподавались еще: законъ Божій, русская исторія, четыре правила ариѳметики; всѣ три предмета преподавалъ священникъ. Русскій языкъ—Цвѣтковъ. Французскій языкъ инспекторъ школы Оберъ. Фортепьяно—Логиновъ, потомъ его смѣнилъ Рисъ, совершенно глухой старикъ: давая урокъ, дѣлалъ замѣчанія, глядя на пальцы ученицы, разобраться же въ звукахъ по серьезной глухотѣ не могъ.

Одна изъ классныхъ дамъ, желая показать, что она дама образованная, во время рекреаціи садилась въ залѣ для наблюденія за порядкомъ и непремѣнно брала какую-то французскую книгу, читала, повидимому, очень внимательно и серьезно, часто перевертывая страницы. Но отъ дѣтей укрыться трудно, когда у нихъ закрадется подозрѣніе. Оказалось, что образованная дама, случалось, держала книгу вверхъ ногами, а на просьбу какой-нибудь бойкой воспитанницы почитать въ слухъ раздраженно отвѣчала: «подите прочь, дерзкая!..» Что, конечно, вызывало общее веселье.

Священникъ являлся на урокъ очень рѣдко: проходили дни, иногда даже цѣлыя недѣли безъ занятій; да и въ эти рѣдкія посѣщенія онъ большею частью не заставалъ ученицъ. Съ десяти часовъ утра большинство ихъ было на репетиціяхъ, оставалось всего три, четыре воспитанницы, а батюшка находилъ такое число «недостаточнымъ» и всегда повторялъ какъ урокъ: «будемъ ожидать возвращенія», хотя отлично зналъ, что ранѣе четырехъ, пяти часовъ, а иногда и позднѣе, никто изъ ученицъ не возвратится. И вотъ «скуки ради» онъ шелъ въ танцовальный классъ экстерныхъ-воспитанниковъ, садился рядомъ съ музыкантомъ (скрипачъ) или съ учителемъ танцевъ, тихо задавая вопросы объ интересующихъ его явленіяхъ, часто посматривая на часы.

Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ заставалъ хотя половину ученицъ, занятій наукой тоже было не много, время проходило больше въ разсужденіяхъ о начальствѣ, о трудныхъ занятіяхъ театральныхъ, и между прочимъ дѣлались нѣкоторые вопросы и по обязанности учителя. Никто, конечно, на такіе вопросы отвѣчать не могъ. И старикъ, качая укоризненно головой, произносилъ медленно: «а-ахъ, мадамы, мадамы!.. какъ же вы это?»—Впрочемъ, этотъ укоръ быстро смѣнялся сладкой надеждой, что къ слѣдующему классу всѣ будутъ знать хорошо. И такъ шло воспитаніе изъ году въ годъ. Учитель пѣнія, Томброни, обучалъ такъ: извѣстному въ свое время тенору Владиславлеву давалъ партіи баритона, а Божановскому (баритонъ)—партіи теноровыя. И только когда они прожили три года въ Италіи, вернулись въ Москву, запѣли уже наконецъ Богомъ данными голосами.

Нельзя однако сказать, что въ правленіе Верстовскаго и въ дѣлѣ искусства и внутренняго порядка всегда и все обстояло благополучно. Иногда происходили такіе безобразные случаи, которые только и могли быть терпимы именно въ то время, когда не существовало никакихъ протестовъ не только со стороны актеровъ и иныхъ дѣятелей сцены, но даже и публика вела себя необыкновенно смирно, выносливо. Происходили они по такой причинѣ: въ драматической труппѣ и въ оркестрѣ было много родственниковъ жены Верстовскаго, урожденной Рѣпиной, когда-то пользовавшейся огромной славой, какъ драматическая актриса. И вотъ благодаря родственнымъ отношеніямъ ему нерѣдко приходилось дѣлать уступки, которыя бывали крайне непріятны какъ для участвующихъ, такъ и для публики. Напримѣръ, нѣкая дѣвица Сорокина, убійственная актриса, при полной бездарности еще и заикалась и настолько сильно, что иногда прямо трудно было понять, что она говоритъ; благодаря родственной протекціи появлялась на сценѣ преимущественно въ водевиляхъ съ пѣніемъ.

Крупныя поблажки совершались и для родственниковъ въ оркестрѣ. Музыкантъ-литавристъ, во время спектакля въ Маломъ театрѣ, до того былъ пьянъ, что, сидя въ оркестрѣ, при выходѣ на сцену актеровъ, началъ громко, во все услышанье называть каждаго по имени: «Вотъ Васька вышелъ!.. Шутъ гороховый!..» (Василій Игнатьевичъ Живокини). При выходѣ актера Ермолова, началъ звать его съ собой: «Сашка, Сашка!.. будетъ тебѣ ломаться, пойдемъ, чортъ съ ними». И его едва, едва могли удалить изъ оркестра. На другой день былъ данъ строжайшій приказъ капельдинерамъ оркестра: когда такой-то явится на службу пьянымъ, не допускать его въ оркестръ, подъ страхомъ немедленнаго увольненія со службы. Виновнику происшедшаго не было сдѣлано даже выговора. Я привелъ заикающуюся дѣвицу и скандалъ съ музыкантомъ, какъ исключительные случаи, но во всемъ, гдѣ не были

замѣщены родственники жены, Верстовскій былъ необыкновенно разборчивъ, какъ въ постановкѣ пьесъ, такъ и въ раздачѣ ролей. Ни просьбы личныя, ни хлопоты черезъ кого-нибудь, близко стоящаго къ нему, о желаніи въ такой-то пьесѣ играть такую-то роль не помогали, разъ онъ знаетъ, что на эту роль есть болѣе подходящее лицо. И этимъ совершенно отучилъ отъ всякихъ забѣганій «съ задняго крыльца», что̀ послѣ него очень практиковалось. А если и бывали не подходящія раздачи ролей, то не онъ былъ виновникомъ въ этомъ. Съ пріѣздомъ въ Москву А. М. Гедеонова (директоръ театровъ разъ въ зиму бывалъ въ Москвѣ непремѣнно), который симпатизировалъ молодымъ начинающимъ, и по его личному приказанію раздавались роли болѣе чѣмъ неудачно. Такъ отдана была роль героини въ «Разбойникахъ» Шиллера молоденькой, красивенькой актрисѣ Рябовой, что̀ не могло не отразиться дурно даже на главномъ исполнителѣ П. С. Мочаловѣ.

Сергѣй Васильевичъ Шумскій почему-то возымѣлъ страстное желаніе сыграть за Самарина роль Александра въ водевили: «Что имѣемъ, не хранимъ». Долго онъ носился съ этимъ желаніемъ, не рѣшаясь приступить къ Верстовскому съ просьбой. Разъ какъ-то Верстовскій былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа, и Шумскій, рѣшившись воспользоваться этимъ рѣдкимъ случаемъ, заявляетъ ему о своемъ горячемъ желаніи играть Александра. Раздается обычно-длинное э... э!.. и за симъ, о, радость!—«Ну, что жъ, братецъ, играй».

Шумскій сыгралъ, Верстовскій былъ въ театрѣ и смотрѣлъ. Проходятъ дни, Шумскій старается попасть ему на глаза, съ тѣмъ, конечно, чтобы узнать его мнѣніе. Не тутъ-то было, Верстовскій смотритъ на него и ни слова объ исполненіи. Проходитъ цѣлая недѣля; Шумскій уже отказался отъ мысли получить отзывъ о своемъ исполненіи роли. Вдругъ Верстовскій увидалъ его въ кулисахъ и зоветъ: «Шумскій!». Тотъ подходитъ. «Видѣлъ, братецъ, видѣлъ!—ты зачѣмъ игралъ въ фуражкѣ? Самаринъ былъ въ шляпѣ». И пошелъ со сцены по направленію къ своей ложѣ. Шумскій остался въ полномъ недоумѣніи.

Вдругъ Верстовскій остановился, повернулся опять къ нему лицомъ, прижалъ носъ и сказалъ: «Ну, что!.. а все-таки дрянь, братецъ!.. Никогда не надо просить ролей». И быстро пошелъ въ свою ложу. (Онъ опредѣлилъ игру другимъ словомъ, неудобнымъ для печати).

IV.

Несмотря на деспотизмъ Верстовскаго, на страшно грубое обращеніе со всѣми служащими, онъ пользовался уваженіемъ, поклоненіемъ

и не изъ подобострастія какъ къ всевластному начальнику, но какъ къ истинному артисту-художнику.

Идутъ репетиціи какой-нибудь пьесы, съ первой же, такъ называемой — «читки», всѣ актеры при чтеніи по ролямъ старались уже давать тонъ роли, выясняя по возможности характеръ лица и общій ходъ пьесы. Засимъ она переносилась изъ уборной, если залъ для репетицій и читокъ былъ занятъ, прямо на сцену уже безъ ролей.

Такимъ образомъ каждый участвующій былъ знакомъ съ общимъ ходомъ пьесы. Такъ шли двѣ, три репетиціи, гдѣ актеры, помогая другъ другу указаніями и совѣтами (вотъ гдѣ особенно былъ дорогъ многимъ М. С. Щепкинъ), достигали, наконецъ, всегда присущаго Малому театру—ансамбля. Конечно, это не всегда удавалось, почему—буду говорить ниже. Для каждаго становилось яснымъ, кто изъ исполнителей особенно выдѣляется въ своей роли. Но рѣшительнаго отзыва о себѣ вы не услышите до тѣхъ поръ, пока самъ Алексѣй Николаевичъ не выскажетъ своего взгляда на общее исполненіе и на выдающихся лицъ. Дѣлая указанія, онъ уже терялъ присущій ему деспотизмъ и самъ становился такимъ же актеромъ, какъ и всѣ, спокойно выслушивая возраженія окружающихъ и не рѣдко, послѣ очень долгихъ споровъ, соглашался съ доказательствами и доводами исполнителей.

Не мудрено, что при такой любви и пониманіи дѣла, онъ старался во всемъ дѣйствовать самъ, когда окружающіе его помощники, какъ инспекторъ репертуара Пороховщиковъ, главнымъ образомъ былъ озабоченъ не сценой и искусствомъ, а своими лошадьми и каретами, развозившими артистовъ и доставлявшими ему солидный доходъ.

Какъ-то случайно и очень не надолго Пороховщикова временно замѣстилъ новый инспекторъ, нѣкто Мухинъ; дѣлались такія замѣщенія не Верстовскимъ, а присланными изъ Петербурга, и для характеристики такихъ лицъ привожу примѣръ; Шумскій искалъ для своего бенефиса пьесу. Читалъ, выбиралъ и ничего не могъ найти подходящаго. Продолжалось это исканіе довольно долго. Вдругъ въ одинъ прекрасный вечеръ является въ театръ этотъ новый инспекторъ репертуара и съ большой любезностью объявляетъ Шумскому, что онъ нашелъ для его бенефиса очень миленькую пьеску въ стихахъ, но только подъ впечатлѣніемъ удачной находки никакъ не можетъ вспомнить ея названіе и жалѣетъ, что, торопясь въ театръ, забылъ захватить ее съ собой. Но онъ сейчасъ пошлетъ за ней капельдинера. Капельдинеръ посланъ. Шумскій ожилъ, разсчитывая, что можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ окажется что-нибудь подходящее.

А тотъ горячо продолжаетъ увѣрять, что пьеска очень миленькая и роли не дурны. И вдругъ — осѣнило!.. вспомнилъ и докладываетъ, что миленькая пьеска, съ недурными ролями, называется «Горе отъ ума».

А когда ему сказали, что она давно идетъ у насъ, онъ пренаивно удивился: «а!? — я и не зналъ этого». Такіе или въ этомъ родѣ случаи были—далеко не рѣдкость въ былое время.

Насколько было полезно для искусства вліяніе Верстовскаго, какъ художника, настолько вредно отозвались его барство и крѣпостническіе пріемы на нашей актерской средѣ. Это вліяніе выражалось какимъ-то страннымъ чинопочитаніемъ между крупными, средними и мелкими артистами. Крупные отвѣчали на поклонъ среднихъ едва слышнымъ «здравствуйте», никогда при этомъ не подавая руки; средніе — тѣмъ же — низшимъ и такъ далѣе. Даже тутъ, въ собственной средѣ, между товарищами, крѣпостничество и рабство свило себѣ гнѣздо.

Съ первыхъ дней, когда я началъ ежедневно посѣщать Малый театръ, въ одномъ изъ спектаклей на меня произвелъ особенное впечатлѣніе маленькій толстый человѣкъ, котораго я какъ сейчасъ вижу передъ собой (мое мѣсто было въ оркестрѣ). Съ необыкновенно загорѣлымъ лицомъ, съ рыжими густыми волосами, подстриженными въ кружокъ почти на самой маковкѣ, такъ что лобъ, шея и часть жирнаго затылка были какъ бы выбритыми. Большіе рыжіе усы дополняли добродушное, некрасивое лицо. Бѣлая рубаха, мѣстами вымазанная и заправленная въ полосатыя тиковыя, тоже вымазанныя, шаровары, широко подпоясанныя краснымъ кушакомъ. Шаровары загнуты въ тяжелые порыжѣвшіе сапоги. Войдя на сцену съ длиннымъ бичемъ, онъ остановился въ дверяхъ; актриса, бывшая на сценѣ, сняла съ него какого-то страннаго покроя накидку.

Вѣроятно, я на этого страннаго человѣка смотрѣлъ особенно внимательно, потому, что отецъ, пробираясь между пульпитрами, за какими-то нотами (онъ былъ режиссеръ оркестра), тихо шепнулъ мнѣ: «это Щепкинъ». И съ тѣхъ поръ имя Щепкина и Малаго театра какъ-то слились въ моемъ воображеніи.

Просыпаясь утромъ, я думалъ о театрѣ—Щепкинѣ, Щепкинѣ—театрѣ, и цѣлый день съ нетерпѣніемъ ждалъ вечера, когда опять увижу театръ—Щепкина.

Я видѣлъ: «Москаль-Чаривникъ».

Вечеромъ, идя въ театръ, я спрашивалъ быстро идущаго отца: — «Нынче будетъ Щепкинъ?» — «Будетъ, будетъ». — «Опять такой же?» — «Увидишь». Отецъ разговаривать не любилъ, и я бѣжалъ за нимъ съ особенной радостью, что увижу Щепкина. Въ этотъ вечеръ онъ игралъ «Матроса» (маленькая одноактная драма). Помню его пѣсню моряка, помню энергичный разсказъ за столомъ, прощаніе съ

дочерью, отчего у меня перерывалось дыханіе и странно дрожалъ подбородокъ, который я и по закрытіи занавѣси никакъ не могъ удержать на мѣстѣ.

V.

Въ 1847 году я былъ принятъ въ школу экстернымъ воспитанникомъ. До моего поступленія, если не ошибаюсь, года за два, за три, мужское отдѣленіе воспитанниковъ, т. е. живущихъ въ школѣ, было упразднено и оставались живущими только однѣ воспитанницы. Все занятіе экстерныхъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, ограничивалось одними танцами, и по особому ходатайству намъ, мальчикамъ, разрѣшалось учиться музыкѣ; скрипка главное, а то альтъ, віолончель или духовой инструментъ. Послѣ танцовальныхъ классовъ, которые начинались въ 9 часовъ утра и кончались въ половинѣ 11-го, большинство изъ насъ отправлялось на репетиціи, кто въ Большой, кто въ Малый театръ.

При постановкѣ оперъ Верстовскаго «Вадимъ» и «Панъ Твардовскій», мы почти безвыходно находились на репетиціяхъ, и танцовальные и музыкальные классы были брошены совершенно. Репетиціи оперы «Панъ Твардовскій» съ пѣвцами, хорами и оркестромъ, назначались, обыкновенно, въ 10 часовъ, а для насъ, выходящихъ,—въ 6 часовъ утра. И избави Боже опоздать! Всѣмъ опоздавшимъ на другой же день—порка. Отцы и матери, желая избѣжать такихъ послѣдствій, будили насъ въ 5 часовъ утра. И до 10 часовъ насъ обучали разнымъ эволюціямъ, сопровождая науку небольшими, а иногда и значительными затрещинами со стороны режиссеровъ и ихъ помощниковъ, а если затрещины не вразумляли обучаемаго, то таковой записывался и по распоряженію инспектора школы Обера, при личномъ участіи старшаго дядьки, отставнаго унтеръ-офицера Силина, совершалась назначенная, какъ говорилъ младшій дядька—секуція. Наконецъ, въ 10 часовъ начинается настоящая репетиція въ присутствіи автора, и всѣ изученныя эволюціи мы со страхомъ и трепетомъ за свое грѣшное тѣло должны были продѣлать передъ нимъ.

Но трепетали не одни мы; трепетали пѣвцы, оркестръ, хоры, режиссеры, даже капельмейстеръ И. И. Іоганисъ, несмотря на то, что онъ оркестрировалъ большее число его оперъ.

Говоря объ оперѣ и пѣвцахъ, не могу не сказать еще разъ о тѣхъ отношеніяхъ, какія существовали у начальника къ подчиненнымъ. Пѣ-

вецъ Куровъ, первый басъ въ оперѣ (вѣроятно, захудалый семинаристъ), былъ человѣкъ совсѣмъ дикій; на одной изъ репетицій, не въ пѣніи, а въ рѣчахъ въ старыхъ операхъ вмѣсто речитативовъ (велись длинные разговоры, какъ въ драмахъ) у него выходила такая галиматья, нелѣпица, хоть святыхъ выноси. Много разъ Верстовскій поправлялъ, растолковывалъ, но рѣчи упорно оставались безсмысленными. Раздается рѣзкій голосъ отъ суфлерской будки, гдѣ въ креслѣ возсѣдалъ грозный начальникъ.

— Куровъ!.. поди сюда.

Тотъ подходитъ по-медвѣжьи.

— Я тебѣ сколько разъ говорилъ, чтобы ты читалъ больше? Что же ты читаешь?

— Нѣтъ, Алексѣй Николаевичъ, времени мало.

— Послѣдній разъ тебѣ говорю: читай, читай и читай!.. Чтобъ у меня больше не было такихъ отговорокъ, слышишь?

— Слушаю, Алексѣй Николаевичъ.

Проходитъ недѣля, двѣ, вдругъ Верстовскій, встрѣтя Курова, вспомнилъ свой приказъ.

— Куровъ, ну что же читаешь, а?

— Точно такъ, Алексѣй Николаевичъ, читаю.

— Молодецъ, братецъ!... такъ и нужно. Это тебя немножко разовьетъ. Нельзя актеру не читать.

И съ этими словами пошелъ было прочь отъ него, но вдругъ что-то вспомнилъ и остановился опять:

— Куровъ.

Тотъ подошелъ.

— Ты что же читаешь теперь?

— Какъ вы въ тотъ разъ приказали читать, я въ воскресенье пошелъ къ Сухаревой и за два года купилъ «Московскія Вѣдомости».

Этотъ отвѣтъ былъ такой неожиданный, что Верстовскій не нашелъ что и сказать. Долго смотрѣлъ на Курова, какъ-то странно покачалъ головой и ушелъ. (Записано со словъ присутствовавшихъ при этой сценѣ).

Репетиціи операмъ большею частью кончались тогда, когда ложи и кресла начинали приводить въ порядокъ для вечерняго спектакля. Кто не былъ занятъ вечеромъ, отправлялся домой обѣдать, а тѣмъ, кто занятъ, приходилось довольствоваться сухоѣденіемъ тутъ же въ уборной. Но такъ какъ дѣти участвовали и въ драмахъ и въ операхъ и балетахъ, то почти всегда приходилось питаться тѣмъ, что было взято съ собой изъ дома. Самыя мучительныя репетиціи для насъ были ночныя, послѣ спектакля. Бывало, возвращаешься домой, а на улицахъ тьма непроглядная, какъ и утромъ въ 5 часовъ, но тамъ за ночь

отоспишься, а тутъ день и ночь безъ перерыва, идешь усталый, измученный. Холодъ, иногда метель, вьюга, а въ церквахъ давно къ ранней обѣднѣ звонятъ. Прибѣжишь домой, встрѣчаетъ мать, у нея и чай приготовленъ, возьмешь кусокъ хлѣба, проглотишь все на-скоро, да спать до восьми часовъ. Репетиціи не будетъ, значитъ, нужно бѣжать въ танцовальный классъ въ школу. И вдругъ сюрпризъ!.. По окончаніи класса, старшій дядька Силинъ зоветъ всѣхъ къ своей конторкѣ въ углу зала и читаетъ списокъ фамилій. По этому списку одну партію направляютъ въ Малый театръ, другую въ Большой на репетицію. И такъ круглый годъ почти безъ перерыва, кромѣ первой и послѣдней недѣли великаго поста. (Въ эти недѣли оставались только танцы и музыка). Но со второй начинались концерты съ живыми картинами, гдѣ мы постоянно участвовали. Но тутъ тратилось только время, уже безъ мукъ, которыя доставляли намъ оперныя и балетныя репетиціи.

На второй годъ пребыванія въ школѣ, начались классы пѣнія, гимнастики, фехтованія, позднѣе—бой на эспадронахъ. Научныхъ же занятій для экстернъ-приходящихъ не полагалось никакихъ.

Я засталъ Малый театръ менѣе чѣмъ на полъ-пути къ той простотѣ, правдѣ и естественности исполненія, родоначальниками которыхъ были П. С. Мочаловъ и М. С. Щепкинъ. Они первые дали жизнь и правду дикимъ французскихъ трагедіямъ, первые вдохнули душу въ этихъ измышленныхъ героевъ-манекеновъ. И эта правда, благодаря имъ, медленно, капля по каплѣ, всасывалась въ молодежь того времени. Всѣ ожили, встрепенулись, почуя истинную жизнь, которую въ изобиліи разливали вокругъ себя чудо-богатыри. Съ помощью и совѣтами особенно Щепкина правда и жизнь на сценѣ стали завоевывать себѣ мѣсто.

Но не дешево досталось это новаторство и самимъ богатырямъ, вѣрнѣе одному Щепкину. Геній Мочалова не подлежалъ критикѣ; кто бы ни видалъ его на сценѣ, другъ или врагъ, все равно, своей пламенной игрой онъ подчинялъ всѣхъ безъ исключенія. Но для Щепкина, среди поклонниковъ старыхъ пріемовъ и даже (какъ исключеніе) у нѣкоторыхъ великихъ самобытныхъ талантовъ, незабвенныхъ дѣятелей нашей сцены, постоянно проявлялось къ нему крайне враждебное чувство; вообще всегда много было протестантовъ, которые не признавали и въ уголкахъ втихомолку глумились надъ нимъ; протестанты своимъ упорствомъ и неспособностью воспринять истину много вредили дѣлу,—не тѣмъ, что желали противодѣйствовать ему,—Щепкинъ такая сила, что не только для насъ, но и для всѣхъ, соприкасавшихся съ нимъ, даже не принадлежащихъ къ театру, былъ чѣмъ-то властнымъ. Своимъ могучимъ, энергичнымъ словомъ онъ буквально овладѣвалъ каждымъ; его требованія на сценѣ всегда исполнялись безпрекословно. Но

дѣлу, т. е. общему цѣльному впечатлѣнію исполненія пьесъ, мѣшало то, что правда и жизнь съ одной стороны нарушались напыщенностью и лживостью съ другой.

А какого рода бывали иногда представленія, современному актеру не возможно и представить себѣ.

Общій пріемъ былъ такой (говорю о трагедіяхъ и драмахъ): гордый, журавлиный шагъ, заботливо размѣренный, при остановкѣ, откинутая назадъ нога должна нѣкоторое время оставаться на полупальцахъ; круглая курчавая голова—это принадлежность героя; рыжій всклокоченный парикъ, низко опущенная голова, дико выпученные глаза, мечущіе искры исподлобья—это изображеніе злодѣя; пѣвучій тонъ у перваго, хрипящій у втораго. Безъ этихъ ярлыковъ никто не выходилъ на сцену. Дикія завыванія какъ съ одной, такъ и съ другой стороны служили указаніемъ внутренняго подъема. Но странно то, что, несмотря на обузу внѣшнихъ и иныхъ удивительныхъ пріемовъ, которыми они съ такимъ усердіемъ уснащали себя, все-таки могли входить въ роль и дѣйствительно какъ будто чувствовали и страдали. Еще при Мочаловѣ былъ трагикъ Леонидовъ, потомъ переведенный въ Петербургъ на роли скончавшагося Каратыгина. Такъ онъ въ патетическихъ монологахъ бралъ такія ноты, то высокія, то низкія, поперемѣнно, какъ бы переплетая ихъ между собой, съ необыкновенными модуляціями и фіоритурами, что иногда становилось просто жутко, конечно, не потому, что онъ этимъ заставлялъ васъ сочувствовать его горю, нѣтъ, а просто вы чувствовали, что попали въ клѣтку къ какому-то странному звѣрю, который чѣмъ-то ужасно разсерженъ. Напримѣръ, трагедія «Гризельда», или тоже трагедія «Бенвенуто-Челини». О, Боже!.. что онъ съ своимъ подручнымъ актеромъ Черкасовымъ творили въ нихъ!.. (Черкасовъ, тоже полагавшій, что онъ трагикъ), вѣроятно желая перещеголять самого Леонидова, буквально черезъ каждыя два, три слова, на третьемъ дѣлалъ «форшлагъ», да такой, что уму помраченіе. У меня особенно остались въ памяти два возгласа Черкасова, оба раздѣленные репликами Леонидова, завывающаго объ измѣнѣ дѣвицы, любимой Черкасовымъ, и Черкасовъ съ дикимъ паѳосомъ произноситъ: «Невѣрная!»... Послѣ словъ Леонидова слѣдуетъ второй возгласъ: «Лицемѣрная!» обѣ фразы были буквально въ три яруса невѣроятныхъ звуковъ. (И. С. Тургеневъ, бывая въ Москвѣ, всегда ѣздилъ въ театръ, чтобы слушать нелѣпицу, произносимую Черкасовымъ со сцены).

Да и героини въ преувеличиваніи чувствъ иногда бывали не лучше, особенно когда требовалось «пустить трагедію». У этихъ были правила такія: внимательный зритель въ самомъ началѣ трагедіи уже видитъ, что въ концѣ ея героиня непремѣнно погибнетъ. Какъ?—Это пока

тайна, хотя бы въ началѣ трагедіи все шло въ высшей степени благополучно; ни во второмъ, ни въ третьемъ актѣ еще далеко нѣтъ ничего зловѣщаго. Но актриса знаетъ, что должна погибнуть смертью лютой, и всѣми пріемами, особыми ахами, охами, вздохами, глазами, всѣми движеніями, ясно намекаетъ зрителю на ужасный конецъ. Если въ началѣ трагедіи нужно быть веселой и смѣяться, все равно и веселость и смѣхъ несомнѣнно будутъ носить на себѣ явные признаки неизбѣжной гибели.

Вотъ, наконецъ, наступаетъ страшный пятый актъ; выходъ героини съ внѣшней стороны такой: если по пьесѣ героиня бѣдна, то на ней или длинный сѣрый капотъ—коленкоровый, или богата—бѣлый кашемировый, фасонъ же какъ для бѣдной, такъ и для богатой—одинъ и тотъ же. Далѣе—волосы должны быть безусловно распущены, допускается и нѣкоторый безпорядокъ, но ясно, что забота о безпорядкѣ была приложена тщательная. Въ рукахъ носовой платокъ, у бѣдной—простой, у богатой—кружевной. Бывали случаи страшнаго отчаянія актрисы за кулисами; она уже совсѣмъ приготовилась къ пятому акту, но, за роспускомъ волосъ и приданіемъ лицу особой смертельной блѣдности, забыла напомнить портнихѣ о носовомъ платкѣ, та же чѣмъ-то увлеклась; героиню приглашаетъ режиссеръ умирать, хвать, а платка-то нѣтъ, а безъ платка въ рукахъ умереть невозможно!.. Такъ героиня чуть не умерла преждевременно у выходной двери и ожила только тогда, когда портниха, сломя голову, бросилась въ уборную, и платокъ, едва не погубившій актрису, былъ врученъ несчастной женщинѣ. Такъ учила старая школа до-Щепкинскаго періода. Въ драмахъ и особенно трагедіяхъ старались говорить нараспѣвъ. Главное достоинство въ актерѣ признавалось въ переливахъ голоса; голосъ актера баритонъ, но онъ стремился брать самыя высокія теноровыя ноты и затѣмъ послѣ десятка словъ неожиданно спускался на самыя низкія басовыя; а если хватало силъ, переходилъ въ ревущую октаву.

Знаменитая въ свое время драматическая актриса Л. П. Никулина-Косицкая безспорно обладала огромнымъ драматическимъ талантомъ, особенно въ бытовыхъ роляхъ. Ея воспріимчивость, нервная возбужденность были дѣйствительно необыкновенны. По внутреннему чувству ее можно сравнить со Стрепетовой.

Но Стрепетова на сценѣ—была сама жизнь!.. она не актерствовала, не лицедѣйствовала, а жила и заставляла забывать, что вы находитесь въ театрѣ.

А у Косицкой всѣ чувства всегда выражались въ приподнятомъ тонѣ. Въ прежнее время большинство драмъ, даже трагедій, были съ пѣніемъ, а у нея были и голосъ порядочный, и хорошій слухъ, но всегда, сильно возбужденная, она дотого фальшивила на высокихъ

нотахъ, что хватить на четверть и на полъ-тона выше ей ничего не значило. Бывало, какъ ножемъ рѣзнетъ по уху.

Вообще, она была актриса того стараго времени, гдѣ все—и чувства и правда—были подтянуты, приподняты и мало имѣли сходства съ теперешней жизнью на сценѣ. Конечно, въ это же время Малый театръ имѣлъ такихъ колоссовъ, какъ Садовскій, Шумскій, Самаринъ, или Сабурова, не говоря уже о Щепкинѣ, но всѣ они и стояли особнякомъ, не участвуя въ трагедіяхъ, кромѣ одного Щепкина. Даже позднѣйшіе дѣятели сцены были далеко не безгрѣшны въ сценическихъ пріемахъ. Назову для примѣра нашу недавнюю знаменитость, Н. М. Медвѣдеву, она сдѣлалась дѣйствительно превосходною актрисой только тогда, когда перешла на роли старухъ, а молодая, играя драматическія роли, нисколько не разнилась отъ своей старшей соперницы, Косицкой, во всѣхъ сценическихъ пріемахъ, но безъ внутреннихъ достоинствъ первой. Только съ появленіемъ на нашей сценѣ Г. Н. Ѳедотовой и Н. А. Никулиной, не говоря уже о послѣднемъ, дивномъ явленіи М. Н. Ермоловой, нашъ Малый театръ окончательно отрѣшился, очистился отъ всякой лжи. Наконецъ и то, что мало-по-малу стали притекать провинціальныя силы, что раньше было совсѣмъ недоступно. Благодаря этому, все не только молодое, но и старое, потянулось за ними, исключая развѣ ужъ самыхъ заматерѣлыхъ.

П. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ исторіи освобожденія крестьянъ.

«Бываютъ эпохи, когда силы мгновенно обновляются, когда люди съ усиленнымъ біеніемъ собственнаго сердца сливаются въ общемъ чувствѣ; благо поколѣніямъ, которымъ суждено жить въ такія эпохи. Благодареніе Богу, намъ суждено жить въ такую эпоху». Этими словами привѣтствовалъ М. Н. Катковъ обращенный императоромъ Александромъ II къ русскому обществу призывъ на дружную работу для созданія русской народной свободы—первый рескриптъ, 20-го ноября 1857 г., о созывѣ перваго дворянскаго комитета для составленія положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Если намъ, дѣтямъ и внукамъ, судьба не дала пережить и сотой доли той высокой нравственной отрады, которую суждено было испытать отцамъ и дѣдамъ, если сѣрая и безотрадная современная жизнь создала изъ насъ героевъ безвременья, чеховскихъ людишекъ, то тѣмъ дороже, тѣмъ священнѣе должно быть нашему сердцу каждое, даже малѣйшее воспоминаніе о невозвратномъ прошломъ, когда «кузнецы-граждане» ковали нашу свободу. Традиціи этого прошлаго—наша святыня, каждое воспоминаніе о немъ—драгоцѣнность. Нетлѣнный ароматъ этого минувшаго времени слышится намъ и въ удушливомъ воздухѣ настоящаго, чреватаго грядущими событіями... Оно одно, это минувшее даетъ намъ право называться великимъ и христіанскимъ народомъ; оно—наша гордость; въ немъ—наше утѣшеніе въ трудные, тяжелые моменты общественной жизни. Величайшій, благороднѣйшій памятникъ этого прошлаго—крестьянская реформа. И чѣмъ дальше уходимъ мы отъ незабвеннаго минувшаго, тѣмъ свѣтлѣе и величественнѣе предстаетъ нашимъ глазамъ въ исторической перспективѣ этотъ памятникъ.

Шестидесятые годы уже становятся достояніемъ исторіи. Къ нимъ уже начинаютъ обращаться пытливые взоры изслѣдователей (Семенова, Семевскаго, Энгельмана). Начинаются отдѣльныя работы, затрогивающія тѣ или иныя «частныя» стороны великаго дѣла освобожденія крестьянъ. Конечно, пройдетъ еще не мало лѣтъ, пока выйдутъ на свѣтъ Божій изъ нашихъ запущенныхъ архивовъ многочисленныя документальныя данныя, и по нимъ перо ученаго напишетъ исторію самаго славнаго дѣла эпохи великихъ реформъ, и, можетъ быть, вдохновленный воспоминаніями о томъ времени, когда «русскій міръ, срывая путы, явилъ высокую любовь и пережилъ тогда минуты, неповторяемыя вновь», поэтъ создастъ эпопею «о свободномъ народѣ и о народѣ-рабѣ». Изъ архива упраздненнаго нынѣ Новороссійскаго генералъ-губернаторскаго управленія извлечены предлагаемые вниманію читателя документы. Какъ ни сухи эти оффиціальныя бумаги, почти нигдѣ не согрѣтыя тепломъ сочувственнаго отношенія къ угнетаемымъ людямъ, но онѣ заговорятъ къ сердцу читателя горячо и краснорѣчиво. Въ наши дни, когда еще раздаются вопли запоздалыхъ крѣпостниковъ, которые явно жалѣютъ о томъ, что прежняго, основаннаго на рабствѣ строя уже не вернешь, когда вспомнишь, что есть истины, которыя слѣдуетъ неустанно твердить, даже если рискуешь надоѣсть, нельзя не повторить слова князя П. А. Вяземскаго: «надобно мертвыхъ поставить на ноги, чтобы напугать и усовѣстить живую наглость и отучить отъ нея ротозѣевъ, которые ей дивятся съ колѣнопреклоненіемъ». Трудно достигнуть этой цѣли непосредственно путемъ архивныхъ изысканій, при незначительной покуда разработкѣ исторіи освобожденія, но изысканія эти тоже будятъ тѣни прошлаго, и въ нихъ заключаются поучительные историческіе уроки и дорогіе матеріалы для нашей культурной исторіи. Нерѣдко слышатся голоса скептиковъ и пессимистовъ, которые отрицаютъ наше движеніе впередъ и готовы смѣяться надъ усиліями немногихъ борцовъ. Однако, мы, вѣдь, имѣемъ право сказать, что, какъ бы ни было безотрадно наше время, оно все же лучше прежняго, и что многое такое, что прежде случалось сплошь да рядомъ, теперь уже случаться не можетъ. Читатель увидитъ, какое насиліе надъ личностью, какое грубое попираніе правъ человѣка совершалось наканунѣ разрушенія крѣпостническихъ цѣпей,—но вмѣстѣ съ тѣмъ увидитъ, какъ шла дружная благородная работа, снявшая съ нашей родины позоръ рабства. Скажемъ словами замѣчательной (и, какъ многое замѣчательное на Руси, забытой!) писательницы Кохановской: «Вотъ истины былой жизни, которыя теперь ужасаютъ насъ! Мы отказываемся имъ вѣрить... По времени это до того близко къ намъ, до того живо, что, говоря, должно удерживаться отъ многихъ подробностей,—и между тѣмъ встаетъ ли между нами хотя малѣйшая тѣнь нашего сочувствія

этому недавнему былому? Не отвергаемся ли мы его всеполно и всецѣло? Мы возмущены духомъ, и наше сознаніе негодуетъ и болитъ горестною мыслью: что неужели оно могло быть такъ! Вотъ гдѣ отрадная мѣра нашему развитію, нашему маленькому росту въ томъ, что зовется общественнымъ образованіемъ. Вотъ этакъ, оглянувшись на себя за пятьдесятъ—шестьдесятъ лѣтъ, вѣруешь Богу и перестаешь сомнѣваться въ людяхъ и чувствахъ—въ жизненной силѣ того великаго сѣмени, какимъ засѣенъ міръ, какъ пахатное поле, и сѣмя великое прозябаетъ и растетъ, хотя мы, въ нетерпѣніи, готовы бываемъ отрицать: нѣтъ росту!»...

Въ Одесскомъ архивѣ бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернаторскаго управленія, одномъ изъ немногихъ хорошо содержимыхъ архивовъ въ Россіи, хранится нѣсколько весьма любопытныхъ «дѣлъ» о возмущеніяхъ крестьянъ противъ своихъ помѣщиковъ, о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ съ крестьянами и т. под. Замѣчательно, что «дѣла» эти возникли тогда, когда уже воздухъ полонъ былъ слуховъ, что съ минуты на минуту ожидается объявленіе воли, когда работали дворянскіе комитеты. Нѣсколько такихъ «дѣлъ» лежатъ передъ нами. Вотъ, напримѣръ, дѣло о возмущеніи крестьянъ въ имѣніи жены мичмана Потоцкаго, деревнѣ Марьяновкѣ (Херсонской губ.), начатое 1-го сентября 1860 г. и конченное 24-го марта 1861 года; вотъ дѣло о неповиновеніи крестьянъ помѣщицы Генбачевой, тянувшееся съ 15-го іюня по 20-е сентября 1860 года; вотъ дѣло «о взятіи въ опеку имѣнія помѣщика Иванова за жестокое обращеніе съ крестьянами своими», начавшееся 1-го сентября 1860 года и кончившееся 12-го марта 1863 года. Съ кое-какими подробностями этихъ дѣлъ мы позволимъ себѣ познакомить читателя, и онъ увидитъ, какъ великъ былъ помѣщичій произволъ, какъ страдали угнетенные крестьяне.

Разсмотримъ дѣло о «возмущеніи», какъ выражается казенная бумага, крестьянъ въ имѣніи г-жи Потоцкой. 1-го сентября 1860 г., управляющій Херсонской губерніей донесъ новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору графу Алекс. Григор. Строганову, что въ первыхъ числахъ августа «и до него» дошли слухи о возмущеніи крестьянъ въ имѣніи жены мичмана Потоцкаго, деревнѣ Марьяновкѣ. 9-го августа имъ былъ командированъ въ деревню Марьяновку для разслѣдованія дѣла исправникъ, который допросилъ крестьянъ и 13-го августа рапортовалъ о результатахъ произведеннаго имъ разслѣдованія губернатору. Какъ показали крестьяне, 6-го августа, въ день Преображенія Господня, мужемъ владѣлицы, мичманомъ Потоцкимъ, приказано было вывѣять хлѣбъ, лежавшій на току. Когда крестьяне собрались на токъ, Потоцкій при-

слалъ своего двороваго человѣка и потребовалъ одного изъ мужиковъ къ себѣ въ домъ, гдѣ его связалъ. Затѣмъ были такимъ же порядкомъ приглашены въ помѣщичій домъ двое другихъ и тоже были связаны. Четвертый «приглашенный», страшась неизвѣстности, въ домъ уже не пошелъ, а стоя во дворѣ, сказалъ помѣщику, что если ему что-нибудь прикажутъ,—такъ онъ и со двора услышитъ. Потоцкій велѣлъ его поймать, но онъ убѣжалъ. Тогда Потоцкій вывелъ изъ дому одного изъ своихъ «плѣнниковъ», уже развязаннаго, съ намѣреніемъ высѣчь его «пучкомъ шворокъ», но и тотъ убѣжалъ. Ему навстрѣчу уже шли съ тока крестьяне къ Потоцкому «просить милости своимъ сотоварищамъ». Увидя ихъ, Потоцкій, съ пистолетомъ въ рукѣ, бросился къ одному изъ нихъ, схватилъ его за волосы и началъ бить пистолетомъ въ грудь. Мужики отняли у него пистолетъ, и на другой день, 7-го августа, отправились къ приставу 3-го стана Александрійскаго уѣзда, и вручивъ ему отнятый у барина пистолетъ, принесли жалобу: «1-ое, о постоянно жестокомъ обращеніи съ ними мужа владѣлицы ихъ, Потоцкаго, и 2-ое, о томъ, что Потоцкій принуждаетъ ихъ работать барщину постоянно круглый годъ, не три дня въ недѣлю, какъ работаютъ у сосѣдей, а цѣлую недѣлю, даже въ праздничные дни. Принеся жалобу, крестьяне вернулись домой и «спокойно принялись за работу». Г-жа Потоцкая и ея сынъ показали, что, хотя крестьяне и работали во время жатвы круглую недѣлю, но въ вознагражденіе помѣщица уплачивала за нихъ подати и выдавала имъ извѣстную долю собраннаго хлѣба, который перевозили волы, принадлежавшіе барской экономіи. 6-го августа, по показанію владѣлицы, велѣно было связать двухъ «первыхъ» возмутителей, которые всегда говорятъ о свободѣ и не выполняютъ уроковъ». Распорядившись о назначеніи слѣдствія, губернаторъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ александрійскому уѣздному предводителю дворянства позаботиться, чтобы крестьяне д. Марьяновки работали барщину только три дня въ недѣлю. Въ имѣнія Потоцкой для производства слѣдствія прибыло временное отдѣленіе Александрійскаго земскаго суда. Оказалось, что это былъ уже не первый случай дурнаго обращенія съ крестьянами мичмана Потоцкаго, который, къ тому же, управлялъ имѣніемъ жены безъ всякой законной довѣренности. Крестьяне заявили, что когда Потоцкій призываетъ кого-нибудь къ себѣ, то «иногда наказываетъ». Одинъ изъ призванныхъ былъ «привязанъ ременными возжами на крыльцѣ къ колоннѣ», для наказанія, конечно. Когда одинъ изъ схваченныхъ Потоцкимъ убѣжалъ, за нимъ были посланы въ погоню верховые, съ собаками. Когда крестьяне явились къ Потоцкому во дворъ и стали просить помилованія своимъ товарищамъ, разсвирѣпѣвшій баринъ схватилъ одного изъ нихъ за волосы и два раза ударилъ пистолетомъ въ бокъ.

Слѣдствіе показало, что «во время распоряженія Потоцкаго имѣніемъ жены его крестьяне барщину работали постоянно, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней»; съ открытіемъ весны они воспользовались однимъ только днемъ для себя, черезъ что не имѣютъ хлѣба и терпятъ во всемъ нужду». Дознано было, что, не говоря уже о жестокомъ обращеніи, помѣщикъ совершенно закабалилъ несчастныхъ и, пользуясь ихъ трудомъ, держалъ впроголодь. Было обнаружено, что крестьяне были строго наказываемы за маловажные проступки, а другіе «безъ всякой вины». Били крестьянъ кнутомъ, розгами, канатомъ толщиной въ палецъ и «шворками»; одного Потоцкій билъ по лицу кнутомъ, другаго тоже по лицу сапогами. Временное отдѣленіе земскаго суда подтвердило крестьянамъ, чтобы они работали на господъ три дня въ недѣлю, а въ праздничные и воскресные дни никакихъ экономическихъ работъ не отбывали. Слѣдствіе пошло весьма энергично. Дѣло это вызвало вмѣшательство высшихъ властей, и 24-го сентября 1860 года министръ внутреннихъ дѣлъ, благородный С. С. Ланской (бывшій декабристъ), обратилъ вниманіе графа А. Г. Строганова на это вопіющее дѣло (Строгановъ, впрочемъ, уже занимался имъ). Нечего и говорить, что помѣщикъ понесъ заслуженное наказаніе. Остальные документы «дѣла» уже не имѣютъ для насъ существеннаго интереса. Приведенныя нами данныя въ особыхъ поясненіяхъ не нуждаются. Сухая оффиціальная бумага говоритъ достаточно краснорѣчиво. Будемъ помнить, что всѣ засвидѣтельствованные въ этомъ дѣлѣ ужасы происходили всего за годъ до объявленія воли. Что же дѣлалось раньше?

Въ іюлѣ 1860 года выказано было крестьянами «неповиновеніе» въ имѣніи жены капитанъ-лейтенанта Генбачевой (тоже Александрійскаго уѣзда). Причиною неповиновенія оказались чрезмѣрно тяжелыя работы, задававшіяся крестьянамъ въ видѣ уроковъ. Двое «возмутителей» были преданы суду, а 11 человѣкъ становой приставъ наказалъ розгами, «возстановлена совершенная покорность и послушность крестьянъ мѣстной власти и владѣльцу». Однако, вина «возмутителей» была вовсе не такъ велика, если принять во вниманіе, что слѣдствіемъ были доказаны вопіющія злоупотребленія помѣщичьей властью. Напримѣръ, оказалось, что «случающіеся праздники и ненастная погода въ дни барщины относятся большею частью на дни крестьянъ», хотя жестокаго обращенія съ ними не было. Впрочемъ, одно другаго стоитъ, и эксплоатація немногимъ сноснѣе жестокаго обращенія. Было подтверждено, чтобы крестьяне въ имѣніи г-жи Генбачевой не были обременяемы лишними работами, и чтобы ихъ не посылали на господскія работы, «въ противность закону», въ праздничные и воскресные дни.

Въ Бобринецкомъ уѣздѣ Херсонской губерніи жена слабоумнаго по-

мѣщика Иванова, управлявшая его имѣніемъ, «пьяница и женщина развратнаго поведенія», какъ говоритъ одинъ документъ, обращалась съ крестьянами съ особою жестокостью (1859—1860 гг.). У одного мужика за ничтожную провинность Иванова отобрала корову съ теленкомъ и 13 овецъ и продала «ихъ въ свою пользу». Самого крестьянина и жену его Иванова собственноручно била плетью. Одинъ пьяный крестьянинъ, по приказанію Ивановой, былъ посаженъ приказчикомъ ея на цѣпь, на которой просидѣлъ цѣлую ночь. Крестьяне работали у Ивановой для господскихъ надобностей всего три дня въ недѣлю, но случавшіеся во время барщины праздничные и ненастные дни имъ не засчитывались, и они должны были ихъ отрабатывать на своихъ дняхъ. Приказчикъ, также участвовавшій въ оскорбленіяхъ и истязаніяхъ крестьянъ, былъ отъ должности устраненъ. Дѣло объ этомъ тянулось до 1863 года. Владѣлецъ имѣнія во время слѣдствія умеръ. Имѣніе, конечно, должно было быть взято подъ опеку, Иванова была отъ него устранена, и заботы о малолѣтнихъ ея дѣтяхъ были поручены брату ея мужа. Отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ тѣмъ временемъ также измѣнились, и 7-го марта 1863 года Херсонское дворянское депутатское собраніе заключило, что, въ силу всѣхъ указанныхъ причинъ, «предметъ настоящаго дѣла въ отношеніи злоупотребленія помѣщичьей властью жены умершаго Иванова къ разсмотрѣнію и рѣшенію его уже не подлежитъ». Слѣдствіе по всѣмъ этимъ дѣламъ было ведено весьма тщательно, но свободно вздохнули помѣщичьи крестьяне только послѣ опубликованія Положенія 19-го февраля. Необходимо помянуть добрымъ словомъ графа А. Г. Строганова, который весьма заботился о крестьянахъ Новороссійскаго края; не одно злоупотребленіе было открыто и наказано благодаря независимому и честному генералъ-губернатору.

Такъ жилось крестьянамъ тогда, когда лучшіе умы и благороднѣйшія сердца Россіи были озабочены освобожденіемъ ихъ. Страшно становится, когда подумаешь, сколько вопіющихъ преступленій, сколько самыхъ возмутительныхъ нарушеній естественнаго права каждаго человѣка: не быть битымъ и быть неугнетеннымъ осталось безъ всякаго наказанія. А вѣдь находились и находятся люди, которые говорили и говорятъ, что освобожденіе крестьянъ было преждевременно, какъ будто не всегда своевременно загладить и искупить роковую историческую ошибку, страшное историческое преступленіе, результатомъ котораго явилось рабство, долго позорившее Русскую землю. Но какъ ни сильна была темная сила, а пришлось ей понести пораженіе, и рабство въ Россіи исчезло навсегда.

Сбылось завѣтное желаніе юноши Пушкина, жаждавшаго видѣть «народъ освобожденный и рабство, павшее по манію царя» (и проро-

чески указавшаго въ этихъ вдохновенныхъ строкахъ даже самую конкретную форму освобожденія крестьянъ). Сбылись желанія и завѣтныя мечты лучшихъ русскихъ людей. Счастливы свидѣтели этой славной эпохи!

Вотъ что говоритъ о радостномъ днѣ 19-го февраля историкъ эпохи великихъ реформъ покойный Г. А. Джаншіевъ: «историческимъ гусинымъ перомъ—это перо хранится въ Москвѣ, въ Историческомъ музеѣ,—былъ подписанъ Александромъ II, въ лихорадочномъ возбужденіи, въ столь естественномъ и трогательномъ волненіи, 19-го февраля, въ незабвенный день воцаренія его, освободительный манифестъ... Свершилось! Жребій былъ брошенъ! Рубиконъ перейденъ. Цѣпи рабства разорваны!» Манифестъ 19-го февраля вызвалъ общую радость и во всей Европѣ. «Рѣдко»—писала «Kölnische Zeitung»—«или лучше никогда еще смертному не доводилось совершить дѣло столь важное и благородное, какъ то, которое совершилъ Александръ II».

Четыре года длились подготовительныя работы къ великому акту 19-го февраля. Уже на зарѣ царствованія Александра Николаевича, едва только разгоралось «дней Александровыхъ прекрасное начало»,—3-го января 1857 г. открылъ свои дѣйствія «Особый Комитетъ», переименованный 8-го января 1858 года въ «Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія»; комитетъ этотъ составляли 12 человѣкъ съ тогдашнимъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, княземъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ во главѣ. Учрежденіе это должно было руководить всѣмъ дѣломъ освобожденія крестьянъ, и въ губерніяхъ, согласно высочайшимъ рескриптамъ, были образованы губернскія присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Совершилось все это не безъ значительнаго труда. Въ теченіе 1857 года «Комитетъ», въ которомъ мало было людей, сочувствовавшихъ освобожденію, работалъ очень вяло, и дѣло грозило затянуться. Одно обстоятельство внезапно дало ему сильный толчекъ: литовское дворянство вошло въ комитетъ съ прошеніемъ объ освобожденіи крестьянъ, но безъ земли, т. е. не прочь было предложить народу такъ называемую «волчью волю». Большинство членовъ комитета на это согласилось, но государь настоятельно требовалъ освобожденія крестьянъ съ землею и 20-го ноября 1857 г. подписалъ знаменитый рескриптъ на имя виленскаго губернатора Назимова о созывѣ дворянскаго комитета для составленія положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Въ высочайшемъ рескриптѣ и приложенномъ къ нему циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ были указаны и основанія для этихъ работъ. «Было рѣшено огласить сдѣланный планъ, разославъ рескриптъ и циркуляръ по губерніямъ, что равносильно было косвенному приказанію дворянству входить съ ходатайствомъ объ освобожденіи крестьянъ», говоритъ Джан-

шіевъ. I. Эпоха великихъ реформъ, изд. 7-е, М., 1898, стр. 21. Съ этими словами покойнаго публициста не совсѣмъ возможно согласиться. Сорокъ лѣтъ, протекшія со времени освобожденія крестьянъ, дали нѣсколько обстоятельныхъ работъ, посвященныхъ этому великому событію; въ теченіе этого времени явилось не мало воспоминаній объ упраздненіи крестьянскаго права, и смѣло можно сказать, что великое дѣло освобожденія крестьянъ было совершено русскимъ дворянствомъ, которое принесло для него не мало жертвъ. Были, конечно, крѣпостники въ родѣ помѣщичьихъ типовъ Терпигорева, героини Салтыкова, помѣщицы Падейковой или выведенной П. И. Якушкинымъ, въ его очеркахъ, провинціальной помѣщицы, горевавшей, что у нея «отнимаютъ ея Ваньку». Но вспоминая, что всѣ благородные дѣятели освобожденія вышли изъ среды русскаго дворянства, взвѣсимъ и то обстоятельство, что русское дворянство было тогда страшной силой, и вздумай оно оказать противодѣйствіе, вѣроятно, побѣда осталась бы на его сторонѣ, и великое дѣло могло бы надолго заглохнуть. А. И. Левшинъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, писалъ: «чистосердечнаго, на убѣжденіи основаннаго вызова освободить крестьянъ не было ни въ одной губерніи, но своими маневрами правительство пріобрѣло возможность сказать торжественно крестьянамъ, что владѣльцы ихъ сами пожелали дать имъ свободу». Однако, и съ этими словами согласиться трудно. Русскій человѣкъ не привыкъ еще и донынѣ, а въ тѣ времена и подавно, гласно выражать свои мнѣнія; онъ не привыкъ къ общественной дѣятельности, и требовать иниціативы въ великомъ градіозномъ дѣлѣ отъ русскаго дворянства, только-что пережившаго грозное Николаевское царствованіе, было невозможно. То обстоятельство, что по опубликованіи рескрипта 20-го ноября 1857 года дворянская работа была закончена быстро и сильно двинула впередъ дѣло, указываетъ на то, что рескриптъ встрѣтилъ поддержку въ русскомъ общественномъ мнѣніи, и что почва для него была готова. Прямо скажемъ: русскіе крѣпостные были освобождены русскими дворянами, и весь ходъ событій освобожденія только подтверждаетъ это наше мнѣніе.

Передъ нами лежитъ дѣло съ четырьмя подлинными высочайшими рескриптами, данными на имя новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта графа А. Г. Строганова, объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Новороссійскомъ краѣ и въ Бессарабіи. Всѣ они написаны прекраснымъ крупнымъ почеркомъ, на плотной дорогой бумагѣ и подписаны самимъ государемъ Александромъ Николаевичемъ и всѣ относятся къ 1858 году. Одинъ данъ для Екатеринославской губерніи и помѣченъ 5-мъ апрѣля, другой— для Таврической губерніи и помѣченъ 10-мъ мая, третій—для Херсонской и помѣченъ 11-мъ мая, четвертый, помѣченный 5-мъ іюня, отно-

сится къ Бессарабской области. Отъ подписи Александра II, красивой и четкой, съ двумя великолѣпными, могучими росчерками вверху и внизу, такъ и вѣетъ добротою и вмѣстѣ съ тѣмъ твердою рѣшимостью исполнить завѣтное дѣло освобожденія 23-хъ милліоновъ русскихъ людей отъ крѣпостной зависимости. Мы остановимся на первомъ изъ рескриптовъ, относящемся къ Екатеринославской губерніи,—тѣмъ болѣе, что бывшіе въ распоряженіи нашемъ другіе документы, объясняющіе ходъ дворянскихъ подготовительныхъ работъ, говорятъ о работахъ именно въ этой губерніи.

По полученіи перваго высочайшаго рескрипта, составленнаго по образу даннаго 20-го ноября 1857 г. на имя виленскаго генералъ-губернатора и разосланнаго въ разныя губерніи, екатеринославское дворянство, какъ и слѣдовало ожидать, обратилось къ государю съ просьбою дозволить ему открыть въ своей губерніи «особый комитетъ для составленія проекта правилъ о лучшемъ устройствѣ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ», какъ говоритъ одинъ изъ лежащихъ передъ нами отвѣтныхъ высочайшихъ рескриптовъ. «Принимая»,—писалъ государь— «съ удовольствіемъ это доказательство стремленія екатеринославскаго дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ сооотвѣтственно Моимъ видамъ и намѣреніямъ, Я предоставляю сему дворянству приступить къ составленію проекта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ Екатеринославской губерніи на тѣхъ же главныхъ началахъ, какія указаны Мною дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде подобное желаніе, съ тѣмъ, чтобы предположенія по сему предмету были приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній». Далѣе изложены основанія для подготовительныхъ работъ. Въ концѣ рескрипта государь обращался къ дворянамъ съ такими словами: «Открывая такимъ образомъ дворянству Екатеринославской губерніи, согласно собственному его желанію, средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною общихъ началахъ, Я увѣренъ, что оно вполнѣ оправдаетъ довѣріе, оказываемое Мною сему сословію призваніемъ его къ участію въ столь важномъ дѣлѣ и что при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершено съ желаннымъ всѣми успѣхомъ». (Подобны этому рескрипту по содержанію и три другіе рескрипта, вмѣстѣ съ нимъ сшитые въ видѣ одного дѣла). Въ Екатеринославѣ рескриптъ этотъ, какъ значится на немъ, полученъ былъ 20-го апрѣля. 8-го апрѣля министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской, извѣщая графа Строганова о данномъ на его имя 5-го апрѣля высочайшемъ рескриптѣ, вызванномъ упомянутою выше просьбою екатеринославскаго дворянства, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалъ ему нѣкоторыя не-

обходимыя свѣдѣнія для руководства работами учреждаемаго комитета Графъ Строгановъ предписалъ начальнику Екатеринославской губерніи приступить къ дѣлу, и начались выборы въ комитетъ представителей отъ всѣхъ уѣздовъ Екатеринославской губерніи и кандидатовъ къ нимъ.

21-го марта и. д. губернатора увѣдомилъ графа Строганова, что комитетъ окончилъ свои занятія и закрытъ. 30-го марта графъ Строгановъ, опираясь на предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній отъ 7-го марта 1859 г., предложилъ графу Сиверсу озаботиться напечатаніемъ проекта «положенія» и принадлежащихъ къ нему приложеній въ числѣ 75 экземпляровъ. 18-го мая графъ Сиверсъ представилъ графу Строганову 75 экземпляровъ проекта положенія по крестьянскому дѣлу.

При чтеніи этого проекта соглашаешься съ заключеніемъ о немъ и. д. губернатора графа Сиверса. Сошлемся даже на либеральнаго Джаншіева, котораго никакъ нельзя счесть особенно горячимъ защитникомъ дворянства. Вотъ что говоритъ Джаншіевъ (Цит. соч., стр. 134) «несмотря на то, что, начиная съ конца 50-хъ годовъ печаталась и печатается масса данныхъ» (касающихся крестьянской реформы), «многія свѣдѣнія остаются пока подъ спудомъ. Таковы, напримѣръ, положенія губернскихъ комитетовъ, подлинные акты которыхъ вовсе или почти вовсе неизвѣстны въ публикѣ, что создаетъ невѣрное представленіе о факторахъ, такъ или иначе вліявшихъ на движеніе и исходъ великаго преобразованія. Положенія комитетовъ заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что они колеблютъ общепринятый и довольно прочно установившійся взглядъ на дѣятельность губернскихъ комитетовъ». «Въ обществѣ существуетъ легенда»,—замѣчаетъ проф. Иванюковъ («Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи», С.-Петербургъ, 1883 г., стр. 166)—будто положенія дворянскихъ комитетовъ представляютъ цѣликомъ безобразный и ни къ чему не годный хламъ крѣпостническихъ тенденцій, въ которомъ только кое-гдѣ, въ головѣ случайно замѣшавшихся единицъ, мелкали здравая мысль и добросовѣстное отношеніе; будто положеніе 19-го февраля сочинилъ кружокъ умныхъ и честныхъ либераловъ, а общество ни при чемъ и скорѣе мѣшало. Чѣмъ болѣе уясняется прагматическая исторія освобожденія крестьянъ, тѣмъ болѣе теряетъ почву помянутая легенда, и становится ясно, что, если эта трудная реформа была доведена до благополучнаго конца, то только благодаря тому обстоятельству, что правительство шло рука объ руку съ меньшею, лучшею частью дворянства, а главное было солидарно съ либерально настроеннымъ общественнымъ мнѣніемъ и его выразительницею, прогрессивною печатью, горячо защищавшею интересы народа». «Въ неумѣніи подняться выше своихъ узко-сословныхъ интересовъ» — говоритъ даже Джаншіевъ (стр. 138—139)—«въ неспособности различать

*

области частныхъ и государственныхъ интересовъ заключалась едва-ли не основная ошибка дворянскаго большинства... Судить за это черезчуръ строго тогдашнее дворянство едва-ли будетъ вполнѣ справедливо въ виду невысокаго его общественнаго развитія.

Въ разбираемомъ «дѣлѣ» мы находимъ одну весьма любопытную записку, принадлежащую, очевидно, перу завзятаго крѣпостника. Записка эта настолько интересна и своеобразна, звучитъ такъ оригинально, что мы позволимъ себѣ привести изъ нея небольшія выдержки. Она принадлежитъ перу новомосковскаго уѣзднаго предводителя дворянства, генералъ-маіора Н. Герсеванова, автора надѣлавшей не мало шуму въ свое время книжки о Гоголѣ (Книжка эта, называющаяся: «Гоголь передъ судомъ обличительной литературы» и изданная въ Одессѣ въ 1861 году, представляетъ собою сплошную клевету на великаго писателя и написана чуть не съ пѣной у рта). 16-го октября 1859 г. Герсевановъ послалъ свою записку начальнику III отдѣленія, шефу жандармовъ князю В. А. Долгорукову, при письмѣ, въ которомъ сообщалъ: «имѣю честь представить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства краткую записку о духѣ законодательства коммиссіи по крестьянскому вопросу; въ ней излагается, что дѣйствія коммиссіи клонятся къ ущербу священныхъ правъ самодержавной власти, и что положенія ея, приведенныя въ исполненіе въ томъ видѣ, какъ напечатаны, будутъ имѣть слѣдствіемъ всеобщую Пугачевщину. Записка моя въ сокращеніи послана была прежде сего предсѣдателю коммиссіи ген.-адъют. Ростовцеву. Можно бы пояснить и развить то, на что въ ней едва указано или намекнуто». Далѣе Герсевановъ проситъ князя Долгорукова, какой бы ни былъ данъ ходъ его запискѣ, увѣдомить его о томъ, чтобы онъ «имѣлъ удостовѣреніе, что, какъ вѣрноподданный и русскій дворянинъ, исполнилъ долгъ свой по мѣрѣ силъ». Въ тотъ же день копію этого письма и записки Герсевановъ послалъ и графу Строганову. Записка Герсеванова носитъ названіе: «Замѣчанія на журналы коммиссіи по крестьянскому вопросу №№ 17—32». Указавъ прежде всего на чрезвычайную поспѣшность начатой реформы (какъ мы знаемъ поспѣшность эта была вызвана необходимостью ковать желѣзо, пока горячо), Герсевановъ говоритъ: «гораздо важнѣе ложность основаній, принятыхъ коммиссіею». Духъ преобразованій во многихъ докладахъ есть чистый соціализмъ, который проповѣдывали Прудонъ, Луи-Бланъ и ихъ послѣдователи. Ученіе соціалистовъ очень просто и ясно: оно направлено исключительно противъ правъ собственности. Соціалисты не признаютъ правъ собственности ни личной, ни наслѣдственной, ни поземельнаго и предлагаютъ разныя мѣры, чтобъ его уничтожить... Какіе суть главные элементы государственнаго организма? Ихъ насчитываютъ три или четыре, но главныхъ два: святость брака и непри-

косновенность права собственности. Безъ этихъ двухъ элементовъ нѣтъ семейства, нѣтъ общества, нѣтъ государства. Отымая земли у помѣщиковъ безъ всякаго вознагражденія [1]), чтобъ надѣлить ими крестьянъ, коммиссія дѣйствуетъ въ духѣ соціалистскомъ и нарушаетъ одно изъ главныхъ началъ государственнаго организма. Пусть подумаютъ о послѣдствіяхъ. Революціи безплодны, ибо идея о правѣ собственности глубоко лежитъ въ основѣ человѣческой природы. Революціонное правленіе во Франціи конфисковало земли эмигрантовъ; но чрезъ сорокъ лѣтъ принципъ восторжествовалъ, и на удовлетвореніе эмигрантовъ ассигнованъ милліардъ. Принимая соціализмъ, рожденный въ революціонной Франціи, за начало всѣхъ преобразованій, коммиссія вноситъ въ русское законодательство другой, не менѣе враждебный самодержавію элементъ: self-government [2]), заимствованный изъ Америки»... Говоря о крестьянскомъ самоуправленіи, авторъ записки замѣчаетъ: «полное самоуправленіе массы народной, т. е. ультра-демократизмъ, можетъ существовать только въ странѣ федеративныхъ республикъ, какъ сѣверо-американскіе штаты, гдѣ власть центральная не имѣетъ силы. Въ государствѣ, гдѣ правительство сильно, какъ въ Россіи, Англіи, Франціи, самоуправленіе толпы есть аномалія, nonsens... Итакъ, коммиссія вноситъ въ русское законодательство два элемента. враждебные самодержавію: соціализмъ и ультра-демократизмъ»... Далѣе Герсевановъ вновь ополчается противъ допущенной въ обсужденіи крестьянскаго вопроса нѣкоторой гласности и ссылается на слова Маколея, говорившаго о роли, которую сыграла гласность въ великой французской революціи, и, между прочимъ, сказавшаго: «допустите гласность въ такомъ правленіи, какое существуетъ въ Петербургѣ, и катастрофа неминуема». Англійскому историку простительно было не понять вѣчно мудреную для иностранца сущность русской натуры и примѣнить къ Россіи, столь мало ему знакомой, печальный примѣръ запада, но намъ, конечно, ясно, что въ устахъ образованнаго русскаго человѣка (какимъ былъ Герсевановъ) эта ссылка на слова Маколея является мало осмысленной и недобросовѣстной угрозой убѣжденнаго крѣпостника. «Въ Россіи едва допущена нѣкоторая свобода писать»,—говоритъ Герсевановъ—«какъ журналы стали употреблять ее во зло. Развѣ «Парусъ» не сталъ съ перваго номера открыто порицать дѣйствія правительства? Развѣ польское «Слово» не сдѣлало воззванія къ революціонерамъ приглашеніемъ Лелевеля къ сотрудничеству. Попробуйте изъять русскіе журналы отъ цензуры на мѣсяцъ, и слова Маколея тотчасъ

[1]) Ôtant à ceux, qui possèdent les terres, pour donner à ceux, qui n'ont rien („выкупныя свидѣтельства", очевидно, и не снились Герсеванову).

[2]) Самоуправленіе.

оправдаются. Въ государствѣ самодержавномъ, какъ Россія гдѣ министры не отвѣчаютъ предъ общимъ мнѣніемъ, не можетъ быть допущена такая гласность, какъ въ Англіи. Всякая нападка на дѣйствія министра есть прямое порицаніе высшей власти. Что жъ произойдетъ въ Русскомъ государствѣ, когда внесутъ въ него два принципа гораздо сильнѣйшіе гласности и оба враждебные самодержавію: соціализмъ и ультра-демократизмъ? Страшно подумать». О самомъ уничтоженіи крѣпостнаго права Герсевановъ говоритъ: «трехвѣковое постановленіе, находящееся въ тѣсной связи со всѣми государственными учрежденіями, не можетъ быть уничтожено однимъ почеркомъ пера. Нельзя въ годъ или два измѣнить все радикально». Въ докладахъ коммиссіи Герсевановъ усматриваетъ будто бы «систематическое униженіе дворянскаго сословія, которое искони слыло опорою престола. Униженіе это онъ находилъ въ томъ, что «у помѣщиковъ отнимаютъ будто бы за повинности, а въ сущности насильственно до двухъ третей удобной земли, части выгона и лѣса». Очевидно, Герсевановъ, при всемъ своемъ образованіи, не могъ проникнуться мыслью о безнравственности крѣпостныхъ отношеній и даже понять сущность проводившейся въ жизнь реформы. «Какъ бы въ насмѣшку, за отымаемыя права»—говоритъ онъ—«помѣщику предоставляется право быть ходатаемъ по дѣламъ крестьянъ или, правильнѣе, быть ихъ писаремъ. Однимъ словомъ, дворянство лишается всякаго политическаго значенія, не говоря уже о разореніи». Въ концу записки Герсевановъ возвращается къ своимъ излюбленнымъ «страшнымъ словамъ», очевидно, желая запугать ими правительство. «Какая же у нея (т. е. у коммиссіи) цѣль», говоритъ онъ (не совсѣмъ, впрочемъ, грамотно)—«вводя въ русское законодательство ультра-демократизмъ и унижая дворянское сословіе? Если она дѣйствуетъ сознательно, то въ числѣ ея побужденій, быть можетъ, есть затаенное желаніе подавить права самодержавной власти. Если дѣйствуетъ безсознательно, то не ея дѣло быть законодателемъ».

Въ 1860 году Герсевановъ напечаталъ въ Берлинѣ книжку: «О соціализмѣ редакціонныхъ коммиссій». Книжки этой у насъ не было подъ рукою, но по одному заглавію ея намъ, уже знакомымъ съ образомъ мыслей автора, не трудно судить, что она проникнута тѣми же взглядами, какъ и разсмотрѣнная докладная записка. Записка Герсеванова является характернымъ образчикомъ крѣпостническаго вопля, порожденнаго глухимъ, трусливымъ страхомъ, даже извѣстнымъ, такъ сказать, мѣстнымъ притупленіемъ нравственнаго чувства, не дававшимъ постигнуть всю безнравственность подобныхъ жалобъ и предостереженій. Исторія показала уже намъ, что всѣ страхи крѣпостниковъ не имѣли никакихъ основаній. «Безпримѣрный во всемірной исторіи»—говоритъ Джаншіевъ (цит. соч., стр. 122)—фактъ мирнаго рѣшенія

труднѣйшей соціальной задачи, дѣлающій величайшую честь гражданской выдержкѣ русскаго народа и его друзьямъ, увѣровавшимъ въ его здравый смыслъ и историческое разумѣніе, вопреки трусливымъ запугиваніямъ крѣпостниковъ, до сихъ поръ вызываетъ справедливое удивленіе у иностранцевъ и законную гордость и вѣру въ будущность Россіи.

6-го декабря 1859 г. Герсевановъ послалъ графу Строганову свои новыя замѣчанія на журналы редакціонной коммиссіи №№ 32—52. Посылая ихъ графу Строганову, онъ писалъ ему: «смѣю надѣяться, что отъ просвѣщеннаго взора начальника Новороссійскаго края не укроется полная легальность подобныхъ замѣчаній, и что благосклонное заступничество вашего сіятельства оградитъ меня отъ слѣдствій, которыя, быть можетъ, навлечетъ на уѣзднаго предводителя неудовольствіе одного или двухъ изъ числа лицъ, участвовавшихъ въ трудахъ редакціонной коммиссіи». Представленныя Герсевановымъ новыя замѣчанія также блещутъ перлами крѣпостничества. Начинается эта записка яростно и злобно, хотя не совсѣмъ складно: «Смотря на нихъ (т. е. на журналы редакціонной коммиссіи) съ точки зрѣнія умозрительной, они составлены прекрасно и могутъ идти наравнѣ съ безсмертными произведеніями: «Республикою» Платона, «Салентою» Фенелона, «Утопіею» Томаса Моруса и мечтаніями Руссо. Той же участи они должны подвергнуться, т. е. остаться безъ всякаго примѣненія. Великіе эти писатели сами чувствовали, что записались». Труды редакціонной коммиссіи, по мнѣнію автора записки, «неприложимы: въ нихъ на каждой страницѣ видно незнаніе Россіи, ея исторіи и народнаго характера». Критикуя тѣ статьи журналовъ коммиссіи, которыя регулируютъ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, Герсевановъ выводитъ изъ нихъ самыя несообразныя заключенія. Напримѣръ, онъ возмущается тѣмъ положеніемъ, что помѣщикъ, интересы котораго нарушены крестьянскимъ должностнымъ лицомъ, долженъ принести жалобу,—если не хочетъ обращаться къ крестьянскому суду,—тому лицу или учрежденію, которое для этого будетъ указано, и оно уже преслѣдуетъ обвиняемыхъ полицейскимъ или судебнымъ порядкомъ. По этому поводу онъ замѣчаетъ: «должностное лицо, напившись пьянымъ, можетъ наговорить дерзости или, пожалуй, и прибить помѣщика или его жену, и помѣщикъ можетъ только заявить о томъ или жаловаться на него такимъ же крестьянамъ». Ясно, куда гнетъ авторъ записки, и чего ему хотѣлось бы. Подкрѣпляетъ онъ свои воззрѣнія довольно елейными разсужденіями, въ родѣ того, что русскій человѣкъ «любитъ прямую, сильную власть. Не созданъ славянинъ ни для общиннаго, ни для муниципальнаго управленія, ни для конституціи: все у него основано на патріархальномъ началѣ». Герсевановъ и въ этой своей запискѣ снова повторяетъ, что

редакціонная коммиссія беретъ въ основаніе важныхъ государственныхъ реформъ соціализмъ, враждебный не только самодержавію, но и всякому общественному порядку. Это не только ошибка—это почти преступленіе! Во избѣжаніе великихъ бѣдъ, онъ совѣтуетъ редакціонной коммиссіи: 1) для успокоенія умовъ сжечь почти всѣ свои труды; 2) издать тотчасъ же манифестъ, дозволяющій крестьянамъ откупаться лично, съ тѣмъ, чтобы дворянскія губернскія собранія назначили сами *maximum* и *minimum* выкупной суммы въ губерніи.

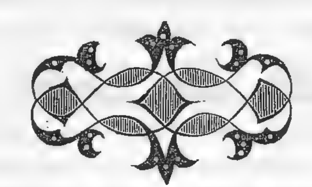
Однако, далеко не всѣ дворяне такъ разсуждали, какъ генералъ Герсевановъ. 12-го октября 1859 года графъ Сиверсъ представилъ генералъ-губернатору копію съ посланной министру внутреннихъ дѣлъ записки генералъ-маіора В. А. Скалона по дѣлу объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Скалонъ доказывалъ необходимость надѣла крестьянъ возможно бо́льшимъ количествомъ земли. Въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостнаго права вопросъ этотъ игралъ едва-ли не самую важную роль. Записка генералъ-маіора Скалона отличается, при полномъ отсутствіи пышныхъ, туманныхъ фразъ, глубокимъ знаніемъ экономическихъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ. Скалонъ въ малоземельности крестьянъ видѣлъ великій вредъ для государства. Многія замѣчанія его и теперь еще не потеряли своего значенія и могли бы быть весьма полезны.

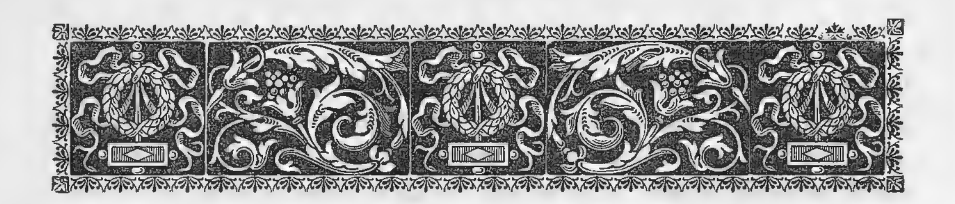
Въ концѣ 1859 года были отправлены изъ Екатеринослава въ Петербургъ, для представленія правительству нужныхъ свѣдѣній и объясненій, губернскій предводитель дворянства коллежскій совѣтникъ Миклашевскій и коллежскій секретарь Поль. Въ концѣ апрѣля занятія ихъ по званію членовъ Екатеринославскаго комитета были окончены.

Весь ходъ событій освобожденія крестьянъ показалъ, что оно совершилось безъ особенно сильныхъ препятствій, и М. П. Погодинъ былъ совершенно правъ, когда писалъ: (см. «С.-Петербургскія Вѣдомости» 19-го февраля 1901 г., № 48): «помѣщикамъ не слѣдовало заикаться противъ такой святой необходимой мѣры, стирающей мерзкое вѣковое пятно съ жизни русскаго народа. Такъ они, сознавая свое достоинство, большею частью и поступили; говорю — большею частью, потому что и въ семьѣ не безъ урода». «Государь выразилъ свою волю. Мы вполнѣ сочувствуемъ ему и готовы содѣйствовать приведенію ея въ исполненіе». Вотъ былъ общій отзывъ! Въ настоящей статьѣ мы старались, насколько допускали это имѣвшіеся въ распоряженіи нашемъ матеріалы, очертить роль дворянства въ освобожденіи крестьянъ. Смѣемъ думать, что все изложенное даетъ намъ право вмѣстѣ съ Погодинымъ сказать: «было ли больше зла, чѣмъ добра, въ дѣйствіяхъ дворянства? Никто не посмѣетъ отвѣчать: да, потому что это не правда.

Самая мысль объ освобожденіи крестьянъ принадлежитъ первоначально дворянамъ»... Напомнивъ эти справедливыя слова историка, заключимъ наши строки его же благороднымъ пожеланіемъ: «всякое русское преобразованіе должно совершиться въ духѣ любви и мира, съ общаго согласія, при взаимной помощи»...

Н. Лернеръ.

Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса [1]).

По вступленіи на всероссійскій престолъ императора Николая I въ 1825 г. послѣдовалъ 12-го (24-го) декабря особый манифестъ изъ Царскаго Села на французскомъ и польскомъ языкахъ, препровожденный къ намѣстнику Польскаго королевства, возвѣщавшій жителямъ царства о вступленіи на польскій престолъ новаго императора и короля. На основаніи этого манифеста было сдѣлано немедленно распоряженіе о приведеніи жителей Польскаго королевства къ присягѣ и о назначеніи въ Петербургъ особой депутаціи для принесенія новому императору и королю вѣрноподданническихъ чувствъ поляковъ.

Принесеніе присяги императору Николаю I въ царствѣ Польскомъ обошлось благополучно. Великій князь Константинъ Павловичъ писалъ 21-го декабря 1825 г.: что все произошло съ истинною набожностію и благоговѣніемъ (avec une severité et un reucellement religieux). Его высочество лично присутствовалъ при присягѣ варшавскаго гарнизона. Вся армія польская въ полномъ составѣ также присягнула Николаю I.

Съ поздравленіемъ о вступленіи новаго императора на престолъ, прибыла изъ Варшавы, для выраженія всеподданническихъ чувствъ, особая депутація [2]), состоявшая изъ членовъ Сената, князя Друцкаго-

---

[1]) „Русскую Старину", декабрь 1904 г.

[2]) Подобная же депутація была послана въ 1815 г. императору Александру I въ главную его квартиру и состояла изъ представителей отъ Сената—графа Замойскаго, отъ духовенства—аббата Воловича, отъ дворянъ—графа Островскаго и Тарновскаго, отъ гражданъ—Антона Заводовскаго и Штёкертъ, отъ войска—генерала Сулковскаго, отправившагося къ императору ранѣе.

Любецкаго, графа Красинскаго, епископа г. Плоцка Адама Пражмовскаго, графа Александра Бнинскаго и нунція Ивана Кузмичева. Депутація была принята императоромъ въ воскресенье 11-го апрѣля 1826 г. въ Петербургѣ и прочла изложенный за общею подписью всѣхъ депутатовъ адресъ слѣдующаго содержанія:

«Всемилостивѣйшій государь! Печаль всей Европы, отчаяніе великаго народа и слезы августѣйшаго семейства свидѣтельствуютъ о печальномъ событіи, лишившемъ ваше императорское величество брата и обожаемаго монарха. Эти чувства, вполнѣ раздѣляемыя Польшею, еще усилились для нея долгомъ признательности, которую можетъ имѣть народъ къ великодушному возродителю его существованія, къ благодушному побѣдителю, основателю его учрежденій, просвѣщенному государю, пожелавшему на роковое поле продолжительныхъ войнъ и полувѣковыхъ бѣдствій бросить плодотворныя сѣмена мира и промышленности. Но возвышенная мысль Александра I не могла погибнуть вмѣстѣ съ нимъ; съ высоты небесъ она паритъ надъ наслѣдникомъ его достославнаго престола, и надежды, повидимому, навсегда поблекшія отъ печали, вновь оживились отъ благотворнаго вліянія охранительной мудрости,—священнаго залога самой счастливой будущности. Да, ваше величество, ваши августѣйшія слова пробудили самую глубокую признательность въ сердцахъ, пораженныхъ тяжкимъ горемъ, когда имъ была выражена клятва о сохраненіи учредительнаго положенія, въ которомъ сливаются интересы всѣхъ классовъ населенія, и любовь поляковъ столь же порывистая, какъ ваши благодѣянія, почтительная, какъ ихъ преданность, и вѣчная, какъ ихъ вѣрность, окружила навсегда престолъ ихъ новаго монарха. Мы имѣемъ честь почтительнѣйше повергнуть къ стопамъ вашего величества, освященныя уже торжественною присягою, чувства преданности отъ властей духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ, а также дворянства и городскихъ и сельскихъ обществъ вашего Польскаго королевства. Благоволите ваше величество принять почтительнѣйшее удостовѣреніе во всемъ этомъ, а также выраженія пламенныхъ пожеланій польскаго народа, возносимыя къ божественному Промыслу, о дарованіи вашему величеству продолжительнаго и славнаго царствованія!»

Отвѣчалъ ли на это императоръ что-либо, кромѣ обычныхъ словъ благодарности,—изъ дѣлъ не усматривается. Извѣстно только, что депутаты, кромѣ епископа Плоцкаго, какъ лица духовнаго, удостоились получить ордена по указу 14-го апрѣля и за тѣмъ имѣли прощальную аудіенцію 28-го апрѣля 1826 г. послѣ развода.

Извѣстный князь Адамъ Чарторыйскій, находясь по случаю болѣзни его супруги за границею, не счелъ возможнымъ прибыть въ Россію для поднесенія вѣрноподданническихъ чувствъ своихъ новому

государю и написалъ императору Николаю I 12-го (24-го) августа 1826 г. изъ Женевы письмо слѣдующаго содержанія:

«Ваше императорское величество!

«Да позволено мнѣ будетъ повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго и королевскаго величества выраженія моей вѣрности и преданности. Шаткое здоровье моей жены, невозможность ее покинуть прежде, чѣмъ она немного поправится, и необходимость надзирать надъ двумя малыми дѣтьми, о которыхъ не въ состояніи заботиться ихъ мать въ продолженіе ея болѣзни,—вотъ причины, лишающія меня счастья повергнуть лично къ подножію вашего престола дань моей преданности въ то время, когда ваше императорское величество личнымъ своимъ присутствіемъ утѣшите своихъ вѣрныхъ подданныхъ въ Польшѣ, оплакивающихъ еще утрату перваго ихъ августѣйшаго благодѣтеля. Соблаговолите, ваше величество, въ виду указанныхъ причинъ, которыя ваше снисходительное сердце удостоитъ оцѣнить, милостиво извинить мое замедленіе исполнить въ данномъ случаѣ обязанность, всю важность которой вполнѣ сознаю. Божественное Провидѣніе да даруетъ вашему императорскому и королевскому величеству счастливое царствованіе, дабы въ теченіе долгихъ годовъ оно продолжало бы и завершило славу и благодѣянія, излитыя вашимъ августѣйшимъ братомъ на народы, окружающіе нынѣ престолъ вашъ съ самыми пламенными пожеланіями.

«Остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ вашего величества нижайшимъ, послушнѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою и вѣрнымъ подданнымъ вашего императорскаго и королевскаго величества.

А. Чарторыйскій».

Императоръ Николай 18-го (30-го) сентября 1826 г. послалъ князю изъ Москвы слѣдующій отвѣтъ:

«Я получилъ письмо ваше и благосклонно принимаю выраженныя въ немъ чувства ваши. Ваша преданность къ особѣ нашего общаго благодѣтеля, благодѣтеля вашей родины, мнѣ была извѣстна; она является ручательствомъ таковой же съ вашей стороны преданности наслѣднику его престола и его расположенія къ полякамъ. Я чрезвычайно опечаленъ причинами, которыя васъ задерживаютъ вдали отъ насъ и могутъ меня лишить удовольствія васъ вновь увидѣть, въ столь нетерпѣливо ожидаемую минуту, когда я полагаю находиться среди моихъ вѣрныхъ подданныхъ Польскаго королевства. Вмѣстѣ съ моими пожеланіями скораго выздоровленія вашей супругѣ, примите, князь Чарторыйскій, увѣреніе въ моемъ къ вамъ уваженіи».

На основаніи конституціонной хартіи королевства, новому королю предстояло совершить обрядъ коронованія въ Варшавѣ. Согласно этому

5-го (17-го) апрѣля 1829 г. послѣдовалъ изъ Петербурга манифестъ, которымъ возвѣщалось жителямъ Польскаго королевства, что: «Мы рѣшили совершить коронованіе наше въ столицѣ Польскаго королевства вмѣстѣ съ нашею августѣйшею императрицею Александрою Ѳеодоровною 12-го (24-го) мая».

Вмѣстѣ съ тѣмъ на коронаціонные расходы было отпущено изъ суммъ министерства финансовъ изъ казначейства Имперіи 1.209.613 флориновъ и установленъ особый церемоніалъ коронованія, по которому императоръ, не въѣзжая въ Варшаву, остановится въ Яблонной, а на другой день рано утромъ въ 9 час. при колокольномъ звонѣ совершитъ торжественный въѣздъ въ Варшаву верхомъ и съ нимъ рядомъ наслѣдникъ престола, великій князь Михаилъ Павловичъ и вся свита. Императрица же ѣдетъ въ каретѣ, запряженной 8-ю лошадьми. Въ предмѣстьѣ Праги встрѣчаютъ ихъ величествъ президентъ города и весь муниципалитъ. Ея величество изволитъ пересѣсть въ парадную карету и шествовать по улицамъ Закрочимской, Фрета, Медовой, Старо-Сенаторской на площадь замка. При приближеніи къ мосту послѣдуютъ пушечные выстрѣлы. У первой церкви встрѣчаетъ шествіе архіепископъ варшавскій со всѣмъ духовенствомъ. У замка королевскаго встрѣчаютъ ихъ величествъ разные придворные чины, не участвовавшіе въ шествіи, а въ залахъ замка—всѣ власти королевства. Колокольный звонъ происходитъ все время, и раздается 101 выстрѣлъ По прибытіи въ замокъ всѣ отправляются въ православную церковь и, по окончаніи богослуженія, ихъ величества удаляются въ свои аппартаменты. Въ день коронованія герольды ѣздятъ по городу съ эскадрономъ войскъ и возглашаютъ на польскомъ языкѣ, что: «всемилостивѣйшій, вседержавнѣйшій, августѣйшій государь императоръ всея Россіи, король Польскій Николай I всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ совершить, при помощи всемогущаго Бога, коронованіе свое короною польскаго короля, вмѣстѣ съ августѣйшею супругою императрицею и королевою». Всѣмъ вѣрноподданнымъ предлагалось вознести молитвы къ Богу по этому случаю.

Въ самый день коронованія 12-го (24-го) мая всѣ чины королевства собираются въ католическій соборъ св. Яна, гдѣ примасъ королевства служитъ обѣдню и благословляетъ принесенныя въ соборъ регаліи, которыя послѣ этого относятся въ тронную залу (одно изъ залъ засѣданій Сената въ королевскомъ замкѣ), особенно торжественно убранною по этому поводу. Государь императоръ отправляется вмѣстѣ съ императрицею въ тронную залу и становится около трона. Шествіе открываетъ оберъ-церемоніймейстеръ въ сопровожденіи множества лицъ, при чемъ несутъ въ залъ орденъ Бѣлаго Орла, государственную печать, королевское знамя, королевскій мечъ, державу, скипертъ, корону;

все это становится по лѣвой сторонѣ трона, около которой становится и его величество съ супругою. Императорское семейство и лица, присутствующія при коронованіи, размѣщаются въ залѣ на особыхъ мѣстахъ. Духовенство, ожидавшее ихъ величествъ у входа въ зало, благословляетъ ихъ, кропитъ святою водою и входитъ въ зало, государь дѣлаетъ знакъ примасу, который подходитъ къ нему, произноситъ молитву и призываетъ благословеніе неба на новаго короля. При словахъ: «во имя Отца, Сына и Святаго Духа», примасъ подаетъ государю мантію, послѣ чего сановники подносятъ по указанію его величества корону примасу, и сей послѣдній представляетъ ее на подушкѣ его величеству съ произнесеніемъ вышеупомянутыхъ уже словъ: «во имя Отцэ, Сына и Святаго Духа». Государь возлагаетъ корону на свою голову, послѣ чего примасъ подноситъ ему цѣпь ордена Бѣлаго Орла; его величество приглашаетъ къ себѣ императрицу и вручаетъ ей эту цѣпь, при чемъ двѣ придворныя дамы надѣваютъ на ея величество мантію. Точно такимъ же образомъ подносятся государю императору скипетръ и держава, которые онъ пріемлетъ, послѣ чего примасъ громко восклицаетъ: «Vivat rex in aeternum» («Да здравствуетъ вѣчно король»). За тѣмъ раздается пушечная пальба, колокольный звонъ и приносятся поздравленія присутствующими; духовенство совершаетъ три глубокихъ поклона. Послѣ этого его величество, снявъ регаліи, преклоняетъ колѣна и громко читаетъ на французскомъ языкѣ слѣдующую молитву: «Боже всемогущій, Богъ отцовъ моихъ, царь царствующихъ, создавшій божественнымъ словомъ Своимъ міръ и безконечною премудростію сотворившій человѣка для управленія свѣтомъ въ путяхъ истины, Ты призвалъ меня быть королемъ и судьею доблестнаго польскаго народа! Признаю съ святымъ благоговѣніемъ проявленіе Твоей ко мнѣ благости и, вознося къ Тебѣ мою благодарность за Твои благодѣянія, преклоняюсь вмѣстѣ съ тѣмъ предъ Твоимъ Божественнымъ величіемъ! Боже мой и Повелитель! просвѣти шаги мои на этомъ высшемъ поприщѣ и направь дѣйствія мои къ исполненію этого высшаго предназначенія! Да пребудетъ со мною Твоя мудрость, окружающая Твой престолъ. Ниспошли ее съ небесъ, дабы я былъ проникнутъ Твоею державною волею и истиною Твоихъ заповѣдей, дабы сердце мое было въ рукахъ Твоихъ и дабы я могъ царствовать къ благу моихъ народовъ и къ славѣ Твоего святаго имени, согласно хартіи, утвержденной моимъ августѣйшимъ предмѣстникомъ, клятвенно мною подтвержденной, дабы я не страшился въ день вѣчнаго Твоего суда предстать предъ Тобою, славою и милосердіемъ Твоего божественнаго Сына Іисуса Христа и вмѣстѣ съ милосерднѣйшимъ и животворящимъ Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ аминь».

Вотъ французскій текстъ молитвы, напечатанный въ церемоніалѣ: Dieu Toutpuissant, Dieu de mes pères, Roi des rois! Toi qui créa l'univers par Ta divine parole et dont la Sagesse infinie forma l'homme pour gouverner le monde dans la voie de la verité. Tu m'as appellé à être Roi et Juge de la valeureuse nation polonaise. Je réconnais avec un saint respect les effets de Ta celeste bonté envers moi et en Te rendant grace pour Tes bienfaits je m'humilie en même temps devant Ta divine Majesté. Daignez o mon Maitre et mon Dieu, éclairer mes pas dans cette carrière suprême et diriger mes actions pour l'accomplissiment de cette haute vocation, que la sagesse qui environne Ton trône soit avec moi. Fais la descendre des cieux pour que je sois pénétré de Tes volontés souveraines et de la verité de Tes commandements, que mon coeur soit dans Tes mains et que je puisse regner pour le bonheur de mes peuples et pour la gloire de Ton saint Nom, d'après la charte octroyée par mon auguste predecesseur et déjà jurée par moi afin que je ne redoute pas de comparaitre devant Toi au jour de Ton jugement éternel, par la gloire et misericorde de Ton divin Fils Jesus-Christ avec lequel Tu es béni, ainsi qu'avec le très clement, très vivifiant Saint-Esprit, jusqu'à la fin des siècles. Amen.

По окончаніи сей молитвы государь императоръ встаетъ, и всѣ присутствующіе и примасъ также опускаются на колѣни и молятъ Бога о ниспосланіи новому королю счастливаго царствованія. Затѣмъ примасъ съ духовенствомъ отправляются въ соборъ св. Яна и ожидаютъ прибытія государя, который съ торжественною процессіею направляется въ храмъ со всѣми присутствовавшими въ тронномъ залѣ. Примасъ и все духовенство встрѣчаютъ его величество у входа въ соборъ съ святою водою и сопровождаютъ во внутрь храма, гдѣ совершается молебствіе, по окончаніи котораго, при возглашеніи многолѣтія, происходитъ пушечная пальба. Духовенство сопровождаетъ государя въ замокъ, и онъ удаляется въ свои покои.

Въ тотъ же день былъ торжественный обѣдъ въ королевскомъ замкѣ во время котораго было провозглашено только четыре тоста: за здравіе императора и короля, при чемъ раздались 61 пушечный выстрѣлъ; за здравіе императрицы, сопровождаемый 51 выстрѣломъ; за здравіе императорскаго семейства и 31 выстрѣлъ, и четвертый за всѣхъ вѣрноподданныхъ и благоденствіе королевства при 21 выстрѣлѣ.

На другой день балъ. Три дня въ городѣ происходила иллюминація, былъ даровой спектакль и увеселеніе для народа, которому былъ также устроенъ обѣдъ. Торжество коронованія прошло вполнѣ благополучно и безъ всякаго замѣшательства.

Нельзя не упомянуть, что въ день коронаціи поляки просили чтобы сынъ императора (будущій императоръ Александръ II) принялъ

титулъ великаго князя Польскаго, что и было доложено его величеству 12-го (24-го) іюня, но оставлено безъ послѣдствій. Кромѣ того, служившій по финансовому вѣдомству перевелъ на польскій языкъ народный англійскій гимнъ Gode save the king, который и былъ пѣтъ при короновании; онъ начинается словами, niech zyje polsk krol.

По случаю коронованія состоялся 12-го (24-го) мая въ Варшавѣ всемилостивѣйшій манифестъ о сложеніи различныхъ недоимокъ по платежу податей и другихъ казенныхъ сборовъ и налоговъ, а также о прекращеніи слѣдствій по многимъ дѣламъ казеннаго управленія.

Вскорѣ послѣ коронованія возникла, какъ извѣстно, война съ Турціею, на которую отправился императоръ Николай во главѣ войскъ. Онъ не замедлилъ, послѣ взятія турецкой крѣпости Варны, удостоить Варшаву еще своимъ благосклоннымъ вниманіемъ. Необходимо припомнить, что въ XV вѣкѣ король польскій и венгерскій Владиславъ III, рѣшивъ изгнать турокъ изъ Европы, собралъ 20.000 польскихъ войскъ и подошелъ также къ Варнѣ; 9-го ноября 1444 года онъ вступилъ въ бой съ арміею султана Амурата II въ числѣ 150 тысячъ войскъ. Во время боя, продолжавшагося два дня, Владиславъ былъ убитъ и главный его полководецъ Янъ Гуніадъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство. Четыре вѣка протекли, писалъ Грабовскій великому князю Константину Павловичу, съ тѣхъ поръ, какъ король польскій Владиславъ погибъ у стѣнъ Варшавы. Его императорскому величеству суждено было отомстить за смерть этого героя. Варна сдалась русскимъ войскамъ въ 1829 году, и его величество приказалъ изъ числа взятыхъ турецкихъ орудій отправить двѣнадцать въ Варшаву, для сохраненія, какъ памятникъ для увѣковѣченія памяти этого важнаго событія. Грабовскій вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивалъ, гдѣ считаетъ его высочество всего удобнѣе поставить эти пушки. На это цесаревичъ отвѣчалъ, что сообщилъ его величеству непосредственно о томъ, гдѣ ихъ лучше всего поставить. Этимъ переписка и оканчивается. (См. «Бес». № 178 1826 г.). Свершившееся немного позднѣе возстаніе въ Варшавѣ было повидимому причиною, что эта мысль императора Николая I не получила осуществленіе.

Еще въ 1827 году 2-го (14-го) сентября намѣстникъ царства Польскаго испросилъ высочайшее разрѣшеніе на созваніе установленнымъ порядкомъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, сеймовъ для выбора членовъ палаты нунціевъ, выбывающихъ по очереди изъ состава сейма, послѣ чего въ 1829 году послѣдовалъ изъ Эрфурта 7-го (19-го) ноября высочайшій указъ на созваніе сейма и разрѣшена была сумма до 10.000 флориновъ на различные расходы по созванію сейма. Вмѣстѣ съ тѣмъ подготовлялись дѣла, которыя предполагалось внести на обсужденіе сейма. Изъ числа этихъ дѣлъ наиболѣе важнымъ являлось: 1) Вторая книга гражданскаго кодекса, а также по особому приказанію государя

императора проектъ уголовныхъ законовъ; 2) вопросъ о сервитутѣ пастбищномъ и о рубкахъ лѣса; 3) о судоходствѣ по рѣкамъ, 4) о бродягахъ, непомнящихъ родства и нищихъ; 5) объ ипотекахъ и доказательствахъ правъ наслѣдства показаніями свидѣтелей; 6) о правѣ пользованія лѣсомъ; 7) объ отмѣнѣ дорожнаго сбора съ мостовъ IV разряда; 8) о бракоразводахъ и объ отлученіи отъ стола и ложа; 9) о сооруженіи памятника императору Александру I и т. д. Предполагалось внести на разсмотрѣніе сейма еще проектъ постановленій о судоходствѣ по рѣкамъ, а также проектъ о пропинаціи, т. е. выдѣлкѣ и продажѣ горячаго вина (т. е. водки), въ земляхъ владѣльческихъ, но оба эти проекта, по особому высочайшему повелѣнію 18-го (30-го) марта 1830 г., были сняты съ очереди и не внесены на разсмотрѣніе сейма на томъ основаніи, что такъ какъ по настоящее время не возбуждалось никакихъ сомнѣній и пререканій по означеннымъ вопросамъ, то его величество не считаетъ необходимымъ занимать палаты сейма ихъ разсмотрѣніемъ, тѣмъ болѣе, что и самые проекты его величество не находитъ возможнымъ одобрить. Самый сеймъ высочайше повелѣно было созвать въ Варшавѣ на время съ 16-го (28-го) мая по 16-е (28-е) іюня, при чемъ было издано распоряженіе, чтобы члены сейма собрались всѣ за шесть дней до открытія сейма для повѣрки ихъ правъ къ участію на сеймѣ. При этомъ было выражено:

«Двѣнадцать лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ безсмертный возродитель отечества поляковъ въ первый разъ созвалъ вокругъ своего престола представителей народа, чтобы пользоваться предоставленными имъ драгоцѣнными правами.

«Наслѣдуя его престолу и его воззрѣніямъ, приглашаемъ васъ вновь собраться. Три прошедшихъ сейма достаточно доказали цѣль, къ достиженію которой вамъ предстоитъ стремиться, и тѣ опасности, которыхъ должно избѣжать. Опытъ доказалъ и пользу мудрыхъ обсужденій и погубныя послѣдствія раздоровъ; онъ не будетъ для васъ безплоденъ. Не сомнѣваюсь, что вы внесете въ ваши обсужденія любовь къ общественнымъ дѣламъ, васъ всегда оживляющую, и тотъ духъ согласія и порядка, которымъ руководилось ваше послѣднее собраніе».

Къ назначенному времени императоръ Николай I пріѣхалъ въ Варшаву вмѣстѣ съ своей августѣйшею супругою Александрою Ѳеодоровною, которая вскорѣ уѣхала въ Саксонію и возвратилась ко дню закрытія сейма обратно въ Варшаву. Государь же, открывъ сеймъ, выѣхалъ также изъ предѣловъ королевства, направился въ Елизаветградъ навстрѣчу возвращающимся изъ Турціи войскамъ нашимъ, а затѣмъ чрезъ Кременчугъ, Кіевъ, Брестъ-Литовскій возвратился въ Варшаву къ 16-му іюня.

Императоръ Николай I произнесъ при открытіи 16-го (28-го) мая 1830 г. сейма слѣдующую рѣчь:

«Протекло пять лѣтъ со времени вашего послѣдняго собранія. Не зависѣвшія отъ Моей воли причины воспрепятствовали Мнѣ созвать васъ ранѣе; причины этого промедленія къ счастью исчезли, и я съ истиннымъ удовольствіемъ вижу себя сегодня въ первый разъ окруженнымъ представителями народа.

«Въ этотъ промежутокъ времени Божественному Провидѣнію угодно было призвать къ себѣ возродителя вашего отечества; вы всѣ почувствовали безмѣрность этой потери и прониклись глубокою скорбью. Сенатъ, выразитель вашихъ чувствъ, выразилъ Мнѣ желаніе увѣковѣчить на всегда воспоминаніе о благороднѣйшихъ добродѣтеляхъ и о великой признательности. Каждый полякъ призывается содѣйствовать сооруженію этого памятника, о которомъ вамъ будетъ сдѣлано предложеніе.

«Всемогущій благословилъ успѣхи нашего оружія въ двухъ войнахъ [1]) которыя вела имперія. Польшѣ не предстояло нести тягости этихъ войнъ, она участвуетъ однако въ выгодахъ оныхъ въ силу братства славы и интересовъ, сопряженнаго съ неразрывнымъ союзомъ ея съ Россіею. Польская армія не принимала дѣятельнаго участія въ этой войнѣ; Мое къ ней довѣріе указало ей не менѣе важное назначеніе; она составляла передовой отрядъ арміи, назначенный для обезпеченія имперіи.

«Мой министръ внутреннихъ дѣлъ представитъ вамъ отчетъ о положеніи края; вамъ будетъ сообщенъ также и представленный Мнѣ Государственнымъ Совѣтомъ отчетъ о различныхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Я съ удовольствіемъ предполагаю, что вы будете радоваться значительнымъ успѣхамъ, достигнутымъ страною во многихъ отношеніяхъ.

«Послѣдствія, порожденныя закономъ объ обществахъ поземельнаго кредита, превзошли Мои ожиданія, они представляютъ теперь прочную основу всѣмъ послѣдующимъ улучшеніямъ общественнаго и частнаго благосостоянія. Постоянно возрастающее развитіе вашей промышленности, распространеніе внѣшней торговли страны и увеличеніе мѣновыхъ торговыхъ сдѣлокъ ея съ Россіею являются для васъ выгодами, которыми вы уже пользуетесь и которыя являютъ вамъ несомнѣнность вашего возрастающаго благосостоянія. Предстояло еще завершить различныя ликвидація по счетамъ прежняго времени; таковыя закончены уже съ Саксоніею, разсчеты съ Россію значительно уже подвинулись. Къ ликвидаціи съ Франціею будетъ въ скоромъ времени приступлено. Коль скоро такимъ путемъ будетъ окончательно установленъ размѣръ внѣшняго

---

[1]) Это была война съ Персіею, а затѣмъ съ Турціею.

долга, тогда явится возможность новымъ закономъ о бюджетѣ установить на прочномъ основаніи доходы и расходы государства.

«Комитетъ, избранный отчасти изъ вашей среды, подготовилъ уже 2-ю часть этого кодекса, но этотъ трудъ не достигъ еще надлежащей зрѣлости. Я приказалъ однако, чтобы нѣкоторые отдѣлы этой части, потребность которыхъ указывается опытомъ, были бы представлены на ваше разсмотрѣніе.

«Правила относительно развода и недѣйствительности браковъ, изложенныя въ 1-ой книгѣ гражданскаго кодекса и принятыя на послѣднемъ сеймѣ, вызвали при ихъ примѣненіи на дѣлѣ не мало затрудненій, которыя дѣлаютъ положительно необходимымъ ихъ пересмотръ. Обращаю все ваше вниманіе на этотъ предметъ, затрогивающій столь существенно одну изъ главныхъ основъ обществъ и спокойствіе совѣсти.

«Вы усмотрите изъ отчета, что многія изъ ходатайствъ вашихъ были удовлетворены, что другія необходимо было отложить, но что всѣ они были приняты въ соображеніе и что такимъ образомъ право ходатайствъ (петиціи), установленное въ точныхъ предѣлахъ, доставляя правительству необходимыя свѣдѣнія, способствуетъ общественному благосостоянію.

«Представители Польскаго королевства! Исполняя во всемъ объемѣ 45 статью конституціонной хартіи, я явилъ вамъ залогъ Моихъ намѣреній; отъ васъ самихъ зависитъ укрѣпить дѣло возродителя вашего отечества, пользуясь съ мудростію и умѣренностію правилами и привилегіями, имъ вамъ предоставленными. Согласіе и спокойствіе да руководятъ вашими преніями. Я приму улучшенія, предложенныя вами, въ тѣхъ проектахъ законовъ, которые будутъ предложены вамъ, и утѣшаю себя надеждою, что небо благословитъ труды, предпринятые при столь счастливыхъ предзнаменованіяхъ».

Маршалъ сейма Іосифъ Любовицкій, отвѣчая на рѣчь императора, выражалъ глубокую признательность за высказанныя государемъ, при вступленіи его на престолъ, слова, что царствованіе его является продолженіемъ царствованія почившаго императора. Любовицкій благодарилъ государя за развитіе, данное земельному кредитному обществу въ королевствѣ, за разрѣшеніе соорудить памятникъ [1]) возлюбленному монарху на средства его подданныхъ, чтобы сохранить о немъ воспоминаніе въ отдаленномъ потомствѣ, и за то, что его величество, водрузивъ свои побѣдоносныя знамена на развалинахъ крѣпости Варны, въ воспоминаніе того польскаго короля, который вмѣстѣ со своими

[1]) Объ этомъ памятникѣ было уже подробно сообщено нами въ предшедшей статьѣ.

*

воинами погибъ у стѣнъ той же самой крѣпости, защищая христіанство, соблаговолилъ приказать столицу Польскаго королевства украсить трофеями новой побѣды и тѣмъ присоединилъ къ его славѣ народную славу поляковъ.

По примѣру предшествовавшихъ сеймовъ тотъ же графъ Мостовскій познакомилъ членовъ сейма съ положеніемъ королевства, населеніе котораго по произведенной ревизіи достигло уже цифры 4.088.289 обывателей, въ томъ числѣ 3.471.282 католиковъ и до 384.263 ч. евреевъ. Графъ Мостовскій подробно излагалъ все сдѣланное правительствомъ для благосостоянія этого населенія, указалъ на развитіе университета [1]) и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а также на увеличеніе числа школъ первоначальнаго обученія, содержаніе которыхъ относится на средства населенія и зависитъ отъ доброй его воли. — Далѣе графъ указывалъ на заботы по улучшенію положенія крестьянъ, находящихся въ жалкомъ положеніи; на развитіе дорогъ въ краѣ и въ особенности шоссейныхъ, а также на работы по соединенію рѣки Нѣмана съ Наревомъ и по очищенію и спрямленію другихъ рѣкъ съ цѣлью сдѣлать ихъ судоходными для большаго развитія торговли и промышленности въ краѣ. При непрестанной заботливости правительства объ этомъ развитіи, въ особенности быстро развилось и улучшилось производство суконъ и другихъ шерстяныхъ издѣлій, получившихъ большой сбытъ даже за предѣлы королевства. Развитіе суконныхъ фабрикъ имѣло своимъ основаніемъ быстро развившееся овцеводство, и при томъ хорошаго качества. Земледѣліе вообще сдѣлало значительные успѣхи, благодаря нѣкоторымъ учрежденіямъ правительства (какъ-то: земледѣльческому институту въ Маримонтѣ, образцовымъ конскимъ заводамъ и т. д.), и въ особенности благодаря учрежденію системы земельнаго кредита, которымъ, къ сожалѣнію, мало еще пользуются крестьяне. Развитіе торговли и промышленности въ странѣ повліяло значительно на улучшеніе положенія городовъ, которые приняли болѣе благоустроенный видъ. Все это благотворно вліяло на финансы королевства; доходы государственные въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ значительно превосходили расходы и дали возможность погасить не малую часть долговъ бывшаго герцогства Варшавскаго, пришедшихся на долю Польскаго королевства. Графъ Мостовскій указалъ также на прекрасное содержаніе польской арміи, благодаря особой о ней заботливости великаго князя. Эта армія состояла изъ 18.800 ч. на дѣйствительной службѣ и насчитывала столько же въ резервѣ. Для

[1]) Въ университетѣ Варшавскомъ было до 600 студентовъ, въ высшихъ школахъ до 8.700 учениковъ, а въ школахъ первоначальныхъ до 24.000 учениковъ.

отвращенія различныхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ расквартированіемъ этой арміи по домамъ обывателей, приступлено было къ сооруженію казармъ въ разныхъ мѣстахъ королевства. Равнымъ образомъ строились укрѣпленія въ Модлинѣ и Замостьѣ. Для снабженія арміи офицерами имѣлся корпусъ въ Калишѣ на 200 учениковъ и аппликаціонная школа [1]) въ Варшавѣ. Особенное вниманіе и заботливость правительства обращены на госпитальную часть арміи, и съ этой цѣлью учреждены госпитали въ Ловичѣ, Сѣдлецѣ, хирургическій институтъ и фабрика хирургическихъ и математическихъ инструментовъ, снабжающая армію прекрасными ей необходимыми приборами. Фабрики суконныя и полотняныя доставляютъ арміи прекрасное сукно и полотно. Графъ Мостовскій говорилъ также о постигшемъ двѣ части земнаго шара бѣдствіи (кончинѣ императора Александра I), особенно печальномъ для поляковъ, о намѣреніи послѣднихъ соорудить ему памятникъ и о томъ, что Провидѣнію угодно было замѣнить почившаго монарха другимъ, который подтвердилъ уже предъ Богомъ и народомъ намѣреніе свое продолжить дѣла брата своего и сохранить существованіе Польскаго королевства.

Послѣ этого сеймъ приступилъ обычнымъ порядкомъ къ разсмотрѣнію внесенныхъ законодательныхъ проектовъ, а также различныхъ ходатайствъ изъ многихъ частей королевства.

Занятія и пренія на сеймѣ очень затягивались, и можно было предполагать, что онъ не долженъ заключить своихъ занятій въ теченіе мѣсячнаго срока. Во избѣжаніе этого было сообщено статсъ-секретаремъ Грабовскимъ маршалу сейма, что срокъ, назначенный для засѣданій сейма, истекаетъ (14-го) 26-го іюня и что его величество, отъ котораго одного зависитъ продолженіе сейма, желаетъ, чтобы онъ былъ законченъ 26-го іюня, и возлагаетъ исполненіе этого на маршала сейма. Согласно этому и закрытіе сейма послѣдовало 26-го іюня 1830 г., причемъ императоръ Николай I произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Обозрѣвая труды вашей настоящей сессіи, я прежде всего долженъ васъ поздравить съ тѣмъ счастливымъ единодушіемъ, съ которымъ, исполняя выраженное уже ранѣе желаніе сената, вы явили достопамятный примѣръ народной признательности къ возродителю вашего отечества.

«Было признано необходимымъ составить дополненіе законовъ объ ипотекахъ. Вы приняли это. Одобренный вами проектъ о выгонахъ и пользованіи лѣсами отвратитъ множество постоянно возникавшихъ недоразумѣній и утвердитъ спокойное обладаніе собственностью. Вы при-

[1]) Изъ этой школы преимущественно выходили въ артиллерію, инженерный и генеральный штабъ.

няли мѣры, предложенныя противъ бродяжничества, обезпечивъ въ то же время личной свободѣ охрану законовъ и ея охранительныхъ порядковъ. Вотъ польза, проистекшая отъ вашихъ обсужденій.

«Сенатъ, высшее учрежденіе королевства, оправдалъ мое къ нему довѣріе, принявъ единогласно проектъ, устранявшій часть недостатковъ закона, изданнаго въ 1825 г. о недѣйствительныхъ бракахъ и о разводѣ. Нельзя не пожалѣть, что палата нунціевъ признала своимъ долгомъ отвергнуть этотъ проектъ и сохранить такимъ образомъ правила, существенно колеблющія спокойствіе семействъ и смущающія совѣсть, пересмотръ которыхъ неотложно вызывается самыми важными соображеніями. Ваши различнаго рода ходатайства будутъ подвергнуты зрѣлому обсужденію, и я сообщу вамъ мои по онымъ рѣшенія. Они будутъ основаны на началахъ справедливости, общественнаго порядка и непрестанной заботливости, съ которою я, находясь даже вдали отъ васъ, не перестану заботиться о вашемъ истинномъ счастьи».

Отвѣчая на эту рѣчь, маршалъ сейма Любовицкій упомянулъ о вѣчной признательности поляковъ къ императору Александру I, благодарилъ царствующаго государя за разрѣшеніе воздвигнуть памятникъ ихъ благодѣтелю и указалъ, что правила, предложенныя сейму о разводѣ и недѣйствительности браковъ, не могли быть сеймомъ приняты, потому что, не имѣя достаточно времени для всесторонняго ихъ разсмотрѣнія, сеймъ не въ состояніи былъ надлежащимъ образомъ оцѣнить ихъ достоинство и предпочелъ остаться при старыхъ правилахъ, убѣжденный, что мудрость его величества съумѣетъ отстранить могущія возникнуть изъ этого затрудненія. Выразивъ, что всѣ члены сейма проникнуты стремленіемъ къ достиженію возможнаго блага ихъ родины, Любовицкій просилъ его величество сохранить къ полякамъ драгоцѣнную свою благосклонность, для снисканія которой поляки всегда готовы жертвовать своею жизнію и достояніемъ за короля, законъ и отечество (pro rege, lege et patria).

Закрывъ сеймъ, государь императоръ произвелъ еще 19-го іюня маневры подъ Варшавою, а затѣмъ вмѣстѣ съ августѣйшею супругою своею покинулъ Варшаву и разстался навсегда съ братомъ своимъ, цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ; имъ не суждено было увидѣться уже болѣе на землѣ.

Послѣ этого сеймъ разъѣхался, представивъ отъ сената и отъ палаты нунціевъ, по обыкновенію, замѣчанія на предъявленный имъ отчетъ по управленію королевствомъ. Всѣ эти подробныя замѣчанія въ общемъ сводились къ одному: сенатъ и палата нунціевъ единогласно указывали на различныя нарушенія или неисполненія постановленій дарованной королевству конституціи. Сенатъ, обращая вниманіе государя, какъ перваго хранителя и защитника хартіи, на подобныя зло-

употребленія, не чуждыя никакой администраціи, просилъ преимущественно: 1) объ изданіи давно обѣщаннаго закона о финансахъ; 2) о введеніи судебнаго порядка на началахъ, изложенныхъ въ хартіи; и 3) о созваніи сейма всякіе два года. Сенатъ выразилъ при этомъ, что всякое пребываніе его величества среди его народа увеличиваетъ его благосостояніе, придаетъ ему новыя силы и бодрость. По словамъ сената все исходитъ отъ его величества: онъ источникъ благодѣяній для народа. Въ рукахъ его судьба королевства; отъ его величества зависитъ дальнѣйшее развитіе дарованныхъ королевству учрежденій. Сенатъ просилъ государя своимъ могуществомъ и своею родиною охранить то, что для поляковъ является всего болѣе дорогимъ и всего болѣе священнымъ.

Палата нунціевъ въ своихъ замѣчаніяхъ, отдавая полную справедливость прекрасному состоянію учебныхъ заведеній, особенно высшихъ, находила, что воспитаніе народа идетъ не въ духѣ конституціи, а направляется къ фанатизму и невѣжеству; въ особенности это проявляется среди сельскаго населенія, находящагося въ бѣдственномъ положеніи. Духовная семинарія не соотвѣтствуетъ духу времени и потребностямъ страны и не удовлетворяетъ своей цѣли. Палата предлагала слить семинарію съ университетомъ и обратить большее вниманіе на все сельское духовенство вообще. Равнымъ образомъ палата находила необходимымъ устроить разныя клиники и разныя коллекціи при университетѣ и озаботиться приготовленіемъ профессоровъ, посылая съ этою цѣлью за границу молодыхъ людей. Указывая, что школы первоначальныя или элементарныя приходятъ въ упадокъ и значительно уменьшаются въ числѣ, особенно по деревнямъ, палата высказывала, что на обязанности правительства лежитъ обезпечить существованіе подобныхъ школъ и дать возможность народу сдѣлаться грамотнымъ. Палата предлагала заставить монашествующіе ордена заняться взаимнымъ обученіемъ народа. Въ особенности палата настаивала на обученіи евреевъ, находя, что это единственное средство вызвать измѣненіе въ нравахъ, обычаяхъ и привычкахъ евреевъ и отстранить пагубное вліяніе ихъ на остальное населеніе. По мнѣнію палаты нунціевъ необходимо освободить школы отъ надзора духовныхъ лицъ, которыя подобнымъ занятіемъ отвлекаются отъ своихъ пастырскихъ обязанностей. Палата нунціевъ особенно сильно высказывалась противъ цензуры вообще, установленной въ королевствѣ вопреки началамъ конституціонной хартіи и въ особенности противъ различныхъ видовъ особыхъ цензуръ для театровъ, для газетъ, духовенства, для евреевъ и т. д.

Палата требовала полной отмѣны цензуры, указывая на то, что печать никогда не злоупотребляла свободою.

Въ особенности пространно и энергично высказывалась палата нун-

ціевъ по поводу отчета по судебной части королевства. Палата указывала на неудовлетворительность гражданскихъ и уголовныхъ законовъ королевства и на то, что пересмотръ законовъ совершается обыкновенно въ тайнѣ; до внесенія проекта закона на разсмотрѣніе сейма никто ничего не знаетъ о составленномъ проектѣ. Судопроизводство, какъ гражданское, такъ и уголовное — крайне неудовлетворительно и по своимъ обрядамъ и формамъ не соотвѣтствуетъ духу времени и потребностямъ общества. Палата указывала, что въ странѣ не существуетъ ни самостоятельности, ни независимости суда, установленныхъ для королевства хартіею 1815 года, что право собственности нарушается постоянно различными принудительными отчужденіями имуществъ, а право личной свободы—произвольными задержаніями по разнымъ причинамъ, въ особенности по уголовнымъ дѣламъ всякаго рода. Это нарушеніе дало поводъ палатѣ нунціевъ подробно говорить о личной свободѣ вообще, объ обязанностяхъ охранять хартію и не принимать законовъ, въ чемъ-либо явно или косвенно несогласныхъ съ хартіею.

Палата при этомъ указывала и на то, что министры, не достигнувъ почему-либо утвержденія проектированнаго ими закона, осуществляли однако желаемое путемъ отдѣльныхъ распоряженій или декретовъ, въ особенности, когда на данный случай не имѣлось точнаго опредѣленія въ законахъ существующихъ. Палата указывала случаи произвольнаго и продолжительнаго личнаго задержанія подъ судомъ, въ тюрьмѣ, случаи тѣлесныхъ наказаній и даже истязаній въ тюрьмѣ при допросѣ (какъ-то лишеніе питья, наложеніе оковъ, наказаніе розгами и палками и т. д.), и много говорилось о неудовлетворительности тюремныхъ и арестныхъ помѣщеній. Палата предлагала цѣлый рядъ мѣръ въ отмѣну всѣхъ этихъ нарушеній хартіи, ходатайствовала объ отмѣнѣ административной юстиціи, объ отмѣнѣ различныхъ особыхъ судовъ и слѣдственныхъ коммиссій, объ отмѣнѣ высылки изъ предѣловъ края по усмотрѣнію начальства, о введеніи суда присяжныхъ и т. д., словомъ, палата ходатайствовала объ осуществленіи дарованной королевству хартіи на самомъ дѣлѣ.

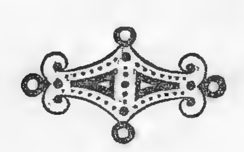
Но всѣ эти ходатайства и пожеланія сейма не имѣли желаемаго успѣха. По имѣющейся на представленіи сейма резолюціи: «Vu les événements survenus après—ad acta»[1], они были пріобщены къ дѣламъ въ виду наступившихъ послѣ сейма событій. Едва-ли надо упоминать, что такими наступившими послѣ сейма 1830 г. событіями явилось польское возстаніе, вспыхнувшее въ Варшавѣ въ 1830 г.,

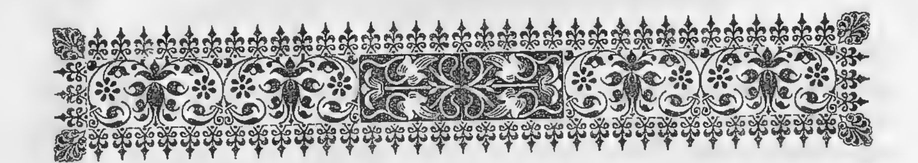
[1]) Т. въ виду послѣдовавшихъ событій—сообщить къ дѣлу.

по усмиреніи котораго и взятіи штурмомъ города Варшавы 30-го августа 1831 г., хартія королевства, дарованная императоромъ Александромъ I, была отмѣнена; губерніи, составлявшія королевство Польское, включены въ общій составъ Россійской имперіи и ввѣрены управленію особаго намѣстничества. Съ этого времени никакого сейма въ Варшавѣ уже не созывалось.

П. Майковъ.

И. С. Тургеневъ въ ссылкѣ.

1852—1853 г.г.

Біографическая литература о Тургеневѣ гораздо охотнѣе говоритъ намъ *по поводу* ссылки автора «Записокъ охотника», чѣмъ о самой ссылкѣ; болѣе останавливается на причинахъ, чѣмъ на слѣдствіяхъ ея; занимается не столько Тургеневымъ, сколько окружавшей его обстановкой. Не удивительно поэтому, если мы не находимъ въ жизнеописаніяхъ Ивана Сергѣевича не только необходимыхъ, характерныхъ подробностей изъ времени, проведеннаго имъ въ изгнаніи, но и очень крупныхъ основныхъ фактовъ. Предлагаемый очеркъ имѣетъ цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ, при чемъ мы не касаемся здѣсь ни причинъ ссылки, ни обстоятельствъ, способствовавшихъ освобожденію Тургенева, какъ хорошо извѣстныхъ читателямъ.

Послѣ окончанія срока своего ареста при полиціи, Тургеневъ долженъ былъ отправиться на родину въ Орловское имѣніе и жить тамъ «подъ присмотромъ». Отъѣздомъ изъ столицы его, однако, не слишкомъ торопили: выпущенный на свободу 16-го мая, онъ только въ началѣ іюня былъ у себя въ Спасскомъ, хотя путь отъ Петербурга до Москвы совершилъ по желѣзной дорогѣ, открытой для публики еще за полгода до его ссылки (1-го ноября 1851 г.). Вотъ почему онъ успѣлъ до выѣзда перебывать у всѣхъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ и даже устроить чтеніе своей повѣсти «Муму», написанной подъ арестомъ.

Литературный вечеръ состоялся на квартирѣ его дальняго родственника, небезъизвѣстнаго въ свое время Александра Михайловича Тургенева, на Милліонной, въ тѣсномъ кругу знакомыхъ, среди кото-

рыхъ было и нѣсколько молодыхъ литераторовъ [1]). Точно такъ же, проѣзжая Москвой, Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ время и тамъ повидаться со многими. Онъ даже совершилъ цѣлую экскурсію по кремлевскимъ древностямъ подъ руководствомъ, тогда еще молодаго, начинающаго ученаго И. Е. Забѣлина, очень понравившагося Тургеневу своимъ «свѣтлымъ русскимъ умомъ и живою ясностью взгляда» [2]).

Весьма счастливой случайностью для опальнаго писателя было то обстоятельство, что въ началѣ того же 1852 года всѣ заботы по управленію имѣніями Ивана Сергѣевича взялъ на себя Н. Н. Тютчевъ, переселившійся для этой цѣли изъ Петербурга въ родовое гнѣздо Тургенева вмѣстѣ съ женою Александрой Петровной († 1883 г.), женщиной «умной, развитой и свободной духомъ», какъ характеризовалъ ее Анненковъ, со свояченицей и десятилѣтней, кажется единственной, дочерью, въ Спасскомъ и умершей. Тамъ близъ церкви долго была цѣла могилка съ каменнымъ четырехграннымъ небольшимъ памятникомъ, обнесеннымъ желѣзною рѣшеткой, на которомъ были высѣчены слова: «На семъ мѣстѣ почіетъ Ольга Тютчева» [3]).

Николай Николаевичъ Тютчевъ (род. въ 1815 г., умеръ 15-го декабря 1878 г.) окончилъ курсъ въ Юрьевскомъ (тогда Дерптскомъ) университетѣ въ 1841 году и поселился въ Петербургѣ, причислившись сначала къ министерству иностранныхъ дѣлъ, а потомъ поступивъ на службу переводчикомъ въ министерство финансовъ. Находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ Бѣлинскимъ, Тютчевъ въ началѣ 40-хъ годовъ тѣсно сблизился и съ Тургеневымъ, съ которымъ сохранилъ дружбу до самой смерти. Иванъ Сергѣевичъ всегда высоко цѣнилъ совѣты Тютчевыхъ, какъ въ житейскихъ, такъ и въ чисто-литературныхъ вопросахъ. Въ послѣднихъ, правда, они бывали иногда слишкомъ строги: такъ Тютчевы отговаривали печатать такія произведенія какъ «Отцы и дѣти», «Призраки», хотя эта требовательность и вытекала больше изъ недовѣрія къ критикѣ и читателямъ. Въ началѣ 1852 года Тютчевъ вышелъ въ отставку и до осени слѣдующаго 1853 года прожилъ въ Спасскомъ. Вернувшись въ столицу, онъ поступилъ на службу въ горный департаментъ; въ мартѣ 1855 года перешелъ въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства и, наконецъ, въ началѣ 1857 года въ департаментъ удѣловъ, гдѣ и служилъ до самой смерти, пройдя разныя должности до члена совѣта включительно

---

[1]) „Русская Старина“ 1885 г., кн. 9 (Записки Александра Михайловича Тургенева); Анненковъ. „Воспоминанія и критическіе очерки“, III, 194.

[2]) „Вѣстн. Евр.“ 1894 г., январь, стр. 334 (Письма Тургенева къ Аксаковымъ).

[3]) „Русск. Вѣстн.“ 1885 г., кн. I, стр. 363 („Воспоминанія о Спасскомъ“).

Оставилъ по себѣ хорошую память не только, какъ умный образованный и добрый человѣкъ, но и какъ общественный дѣятель, Тютчевъ былъ составителемъ Положенія 5-го апрѣля 1856 года о ратникахъ государственнаго ополченія, считавшагося однимъ изъ провозвѣстниковъ крестьянской реформы; потомъ немало потрудился при составленіи положенія о государственныхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ крестьянахъ. Нѣсколько лѣтъ несъ обязанности казначея въ Литературномъ фондѣ и посвятилъ много заботъ Обществу, для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ [1]. Что касается собственно управленія имѣніями И. С. Тургенева, то оно не оставляло желать ничего лучшаго. По свидѣтельству одного изъ бывшихъ дворовыхъ Ивана Сергѣевича, впослѣдствіи ученаго агронома, Тютчевъ «улучшилъ лѣсную часть хозяйства, именно лѣсоохраненіе и лѣсовозращеніе, расширилъ скотоводство, возвысилъ плодородіе пахотныхъ полей и урожая хлѣбовъ, поддерживалъ крестьянъ въ ихъ кровныхъ нуждахъ и самое ихъ хозяйство, надѣливъ неимущія тягла рабочими лошадьми и племеннымъ скотомъ, словомъ, былъ въ отношеніи всѣхъ, какъ и самого себя, строгъ, справедливъ и энергиченъ, такъ что заставлялъ крестьянъ бояться и уважать его» [2]. Легко понять, какимъ нравственнымъ подспорьемъ было для изгнанника пребываніе семьи Тютчева въ Спасскомъ за время 1852—1853 г., особенно если принять въ разсчетъ, что въ Орловской глуши едва-ли могло и найтись еще такое развитое и умное семейство, и что сосѣди-помѣщики вообще отнеслись къ поднадзорному писателю съ нѣкоторымъ опасеніемъ и недовѣріемъ. «Охъ, напрасно ты заводишь это знакомство»,—говорилъ старикъ Шеншинъ своему сыну-поэту, просившему лошадей въ Спасское къ Тургеневу: «вѣдь ему запрещенъ въѣздъ въ столицы, и онъ подъ надзоромъ полиціи. Куда какъ неприглядно» [3].

Вторымъ важнымъ «рессурсомъ», какъ тогда выражались, была для изгнанника его прекрасная деревенская библіотека, достигшая именно въ 50-хъ годахъ наибольшаго богатства и полноты. Такъ какъ она играла немалую роль не только во время ссылки Тургенева, но также въ общемъ развитіи его и въ литературномъ творчествѣ, то намъ слѣдуетъ сказать о ней нѣсколько словъ. Основаніе библіотекѣ было положено дѣдами Ивана Сергѣевича по женской линіи — Лутовиновыми; пополнялась его матерью и самимъ Тургеневымъ, который присоединилъ къ ней, между прочимъ, купленную имъ библіотеку Бѣлинскаго. Послѣдняя была особенно цѣнна собраніемъ русскихъ журналовъ 20-хъ,

---

[1]) Сочинен. Кавелина, II, 1233—1237.
[2]) „Русск. Вѣстн.“ 1885 г., кн. I, стр. 363.
[3]) Фетъ. „Мои воспом.“, I, 5.

30-хъ и 40-хъ годовъ. Во время своей ссылки Тургеневъ получалъ сверхъ отдѣльныхъ изданій еще «Современникъ» Некрасова, «Отечественныя Записки» Краевскаго и «Москвитянинъ» Погодина, оживленный къ тому времени вступленіемъ въ составъ редакціи Островскаго, Ап. Григорьева, Писемскаго и др. Кромѣ журналовъ видное мѣсто занимали въ библіотекѣ Ивана Сергѣевича философскія знаменитости XVIII и первой половины XIX вѣка: Вольтеръ, Монтескье, Кондильякъ, Даламберъ, Гегель, Шлейермахеръ, Фейербахъ и другія. Очень богатъ былъ отдѣлъ исторіи, гдѣ имѣлись также изданія въ родѣ «Древней вивліоѳики» Новикова. Не менѣе полны были собранія книгъ по географіи и естественной исторіи; въ послѣднемъ была между прочимъ и многотомная «Histoire naturelle» Бюффона. Но первое мѣсто занимала все же изящная литература почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ [1]).

Разбирая старыя книги своей библіотеки, Тургеневъ изучалъ между прочимъ по нимъ, какое чтеніе интересовало нашихъ предковъ, степныхъ помѣщиковъ XVIII и начала XIX вѣка. Результаты его наблюденій мы безпрестанно находимъ въ его повѣстяхъ. Иванъ Матвѣевичъ Колтовской («Несчастная»), жившій въ Парижѣ до революціи, бывавшій въ Тріанонѣ у Маріи Антуанеты, читалъ до самой смерти исключительно Мабли, Реналя, Гельвеція, мемуары Сенъ-Симона, переписку Вольтера, энциклопедистовъ. Ѳомушка («Новь»), хотя и хранилъ въ завѣтномъ ящикѣ рукописный переводъ Кандида, но съ Ѳимушкой читалъ больше «Пріятное препровожденіе времени», «Зеркало Свѣта», «Аонидъ». Сверстницы Ѳимушки въ молодые дѣвичьи годы читали романы въ родѣ «Похожденій маркиза Глаголя», «Фанфана и Лолоты», «Алексиса или Хижины въ лѣсу» («Три портрета» Харловъ). «Степной король Лиръ» интересовался между прочимъ «Покоющимся трудолюбцемъ» 1785 г. и т. д. Рукописный «Кандидъ», «Алексисъ или Хижина въ лѣсу» упоминаются вторично въ разсказѣ «Фаустъ» и въ «Отцахъ и дѣтяхъ». Всѣ эти книги несомнѣнно имѣлись въ Спасской библіотекѣ, какъ имѣлись въ ней и знаменитые «Символы и эмблемы» Максимовича-Амбодика, составлявшіе предметъ дѣтской любознательности маленькаго Лаврецкаго («Дворянское гнѣздо»).

Всего насчитывалось въ Тургеневскомъ книгохранилищѣ болѣе пяти тысячъ томовъ. Размѣщены они были въ большихъ шкапахъ, поставленныхъ вдоль стѣнъ довольно обширной и свѣтлой комнаты, посреди которой стоялъ бильярдъ. Библіотека Ивана Сергѣевича нѣсколько разъ приводилась въ порядокъ; особенно потрудился надъ этимъ въ

[1]) «Нива» 1883 г., стр. 1006 (Воспомин. Е. Гаршина); «Истор. Вѣстн.» 1898 г., сент., стр. 914 (Воспоминан. М. А. Щепкина).

началѣ 70-хъ годовъ старичекъ-землемѣръ Д. И. Брюхановъ, который производилъ размежевку имѣній Тургенева и затѣмъ прожилъ у него около пяти лѣтъ. Брюхановымъ же былъ составленъ и обстоятельный каталогъ. Несмотря на то, что Иванъ Сергѣевичъ любилъ, берегъ свою библіотеку и гордился ею, количество книгъ въ ней стало замѣтно убывать съ начала ежегодныхъ продолжительныхъ отлучекъ хозяина за границу, т. е. съ конца 50-хъ годовъ. Немало изданій было похищено, нерѣдко и самъ Иванъ Сергѣевичъ раздавалъ ихъ. Среди похищенныхъ оказывались иногда очень рѣдкія, какъ, напримѣръ, изданіе Овидія XVIII вѣка съ гравюрами. Изъ подаренныхъ встрѣчаемъ указанія на старинную «Книгу о китайскихъ законахъ», на корректурный экземпляръ «Иліады» въ переводѣ Гнѣдича съ поправками переводчика, пожертвованные въ Императорскую Публичную библіотеку. Писательницѣ Е. И. Бларамбергъ (Ардовъ) онъ подарилъ, напримѣръ, рѣдкое собраніе сочиненій Жоржъ-Зандъ 1838 года и т. д. [1]).

Пріѣхавъ въ началѣ іюня въ Спасское, Тургеневъ поселился во флигелѣ, поставленномъ позади большаго дома и состоявшемъ изъ двухъ просторныхъ и трехъ—четырехъ небольшихъ комнатъ. Главный же домъ былъ занятъ семьей Тютчева, куда Иванъ Сергѣевичъ приходилъ обѣдать и коротать время, свободное отъ занятій и охотничьихъ экскурсій. Безъ сомнѣнія, для Тургенева нашлось бы мѣсто и здѣсь, но было одно обстоятельство, не благопріятствовавшее этому. Ко времени ссылки Ивана Сергѣевича относится романическій эпизодъ его съ дворовой дѣвушкой Ѳеоктистой, сближеніе съ которой началось еще въ 1851 году.

Объ этомъ увлеченіи Тургенева мы знаемъ еще менѣе, чѣмъ о связи его съ Ивановой, вышедшей впослѣдствіи замужъ за Калугина. Нѣкоторыя подробности находимъ лишь въ воспоминаніяхъ Берга, къ которымъ, впрочемъ, надо относиться съ осторожностью. Тѣмъ не менѣе, въ виду отсутствія другихъ свидѣтельствъ, необходимо привести здѣсь его разсказъ: Въ Москвѣ жилъ въ то время дядя Ивана Сергѣевича, Петръ Николаевичъ Тургеневъ, когда-то кирасиръ, человѣкъ уже не молодой, но хорошо сохранившійся. Онъ былъ тоже помѣщикъ Орловской губерніи. Недурное имѣніе давало ему возможность жить довольно открыто и собирать къ себѣ по вечерамъ, въ иные дни, кружокъ знакомыхъ,—болѣе всего видной и хорошо устроенной молодежи. Дѣлалось это для двухъ взрослыхъ дочерей...

На этихъ вечерахъ появлялась временами племянница хозяина, той же фамиліи, Елизавета Алексѣевна Тургенева, очень миловидная

---

[1]) «Нива» 1884 г., стр. 86; «Сѣверн. Вѣстн.», 1888 г., № 10, стр. 169; «Русск. Вѣдом.» 1904 г., № 25.

блондинка, лѣтъ 15—16, также орловская помѣщица. Будучи сиротой, она самостоятельно управляла своей небольшой деревенькой, которая была для нея все: и средства къ жизни, и костюмы на выѣзды къ дядюшкѣ и куда случится, и приданое. Оттуда же получалась зимою всякая провизія: мука, крупа, свиныя туши, мерзлыя индѣйки, гуси, утки, куры... а равно и необходимая въ домѣ прислуга. Въ числѣ послѣдней находилась дворовая дѣвушка, Ѳеоктиста, которую, по тогдашнимъ обычаямъ, никто не называлъ полнымъ именемъ, начиная отъ ея барыни и кончая ея родней, даже—нѣкоторыми ближайшими знакомыми: для всѣхъ она была Ѳетистка.

Въ первую минуту въ ней не усматривалось ничего ровно: сухощавая, недурная собой брюнетка—и только. Но чѣмъ болѣе на нее глядѣли, тѣмъ болѣе отыскивалось въ чертахъ ея продолговатаго, немного смуглаго личика чего-то невыразимо-привлекательнаго и симпатичнаго. Иногда она такъ взглядывала, что не оторвался бы... Стройности она была поразительной, руки и ноги у нея были маленькія; походка гордая, величественная. Не одинъ изъ гостей Елизаветы Алексѣевны, разсматривая ея горничную, невольно думалъ: откуда въ ней все это взялось?... Ни съ какой стороны не напоминала она дѣвичью и дворню. Прибавимъ къ этому, что ея барыня, сама изящная, съ большимъ вкусомъ и соображеніемъ, умѣла отличать свою Ѳетистку отъ всѣхъ другихъ служанокъ и одѣвала, какъ барышню.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ заглянулъ какъ-то къ кузинѣ, отъ нечего дѣлать. Ѳетистка произвела на него сразу очень сильное впечатлѣніе. Онъ сдѣлалъ, въ скоромъ времени, еще визитъ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Ѳетистка еще болѣе ему понравилась. Онъ сталъ бывать у кузины часто—и влюбился въ ея горничную по уши. Онъ говоритъ въ одномъ своемъ разсказѣ, что «когда одна горничная входила при немъ въ комнату, онъ готовъ былъ броситься къ ея ногамъ и покрыть ея башмаки поцѣлуями...» Немного нужно было думать тогдашнему богатому помѣщику, чтобы додуматься до прозаической мысли: «а что, если я куплю эту дѣвочку?» Теперь это звучитъ какъ-то странно и дико; тогда—не звучало... никакъ; не казалось дикимъ даже и образованному русскому человѣку, знакомому съ Европой и ея условіями жизни. Не было дико и для изящнаго поклонника и друга Віардо-Гарсіи; а если и было, то все-таки не до такой степени, чтобы онъ въ тѣ страстныя минуты отказался отъ своихъ правъ. Довольно скоро Иванъ Сергѣевичъ повелъ съ кузиной «прозаическій разговоръ», котораго она съ часу на часъ ожидала и потому достаточно къ нему приготовилась. Кузенъ услышалъ отъ нея такой кушъ, что, несмотря на свою влюбленность, былъ нѣсколько озадаченъ. Кузина замѣтила при этомъ, что «собственно ей не

слѣдовало бы разставаться съ Ѳетисткой; что это такая горничная, какой она уже не найдетъ... но бываютъ въ жизни обстоятельства, когда дѣлаешь многое противъ сердца. При томъ она полагаетъ, даже увѣрена вполнѣ, что Ѳетисткѣ, на новомъ мѣстѣ, хуже не будетъ—и это успокоиваетъ ея совѣсть». Потолковали еще немного—и дѣло кончилось на семистахъ рубляхъ: цѣна большая, такъ какъ дворовыя дѣвки продавались тогда рублей по 25, 30 и не шли далѣе 50. Послѣдняя цыфра даже считалась «сумашествіемъ». Деньги были тутъ же отданы, а на другой или на третій день Ѳетистка, обливаясь слезами, перебралась на квартиру Ивана Сергѣевича, который ей признался тутъ же, что «очень ее любитъ и постарается сдѣлать счастливой». Что онъ ее любитъ—Ѳетистка давно знала, но въ счастье съ нимъ не вѣрила. Ей, какъ рабѣ, надо было примириться поскорѣе со всѣми охлаждающими мыслями и дѣлать то, что прикажетъ «новый баринъ». А новый баринъ накупилъ ей сейчасъ же всякихъ богатыхъ матерій, одеждъ, украшеній, бѣлья изъ тонкаго полотна, посадилъ ее въ карету и отправилъ въ Спасское; а потомъ пріѣхалъ туда и самъ.

Прошелъ идиллическій годъ... можетъ, и меньше... новый баринъ Ѳетистки началъ сильно скучать. Въ предметѣ его страсти оказались большіе недостатки; прежде всего—страшная неразвитость. Она ничего не знала изъ того, что не худо было бы знать, находясь въ такихъ условіяхъ жизни, въ какія она нечаянно попала. Съ нею не было никакой возможности говорить ни о чемъ другомъ, какъ только о сосѣдскихъ дрязгахъ и сплетняхъ. Она была даже безграмотна! Иванъ Сергѣевичъ пробовалъ было, въ первые медовые мѣсяцы (когда съ нею почти не разставался), поучить ее читать и писать, но увы! это далеко не пошло: ученица его смертельно скучала за уроками, сердилась... Потомъ явились на сцену обыкновенные припадки «замужнихъ женщинъ», а вслѣдъ затѣмъ произошло на свѣтъ прелестное дитя... Мы забѣжимъ впередъ и скажемъ читателямъ, что это была та знаменитая Ася, которая извѣстна всей образованной Россіи». («Истор. Вѣстн.» 1883 г., ноябрь, стр. 372).

Въ этомъ нѣсколько развязномъ разсказѣ прежде всего необходимо сдѣлать слѣдующія поправки. Авторъ «Записокъ охотника» покупалъ людей только для того, чтобы отпустить ихъ на волю, т. е. выкупалъ ихъ. Близкія отношенія Тургенева съ Ѳеоктистой прекратились дѣйствительно скоро, вмѣстѣ съ ссылкой, но Иванъ Сергѣевичъ не забывалъ ея и тогда, когда она впослѣдствіи вышла замужъ за одного чиновника. Дѣтей отъ нея онъ не имѣлъ. Выкупивъ Ѳеоктисту, Тургеневъ увезъ ее сначала съ собою въ Петербургъ, а потомъ уже переѣхалъ съ нею въ Спасское [1]).

---

[1]) Перв. собр. пис., 118—119.

Романическій эпизодъ, продолжавшійся все время изгнанія Ивана Сергѣевича, оставилъ замѣтные слѣды въ его творчествѣ. Не останавливаясь на бѣгло обрисованномъ образѣ матери Аси, въ разсказѣ того же имени, упорно отказывавшейся выйти замужъ за своего барина, отца своей дочери, вспомнимъ мать Лаврецкаго, эту скромную и умную дворовую дѣвушку, привязавшуюся къ молодому помѣщику «всею силою души, какъ только русскія дѣвушки умѣютъ привязываться», и быстро погибшую въ условіяхъ законной жены своего барина. Съ какимъ сочувствіемъ описано положеніе бѣдной женщины въ новой, совершенно непривычной для нея и неподатливой до суровости обстановкѣ. Какая неподдѣльная грусть слышится въ прощальныхъ словахъ автора надъ могилой Маланьи Сергѣевны: «Такъ кончило свое земное поприще тихое и доброе существо, Богъ знаетъ зачѣмъ выхваченное изъ родной почвы и тотчасъ же брошенное, какъ вырванное деревцо, корнями на солнце; оно увяло, оно пропало безъ слѣда, это существо, и никто не горевалъ о немъ». Вспомнимъ другой типъ въ томъ же «Дворянскомъ гнѣздѣ»—няню Лизы Калитиной, тоже бывшую возлюбленной своего господина. Не ея покорность и умѣнье переносить испытанія послѣ щегольства въ шелкахъ и бархатѣ, не ея внѣшняя красота и страстность характера привлекаютъ читателя. Нравственная стойкость и душевная чистота, уцѣлѣвшая и даже закалившаяся съ годами — вотъ что примиряетъ съ нею, вызываетъ къ ней дѣйствительное уваженіе. Недаромъ Иванъ Сергѣевичъ ее именно сдѣлалъ воспитательницею единственнаго по своей высотѣ образа Лизы. Вспомнимъ, наконецъ, скромную, тихую, любящую Ѳеничку въ «Отцахъ и дѣтяхъ». Обратимъ вниманіе на отношенія къ ней Николая Петровича, сблизившагося съ нею уже во время своего поздняго вдовства, послѣ смерти жены, потерю которой онъ едва перенесъ... Особенно характерно обрисовываются эти отношенія въ той сценѣ романа, гдѣ Николай Петровичъ, весь погруженный въ дорогія воспоминанія, былъ внезапно отвлеченъ отъ нихъ возгласомъ молодой женщины: «Николай Петровичъ, гдѣ вы? Онъ вздрогнулъ. Ему не стало ни больно, ни совѣстно... Онъ не допускалъ даже возможности сравненія между женой и Ѳеничкой, но онъ пожалѣлъ о томъ, что она вздумала его отыскивать. Ея голосъ разомъ напомнилъ ему: его сѣдые волосы, его старость, его настоящее... Волшебный міръ, въ который онъ уже вступалъ, который уже возникалъ изъ туманныхъ волнъ прошедшаго, шевельнулся — и исчезъ. Я здѣсь, — отвѣчалъ онъ: — я приду, ступай. «Вотъ они, слѣды-то барства», мелькнуло у него въ головѣ».

Мы не знали бы этихъ типовъ, Тургеневъ не раскрылъ бы намъ характерныхъ фактовъ въ интимныхъ отношеніяхъ между русскимъ бариномъ съ одной стороны и простой дѣвушкой, обыкновенно ему

подневольной—съ другой, русская литература не имѣла бы всѣхъ этихъ удивительныхъ страницъ, если бы не было Ѳеоктисты и увлеченія ею со стороны «образованнаго русскаго человѣка, знакомаго съ Европой», со стороны «изящнаго поклонника и друга Віардо-Гарсіи». Юношеская связь Ивана Сергѣевича съ Авдотьей Ермолаевной Ивановой (Калугиной) не могла отразиться замѣтно въ указанной области его творчества,—слишкомъ кратковременнымъ было то увлеченіе и слишкомъ молодъ и несамостоятеленъ былъ тогда самъ Тургеневъ.

Пріѣхавъ въ деревню, Иванъ Сергѣевичъ до октября, т. е. почти четыре мѣсяца, предавался полному отдыху, въ чемъ онъ несомнѣнно нуждался послѣ пережитыхъ волненій. «Я все лѣто рѣшительно не бралъ въ руки ни пера, ни книги», писалъ онъ 16-го октября К. С. Аксакову. До Петрова дня (29-го іюня), т. е. до начала охоты, Тургеневъ еще перечитывалъ сочиненія Гоголя, косвеннаго виновника своей ссылки, да «Записки ружейнаго охотника» Аксакова, о которыхъ помѣстилъ коротенькую замѣтку въ майской книгѣ «Современника», послужившую какъ бы программой для его большой рецензіи на ту же тему. Но, напримѣръ, изъ перваго тома «Московскаго сборника», изданнаго И. С. Аксаковымъ во время петербургскаго ареста Тургенева, послѣднему удалось прочесть «только стихотворенія». А вѣдь какъ внимательно слѣдилъ онъ за литературными новостями! Замѣтимъ кстати, что о стихотворномъ отдѣлѣ этого сборника Иванъ Сергѣевичъ далъ слѣдующій любопытный отзывъ въ письмѣ къ Аксаковымъ отъ 6-го іюня: «Пѣсни [1]) удивительны, достойны стать наравнѣ съ пѣснями въ собраніи Кирши Данилова; стихотвореніе Хомякова [2])—очень звонко, читается ore rotundo, какъ говаривали въ старину—но и только; не грѣетъ и не язвитъ. Вашъ «Бродяга», любезный И. С., благородная, славная вещь; жаль только, что напряженность не мысли, а формы, вредитъ иногда впечатлѣнію. Ваши стихи имѣютъ всѣ качества поэзіи, кромѣ того тонкаго, неуловимаго—того з а п а х а, которымъ дышитъ, играя, счастливая и свободная жизнь. Но откуда взять этого счастья въ наше сухое, трудное и горькое время? Спасибо вамъ и за то, что вы намъ дали».

Съ наступленіемъ охотничьей поры Иванъ Сергѣевичъ забросилъ не только книги, но и переписку съ друзьями. Семнадцатаго октября онъ сообщаетъ С. Т. Аксакову, что послѣднее письмо къ нему онъ послалъ 7-го іюня. Почти такой же перерывъ произошелъ въ сношеніяхъ

[1]) Изъ приготовляющагося къ изданію собранія русскихъ народныхъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго.

[2]) „Мы родъ избранный“, говорили Сіона дѣти въ старину и т. д.

и съ другими корреспондентами. Охотничьи экскурсіи всецѣло поглотили Тургенева до 1-го октября. «Я на свое ружье убилъ въ теченіе нынѣшняго года (лѣта) 304 штуки»,—писалъ онъ старику Аксакову: «а именно 69 вальдшнеповъ, 66 бекасовъ, 39 дупелей, 33 тетерева, 31 куропатку, 25 перепеловъ, 16 зайцевъ, 11 коростелей, 8 курочекъ, 4 утки, 1 гаршнепа, 1 кулика. Мои два охотника убили около 500. Эти числа кажутся велики—но, принявъ въ соображеніе, какъ много и какъ далеко я ѣздилъ, нельзя сказать, чтобы я охотился удачно. Я ѣздилъ за тетеревами въ Козельскъ и Жиздру, за болотной дичью—въ Карачевъ и Епифань». Другими словами—Тургеневъ дѣлалъ поѣздки верстъ на 150 отъ дому въ сосѣднія губерніи. «Конечно, въ старые годы я убивалъ, на свое одноствольное ружье, до 1200 штукъ», отвѣчалъ ему Аксаковъ: «но это было въ Оренбургской губерніи, и число благородной дичи не превышало 300 штукъ; утки и кулики всѣхъ породъ составляли 600—700 штукъ, а у васъ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ».

Эти охотничьи увлеченья сказались между прочимъ и въ статьѣ Ивана Сергѣевича о «Запискахъ ружейнаго охотника» Аксакова. Съ перваго слова до послѣдняго она дышитъ свѣжими, не остывшими еще впечатлѣніями пережитыхъ сладкихъ волненій. «Въ теченіе нынѣшняго лѣта», такъ начинаетъ авторъ ее: «вы не однажды напоминали мнѣ, любезный Николай Алексѣевичъ (Некрасовъ), обѣщаніе мое поговорить подробнѣе въ вашемъ журналѣ о прекрасной книгѣ С. Аксакова; я до нынѣшняго дня не могъ сдержать своего слова, какъ настоящій охотникъ—охотникъ душою и тѣломъ—я почти все это время не выпускалъ ружья изъ рукъ, а до пера не касался вовсе». Кончаетъ же онъ свою рецензію словами царя Алексѣя Михайловича: «Будете охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою, зѣло потѣшно и угодно и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія».

Внезапно и круто наступившая зима засыпала снѣгомъ еще свѣжую, неуспѣвшую увянуть зелень березъ и тополей. «Охоту мою она отрубила, какъ топоромъ», жаловался Тургеневъ. Перваго октября еще было множество вальдшнеповъ, а третьяго съ утра поднялась снѣговая вьюга, которая и покрыла прочно землю «рѣзко-бѣлой, мертвой, снѣговой скатертью». Интересно, что эта столь рано наступившая зима была первой и послѣдней, проведенной Иваномъ Сергѣевичемъ въ деревнѣ. И позже и ранѣе онъ проживалъ зимніе мѣсяцы въ столицахъ или въ чужихъ краяхъ. Если бы не ссылка, Тургеневу такъ и не пришлось бы узнать русской деревенской зимы. И замѣчательно, что не въ примѣръ другимъ великимъ нашимъ писателямъ, не въ примѣръ своему учителю Пушкину, Иванъ Сергѣевичъ болѣе чѣмъ равнодушно относился къ своеобразнымъ красотамъ зимы, почти не любилъ ея, отдавая всѣ свои симпатіи веснѣ, лѣту и ранней осени. Эта нелюбовь сказывалась и въ

его литературныхъ произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, въ началѣ статьи о «Запискахъ ружейнаго охотника» Аксакова, и въ письмахъ, и въ дружескихъ бесѣдахъ. Альфонсъ Додэ свидѣтельствуетъ о послѣднемъ: «онъ говорилъ намъ (французскимъ друзьямъ) не о Россіи Наполеоновской зимы, ледяной, исторической, условной, но о Россіи въ лѣтнюю пору, когда спѣлая пшеница и цвѣты смѣняли снѣжныя метели, о Малороссіи, странѣ степей, солнцѣ, травѣ, пчелѣ. И такъ какъ мы всегда приноравливаемъ слышанный нами разсказъ къ какому-нибудь мѣсту, то русская жизнь изъ разсказовъ Тургенева представлялась мнѣ жизнью въ алжирскомъ помѣстьѣ, окруженномъ хижинами»[1]. Если нѣкоторые иностранцы, какъ, напримѣръ, Абу или Гонкуръ, и вспоминали съ удовольствіемъ описанія зимы, слышанныя отъ Ивана Сергѣевича, такъ этимъ они свидѣтельствовали не о Тургеневскомъ, а о своемъ личномъ интересѣ къ снѣгу, къ сѣверной стужѣ, воображая, напримѣръ, что русскіе мужики подвержены чуть ли не зимней спячкѣ, какъ медвѣди; да Тургеневъ и не умѣлъ разсказывать неинтересно о чемъ бы то ни было

Всѣ описанія зимней природы въ сочиненіяхъ Ивана Сергѣевича, если не считать его небольшаго стихотворенія «Первый снѣгъ», свободно помѣстятся на одной печатной страницѣ. Изъ нихъ наиболѣе цѣльными, законченными, несмотря на свою краткость, являются описаніе зимней ночи въ «Двухъ пріятеляхъ» (возвращеніе героевъ разсказа съ перваго визита къ Барсуковымъ) и замѣчательно красивая картина январскаго морознаго дня въ началѣ 28-й главы «Отцовъ и дѣтей». Охота еще могла бы примирить Тургенева съ снѣжными ландшафтами, возбудить къ нимъ поэтическое сочувствіе, но Иванъ Сергѣевичъ никогда не былъ зимнимъ охотникомъ. Онъ только „для порядку“ въ своемъ этюдѣ „Лѣсъ и степь“ среди картинъ весенней и осенней природы бросилъ нѣсколько строчекъ: „А въ зимній день ходить по высокимъ сугробамъ за зайцами, дышать морознымъ острымъ воздухомъ, невольно щуриться отъ ослѣпительнаго мелкаго сверканья мягкаго снѣга, любоваться зеленымъ цвѣтомъ неба надъ красноватымъ лѣсомъ“!.. На самомъ дѣлѣ ему не приходилось „ходить по высокимъ сугробамъ за зайцами“. Онъ писалъ 22-го января 1853 года С. Т. Аксакову: „Егеря мои колотятъ множество зайцевъ—я очень зябокъ и на эту охоту не хожу. Кормятся у меня двѣнадцать куропатокъ, въ мартѣ выпущу ихъ на разводъ. На-дняхъ послалъ охотника въ степную деревню съ порученіемъ поймать и привезти еще“. И такъ вмѣсто зимней охоты—откармливали дома куропатокъ.

Но чего Тургеневъ положительно не выносилъ, что наводило на

---

[1]) „Иностранная критика о Тургеневѣ“, стр. 207.

него уныніе и тоску, такъ это осеннія и зимнія бури. „Сегодня здѣсь такая метель,—писалъ онъ въ концѣ октября 1852 года Некрасову—какой я давно не видывалъ. Какая ярость въ этомъ вихрѣ, этого описать нельзя, кажется, ему хотѣлось бы сорвать долой все. Въ воздухѣ мутная и безумная кутерьма, завыванье, судорожные порывы... Чортъ знаетъ, что такое! Вотъ тутъ и живи въ деревнѣ». А въ письмѣ къ С. Т. Аксакову изъ своей ссылки онъ такъ жаловался разъ на осеннюю непогоду: „Вѣтеръ такіе выводитъ переливы, что невозможно не воскликнуть иногда невольно: фу! какъ гадко и скучно, и холодно, и непріязненно жить на землѣ! Точно та „волшебница“ зима, о которой говорилъ Пушкинъ, выслала впередъ свою злую дворную собаку—и сидитъ она, и воетъ передъ каждымъ домомъ, возвѣщая прибытіе своей хозяйки и злобно скучая о ней. Вотъ—вотъ вишь какъ высоко забираетъ! Надо встряхнуться и думать о другомъ“ [1]).

Съ прекращеніемъ охоты Иванъ Сергѣевичъ, «какъ пьяница послѣ запоя (по его выраженію), возвратился опять къ человѣческимъ чувствамъ и понятіямъ» и съ усиленнымъ рвеніемъ предался литературной работѣ. Шесть мѣсяцевъ, съ начала октября до конца марта, онъ почти не отрывался отъ письменнаго стола, почему внѣшняя жизнь его за этотъ періодъ была очень бѣдна, гораздо бѣднѣе и однообразнѣе послѣдующихъ мѣсяцевъ изгнанія. «Я еще не умеръ», шутливо сказалъ Тургеневъ Краевскому 15-го ноября: «но глубокое уединеніе, въ которомъ я живу, даетъ мнѣ нѣкоторое понятіе о той тишинѣ, которая насъ ожидаетъ за гробомъ. Впрочемъ, я не жалуюсь. Я ни одного мгновенья до сихъ поръ не чувствовалъ скуки, работаю и читаю». Эта тишина и уединеніе прерывались очень рѣдко. На рождественскихъ праздникахъ его позабавили маскарады, устроенные дворовыми людьми; «а фабричные съ бумажной фабрики брата», писалъ Иванъ Сергѣевичъ С. Т. Аксакову: «пріѣхали за 15 верстъ и представили какую-то ими самими сочиненную разбойничью драму. Уморительнѣе этого ничего невозможно было вообразить; роль главнаго атамана исполнялъ одинъ фабричный, а представителемъ закона и порядка былъ одинъ молодой мужикъ; тутъ былъ и хоръ вродѣ древняго, и женщина, поющая въ теремѣ, и убійства, и все, что хотите; языкъ представлялъ смѣшеніе народныхъ пѣсенъ, фразъ à la Marlinski и даже стиховъ изъ «Дмитрія Донскаго»! Я когда-нибудь опишу это по подробнѣе. Впрочемъ, эту драму сочинили, какъ я потомъ узналъ, не фабричные; ее занесъ какой-то прохожій солдатъ. Масляницу Тургеневъ пробылъ въ Орлѣ и «насмотрѣлся губернской жизни. Этюдъ не

[1]) «Русск. Мысль» 1902 г., янв., 116; „Вѣстн. Евр.“ 1894 г., февраль, 477.

дурной», писалъ онъ 6-го марта Панаеву. Изъ Орла заѣзжалъ къ П. В. Кирѣевскому «и провелъ у него часа три. Это человѣкъ хрустальной чистоты и прозрачности, его нельзя не полюбить», сообщалъ Иванъ Сергѣевичъ С. Т. Аксакову.

Изъ друзей никто не навѣстилъ изгнанника въ эту зиму. Лишь въ началѣ января 1853 года къ Тургеневу въ Спасское заѣзжалъ К. Н. Леонтьевъ (1831—1891), впослѣдствіи авторъ интересныхъ романовъ и повѣстей и видный публицистъ, а тогда двадцати-двухлѣтній студентъ Московскаго университета. Тургеневъ познакомился съ нимъ въ Москвѣ въ 1851 году, когда Леонтьевъ обратился къ нему за совѣтомъ и помощью въ своихъ литературныхъ начинаніяхъ и планахъ, возбудившихъ въ Иванѣ Сергѣевичѣ живой интересъ. Какъ видно изъ писемъ послѣдняго, симпатіи его къ Леонтьеву съ особенной силой проявлялись именно за время ссылки. Съ другой стороны и по признанію будущаго публициста Тургеневъ только въ ту пору имѣлъ на него рѣшительное вліяніе. «Онъ (Тургеневъ) наставилъ и вознесъ меня,— именно вознесъ; меня нужно было тогда вознести хотя бы только для того, чтобы поставить на ноги», писалъ Леонтьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1].

Иванъ Сергѣевичъ въ то время былъ еще увѣренъ, что изъ его молодаго друга выработается романистъ-художникъ. «Я считаю васъ очень способнымъ къ роману или повѣсти», писалъ онъ ему изъ своей ссылки 6-го октября 1852 года: «Это ваше настоящее поприще. Вашъ тонкій, граціозный, иногда болѣзненный, но часто вѣрный и сильный анализъ тутъ у мѣста». Замѣченные же Тургеневымъ недостатки въ творчествѣ молодаго писателя могли быть, по мнѣнію Ивана Сергѣевича, легко исправленными. Главный, основной изъ нихъ такъ охарактеризованъ Тургеневымъ въ письмѣ отъ 12-го декабря того же 1852 года: «Мнѣ кажется, что вашему таланту, при всей его тонинѣ и ранней выработкѣ, недостаетъ, не скажу—здоровья, а силы и той ясности, которая нѣмцами зовется очень удачно: Heiterkeit». «Старайтесь быть какъ можно проще и яснѣе въ дѣлѣ художества», писалъ онъ ему позднѣе: «ваша бѣда—какая-то запутанность, хотя вѣрныхъ, но уже слишкомъ мелкихъ мыслей, какое-то не нужное богатство заднихъ представленій, второстепенныхъ чувствъ и намековъ». Это общее наблюденіе пояснилъ Иванъ Сергѣевичъ на частномъ примѣрѣ, именно на разборѣ повѣсти Леонтьева «Второй бракъ» [2] (письмо отъ 16-го февраля 1860 г. изъ Петербурга): «Повѣсть ваша не дурна, читается легко, но не болѣе: задумана она умно, съ стремленіемъ къ простотѣ

---

[1]) «Русск. Вѣстн.» 1888 г., мартъ, стр. 280.

[2]) Напечатана въ 4-й кн. «Библіотеки для чтенія» 1860 г.

и ясности, лица правдивы, но жизненности, красоты, движенія мало; все это замѣнено какимъ-то авторскимъ игривымъ, часто вычурнымъ хитродушіемъ; авторъ, видимо, рисуетъ, старается и самъ подсмѣивается, а въ результатѣ выходитъ что-то холодное, безкровное и блѣдное. Вашъ умъ много работалъ; вы, видимо, прошли сквозь довольно разнообразный духовный опытъ, вы созрѣли, но художникъ ли вы? На этотъ вопросъ, кладя руку на сердце и взвѣшивая свои слова, не могу отвѣчать ни да, ни нѣтъ. Мнѣ бы очень было жалко, если бы слова мои помѣшали вамъ писать; я бы себѣ этого не простилъ: продолжайте работать; можетъ быть, вы овладѣете, наконецъ, собою, своими силами, ясно поймете свое призваніе; но пока у васъ не будутъ выходить живые образы, никакими тонкостями и умными замѣчаніямя и подмѣтками дѣлу не пособить. Почему бы вамъ не попробовать писать критическіе и эстетическіе этюды? На это, я увѣренъ, у васъ есть всѣ данныя». Въ 1860 году Тургеневъ еще колебался произнести окончательный приговоръ относительно художественнаго таланта Леонтьева. Не то видимъ въ письмѣ Ивана Сергѣевича къ нему отъ 4-го (16-го) мая 1876 года изъ Парижа: «Такъ какъ вамъ угодно знать мое мнѣніе о вашей литературной дѣятельности, то позволю себѣ высказать его вамъ въ двухъ словахъ. Я сожалѣю, что, пользуясь вашимъ положеніемъ на Востокѣ и близкимъ знакомствомъ съ чуждою намъ жизнью, вы не обратили вашихъ замѣчательныхъ способностей на составленіе ученыхъ, этнографическихъ или историческихъ сочиненій, которыя доставили бы вамъ видное и почетное мѣсто въ нашей словесности. Такъ называемая беллетристика, мнѣ кажется, не есть ваше настоящее призваніе; несмотря на вашъ тонкій умъ, начитанность и владѣніе языкомъ, ваши лица являются безжизненными. Я могу ошибаться и первый готовъ рукоплескать тому успѣху вашего романа [1]), о которомъ вы говорите въ своемъ письмѣ. Къ сожалѣнію, я его не прочелъ» [2]). Что же касается публицистической дѣятельности Леонтьева, то сочувствовать ей Тургеневъ не могъ. Слишкомъ близко подходила она по своимъ тенденціямъ къ крайнему славянофильству. Кромѣ того въ пылу журнальной полемики Леонтьевъ нападалъ въ редактируемомъ имъ «Варшавскомъ Дневникѣ» на Ивана Сергѣевича при столкновеніяхъ послѣдняго съ Б. Маркевичемъ (иногороднымъ обывателемъ) и съ Катковымъ (на Пушкинскомъ праздникѣ) [3]). Послѣ поѣздки своей въ Спасское къ опаль-

[1]) «Воспоминанія Одиссея Полихроніадеса, загорскаго грека» («Русск. Вѣстн.», 1875 г., кн. 6—8; 1876 г., кн. 1—3).

[2]) См. письма Тургенева къ Леонтьеву въ «Русск. Мысли», 1886 г., кн. 12 стр. 69, 70, 77 и 87.

[3]) К. Леонтьевъ: «Востокъ, Россія и славянство», II, стр. 52 и слѣд., 149 и слѣд.

ному Тургеневу, Леонтьевъ встрѣтился съ нимъ разъ или два только весною 1861 года въ Петербургѣ [1]) Послѣ же 1876 года между ними прекратилась и переписка.

Насколько въ зимніе мѣсяцы до 20-хъ чиселъ марта 1853 года жизнь Тургенева по внѣшности была тиха, настолько съ этого времени она сдѣлалась тревожной и подвижной. Лишь болѣзненное состояніе, на которое онъ временами жаловался, заставляло его оставаться дома на болѣе долгій срокъ, чѣмъ онъ того желалъ бы. Кончивъ главную свою литературную работу, о которой скажемъ дальше, Иванъ Сергѣевичъ 22-го марта, запасшись подложнымъ паспортомъ на имя какого-то мѣщанина, покинулъ Спаское и неожиданно явился въ Москвѣ, чѣмъ сильно напугалъ своихъ пріятелей, знавшихъ изъ писемъ самого Тургенева, что въ январѣ ему было отказано министромъ внутреннихъ дѣлъ даже въ просьбѣ посѣтить собственныя свои деревни, лежащія внѣ Орловской губерніи. Само собой разумѣется, что визитъ этотъ сохраненъ былъ въ свое время въ глубокой тайнѣ. Рискованная затѣя Тургенева, вѣроятно, имѣла связь съ артистической поѣздкой П. Віардо въ Россію. Знаменитая пѣвица выступала въ этотъ сезонъ вмѣстѣ съ Маріо, Лаблашемъ, Ронкони и Тамберликомъ въ «Сомнамбулѣ», «Севильскомъ цирульникѣ», «Пророкѣ» и др. пьесахъ. Еще 20-го января Панаевъ писалъ Ивану Сергѣевичу изъ сѣверной столицы: «M-me Viardot производитъ фуроръ въ Петербургѣ — когда она поетъ,—нѣтъ мѣстъ» [2]). Не трудно представить себѣ, что переживалъ Тургеневъ, получая такія извѣстія отъ своихъ друзей.

Возвратился Иванъ Сергѣевичъ изъ своей поѣздки 1-го апрѣля съ разыгравшейся гастрической лихорадкой. Двадцать третьяго того же мѣсяца онъ писалъ Аксаковымъ: «Здоровье мое все еще неудовлетворительно—желудокъ мой находится въ положеніи довольно скверномъ—однако я въ теченіе послѣднихъ десяти дней поправился и раза три былъ на охотѣ. Вальдшнеповъ въ нынѣшнемъ году у насъ очень было мало; въ болотистыхъ мѣстечкахъ попадались бекасы (болотъ у насъ—вы знаете—нѣтъ); дроздовъ прилетѣло множество—и такіе они жирные, какихъ я отъ роду не видывалъ; съ грачами сдѣлалась какая-нибудь бѣда—совсѣмъ ихъ не встрѣчаешь; ласточки еще не прилетали, хотя время стоитъ теплое, и трава такъ и лѣзетъ изъ земли, и деревья, особенно ракиты, сильно зазеленѣли. Впрочемъ, мнѣ кажется, что къ намъ еще завернутъ холода. Сегодня Егорьевъ день—но скотъ уже съ недѣлю какъ выгоняютъ въ поле; всѣмъ была бы хороша Святая,

[1]) «Русск. Вѣстн.», 1892 г., кн. 4, стр. 269. «К. Н. Леонтьевъ», статья А. А. Александрова.

[2]) „Вѣстн. Евр.“, 1903 г., дек. 586.

если бъ къ намъ не прибыла хотя ожидаемая, но непрошенная гостья—холера; уже нѣсколько дней она давала о себѣ знать, а вчерашняго дня открылась и довольно круто. Человѣкъ 5 уже умерло. Что будетъ дальше—не извѣстно; мѣры предосторожности взяты». Впрочемъ, тревоги Ивана Сергѣевича оказались напрасными: 12-го мая онъ писалъ С. Т. Аксакову, что люди умерли въ Спасскомъ совсѣмъ не отъ холеры, а «вѣроятно отъ объяденья». Въ этомъ же письмѣ онъ сообщаетъ: «Я только третьяго дня вернулся съ поѣздки за 150 верстъ отсюда, любезный Сергѣй Тимоѳеевичъ, и нашелъ здѣсь ваше письмо. Я ѣздилъ стрѣлять дупелей въ выводныхъ болотахъ, лежащихъ между лѣсами вдоль береговъ Десны. Я немного опоздалъ—самки уже сѣли на яйца, и самцы уже начали разлетаться, и точки прекратились. Однако мы на три ружья убили въ три поля 105 штукъ красной дичи—на мою долю пришлось 41. Молодая моя собака меня очень радовала—и мѣста великолѣпныя. Къ сожалѣнію, погода намъ не благопріятствовала—холода стояли пренепріятные, а въ послѣдніе дни дождикъ лилъ почти постоянно. На будущую весну, если Богъ дастъ, я заберусь туда гораздо раньше. Теперь до Петрова дня ружье на крючокъ и по мѣрѣ возможности—за перо». Къ сожалѣнію, «возможности» совсѣмъ не оказалось, и 5-го іюня онъ снова жаловался С. Т. Аксакову: «Я про себя долженъ сказать, что я никакъ не могу работать,—желудокъ мой меня мучитъ. Ничего не варитъ и заставляетъ меня проводить безсонныя ночи, которыя меня очень разслабляютъ. Хочу попробовать лѣчиться бѣлой горчицей, которая, говорятъ, многимъ помогаетъ... Валяешься цѣлый день на разныхъ диванахъ, словно кто колесомъ по тебѣ переѣхалъ. Это очень скучно». Хотя въ іюлѣ болѣзнь почти покинула Тургенева, однако за литературную работу онъ такъ и не принимался: съ конца марта до конца ноября, т. е. за 8 мѣсяцевъ, онъ не написалъ и 8 страницъ для печати.

Тѣ не совсѣмъ веселые дни, когда ему приходилось сидѣть дома, онъ короталъ за чтеніемъ, музыкой и шахматной игрой. Послѣднимъ двумъ онъ удѣлялъ однако болѣе времени. «Знаете ли, въ чемъ состоитъ главное мое занятіе», писалъ Тургеневъ С. Т. Аксакову 29-го іюня 1853 года: «играю въ шахматы съ сосѣдями, или даже одинъ, разбирая шахматныя игры по книгамъ. Отъ упражненія я достигъ нѣкоторой силы. Также много занимаюсь музыкой, то-есть, говоря правильнѣе, занимаюсь тѣмъ, что слушаю музыку. Жена живущаго у насъ Тютчева и сестра ея много играютъ въ четыре руки. Бехтовенъ, Моцартъ, Мендельсонъ и Веберъ—наши любимцы». О любви Ивана Сергѣевича къ музыкѣ, о рѣдкомъ пониманіи ея красотъ говорить здѣсь нѣтъ надобности. Что же касается шахматной игры, то на его особенное увлеченіе ею именно лѣтомъ 1853 года указать слѣдуетъ, хотя она

всегда была слабостью Тургенева. Еще студентомъ онъ изучалъ ее по руководствамъ Аллгайера и сильнѣйшаго (въ 20-хъ годахъ) русскаго шахматнаго игрока А. Д. Петрова, какъ это можно заключить изъ указаній II-й главы повѣсти «Несчастная». О позднѣйшихъ же упражненіяхъ Ивана Сергѣевича на шахматномъ полѣ мы имѣемъ уже довольно много свидѣтельствъ. Для примѣра приведемъ разсказъ К. П. Ободовскаго: «Единственная игра, составлявшая его (Тургенева) слабость, были шахматы. Объ этой игрѣ онъ говорилъ съ увлеченіемъ. Помню разъ, какъ онъ описывалъ игру какого-то корифея шахматной игры: «онъ не играетъ,—восклицалъ Иванъ Сергѣевичъ,—онъ точно узоры рисуетъ, совершенный Рафаель!» Самъ Иванъ Сергѣевичъ игралъ очень хорошо и даже имѣлъ серебряную медаль за игру, полученную имъ отъ какого-то общества. Какъ-то я пришелъ къ Я. П. Полонскому и засталъ его играющимъ съ Тургеневымъ въ шахматы. По окончаніи партіи, которую Тургеневъ, конечно, выигралъ, такъ какъ Я. П. игралъ, какъ дилеттантъ, не претендуя, впрочемъ, никогда на славу хорошаго игрока, Иванъ Сергѣевичъ предложилъ намъ играть противъ него вдвоемъ. Я игралъ, пожалуй, еще хуже Я. П., но шутки ради присоединился къ партіи, и мы вдвоемъ атаковали Тургенева. Послѣдній, видя въ насъ слабыхъ игроковъ, отнесся къ нашей игрѣ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и, играя безъ вниманія, началъ дѣлать промахи, которыми мы и воспользовались, взявъ у него задаромъ слона и еще какую-то фигуру. Партія его сразу сдѣлалась гораздо слабѣе нашей, и ему началъ грозить проигрышъ. Надо было видѣть, какое волненіе овладѣло тогда Иваномъ Сергѣевичемъ. Глаза его заискрились, движенія сдѣлались порывисты. Онъ устремилъ все свое вниманіе на игру, которая и привела въ результатѣ, не безъ значительныхъ, однако, усилій со стороны Ивана Сергѣевича, къ нашему пораженію, послѣ чего онъ вздохнулъ съ видимымъ чувствомъ облегченія» [1]).

Съ первыхъ чиселъ іюля 1853 года Иванъ Сергѣевичъ началъ было ѣздить на охоту, но ему пришлось скоро отказаться отъ этихъ экскурсій. «Вотъ въ чемъ дѣло“, писалъ онъ 30-го августа С. Т. Аксакову: «Тютчевъ, которому я поручилъ было управленіе моимъ имѣніемъ, отъ меня отходитъ—и теперь это все падаетъ на меня. Я все это время ѣздилъ по деревнямъ, не охотился, и теперь у меня въ головѣ одно хозяйство, разсчеты, счеты и т. д. Въ настоящемъ пропасть занятій, интересныхъ и любопытныхъ, если хотите, но съ непривычки обременительныхъ».—«Вы уже знаете», писалъ онъ тому же корреспонденту 6-го октября, наканунѣ отъѣзда Тютчева: «я теперь самъ занимаюсь хозяйствомъ. Я въ ужасныхъ былъ хлопотахъ все это время—

[1]) „Историч. Вѣстн.“, 1893 г., февр., 365—366.

и теперь едва начинаю привыкать къ новому моему положенію. Стерпится — слюбится. Но пока тяжеленько, особенно при наступившей снова холодной осенней погодѣ—и въ одиночествѣ». Хозяйственныя хлопоты и заботы, однако, брали у Ивана Сергѣевича ужъ не такъ много времени, какъ можно было бы заключить изъ выписанныхъ строкъ. Въ этомъ же письмѣ отъ 6-го октября онъ говоритъ: «Я стараюсь не упускать никакого случая извлекать изъ провинціальной жизни всевозможную пользу. Я познакомился съ великимъ множествомъ новыхъ лицъ и ближе сталъ къ современному быту и народу». Конечно, такое «извлеченіе пользы» могло отразиться на хозяйствѣ лишь весьма печальнымъ образомъ, и Тургеневъ въ концѣ концовъ понялъ это хорошо. Четырнадцатаго ноября онъ пишетъ Аксакову: «Что касается до управленія дѣлъ моихъ, то я призвалъ на помощь дядю, брата моего отца, который при покойницѣ-матушкѣ лѣтъ двадцать этимъ занимался. Видно, нашъ братъ щелкоперъ дѣйствительно ни къ какому дѣльному занятію не способенъ. Что дѣлать! Всего не соединишь и не обхватишь—и дай Богъ, чтобы въ своемъ-то, въ собственномъ ремеслѣ не дѣлалъ промахомъ на каждомъ шагу».

Въ заключеніе обзора внѣшнихъ событій послѣднихъ мѣсяцевъ Тургеневской ссылки, слѣдуетъ отмѣтить лишь пріѣздъ въ Спасское, въ началѣ октября, П. В. Кирѣевскаго и 18-го ноября И. С. Аксакова. Какъ ни мимолетны были оба визита, они оставили самое хорошее впечатлѣніе въ душѣ Тургенева: «Что за милый и чистый человѣкъ», говорилъ онъ снова про Кирѣевскаго. «Дорогой гость, о пріѣздѣ котораго вы меня предувѣдомляли», писалъ онъ про И. С. Аксакова его отцу: «былъ у меня третьяго дня и просидѣлъ до вечера. Вы можете себѣ представить, какъ я былъ ему радъ, и какъ много мы съ нимъ толковали и разговаривали. Это посѣщеніе было для меня истиннымъ праздникомъ».

Обращаясь теперь къ обзору литературной дѣятельности Тургенева за время его изгнанія, мы должны повторить прежде всего, что она обнимаетъ собою лишь шесть зимнихъ мѣсяцевъ, т. е. только треть полутора-годичнаго періода его ссылки. Съ 3-го по 17-е октября была написана имъ рецензія на «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи» С. Т. Аксакова въ формѣ письма къ издателю «Современника». Появилась она въ 1-й книгѣ журнала за 1853 годъ, съ пропускомъ однако полуторыхъ страницъ, вычеркнутыхъ тогдашней цензурой. Пропущенное мѣсто не попало, къ сожалѣнію, въ исправленный текстъ собранія сочиненій Ивана Сергѣевича и напечатано лишь въ письмѣ его къ Аксакову отъ 5-го февраля того же года («Вѣстн. Евр.»,

1894 г., январь, стр. 343—344). Рецензія очень понравилась старику Аксакову, особенно эстетическими разсужденіями: «Въ вашемъ воззрѣніи на природу», писалъ онъ Тургеневу: «и на отношенія къ ней писателя, подтвержденномъ образцами великихъ художниковъ, столько истины, что она, я увѣренъ, освѣтитъ, уяснитъ этотъ высокій предметъ, темно понимаемый иными, даже талантливыми описателями природы». Но статья, по признанію Аксакова, не вполнѣ удовлетворила его лично: «Ваше письмо къ издателю «Современника», пояснялъ онъ: «не критика на мою книгу, а прекрасная статья по поводу моей книги. Впрочемъ, я очень понимаю, что, удержавъ характеръ критики, статья ваша вышла бы, можетъ быть, не такъ интересна и нѣсколько суха, а главное, что для такого рода разборовъ прошло уже время, и я совершенно согласенъ, что большинство читателей было бы рѣшительно отъ того въ проигрышѣ» [1]). Въ своей рецензіи Иванъ Сергѣевичъ писалъ между прочимъ: «Сколько бы хотѣлось еще сказать вамъ: сообщить собственныя наблюденія, поговорить о такъ называемыхъ охотничьихъ «удачахъ и неудачахъ», объ охотничьихъ суевѣріяхъ, преданіяхъ и повѣрьяхъ. Но я боюсь утомить и ваше вниманіе и вниманіе читателя. Отложу все это до другаго письма, которое вы получите вскорѣ». Второй статьи однако не было написано Тургеневымъ. Высказанное намѣреніе осуществлено было лишь отчасти и много позднѣе—въ интересной и очень мило обработанной статейкѣ «Пятьдесятъ недостатковъ ружейнаго охотника и пятьдесятъ недостатковъ лягавой собаки», напечатанной въ «Журналѣ охоты» 1876 г. (№ 6) и тоже не вошедшей въ собраніе его сочиненій.

Покончивъ съ разборомъ книги Аксакова, Иванъ Сергѣевичъ приступилъ къ большой повѣсти «Постоялый дворъ», которую и кончилъ къ началу декабря, отославъ затѣмъ рукопись на прочтеніе своимъ друзьямъ. Въ январѣ Тургеневъ имѣлъ уже отзывъ Анненкова, въ февралѣ—В. П. Боткина и въ мартѣ—Аксаковыхъ. Всѣ они напечатаны въ «Русскомъ Обозрѣніи» за 1894 г. (№ 9). Мнѣнія другихъ, не столь авторитетныхъ цѣнителей, не сохранились. Самый суровый отзывъ данъ былъ Боткинымъ, который писалъ автору: «Читалъ я «Постоялый дворъ». По мнѣ второстепенныя лица удались гораздо лучше лицъ передняго плана, хотя написанныхъ и сильными красками. Герой такъ преувеличенъ, что сбивается на мелодраматическаго героя, и вообще вся повѣсть болѣе походитъ на эскизъ, нежели на цѣльную картину». Совсѣмъ другой характеръ носили замѣчанія Анненкова и Аксаковыхъ. Сходясь въ высокихъ похвалахъ автору, мнѣнія ихъ расходились однако въ своихъ основаніяхъ и конечныхъ выводахъ. Анненковъ оцѣнилъ главнымъ образомъ драматическій элементъ въ

[1]) «Русск. Обозрѣніе», 1894 г., № 9, стр. 11.

«Постояломъ дворѣ», но къ своей похвалѣ прибавлялъ слѣдующую оговорку: «Не должно обманываться, что родъ жгучести, свойственный этой драмѣ, да и другимъ русскимъ драмамъ, какъ «Антону Горемыкѣ», «Купцамъ Красильниковымъ», происходитъ отъ самаго безобразнаго начала, отъ противорѣчій нестерпимыхъ, нечеловѣческихъ. При этомъ автору легко—за него заработаетъ дѣйствительность. Ему не нужно искать обстоятельствъ, жизненныхъ сцѣпленій, разнообразныхъ столкновеній лицъ и характеровъ: одинъ только намекъ—и драма готова. Милліоны драмъ существуютъ въ головѣ, въ воспоминаніяхъ, въ наслышкѣ каждаго». Семья Аксаковыхъ въ своихъ сужденіяхъ выдвигала впередъ нравственное значеніе повѣсти и особенно радовалась тому, что Иванъ Сергѣевичъ умѣлъ изобразить въ сочувственномъ освѣщеніи высокій душевный подвигъ простаго русскаго человѣка. Анненковъ находилъ въ повѣсти укоры русскому политическому и общественному порядку; Константинъ Аксаковъ — нравственному складу западнаго человѣка. «Акимъ послѣ попытки пожара — писалъ послѣдній — это такое лицо, которое выше несказанно всякаго европейца на его мѣстѣ, который, несмотря на первую неудачу, если бы не струсилъ, влѣпилъ бы пулю въ лобъ или зарѣзалъ своего соперника и не преминулъ бы при сей вѣрной оказіи порисоваться и выкинуть какой-нибудь драматическій эффектъ. Особенность русскаго человѣка, а вмѣстѣ и русской исторіи, именно состоитъ въ отсутствіи всякаго эффекта, всякой фразы. Нѣтъ ничего красиваго; нѣтъ той неизбѣжной картинки, безъ которой западъ не умѣетъ ни драться, ни пировать, ни любить, ни ненавидѣть». Старикъ Аксаковъ, отчасти и сынъ его Иванъ, стояли какъ бы примирителями этихъ двухъ мнѣній. Они не скрывали дурныхъ порядковъ современной имъ дѣйствительности, но указывали и на то, что русскій человѣкъ, какъ нравственная личность, несмотря на эти порядки, выше западноевропейскаго. Отзывы друзей заставили Тургенева внести позднѣе нѣсколько измѣненій и поправокъ въ «Постоялый дворъ». Теперь нельзя рѣшить, въ чью сторону было сдѣлано больше уступокъ въ окончательной редакціи повѣсти (напечатанной въ ноябрьской книжкѣ «Современника» за 1855 годъ), такъ какъ первая редакція не сохранилась. Боткину и его единомышленникамъ онъ все-таки не угодилъ, но онъ огорчилъ поправками и Аксаковыхъ, какъ это видно изъ письма къ Тургеневу старика отъ 13-го ноября 1855 года.

Покончивъ съ рукописью «Постоялаго двора», Иванъ Сергѣевичъ принялся было за двѣ статьи для «Современника»—«О Андреѣ Шенье и подражателяхъ древнимъ» и «О Меркѣ» (человѣкъ, съ котораго Гёте списалъ своего Мефистофеля), но оставилъ свое намѣреніе и усердно принялся за совершенно новую для себя работу—созданіе

большаго романа, «всѣ стихіи котораго давно бродили въ немъ» и ждали лишь подходящаго настроенія у автора, чтобы вылиться въ необходимыя формы. Къ серединѣ января 1853 года было уже готово 5 главъ, къ концу мѣсяца онъ написалъ еще двѣ главы. Въ началѣ февраля пишетъ Панаеву, что «погрузился по уши въ свой романъ— и другаго ничего не можетъ дѣлать». Черезъ мѣсяцъ пишетъ ему же: «Я заперся, какъ кротъ въ свою нору—и работаю, какъ кротъ, роюсь и вожусь въ нѣдрахъ своего романа». Въ апрѣлѣ вся первая часть (12 главъ) была кончена и переписывалась. Иванъ Сергѣевичъ предварительно со вниманіемъ перечитывалъ и исправлялъ написанныя главы, «безжалостно выкидывая всякое, не идущее къ дѣлу, сочинительское слово». Во второй половинѣ мая переписанный романъ, т. е. первая часть его, отправилась на судъ Анненкова, а затѣмъ и къ другимъ друзьямъ Ивана Сергѣевича. Къ концу лѣта Тургеневъ имѣлъ уже отзывы, какъ перваго своего цѣнителя, такъ равно и Боткина, Кетчера, Корша, С. Т. и К. С. Аксаковыхъ. На основаніи этихъ отзывовъ мы можемъ возстановить слѣдующее изъ неизданнаго произведенія.

Изъ 12 главъ первой части 11 заключали въ себѣ біографическую и описательную часть. Лишь съ 12 главы начинался собственно романъ, интрига. Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ въ богатомъ помѣщичьемъ домѣ, съ подробнаго описанія котораго и начинаетъ авторъ свой романъ. Хозяйка его, Глафира Ивановна, женщина характера тяжелаго взбалмошная и непослѣдовательная, она производитъ впечатлѣніе чего-то отталкивающаго, патологическаго. Деспотичная и непривыкшая уважать окружающихъ, она оказываетъ особенное довѣріе лишь сосѣду своему Чермаку—одному изъ главныхъ героевъ романа. Въ невеселый домъ ея вливается оживляющая струя съ пріѣздомъ лектрисы, Елизаветы Михайловны, дѣвушки милой и граціозной. При счастливой наружности она отличается твердостью ума и характера, проявляя при этомъ нѣкоторую пугливость къ окружающимъ. Появленіе этого лица въ семьѣ невозможной барыни останавливаетъ всеобщее вниманіе, она на многихъ производитъ сильное впечатлѣніе и прежде всего на 26-ти лѣтняго сына Глафиры Ивановны—Дмитрія Петровича. Послѣдній, воспитанный подъ тяжелой опекой своей матери, является человѣкомъ съ слабымъ, капризнымъ характеромъ. Будучи неиспорченнымъ по натурѣ, онъ не умѣетъ и не можетъ быть прямымъ и естественнымъ. Застѣнчивый по природѣ, онъ часто грубъ и рѣзокъ въ обращеніи. Обладая живымъ нравственнымъ чувствомъ, онъ въ состояніи нерѣдко поступать вопреки ему. Воображая себя озлобленнымъ, онъ въ сущности лишь боится сознаться, что не можетъ уважать себя.

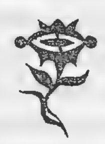
Капризно влюбляясь въ Елизавету Михайловну, онъ такъ же капризно, по плану автора, впослѣдствіи и ненавидитъ ее. Кромѣ названныхъ лицъ въ первой части выступаютъ еще: управляющій имѣніемъ Глафиры Ивановны—Василій Васильевичъ, французъ, докторъ, Леонъ (секретарь барыни), бурмистръ Павелъ, какой-то Нилушка и другія. Въ перечисленныхъ лицахъ Тургеневъ прежде всего намѣревался показать современный бытъ, «какимъ онъ выродился» къ тому времени, но романъ остался неконченнымъ. Отъ него сохранился намъ въ печати лишь небольшой отрывокъ «Собственная господская контора», помѣщенный первоначально въ «Московскомъ Вѣстникѣ» за 1859 годъ. Неблагопріятные отзывы были очевидно главной причиной того, что Тургеневъ бросилъ работу, приготовивъ ея не болѣе, какъ на 120—130 печатныхъ страницъ. Въ общемъ друзья Ивана Сергѣевича довольно дружно осудили первый его опытъ большаго романа, сойдясь особенно на томъ, что Тургеневу не удалась обрисовка характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Послѣднія вышли какъ бы недодѣланными, не вполнѣ ясными. Такъ писали Ивану Сергѣевичу его пріятели, даже принимая во вниманіе, что романъ еще не конченъ. Всѣ рецензенты были согласны и въ томъ, что произведеніе страдаетъ излишними длиннотами въ описаніяхъ и біографіяхъ. Лишь отдѣльныя сцены романа вызвали искреннія похвалы критиковъ. Особенно понравились описанія уборки барынина кабинета и прогулки ея на ферму. Въ послѣдней сценѣ Глафира Ивановна, по мнѣнію Анненкова, обрисовывается еще болѣе противной, чѣмъ въ напечатанной позднѣе главѣ «Собственная господская контора». Получивъ такіе отзывы, Тургеневъ пишетъ въ ноябрѣ, что намѣренъ зимою передѣлать первую часть романа и приготовить вторую, но признается также, что «немного охладѣлъ къ нему». Охлажденіе оказалось на дѣлѣ настолько значительнымъ, что лишь черезъ полтора года, въ началѣ іюня 1855 года, собравшись передѣлать свой романъ «съ основанія», Иванъ Сергѣевичъ пишетъ нѣчто уже совершенно новое, ничего общаго съ передѣлкой не имѣющее. Изъ подъ пера его съ поразительной быстротой вышелъ «Рудинъ».

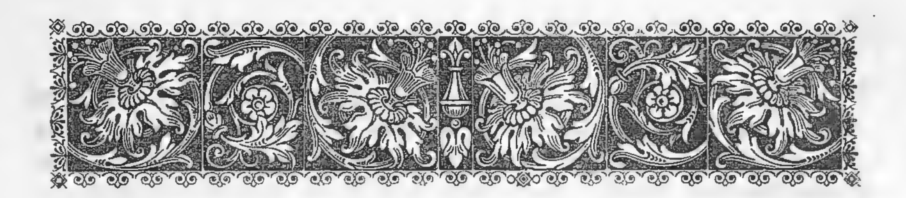
Обыкновенно думаютъ, что ссылка Тургенева имѣла лишь то, правда немаловажное, значеніе въ его литературной дѣятельности, что открыла его творчеству новыя стороны русской жизни. Самъ Иванъ Сергѣевичъ подтвержаетъ такой выводъ въ своихъ воспоминаніяхъ. «Но все къ лучшему; пребываніе подъ арестомъ, а потомъ въ деревнѣ принесло мнѣ несомнѣнную пользу: оно сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя, при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно, ускользнули бы отъ моего вниманія». Но роль описываемаго періода въ развитіи творчества Тургенева гораздо значительнѣе. Именно тогда совершился въ немъ тотъ переломъ, послѣ котораго Иванъ Сергѣевичъ

является передъ нами уже не только высокоталантливымъ разсказчикомъ, а первокласснымъ романистомъ. Во время его ссылки произошелъ переходъ отъ «старой манеры» къ новой, хотя вполнѣ осязательные результаты послѣдняго явились лишь два года спустя («Рудинъ»).

Четырнадцаго ноября 1853 года послѣдовало высочайшее разрѣшеніе Тургеневу пріѣхать въ столицу. Двадцать третьяго Иванъ Сергѣевичъ получилъ увѣдомленіе о томъ отъ графа А. Ѳ. Орлова и передъ Николинымъ днемъ покинулъ Спасское.

Н. Гутьяръ.

Адмиралъ Н. С. Мордвиновъ и его архивъ.

Въ настоящее время едва-ли возникнетъ разногласіе по вопросу о необычайной важности для исторіи вообще и для біографій отдѣльныхъ лицъ въ особенности, которую представляютъ собою различнаго рода семейныя бумаги, хранимыя болѣе или менѣе тщательно въ семейныхъ архивахъ. Разногласіе можетъ возникнуть лишь о лучшемъ способѣ храненія такихъ драгоцѣнныхъ для исторіи бумагъ. Но въ наше время и это разногласіе значительно уменьшается. При томъ развитіи, которое получила печать, почти всѣ приходятъ къ заключенію, что вѣрнѣйшій способъ храненія историческихъ документовъ—это ихъ разсѣять во множествѣ, т. е. ихъ напечатать, если конечно не встрѣчается къ тому различныхъ препятствій, потому что невозможно допустить и нѣтъ примѣра, чтобы экземпляры изданнаго въ свѣтъ сочиненія почему-либо уничтожились всѣ до послѣдняго, тогда какъ не только отдѣльныя бумаги, но и цѣлыя собранія бумагъ въ полномъ ихъ составѣ очень нерѣдко гибнутъ и отъ огня, и отъ воды, и въ особенности отъ людей, незнающихъ цѣны этимъ бумагамъ. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы обладающіе подобными семейными бумагами послѣдовали по мѣрѣ возможности просвѣщенному примѣру графини Елизаветы Александровны Мордвиновой, которая предприняла на свое иждивеніе изданіе громаднаго архива ея дѣда, адмирала графа Николая Семеновича Мордвинова, и напечатала уже около 12 объемистыхъ томовъ, поручивъ завѣдываніе изданіемъ извѣстному историку В. А. Бильбасову, къ глубокому сожалѣнію столь преждевременно недавно скончавшемуся. Лишнее говорить о всѣхъ вполнѣ научныхъ достоинствахъ этого прекраснаго изданія, его можно смѣло поставить въ примѣръ всѣмъ прочимъ подобнаго рода изданіямъ, за которое остается только благодарить и графиню

Е. А. Мордвинову и В. А. Бильбасова. Пользуясь этимъ изданіемъ позволяемъ себѣ привести нѣкоторыя изъ воззрѣній извѣстнаго адмирала, возобновивъ въ памяти читателей человѣка, который по словамъ нашего великаго поэта:

«Сіяя доблестью и славой и наукой
«Въ совѣтахъ, недвижимъ у мѣста своего,
«Стоишь ты новый Долгорукій.
«Одинъ на рамена подъявши мощный трудъ,
«Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною
«Вдовицы бѣдный лептъ и дань сибирскихъ рудъ
«Равно священны предъ тобою.

Дворянскій родъ Мордвиновыхъ относительно не старый; онъ ведетъ начало съ XVII столѣтія. Одинъ изъ нихъ Тимоѳей охранялъ царевичей Іоанна и Петра при отъѣздѣ ихъ въ село Коломенское; сынъ его Иванъ—убитъ подъ Нарвою въ сраженіи со шведами въ 1700 году, оставивъ въ свою очередь сына Семена Ивановича, котораго нашъ великій преобразователь записалъ въ 1715 г. для обученія цифирной науки,—въ школу новгородскую, позднѣе перевелъ въ морскую академію и затѣмъ отправилъ въ 1716 г. для обученія навигаціи во Францію, гдѣ Мордвиновъ пожалованъ былъ отъ французскаго короля званіемъ подпоручика въ 1722 г. Возвратясь въ Россію въ 1723 г., Семенъ Ивановичъ былъ произведенъ 1-го мая 1723 г. въ мичмана и постепенно достигъ чина адмирала въ 1764 г., удостоился получить орденъ Св. Андрея въ 1769 г. и скончался въ 1777 г.

Онъ авторъ нѣкоторыхъ морскихъ сочиненій, очень цѣнившихся въ его время, какъ-то: Книга полнаго собранія о эволюціи или объ экзерциціи флота на морѣ; Книга полнаго собранія о навигаціи въ 4-хъ частяхъ; Каталогъ, содержащій о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, также о полномъ въ знатныхъ мѣстахъ, заливахъ и рѣкахъ наводненіи и пр. пр., къ мореплаванію принадлежащемъ. Этотъ морякъ опредѣлилъ въ морскую службу и своихъ сыновей: Александра—со временемъ полномочный министръ нашъ при Венеціанской республикѣ, и Николая—будущаго графа и высокообразованнаго государственнаго дѣятеля, проникнутаго просвѣтительною гуманностью XVIII вѣка и ея стремленіемъ къ общему благу, признанію правъ личности, свободы мысли и т. д. и державшагося неуклонно словъ нашей великой императрицы, что «свобода душа всего; безъ нея все мертво; политическая свобода все воодушевляетъ».

Николай Семеновичъ, родившись въ 1754 г., одно время воспитывался съ вел. кн. Павломъ Петровичемъ, былъ опредѣленъ въ 1766 г. въ гардемарины и послѣ плаванія произведенъ въ мичманы въ 1768 г.,

а затѣмъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ своему отцу адмиралу, который не замедлилъ его отправить въ 1774 г. въ Англію для поступленія волонтеромъ на суда англійскаго флота. Въ Англіи молодой Мордвиновъ пробылъ до 1778 г., ознакомился съ морскою службою, съ англійскими учрежденіями и порядками. Въ Англіи онъ вступилъ въ бракъ въ 1784 г. съ Генріеттой Александровной Коблэ.

Но возвращеніи въ отечество, онъ командовалъ кораблемъ въ эскадрѣ В. Чичагова и въ 1785 г. вступилъ въ управленіе черноморскимъ флотомъ въ Херсонѣ. При войнѣ съ турками, командуя лиманскою эскадрою, онъ защищалъ днѣпровскія устья отъ турокъ, атаковалъ флотъ турецкій подъ Очаковомъ, а послѣ этого бомбардировалъ этотъ городъ въ 1787 г. Затѣмъ въ качествѣ члена адмиралтейскаго правленія подготовлялъ корабельный и гребной флотъ къ кампаніи 1788 г. Позднѣе, въ 1792 г., онъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ командиромъ черноморскаго флота и портовъ и предсѣдателемъ черноморскаго адмиралтейскаго правленія въ Николаевѣ. Отправляя ревностно свои служебныя обязанности, Мордвиновъ постоянно устремлялъ взоры на Константинополь, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что тамъ дѣлается, собиралъ свѣдѣнія о способахъ атаки Босфора, о Дунайскихъ гирлахъ и заботился о нашей торговлѣ на Черномъ морѣ, объ устройствѣ карантиновъ, о сохраненіи корабельныхъ лѣсовъ и т. д.

Въ 1797 г. сентября 23-го онъ былъ произведенъ въ адмиралы. Случившійся въ Херсонѣ такъ называемый арбузный бунтъ [1]) далъ поводъ лицамъ, недовольнымъ Мордвиновымъ, написать на него доносъ, обвиняя его въ стремленіи свергнуть императора. Онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, подвергнутъ домашнему аресту, преданъ суду особой коммиссіи, но былъ оправданъ. Черезъ два года постигло его новое несчастіе по службѣ. По неосторожности одного солдата въ Николаевѣ взорвало пороховой погребъ на пристани Глубокой и убило 7 человѣкъ. Императоръ Павелъ уволилъ Мордвинова отъ службы въ 1799 году; онъ оставилъ Николаевъ и переѣхалъ въ деревню Кезловъ въ Крыму. Несмотря на заступничество извѣстной Нелидовой, которая въ письмѣ къ императору, начинавшемся словами: «Sire! que voulez Vous mon coeur!» просила принять Мордвинова вновь на службу и сдѣлать истинно счастливою ту, которую именуете вашимъ другомъ (celle que Vous nommez Votre amie). Императоръ остался непреклоненъ, и Мордвиновъ пребывалъ въ отставкѣ до 1801 г., когда императоръ Александръ 1-го іюля 1801 г. назначилъ его вицепрезидентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. При этомъ Мордвиновъ участвовалъ въ засѣданіяхъ какъ

[1]) Одинъ солдатъ стащилъ съ воза арбузъ на базарѣ, отъ чего вышла драка и сильная смута.

*

непремѣннаго совѣта гласнаго, такъ и особаго негласнаго, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ самого молодаго императора, изъ Кочубея, Новосильцева, Чарторыйскаго, Строганова, въ которомъ обсуждались мѣры о преобразованіи Россіи. Въ этотъ комитетъ Мордвиновъ внесъ предложеніе о предоставленіи крѣпостнымъ крестьянамъ права покупать земли, по которому и состоялся извѣстный указъ 12-го декабря 1801 г. (П. С. З. № 20075). Съ учрежденіемъ въ 1802 г. министерствъ Мордвиновъ былъ назначенъ сентября 8-го министромъ морскихъ силъ, но уже черезъ мѣсяцъ уволенъ по прошенію отъ этого званія, находя невозможнымъ быть министромъ, такъ какъ между нимъ и императоромъ стояло третье лицо, П. В. Чичаговъ,— правитель дѣлъ военной канцеляріи по флоту. Семь лѣтъ Мордвиновъ былъ не у дѣлъ и при формированіи ополченія въ 1806 г. по случаю войны съ Наполеономъ былъ избранъ предводителемъ земскаго ополченія Московской губерніи. Но ополченіе это за состоявшимся Тильзитскимъ миромъ 1807 г. было скоро распущено. Только въ концѣ декабря 1809 г., передъ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта, Мордвиновъ получилъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ излагалось, что: «найдя нужнымъ изъясниться съ вами о предметахъ, въ которыхъ разумъ и извѣстная мнѣ опытность ваша могутъ быть государству полезны, я желалъ, чтобы вы, по полученіи сего, прибыли сюда. Мнѣ пріятно было бы видѣть васъ къ наступающему новому году».

Мордвиновъ пріѣхалъ и былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ д-та государственной экономіи. Въ этомъ званіи онъ заботился объ устройствѣ государственнаго хозяйства на болѣе правильныхъ началахъ, предлагалъ приступить къ погашенію ассигнацій, перейти къ серебряной валютѣ, къ прочному устройству нашей финансовой системы, заботиться о развитіи народной промышленности и т. д. Онъ принималъ участіе также въ составленіи извѣстнаго плана государственнаго преобразованія Сперанскаго и явился скоро не только дѣятельнымъ сотрудникомъ, но и вѣрнымъ его другомъ. По удаленіи Сперанскаго 16-го марта 1812 г. Мордвиновъ вскорѣ былъ по прошенію уволенъ отъ должности предсѣдателя, какъ сказано въ высочайшемъ рескриптѣ 2-го апрѣля 1812 г., по болѣзненному положенію на все время, какое для совершеннаго выздоровленія вамъ «нужно будетъ».

Въ письмѣ же Мордвинова къ Кочубею говорится, «что я оставилъ свое мѣсто потому, что не имѣлъ уже другаго способа къ опроверженію явно пагубныхъ тогда предложенныхъ мѣръ, кои я почиталъ опаснѣйшими пяти сотъ тысячъ человѣкъ вооруженныхъ, стоявшихъ на границѣ нашей».

Мордвиновъ поселился въ Пензѣ (гдѣ выдалъ дочь свою Вѣру Ни-

колаевну за Аркадія Алексѣевича Столыпина), жилъ тамъ частнымъ человѣкомъ, оставаясь неравнодушнымъ къ общему благу, и трудился на общую пользу, составляя разные проекты, которые предполагалъ со-временемъ представить. Въ числѣ ихъ были: обширный планъ для финансовъ и объ учрежденіи частныхъ по губерніямъ банковъ, о представителяхъ областныхъ и т. д., изъ коихъ финансовый планъ дошелъ тогда же до императора.

Десятаго января 1816 г. Мордвиновъ былъ назначенъ вторично предсѣдателемъ департамента Государственнаго Совѣта и отправлялъ эту должность до конца своей жизни, при чемъ въ 1823 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Императоръ Николай I возвелъ Мордвинова въ потомственное графское достоинство въ 1834 г. Мордвиновъ скончался въ глубокой старасти въ 1845 г. въ мартѣ. Онъ оставилъ своему сыну всѣ собранныя имъ лично бумаги всякаго рода и въ томъ числѣ и его мнѣнія по множеству дѣлъ, «золотые голоса Мордвинова», по выраженію Шишкова (А. С.), завѣщая своему сыну изъ дому эти мнѣнія никому не давать, дабы отъ небреженія или намѣренно они не утратились. Всѣ эти мнѣнія въ настоящее время прекрасно изданы внучкою Мордвинова и составляютъ по преимуществу содержаніе первыхъ 8 томовъ архива графа Мордвинова, которые даютъ возможность познакомиться съ главнѣйшими воззрѣніями этого замѣчательнаго русскаго человѣка.

Вѣрный сынъ православной церкви, проникнутый горячею любовью къ ближнему, глубокимъ убѣжденіемъ, что съ самыхъ молодыхъ лѣтъ надо напитать сердце истиннымъ благочестіемъ и вселить вѣру христіанскую, Мордвиновъ стоялъ за то, что россійское правительство есть самодержавное, и находилъ, что таковое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ причиною Имперіи, занимающей половину Европы и знатную часть Азіи. Но сему роду правленія ни съ которой стороны не можетъ быть противно допустить имѣть областныхъ представителей какъ въ Сенатѣ, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ. По его мысли эти представители призываются по дѣламъ, кои касаются до той области, по коей кто есть избранный и довѣренный. Россія, по его словамъ, достигла уже до той степени просвѣщенія, чтобы каждая изъ ея областей могла при верховномъ правительствѣ имѣть своего представителя для ходатайствованія по дѣламъ, до нея касающимся, и для совѣщанія при общихъ постановленіяхъ. По его проекту каждая провинція, главные города провинціи, главные портовые города и университеты избирали отъ себя на 3 года по одному депутату, который пользовался правомъ голоса, засѣдая въ Сенатѣ или Совѣтѣ, и подписывалъ журналы, но никакого жалованья отъ правительства не получалъ. Мордвиновъ находилъ, что дѣла внѣшней политики не должны быть исключены изъ обсужденія

государственнаго и предоставлены собственному надзору и заботливости государя, ибо этимъ «безъ всякой пользы и нужды возвергаема будетъ тягостная обязанность и даже самая отвѣтственность на высочайшую государеву особу, которая отъ оныхъ совершенно должна быть изъята, яко предметъ высочайшаго благоволенія, любви, утѣшенія народнаго, и никакая предосудительная мысль, никакое негодованіе, ни порицаніе не должны ни въ какомъ случаѣ падать на столь священнѣйшее лицо».

Мордвиновъ не считалъ правильнымъ ограничивать дѣятельность Сената одними судебными дѣлами; онъ находилъ желательнымъ, чтобы Сенатъ содѣлался тѣломъ политическимъ. Права, на нѣкоторыхъ лицахъ основанныя, не могутъ имѣть твердости; малѣйшая власть можетъ ихъ измѣнить или совсѣмъ нарушить. Права политическія должны быть основаны на знатномъ сословіи, весьма уважаемомъ, дабы и самыя права воспріяли таковое же уваженіе. Во всѣхъ земляхъ права политическія основаны на избраніи судей. Настоящія обстоятельства, кажется, благопріятствуютъ къ введенію избранія части сенаторовъ отъ каждой губерніи. Каждая губернія можетъ присылать по два депутата въ Сенатъ. Должность ихъ существенная должна заключаться въ попеченіи о благѣ той губерніи, отъ которой они избраны, и выполнять въ Сенатѣ и предъ престоломъ всю эту должность, которая начертана въ наказѣ губернскимъ предводителямъ.

Сіе право, дарованное Сенату или паче дарованное народу, можетъ удовлетворить высочайшему указу, вопрошавшему у Сената о правахъ онаго и изъявившему желаніе утвердить права, до нынѣ существовавшія. Но какъ Сенатъ не былъ по сіе время тѣломъ политическимъ, то всѣ права, представленныя Сенатомъ въ докладѣ своемъ, не имѣютъ характера правъ, а суть единыя преимущества по должности верховнаго судебнаго мѣста. Право не можетъ быть безъ свободы, а власть политическая не можетъ существовать безъ правъ; но право же свободнаго избранія есть существенное и коренное начало и основаніе тѣла политическаго или власти, содѣйствующей въ управленіи царствъ земныхъ.

Мордвиновъ является приверженцемъ прежнихъ коллегій; онъ былъ противникъ учрежденія министерствъ и въ особенности единоличной власти министра.

«Я охотно вѣрю, говоритъ Мордвиновъ, что настоящіе, т. е. современные, прибавимъ отъ себя, министры наши ангелы, сердцемъ праведны, умомъ всевѣдущи; но, къ несчастію Россіи, они смертны и мѣста ихъ заступить могутъ человѣки, коимъ страсти свойственны. Могутъ они быть властолюбивы, мстительны, угодливы; тогда честь, свобода,

собственность всѣхъ насъ пострадаетъ. Министры сдѣлаются самовластны и всегда будутъ безотвѣтственны.

Относительно порядка суда и въ особенности уголовнаго Мордвиновъ строго держался великихъ узаконеній императрицы Екатерины въ ея знаменитомъ наказѣ и неуклонно проводилъ, что въ дѣлахъ уголовныхъ правда и человѣколюбіе не дозволяютъ употреблять ни пытки, ни догадокъ, ни подозрѣній, ни даже никакихъ произвольныхъ умствованій и отвлеченныхъ заключеній, закону и дѣлу постороннихъ. Онъ сильно ратовалъ за отмѣну наказанія кнутомъ, видѣлъ въ немъ остатокъ пытки и находилъ, что доколѣ наказаніе кнутомъ будетъ существовать въ Россіи, втунѣ мы будемъ заниматься уголовнымъ уставомъ. Равнымъ образомъ онъ вполнѣ раздѣлялъ взгляды Екатерины Великой о смертной казни и, когда въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривался проектъ уголовнаго уложенія, составленный въ 1818 году (которымъ предполагалось ввести въ Имперію вновь эту казнь, отмѣненную еще императрицею Елизаветою Петровною), Мордвиновъ представилъ особое мнѣніе, доказывая ненадобность и безполезность смертной казни. Онъ признавалъ за высшею судебною инстанціею и за Государственнымъ Совѣтомъ также только право уменьшать, но никакъ не увеличивать наказаніе въ отягощеніе участи подсудимыхъ.

Очень любопытно также воззрѣніе Мордвинова на чины. Онъ находилъ, что вѣчно существовать будетъ препинаніе просвѣщенію въ Россіи, доколѣ чинамъ, а не уму и способностямъ присвоены будутъ мѣста и почести, сопряженныя съ оными. Необходимо возвратить права уму и наукамъ, коихъ они донынѣ лишены. «Теперь, говоритъ Мордвиновъ, не знаніе, не способности—но года даютъ чины, а чины даютъ мѣста, и потому каждый старается получить чинъ. Когда же не чины будутъ давать мѣста, а мѣста—чины, тогда будутъ приготовлять себя къ мѣстамъ и содѣлывать себя достойными и способными къ занятію мѣстъ.

«Содѣлаться способнымъ занимать мѣсто потребуетъ болѣе труда, болѣе знаній, бо̀льшаго развитія, нежели получить чинъ». Въ отношеніи воззрѣній его на образованіе и воспитаніе Мордвиновъ былъ вполнѣ классикъ, выражаясь современнымъ языкомъ. Онъ находилъ нужнымъ положить за непремѣнное правило не производить въ студенты и не давать никакихъ ученыхъ достоинствъ тѣмъ, кои не окажутъ хорошихъ успѣховъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ. Древняя словесность, особливо изученіе греческаго языка, находится въ Россіи въ великомъ небреженіи. Не нужно доказывать, что сіе небреженіе къ богатымъ величественнымъ языкамъ двухъ сильнѣйшихъ народовъ, грековъ и римлянъ, равно какъ самое пристрастіе къ скудному языку французскому, будутъ всегда содержать русскую словесность въ самомъ

посредственномъ состоянии. Знаніе греческаго языка, кромѣ обыкновенной своей пользы, имѣетъ еще особливую цѣну для русскихъ; на немъ написаны: Новый Завѣтъ и творенія отцевъ церкви, и византійскіе писатели суть драгоцѣнныя пособія для нашей исторіи. Надлежало бы въ училищахъ съ Гомеромъ и Платономъ соединять Прокопія Кессарійскаго, Константина Порфиророднаго и другихъ писателей византійскихъ, говорившихъ о славянахъ и русскихъ.

Для ученія словесности отечественной надлежитъ возстановить упадшее и почти забытое ученіе славянскаго языка и сдѣлать въ русскихъ училищахъ болѣе извѣстныя другія нарѣчія славянскія. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ должно учить дѣтей сперва по-славянски, а потомъ наставлять ихъ въ обыкновенномъ русскомъ языкѣ или такъ называемой гражданской грамотѣ.

Профессора,—друзья человѣчества,—обязаны сколько можно болѣе приближать къ себѣ учениковъ и студентовъ, позволять имъ просить разрѣшеній сомнѣній, указывать на лучшія стези на ихъ поприщѣ и т. д.

Надлежитъ строго повѣрять домашнія упражненія молодыхъ воспитанниковъ, запрещать чтеніе вредныхъ книгъ, увлекающихъ разсудокъ... Университетскіе питомцы не должны безъ позволенія начальства своего давать гдѣ-нибудь уроковъ. Надо уменьшить въ гимназіяхъ число предметовъ ученія, предоставивъ оные университетамъ, или совсѣмъ уничтожить и вмѣсто того основательно учить другимъ предметамъ болѣе нужнымъ, особливо математическимъ, сельскому домоводству, русской исторіи, языкамъ славяно-русскому, латинскому, греческому.

Всѣ учебныя заведенія учреждаются для воспитанія дѣтей обоего пола, какъ-то: академіи, университеты, корпуса, духовныя семинаріи, женскіе институты и т. д., всѣ безъ изъятія должны находиться въ вѣдѣніи одного лица, министра народнаго просвѣщенія. Они должны имѣть однообразное управленіе и одно начальство.

Надобно сдѣлать состояніе учительское почтеннымъ и выгоднымъ. Тогда найдутся люди, которые охотно посвятятъ себя званію образователей юношества.

Во всѣхъ училищахъ, по недостатку хорошихъ руководителей и по старинному обычаю, русскую исторію проходятъ очень худо и очень поздно. Надобно стараться, чтобы образцы словесности, обыкновенное ученіе исторіи, самыя зрѣлища и забавы твердили питомцамъ о ихъ отечествѣ; чтобы воспоминаніе о славныхъ подвигахъ предковъ, о счастливыхъ или бѣдственныхъ перемѣнахъ, испытанныхъ Россіею, слились съ первыми свѣжими понятіями и чувствованіями дѣтскими. Сіе послѣднее обстоятельство должно примѣнить и къ наставленіямъ въ вѣрѣ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ надобно напитать сердце истин-

нымъ, очищеннымъ отъ предразсудковъ благочестіемъ. Въ противномъ случаѣ тщетны будутъ всѣ другія мѣры. Въ сердцѣ, а не въ умѣ живетъ вѣра; ей нельзя учиться, какъ учатся какимъ-либо наукамъ. Человѣкъ, который до извѣстныхъ лѣтъ не былъ согрѣваемъ благодѣтельнымъ огнемъ набожности, всегда останется безвѣрнымъ. Должно обратить болѣе вниманія на пользу, которую могутъ доставить государству хорошіе приходскіе священники, особливо сельскіе; они суть наставники простаго народа. Они имѣютъ способъ посѣвать въ душахъ истинную вѣру, истреблять вредные предразсудки, доставлять народу понятіе о необходимыхъ для человѣка знаніяхъ, распространять открытія, способствующія успѣхамъ земледѣлія и т. д.

Въ государствѣ нѣтъ ничего важнѣе воспитанія. Правительство преимущественно предъ всѣми другими занятіями должно обращать на сію часть бдительное вниманіе. Эта истина сіяетъ въ опытѣ всѣхъ протекшихъ вѣковъ. Если хотятъ, чтобы въ народѣ добро съ успѣхомъ всегда противоборствовало злу, то не должно забывать того, что одн имъ воспитаніемъ произвести сіе возможно. Однимъ воспитаніемъ укореняются добрые нравы въ сердцахъ, вдыхается и питается любовь къ отечеству, отъ которой раждаются дѣянія, изумляющія человѣческую природу.

Воспитаніе домашнее—зависитъ отъ родителей; ихъ наставленія, а еще болѣе примѣры полагаютъ основаніе добрымъ или дурнымъ качествамъ дѣтей. Домъ родительскій есть начальное училище, въ которомъ новый обитатель міра получаетъ первыя понятія о предметахъ, первыя наклонности и привычки. Родители сами должны участвовать въ воспитаніи своихъ дѣтей, особливо дѣвушекъ. Надзоръ за ними пусть поручаютъ надзирателямъ, надзирательницамъ русскимъ.— Мордвиновъ сильно возстаетъ противъ всякихъ иностранныхъ учителей, гувернеровъ, гувернантокъ и находитъ, что зло, проистекающее отъ воспитанія дѣтей подъ руководствомъ чужестранцевъ или въ чужихъ земляхъ, весьма ощутительно. Онъ предлагаетъ запретить всѣмъ русскимъ вообще принимать къ себѣ въ домъ иностранцевъ въ учители, гувернеры или дядьки, убѣжденный, что даже отъ достойнѣйшихъ чужестранцевъ, коимъ ввѣряютъ надзоръ надъ нравами воспитанниковъ, нельзя требовать, чтобы они со всѣмъ усердіемъ старались поселять въ юныхъ сердцахъ любовь и благоговѣйную преданность къ странѣ отечественной. Мордвиновъ находилъ необходимымъ уничтожить пансіоны, содержимые иностранцами. «Господство французскаго языка дѣлаетъ ихъ теперь какъ будто необходимыми и заставляетъ небогатыхъ людей поручать мало извѣстнымъ, жаднымъ и несвѣдущимъ чужеземцамъ воспитаніе дѣтей своихъ, даже дочерей дѣвушекъ. Отъ всего этого вредъ происходитъ огромный».

Весьма замѣчательны слѣдующія строки Мордвинова. «Воспитаніе домашнее, конечно, зависитъ отъ родителей. Но правительство самовластное, въ которомъ воля государя и его примѣръ имѣютъ необыкновенную силу, не лишено способовъ вспомоществовать и домашнему воспитанію своего народа. Самодержецъ русскій, принявъ за непреложное основаніе благоденствіе народное, чистоту нравовъ и любовь къ отечеству, можетъ найти въ благоразуміи и могуществѣ своемъ довольно средствъ утвердить въ подданныхъ сіи добродѣтели, питать въ нихъ благородную привязанность къ родинѣ, къ своему языку, обычаямъ и поддерживать свойство, духъ и гордость народную. Подобными средствами Мордвиновъ признаетъ прежде всего: 1) сдѣлать дворъ образцомъ любви къ всему хорошему, русскому — къ языку, вѣрѣ, обычаямъ, обрядамъ. На сей конецъ должно вывести изъ употребленія при дворѣ и во всѣхъ обществахъ французскій языкъ, французскія вещи, французскіе обряды, которыхъ такъ много, но всѣ они ослабляютъ духъ народный и любовь къ отечеству и внимательному наблюдателю дѣяній человѣческихъ предвѣщаютъ слѣдствія печальныя.

«Примѣръ двора найдетъ великое множество подражателей въ народѣ, который безъ причинъ насильственныхъ, безъ какой-нибудь болѣзни гражданской или нравственной, не охотно оставляетъ языкъ и обычаи отцовъ своихъ».

Другимъ средствомъ Мордвиновъ считаетъ слѣдующее.

2) Ни въ нашихъ учрежденіяхъ или уставахъ и ни въ какомъ случаѣ государю не позволять себѣ ничего такого, что можетъ оскорбить строгую нравственность или произвести въ другихъ поползновеніе къ пороку и вообще изъявлять величайшее почтеніе къ добродѣтели и презрѣніе къ порокамъ. Тогда благоговѣніе къ святости нравовъ распространится въ народѣ и отъ родителей будетъ переходить къ дѣтямъ.

Въ различныхъ своихъ воззрѣніяхъ экономическихъ вообще Мордвиновъ являлся ревностнымъ послѣдователемъ Бентама, который строилъ все на началѣ пользы, и Адама Смита, основателя науки политической экономіи, развивавшаго начала свободы труда и его раздѣленія. Мордвиновъ не разъ высказывалъ, что упражненія человѣческія и капиталы, служащіе орудіемъ дѣятельности, должны имѣть полную свободу. Мѣра свободы есть мѣра пріобрѣтаемаго богатства. Учредите общественную пользу на частной. Сія послѣдняя есть животворный корень общественный, какъ начало послѣдствію, какъ источникъ изобилію. Это ученіе о свободѣ труда вело къ тому, что Мордвиновъ доказывалъ, что всякая монополія вредна и при томъ разорительна, если оная наложена на нужныя къ употребленію вещи. Винный откупъ есть монополія своего рода; отъ бѣднѣйшей части народа вытягивая послѣднюю копейку, не токмо многія семейства она оставляетъ безъ

пищи, одежды и самонужнѣйшаго къ содержанію, но есть виною великаго числа недоимокъ въ податяхъ государственныхъ, которыя, бывъ пропиты на кабакахъ, въ казну не поступаютъ.

Сколь поразительно для каждаго благомыслящаго человѣка видѣть во всякомъ цѣловальникѣ, стоящемъ за винною стойкою, невольное покушеніе на обманъ и злоухищреніе, ибо само правительство побуждаетъ его на сіи пороки, предоставивъ ему право пользоваться токмо каплями, падающими изъ чарки, держимой дрожащей рукою піющаго пьяницы; видѣть въ цѣловальникѣ представителя благочестивѣйшаго россійскаго государя, продавшаго ему за деньги таковое право; видѣть въ каждомъ человѣкѣ, изъ кабака выходящемъ, упоеннаго огненнымъ напиткомъ, съ тѣломъ разслабленнымъ и съ духомъ уготованнымъ на всякія злодѣянія; видѣть умирающаго человѣка отъ излишняго упоенія симъ гибельнымъ напиткомъ; видѣть погрязшими въ семъ развратѣ не одну тысячу, но сотни тысячъ людей, уставомъ виннымъ побуждаемыхъ къ тому; видѣть тощіе доходы, государственнымъ казначействомъ получаемые, и знать, что главною причиною сего существеннаго недостатка для блага имперіи есть винный уставъ, поощряющій ежегодно распространеніе пьянства въ народѣ.

Мордвиновъ еще въ 1817 году, для большаго распространенія трезвости въ народѣ и для уменьшенія пьянства, предлагалъ: 1) въ питейныхъ домахъ не дозволять пить, а только продавать вино въ запечатанныхъ бутылкахъ; 2) отнюдь не отпускать вина въ долгъ и въ закладъ вещей; 3) не дозволять собираться въ питейныхъ домахъ, не имѣть въ нихъ никакого рода сѣдалищъ; 4) открывать одинъ домъ на тысячу человѣкъ; 5) въ праздничные дни ихъ вовсе не открывать, а въ рабочіе—открывать послѣ обѣдни и закрывать предъ вечернею, и т. д.

Мордвиновъ старался: 1) сократить настоящее (въ 1812 г.) по единой нуждѣ терпимое жестокое преуспѣяніе золъ для народа отъ винныхъ откуповъ; 2) снять поборы, стѣсняющіе промышленность, облегчить народу всякаго рода повинность, въ томъ числѣ рекрутскую. Съ этою послѣднею цѣлью онъ подалъ императору Александру I, еще въ 1811 году, особую записку о новомъ образѣ комплектованія войскъ. Александръ I прочелъ ее и сдѣлалъ много отмѣтокъ на поляхъ, соглашаясь во многомъ съ Мордвиновымъ, предлагавшимъ взамѣнъ почти пожизненной въ то время военной службы (она продолжалась до увѣчья, глубокой старости), установить всего 12 лѣтъ службы въ пѣхотныхъ войскахъ, при чемъ 8 лѣтъ—дѣйствительной службы, и 4—въ резервѣ (а для флота 16 лѣтъ), по выслуженіи которыхъ солдатъ возвращался бы каждый въ первобытное состояніе. Должно было произвести перепись по всему государству, установить, сколько по ревизскимъ сказкамъ взрослыхъ мужскаго пола отъ 21 до 32 лѣтъ, затѣмъ въ особомъ при-

сутствіи дворянъ и ихъ предводителей освидѣтельствовать ихъ и опредѣлить, сколько изъ нихъ дѣйствительно способныхъ къ службѣ; неспособныхъ исключить изъ списковъ; затѣмъ годныхъ распредѣлить по возрастамъ и брать на службу старшихъ годовъ, т. е. прежде всѣхъ 32 лѣтокъ, потомъ 31 и т. д. Прослужившіе въ строю 8 лѣтъ обмѣниваются на другихъ и считаются въ резервѣ арміи.

Назначеніе потребнаго къ ежегодному набору числа рекрутъ зависитъ отъ усмотрѣнія правительства. Придерживаясь началъ свободы, Мордвиновъ высказался и въ пользу освобожденія отъ зависимости крестьянъ въ 1816 г., но находилъ, что народу, пребывшему вѣка безъ знанія гражданской свободы, даровать оную изреченіемъ на то воли властителя возможно, но знанія пользоваться ею во благо себѣ и обществу даровать указомъ невозможно. Первымъ шагомъ къ этому онъ считалъ законъ 1801 г. о предоставленіи крѣпостнымъ крестьянамъ права покупать земли. Этотъ законъ распространенія недвижимой собственности можно назвать, говоритъ Мординовъ, закономъ истинной народной свободы, кореннымъ установленіемъ цѣлаго россійскаго народа, великою грамотою Россіи, нашею Magna Charta.

Англичане исторгли ее у своихъ королей; Александръ I далъ ее собственнымъ своимъ движеніемъ любящимъ его россіянамъ. Поэтому мѣра освобожденія отъ крѣпостной зависимости должна быть учреждена закономъ. Онъ предлагалъ выкупъ личности, при чемъ цѣна должна была возвышаться отъ 2 лѣтъ до 40; а затѣмъ отъ 40 до 60 понижаться. Посредствомъ этой мѣры число свободныхъ людей въ Россіи будетъ возрастать постепенно, дѣятельность народная распространится. Желаемое совершится безъ насильственнаго расторженія связей, долгимъ временемъ укорененныхъ. Крестьяне получатъ свободу; помѣщики—останутся владѣтелями полными земель своихъ и съ капиталомъ столь нужнымъ для возвышенія доходовъ отъ своихъ достояній. При этомъ онъ добавлялъ: «никакіе законы не содѣлаютъ никогда равными бѣднаго и богатаго, ни перваго независимымъ отъ послѣдняго. Никакому не подвержено сомнѣнію, что если живущій въ деревнѣ не будетъ зависѣть отъ помѣщика оной, то всегда будетъ зависѣть отъ сосѣда богатѣйшаго и съ тою разницею, что сего польза есть та, чтобы въ деревнѣ жительства его было сколько можно большее число бѣдныхъ, дабы надъ ними властелиномъ быть и имѣть большее число рабовъ. Польза же помѣщика — имѣть всегда большое число богатыхъ».

Мордвиновъ неоднократно говорилъ: «Дайте свободу мысли, рукамъ, всѣмъ душевнымъ и тѣлеснымъ качествамъ человѣка; представьте всякому быть, чѣмъ Богъ его сотворилъ, и не отнимайте, что кому природа особенно даровала». Онъ строго держался словъ вели-

кой императрицы: «великое несчастіе въ государствѣ не смѣть свободно говорить своего мнѣнія. Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя; это запрещеніе представляетъ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе; а сіе ничего не произведетъ, какъ невѣжество, опровергнетъ дарованіе разума человѣческаго и охоту писать отниметъ.

Мордвиновъ всю жизнь ратовалъ за свободу слова и особенно настойчиво требовалъ ея въ дѣлѣ правосудія. Безъ такой свободы могутъ быть законы очень хорошіе и можетъ быть множество судей, но не будетъ еще правосудія. Судъ правды можетъ существовать только съ свободою на судѣ въ мнѣніяхъ. Мордвиновъ строго этому держался и высказывалъ свои мнѣнія—ничѣмъ не стѣсняясь.

Этихъ мнѣній дошло до насъ значительное количество; они занимаютъ нѣсколько томовъ въ изданномъ архивѣ графа Н. С. Мордвинова. Не приведя здѣсь даже и перечня этихъ мнѣній, позволимъ себѣ для примѣра привести одно изъ нихъ по дѣлу о такъ называемыхъ Эмбенскихъ рыбныхъ ловляхъ. Дѣло состояло въ слѣдующемъ: императрица Екатерина II въ 1789 году пожаловала графу Николаю Ивановичу Салтыкову порожнія земли въ Астраханской губ. въ Красноярскомъ уѣздѣ, и на этомъ основаніи ему было отведено въ 1792 г. на берегу Каспійскаго моря въ урочищѣ Мервый Култукъ и другихъ близъ р. Эмбы до 209.925 десятинъ неудобной земли и 786 десятинъ удобной. По кончинѣ императрицы ея наслѣдникъ Павелъ I пожаловалъ эти же самыя земли Ивану Павловичу Кутайсову въ 1799 году въ вѣчное содержаніе, изъ платежа въ годъ по 7.500 руб. въ казну. Пока былъ живъ императоръ Павелъ I, Салтыковъ подчинялся этому распоряженію, но по его кончинѣ началъ немедленно тяжебное дѣло съ Кутайсовымъ, перешедшее въ 1802 г. изъ межеваго департамента Сената на разсмотрѣніе непремѣннаго Совѣта, въ которомъ до окончательнаго рѣшенія возникло разногласіе и были заготовлены три проекта указа. Мнѣніе Мордвинова заключалось главнѣйшимъ образомъ въ слѣдующемъ:

Неограниченною волею одного государя воды сіи отданы частному человѣку; неограниченная воля другаго государя, ему равнаго, можетъ ихъ взять обратно. Опредѣлить за нихъ вознагражденіе, большее или меньшее, или не опредѣлять никакого, зависитъ отъ его хотѣнія. Тутъ не можетъ быть вопроса ни о справедливости, ни о несправедливости. Въ понятіи власти произвольной все смѣшано и нѣтъ въ ней ничего несправедливаго, ибо она сама есть первая несправедливость. Въ семъ понятіи не было бы никакой нужды спрашивать у Совѣта мнѣнія о семъ дѣлѣ, развѣ о томъ, какимъ бы образомъ дѣйствіе самовластія прикрыть въ немъ видомъ общественной пользы.

Но государь вопрошаетъ справедливости, а потому намъ прежде всего надо согласиться, что владѣніе эмбенскихъ водъ и всего, что въ указѣ 1799 г. означено, есть собственность графа Кутайсова. На собственность частную въ Россіи правительство не больше имѣетъ правъ, какъ и всякій частный человѣкъ.

А посему, сколько бы исключительное владѣніе какимъ-либо имѣніемъ ни казалось противнымъ общему благу, не можно для сего взять его въ общее употребленіе, ибо нѣтъ у насъ закона, чтобъ для общаго блага лишать имѣній частныхъ людей, да я и не знаю, чтобъ гдѣ-нибудь былъ такой законъ терпимъ или полезенъ: ибо никогда общее благо не зиждется на частномъ разореніи.

Лишить собственности, по общему понятію сего слова, есть взять имѣніе безъ согласія лица, которое имъ владѣетъ. А посему взять Эмбенскія воды у Кутайсова безъ согласія его есть лишить его собственности, есть нарушить первый законъ, коимъ благоустроенное правительство отличается отъ насильственнаго.

Итакъ, судя по строгой справедливости, по которой единственно Совѣтъ судить долженъ, не можно Эмбенскихъ водъ взять у графа Кутайсова и опредѣлить замѣну безъ согласія его.

Не лишнее замѣтить, что 27-го августа 1802 г. состоялся высочайшій указъ объ изъятіи означенныхъ земель изъ частнаго владѣнія графа Кутайсова и объ обращеніи ихъ въ прежнее общее употребленіе въ видахъ пользы и необходимости государственной (см. I. П. С. З. № 20388).

Но кромѣ мнѣній самого Н. С. Мордвинова въ вышедшихъ томахъ его архива содержится не мало весьма любопытныхъ бумагъ, принадлежащихъ къ вопросамъ, которыми интересовался Мордвиновъ какъ русскій человѣкъ и какъ истинный патріотъ. Къ числу такихъ бумагъ принадлежитъ статья Н. И. Тургенева—о судебной реформѣ, двѣ обширныя записки на французскомъ языкѣ графѣ Д'Аллонвиля, именно одна—о французской арміи въ 1811 г. и другая—о современныхъ политическихъ и войсковыхъ обстоятельствахъ.

Въ этой послѣдней проводилась мысль, что пораженіе Наполеона будетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ далѣе онъ будетъ завлеченъ внутрь Россіи и чѣмъ на болѣе продолжительное время затянется война. Императоръ Александръ I, которому Мордвиновъ представилъ эти записки, вполнѣ одобрилъ мысль Д'Аллонвиля. Не менѣе любопытны записки гр. Григорія Алексѣевича Строганова—о судьбѣ Греціи и кн. Чарторыйскаго—о Польшѣ, а также различныя записки о сельскохозяйственныхъ нуждахъ Россіи, о роскоши, о казакахъ, о губернаторахъ и т. д. Не лишены интереса подробности о поднесеніи императору Александру I титула Благословеннаго.

Вслѣдъ за извѣстіемъ о взятіи Парижа въ 1814 г., въ средѣ высшихъ государственныхъ сановниковъ возникла мысль поднести императору или титулъ Благословенный, или соорудить памятникъ или выбить медаль, достойные увѣковѣчить память Александра I въ потомствѣ. Слухъ объ этомъ дошелъ до государя, и онъ 16-го мая 1814 г. выразилъ свой на это взглядъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Благословеніе моего народа я пріемлю, но желаю быть достойнымъ онаго до послѣдняго часа моей жизни, а потому не могу принять наименованія, толико вожделѣннаго сердцу моему, доколѣ въ продолженіе всея жизни моея не помрачитъ ничто ни въ комъ чувство, любезными моими подданными нынѣ мнѣ изъявляемое. Воздвиженіе образа моего предоставляю я также потомству, когда оно признаетъ меня достойнымъ».

Посланная къ императору депутація въ составѣ князя Куракина, Тормасова и Салтыкова, зная уже о предстоящемъ отказѣ государя на поднесеніе титула или сооруженіе памятника, имѣла съ собою готовый на этотъ отказъ отвѣтъ, составленный Мордвиновымъ въ слѣдующихъ словахъ, выслушанныхъ государемъ 22-го іюля 1814 г. въ Бруксалѣ:

«Высокое чувство и священнѣйшій обѣтъ, изъявляемые вашимъ императорскимъ величествомъ въ отказѣ наименованія, всеподданнѣйше вамъ приносимаго, толико радостные и утѣшительные для народа россійскаго, провозглашаютъ громко, что нынѣ и вѣчно вы онаго достойны. Не будетъ сіе наименованіе при жизни вашей на хартіяхъ мрамора и мѣди, яко не соизволяете, но будетъ глубоко впечатлѣно оно въ сердцахъ всего пламенѣющаго благоговѣніемъ къ вамъ народа, благословляющаго искренно и совокупно со многими великими народами, обитающими и внѣ предѣловъ державы вашей, коимъ великодушные подвиги вашего императорскаго величества возстановляютъ благоденствіе».

Просвѣщенные и вполнѣ гуманные взгляды императора Александра I высказываются и въ любопытномъ, но мало извѣстномъ рескриптѣ его на имя херсонскаго военнаго губернатора, отъ 9-го октября 1816 г. по животрепещущему вопросу, составляющему и въ настоящее время тяжкую злобу дня, именно по вопросу о духоборцахъ. Историки и біографы императора Александра I, какъ свои, такъ и чужіе, не упоминаютъ, почему-то молчатъ объ этомъ рескриптѣ, который приводимъ по копіи, писанной рукою Мордвинова.

«Изъ двухъ представленій вашихъ къ управляющему министерствомъ полиціи, касательно поселенныхъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, такъ называемыхъ, духоборцевъ, вижу я, что вы испрашиваете переселенія ихъ съ послѣдняго мѣста жительства на другое. Къ таковому представленію побуждаетесь вы донесеніями о развратной будто бы

ихъ жизни, о зловредныхъ для общества правилахъ ихъ и желанiи разсѣевать оныя между другими.

«Въ слѣдствiе сего и поданной со стороны самихъ духоборцевъ просьбы о защитѣ ихъ отъ притѣсненiй, повелѣлъ уже я управляющему министерствомъ полицiи снестись съ вами о доставленiи подробнѣйшихъ свѣдѣнiй объ обстоятельствахъ, до духоборцевъ касающихся.

«При семъ я признаю за нужное обратить ваше вниманiе особеннымъ образомъ на начало и причину переселенiя сего рода людей изъ Слободско-Украинской и другихъ губернiй въ Мелитопольскiй уѣздъ губернiи Таврической, на Молочныя Воды.

«Сiе переселенiе ихъ послѣдовало именно, какъ вы изъ повелѣнiя моего, даннаго бывшему новороссiйскому губернатору Миклашевскому 25-го января 1802 г., увидѣть можете, частiю во уваженiе претерпѣннаго ими прежде разоренiя, частiю же во огражденiе ихъ отъ неумѣстныхъ и напрасныхъ притязанiй въ отношенiи къ образу мыслей ихъ о религiи; они отдалены уже тамъ довольно отъ непосредственнаго съ прочими жителями сношенiя, и тѣмъ распространенiю сей секты положены предѣлы. Въ продолженiе нѣсколькихъ лѣтъ понынѣ правительство, не получая ни съ которой стороны жалобъ, ни донесенiй о безпорядкахъ, имѣло всѣ причины полагать принятыя по сему мѣры весьма достаточными.

«Отдаленiе сихъ людей отъ православной грекороссiйской церкви есть, конечно, съ ихъ стороны заблужденiе, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшныхъ заключенiяхъ ихъ объ истинномъ богослуженiи и духѣ христiанства. Сiе происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщенiи, «ибо ревность Божiю имѣютъ, но не по разуму». Но просвѣщенному ли правительству христiанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдры церкви жестокими и суровыми средствами, истязанiями, ссылками и тому подобнымъ? Ученiе Спасителя мiра, пришедшаго на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствiемъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истинный. Истинная вѣра порождается благодатiю Господнею чрезъ убѣжденiе, поученiемъ, кротостiю, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ. Всѣ мѣры строгости, истощенныя надъ духоборцами въ продолженiе тридцати лѣтъ, до 1810 года, не токмо не истребили сей секты, но паче и паче прiумножали число послѣдователей ея.

«Впрочемъ, мѣстныя начальства разныхъ губернiй отзывались о духоборцахъ неоднократно весьма выгоднымъ образомъ со стороны ихъ поведенiя, хотя и приносили жалобу на отпаденiе ихъ отъ православной церкви. Сенаторы Лопухинъ и Нелединскiй-Мелецкiй при обо-

зрѣніи ими въ 1801 г. Слободско-Украинской губерніи, найдя тамъ сего рода людей, отдали имъ также во многомъ справедливость, хотя и не защищали ихъ заблужденій, ибо они судили о нихъ безпристрастнымъ и на любви христіанской основаннымъ образомъ.

«Всѣ сіи обстоятельства показываютъ довольно ясно, что не о новомъ переселеніи сихъ людей помышлять теперь надлежитъ, но объ огражденіи скорѣе ихъ самихъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній за разномысліе ихъ въ дѣлѣ спасенія и совѣсти, по коему принужденіе, ни стѣсненіе никогда участія имѣть не могутъ. Переселеніемъ таковымъ судьба ихъ отяготится снова, и они наказаны уже будутъ по одному доносу, безъ изслѣдованія истины, обвиненія и доказательства. Благоустроенное правительство ни въ какомъ случаѣ и ни съ кѣмъ такъ не поступаетъ, а церковь православная, сколь ни желала бы обратить сихъ отпадшихъ отъ нея чадъ къ себѣ, можетъ ли одобрить мѣры гоненія, толико противныя духу главы ея, Христа Спасителя, оставившаго послѣдователямъ своимъ сіе достопамятное изреченіе: «Аще ли бысте вѣдали, что есть милости хощу, а не жертвы, николи же убо бысте осуждали неповинныхъ».

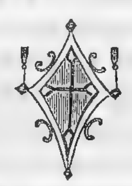
«Руководясь духомъ симъ, духомъ истиннаго христіанства, можно всего лучше успѣть въ достиженіи желанной цѣли по сему предмету. Колонію поселенцевъ сихъ я поручаю особенному и ближайшему вашему надзору и попеченію. Не полагаясь ни на чьи донесенія, вы не оставите вникнуть сами безъ предубѣжденія во всѣ мѣстныя обстоятельства ихъ, узнать въ точности ихъ образъ жизни и поведеніе, взирая на нихъ окомъ безпристрастнымъ попечительнаго начальника, ищущаго пользъ правительства во благѣ частномъ ввѣренныхъ ему людей. Участь сихъ поселенцевъ должна устроена быть безопасно. Надобно, чтобъ они могли почувствовать, что они состоятъ подъ охраненіемъ и покровительствомъ законовъ, и тогда только надежнѣе можно ожидать отъ нихъ любви и привязанности къ правительству и взыскивать исполненія по законамъ его, кои столь для нихъ благотворны. Если бы открыто было вами не по одному извѣту чьему-либо, но дѣйствительно на самомъ дѣлѣ, что у поселенцевъ сихъ укрываются дезертиры, бѣглые люди; если бы нашлось несомнѣнно, что они покушаются отвлекать другихъ отъ общей церкви, къ своему образу мыслей о религіи, тогда, обращая силу закона на таковые противозаконные поступки, надлежитъ положить имъ преграду. Но и тогда нельзя допустить, чтобы за одного или нѣсколькихъ виновныхъ, уличенныхъ въ преступленіи, отвѣчало и было истязуемо все общество сихъ поселенцевъ, не участвовавшихъ въ ономъ. При доносахъ и обвиненіи въ подобныхъ случаяхъ требуется внимательный разборъ, отъ кого сіи доносы происходятъ и какія могли быть побудительныя причины къ

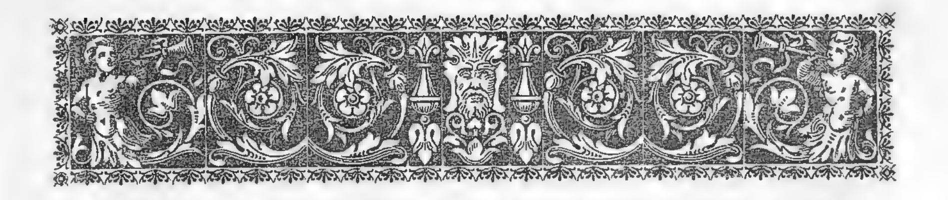
онымъ. Такъ и упоминаемые въ представленіи вашемъ двое изъ духоборцевъ, кои по обращеніи къ православной церкви показали на сіе общество разныя преступленія и свидѣтельствовали о развратной жизни въ ономъ, могли учинить сіе по злобѣ или мщенію; ибо легко могло быть, что они отвергнуты были сами отъ общества за дурные поступки, или оставили оное изъ ссоры или вражды. Одни показанія таковыхъ, едва и вниманія заслуживающія, не должны служить основаніемъ къ наряженію тотчасъ строгихъ слѣдствій, къ забиранію подъ стражу, заключенію въ тюрьмы и истязанію людей, не изобличенныхъ еще ни въ какомъ зломъ умыслѣ или проступкѣ. Самое изслѣдованіе подозрѣваемаго преступленія долженствуетъ происходить такимъ образомъ, чтобъ ни въ какомъ случаѣ невинный не пострадалъ отъ онаго.

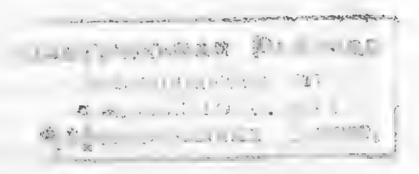
«Полагаясь на ваше благоразуміе, искреннее желаніе добра и усердіе къ службѣ, я удостовѣренъ, что вы въ поручаемомъ вамъ чрезъ сіе не оставите сообразоваться во всей точности съ изъясненными здѣсь мыслями моими, и ожидаю всевозможнаго отъ того успѣха.

«Между тѣмъ имѣете вы донести мнѣ обстоятельно о мѣрахъ, какія вами въ слѣдствіе сего приняты будутъ, и что вы найдете по принятіи вами сей колоніи подъ непосредственное ваше попеченіе».

П. Майковъ.

Тарговицкая конфедерація.

IV [1]).

Коссаковскій, назначенный командующимъ литовской арміей, прибылъ 19-го (30-го) апрѣля 1792 г. въ Полоцкъ съ письмами Платона Зубова къ генералу Кречетникову и отъ гр. Безбородко къ великому канцлеру Сапѣгѣ и разослалъ тотчасъ «вѣрныхъ людей» въ Юрбургъ, Ковно, Вильно, Слонимъ и Брестъ-Литовскъ для собиранія точныхъ свѣдѣній о передвиженіи польскихъ войскъ и о настроеніи края.

Въ самомъ Полоцкѣ онъ нашелъ дѣятельныхъ помощниковъ, въ лицѣ Станислава Снарскаго, предсѣдателя тамошней гражданской палаты, «достойнаго», по его отзыву, и ревностнаго гражданина и его брата, полковника Аврелія Снарскаго. При содѣйствіи этихъ лицъ, ему удалось вскорѣ склонить воеводу Жабу,—богатѣйшаго и вліятельнѣйшаго человѣка Полоцкаго воеводства, стать во главѣ мѣстной конфедераціи.

Пославъ своему брату, епископу инфляндскому, всѣ наличныя деньги, чтобы подкупить войска и жителей и изготовить тайно актъ общей конфедераціи, Коссаковскій поспѣшилъ въ Креславъ, пограничный городокъ на берегу Двины, «для переговоровъ» съ польскими офицерами и разными другими лицами, т. е. въ сущности для того, чтобы склонить ихъ къ конфедераціи.

Для той же цѣли Кречетниковъ препроводилъ корпуснымъ командирамъ: князю Долгорукову 5.000 р. и барону Ферзену 4.000 р.

Въ Полоцкѣ ожидали съ нетерпѣніемъ отвѣта Сапѣги на письмо

---

[1]) См. «Русская Старина», октябрь, 1904 г.

*

гр. Безбородко, такъ какъ надобно было, какъ можно скорѣе, избрать маршала генеральной литовской конфедераціи; въ Петербургѣ же было рѣшено, что имъ могъ быть графъ Потоцкій лишь въ томъ случаѣ, если канцлеръ Сапѣга не пожелаетъ принять этого званія [1]).

Вскорѣ Коссаковскій получилъ актъ конфедераціи браславскаго повѣта, образованной троцкимъ каштеляномъ Августомъ Платеромъ. Препровождая его генералу Кречетникову, Коссаковскій увѣрялъ его, что шляхта «столько оказывала горячности, усердія и привязанности Россіи, что (всѣ) готовы сѣсть на лошадей и начать дѣло»; онъ считалъ необходимымъ «воспользоваться этимъ жаромъ людей, любящихъ свою вольность» [2]), и вступить въ Польшу какъ можно скорѣе, тѣмъ болѣе, что въ Браславское воеводство прибылъ, по слухамъ, подкоморій Мирскій съ цѣлью отговаривать обывателей отъ конфедераціи.

Императрица была очень довольна дѣятельностью своихъ генераловъ, хвалила Кречетникова, изъявляла свое благоволеніе Коссаковскому и выражала надежду, что онъ окажетъ новыя заслуги какъ передъ ней, такъ и передъ отечествомъ [3]).

На самомъ же дѣлѣ жители великаго княжества Литовскаго вовсе не горѣли желаніемъ приступить къ конфедераціи, какъ это говорилось въ донесеніяхъ главнокомандующаго русской арміи, и когда генералъ Долгорукій, пріѣхавъ въ Браславъ 13-го (25-го) мая, разослалъ плакатъ Кречетникова, извѣщая жителей о вступленіи въ Литву четырехъ корпусовъ Бѣлорусской арміи, и приглашалъ ихъ съѣхаться для образованія конфедераціи, то въ назначенный день въ Браславъ пріѣхали только каштелянъ Платеръ и два графа Манузія; остальныя знатныя лица отсутствовали; услыхавъ о вступленіи въ Литву русскихъ войскъ, они такъ же, какъ и всѣ власти, поспѣшно уѣхали въ Вильно.

Долгорукій приказалъ казакамъ пригнать въ городъ кое-кого изъ окрестной шляхты, и такимъ образомъ 14-го (25-го) мая была открыта конфедерація.

Князь Долгорукій сокрушался о томъ, что обыватели не искали защиты у войска дружественной державы, а разъѣхались, оставивъ въ повѣтѣ однихъ ксендзовъ и экономовъ. Въ довершеніе бѣды, чиновники мѣстной канцеляріи отказались зарегистровать актъ конфедераціи, и ихъ пришлось принудить къ тому не только угрозами, но даже побоями, а графъ Платеръ увѣдомилъ между тѣмъ Кречетникова, что актъ конфедераціи былъ подписанъ всей присутствовавшею шляхтой «со всевоз-

[1]) Сборникъ, т. 47, стр. 320.

[2]) Сборникъ, т. 47, стр. 323.

[3]) Рескриптъ императрицы Кречетникову, отъ 11-го (22-го) мая 1792 г. (Сборникъ, т. 47, стр. 331).

можною тишиною и съ превеличайшею радостью и удовольствіемъ», Кречетниковъ, со своей стороны, донесъ императрицѣ «о живѣйшей радости», съ какою шляхта отдалась подъ ея покровительство [1]).

Русскій корпусъ, шедшій подъ начальствомъ барона Ферзена, не принималъ активнаго участія въ сконфедерованіи шляхты, но помогалъ конфедератамъ по мѣрѣ силъ и возможности; такъ, командующій корпусомъ, увидавъ въ Бобруйскѣ памятникъ съ портретомъ короля польскаго и похвальными стихами въ честь его, сооруженный въ воспоминаніе переворота 3-го мая, приказалъ закрасить надпись, и это было сдѣлано такъ искусно, что на памятникѣ сохранились только слова, восхвалявшія прежніе законы и Станислава-Августа; рѣшимость барона Ферзена задѣлать монархическую надпись очень понравилась Кречетникову [2]).

Выражая свое благоволеніе лицамъ, потрудившимся при образованіи мѣстныхъ конфедерацій, императрица просила Кречетникова поспѣшить объявленіемъ генеральной конфедераціи въ Вильнѣ [3]); согласно этому желанію, князь Долгорукій и Коссаковскій переправились 30-го мая (10-го іюня) 1792 г. чрезъ р. Вилію при мѣстечкѣ Михалишкахъ, и двинулись разными дорогами къ столицѣ Литвы.

Узнавъ о приближеніи русскихъ, литовское войско поспѣшно выступило изъ города, откуда были увезены всѣ пушки, оружіе и аммуниція. Генералъ-поручикъ Симонъ Забѣлло, у котораго было 600 человѣкъ пѣхоты и 700 чел. кавалеріи, также отступилъ предъ сильнѣйшимъ непріятелемъ. По мѣрѣ приближенія русской арміи, Вильна, которая была переполнена людьми, бѣжавшими изъ другихъ городовъ, опустѣла. Уже въ день переправы русскихъ корпусовъ черезъ Вилію жители начали массами выѣзжать изъ столицы.

«Обыватели разныхъ воеводствъ и повѣтовъ, коихъ здѣсь было очень много», «не желая силою быть вынужденными присоединиться къ конфедераціи, противной закону и правительству, начали разъѣзжаться, кто въ Гродно, кто въ Пруссію. 30-го мая (10-го іюня) въ четвертомъ часу по полудни, по дорогѣ въ Троки тянулось несмѣтное число каретъ, бричекъ, возовъ и всякаго рода экипажей».

Денежныя кассы и присутственныя мѣста были отправлены въ Гродно и Варшаву; военно-гражданскія коммиссіи и первые чины муниципалитета также разъѣхались, по городу расхаживали ежедневно

---

[1]) Донесенія Кречетникова императрицѣ и Пл. Зубову отъ 19-го (30-го) мая 1792 г. и письмо Платера Кречетникову, отъ 17-го (28-го) мая (Сборникъ, т. 47, стр. 354—356).

[2]) Письмо Кречетникова къ Платону Зубову (Сборникъ, т. 47, стр. 365).

[3]) Сборникъ, т. 47, стр. 361.

глашатаи, которые трубили въ трубы и возвѣщали жителямъ, что непріятельское войско близко, что городъ беззащитенъ, и поэтому жители должны встрѣтить его спокойно или же послѣдовать за литовскимъ войскомъ.

2-го (13-го) іюня оставшіяся въ городѣ власти, получивъ увѣдомленіе о томъ, что Долгорукій и Коссаковскій подходятъ къ городу, выѣхали имъ навстрѣчу, и успокоенные генералами на счетъ безопасности жителей, приказали вечеромъ объявить, съ барабаннымъ боемъ, чтобы при вступленіи русскаго войска соблюдалась величайшая тишина и спокойствіе.

На слѣдующій день, рано утромъ, вступилъ въ Вильно генералъ-маіоръ Денисовъ, съ двумя батальонами пѣхоты, выславъ предварительно разъѣздъ казаковъ съ цѣлью удостовѣриться, что въ городѣ дѣйствительно не было войска. Въ одиннадцатомъ часу пріѣхали Долгорукій и Коссаковскій. На взглядъ городъ былъ спокоенъ; лавки были открыты, ремесленники занимались своимъ дѣломъ, но въ сущности жители были объяты страхомъ, «который ясно можно было прочесть на ихъ лицахъ»; интеллигенціи на улицахъ не было почти никого, даже прелаты и каноники сидѣли по домамъ, не рѣшаясь идти въ костелы; дамы попрятались въ монастыри.

Между тѣмъ Коссаковскій, превознося тактъ и умѣнье Денисова и его помощниковъ, писалъ Кречетникову, что «генералъ-маіоръ и кавалеръ Денисовъ, съ двумя полковниками: Миллеромъ и Беклешовымъ такъ ободрили и увѣрили жителей, дабы были спокойны, что по прибытіи (моемъ) въ городъ примѣтны были у всѣхъ на лицахъ «радость и удовольствіе», и тѣ, кои у меня были, охотно, съ первыхъ моихъ словъ пріемлютъ и признаютъ за святость изданную ея императорскимъ величествомъ декларацію и приступаютъ со своей стороны съ отмѣннымъ усердіемъ къ положенію акта конфедераціи».

Но въ душѣ Коссаковскій далеко не былъ увѣренъ въ сочувствіи жителей, ибо тотчасъ по въѣздѣ въ городъ онъ принялъ всевозможныя мѣры предосторожности: приказалъ занять казаками всѣ дороги, ведшія въ Вильно, и не пропускать въ городъ ни писемъ, ни даже газетъ.

Когда шляхта собралась, по его приказанію, къ генералу Арсеньеву для подписанія акта конфедераціи, туда пріѣхало и нѣсколько знатнѣйшихъ обывателей, въ томъ числѣ извѣстный ветеранъ полковникъ Довнаровичъ, который «въ вѣжливыхъ, но твердыхъ выраженіяхъ» отказался подписать актъ конфедераціи. Коссаковскій выругалъ Довнаровича самыми грубыми словами и приказалъ его отвести на гауптвахту.

На слѣдующее утро были разосланы казаки, чтобы собрать разъѣхавшихся по окрестностямъ властей, но кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ

никого не нашли. Наконецъ пріѣхалъ въ Вильно Кречетниковъ, и въ костелѣ св. Яна былъ опубликованъ 14-го (25-го) іюня актъ литовской вольной генеральной конфедераціи.

По окончаніи молебствія епископъ Коссаковскій пригласилъ къ обѣденному столу командующаго войсками, генералитетъ и офицерство. За обѣдомъ, во время котораго играла передъ домомъ роговая музыка, пили здоровье императрицы, «великодушной покровительницы сконфедерованной республики». Кречетниковъ провозгласилъ тостъ за сконфедерованную республику.

На рынкѣ были выставлены бочки съ виномъ для угощенія народа [1]).

До обнародованія акта генеральной литовской конфедераціи, Коссаковскій игралъ въ воеводствахъ и повѣтахъ, занятыхъ русскими войсками, роль диктатора; ссылаясь на данную ему императрицею власть, онъ предоставилъ лицамъ, которыя были посланы имъ сконфедеровать воеводство, самыя обширныя полномочія, разрѣшивъ имъ употреблять по отношенію къ приверженцамъ конституціи не только угрозы и принужденія, но и всевозможныя наказанія. Кречетниковъ, не будучи знакомъ съ мѣстными условіями, долженъ былъ прибѣгать къ помощи Коссаковскаго, поэтому не стѣснялъ его ни въ чемъ и въ своихъ донесеніяхъ къ императрицѣ и въ письмахъ къ Зубову всячески хвалилъ его, говоря, что онъ не могъ бы ничего сдѣлать безъ Коссаковскаго, съ которымъ онъ совѣтуется во всѣхъ дѣлахъ, какъ «съ усерднѣйшимъ человѣкомъ», надѣясь тѣмъ благоугодить монаршей волѣ [2]) и самому Зубову, его покровителю.

Такимъ образомъ, онъ не только не отмѣнялъ репрессивныя мѣры, примѣненныя Коссаковскимъ, но даже какъ бы узаконивалъ ихъ своими собственными распоряженіями, только изрѣдка смягчая ихъ, чтобы не подвергать русское войско нареканіямъ со стороны мѣстнаго населенія.

Такъ, напр., Коссаковскій предписалъ, чтобы доходы съ секвестрованныхъ имуществъ собирались русскими офицерами и вносились ими въ кассу конфедераціи. Кречетниковъ измѣнилъ эту инструкцію, приказавъ, чтобы сборъ денегъ производился офицерами совмѣстно съ уполномоченными конфедераціи «для того, чтобы обыватели не имѣли повода жаловаться на представителей дружескаго войска».

Екатерина II, въ сущности, не одобряла репрессивныхъ мѣръ и желала, чтобы русскія войска держали себя въ Польшѣ «благопристойно» и склоняли бы жителей къ конфедераціи скорѣе убѣжденіемъ, нежели

---

[1]) Сборникъ, т. 47, стр. 396.
[2]) Сборникъ, т. 47, стр. 324.

силою, дабы всѣ видѣли, что «конфедераціи составляются добровольно шляхетствомъ, угнетеннымъ и лишеннымъ правъ своихъ и вольности беззаконною и насильственною конституціею 3-го мая».

«Умножая такимъ образомъ партію нашу,—писала она М. Н. Кречетникову,—«легче вамъ будетъ низложить закоснѣлыхъ противниковъ, которые, конечно, не оставятъ разглашать, что къ конфедераціи принуждаютъ силою» [1]).

Но когда выяснилось окончательно, что жители не хотѣли признавать конфедераціи и что убѣжденіями ничего нельзя было достигнуть, то императрица сообщила Кречетникову тотъ самый рескриптъ отъ 12-го (23-го) іюня, коимъ она повелѣла Каховскому и Бюллеру употреблять противъ конституціонной партіи репрессивныя мѣры.

Коссаковскій, уже ничѣмъ не стѣсняемый въ своихъ террористическихъ инстинктахъ, опубликовалъ отъ имени генеральной конфедераціи универсалъ, въ коемъ были изложены правила для образованія воеводскихъ и повѣтовыхъ конфедерацій. Для присоединенія къ нимъ обывателямъ былъ назначенъ двухъ-недѣльный срокъ со дня подписанія акта мѣстной конфедераціи, а для сенаторовъ и пословъ послѣдняго сейма,—двухмѣсячный срокъ, считая съ 12-го (25-го) іюня. По прошествіи этого срока они лишались права добровольно присоединиться къ конфедераціи и имущества ихъ подлежали конфискаціи.

Слухъ о суровыхъ мѣрахъ и насиліяхъ, къ коимъ прибѣгала конфедерація и русскія войска, поселилъ повсюду такой страхъ, что обыватели, заслышавъ о приближеніи русскихъ, бѣжали. Вообще образованіе конфедерацій сопровождалось многочисленными недоразумѣніями, нерѣдко весьма куріознаго свойства, такъ, напр., когда 9-го (20-го) іюня прибылъ въ Ковно для образованія конфедераціи генералъ Хрущовъ съ отрядами войска, то шляхты, по обыкновенію, въ городѣ не оказалось. На слѣдующій день онъ разослалъ обывателямъ повѣта оповѣщеніе съ приказаніемъ явиться въ городъ въ теченіе двухъ дней, а между тѣмъ велѣлъ пригнать въ каѳедральный костелъ около двухсотъ мѣщанъ, коимъ было приказано «не только отречься отъ конституціи, но и присягнуть императрицѣ». Получивъ объ этомъ донесеніе, Кречетниковъ послалъ немедленно ковенскому магистрату письмо, чтобы исправить ошибку не въ мѣру усерднаго Хрущова. Въ письмѣ говорилось, что обыватели обязаны только присягать конфедераціи и что «императрица, великодушно поддерживая Рѣчь Посполитую и ея старинныя права, не требуетъ присяги отъ польскихъ городовъ»; а Хрущеву было приказано, оставивъ въ Ковно небольшой отрядъ съ артиллеріей, самому идти на соединеніе съ отрядомъ Долгорукова.

---

[1]) Сборникъ, т. 47, стр. 361.

Между тѣмъ князь Понятовскій стягивалъ разбросанные на большомъ пространствѣ польскіе отряды къ Любару, гдѣ онъ предполагалъ дать русскимъ сраженіе, и съ нетерпѣніемъ поджидалъ проѣзда короля, въ надеждѣ, что его присутствіе ободритъ всѣхъ тѣхъ, кои остались вѣрны конституціи, но Станиславъ-Августъ, который, еще до вступленія русскихъ войскъ въ Польшу, выразилъ готовность отправиться въ лагерь своего племянника, не спѣшилъ отъѣздомъ изъ Варшавы. Нѣкоторыя лица, въ томъ числѣ князь Михаилъ Любомірскій, командовавшій волынской и подольской дивизіей, считали поѣздку въ Украйну для короля опасной, отговаривали его отъ этого и совѣтовали стать лагеремъ въ Дубно или Полонномъ, поближе къ столицѣ.

Въ началѣ іюня въ королевскомъ дворцѣ начались приготовленія къ отъѣзду. «Я надѣюсь,—говорилъ Станиславъ-Августъ,—послужить вскорѣ вмѣстѣ съ вѣрными защитниками отечества нашей общей матери по мѣрѣ моихъ силъ и способностей».

1-го (12-го) іюня изъ Варшавы была отправлена, подъ конвоемъ народовой гвардіи, королевская кухня и багажъ, а на слѣдующій день придворные, собравшись въ одной изъ дворцовыхъ залъ, присягнули королю, послѣ чего состоялся его отъѣздъ, но не въ Любаръ и не въ Полонное, а гораздо ближе—въ Козеницы.

«Король ѣдетъ въ Козеницы,—писалъ Булгаковъ,—чтобы сдержать свое слово и получить два милліона, большая часть которыхъ уже израсходована, хотя онъ ихъ еще не получилъ [1]). Булгаковъ оказался правъ: намѣреніе короля ѣхать въ лагерь было только показное, и онъ измѣнилъ его, не доѣхавъ до Козеницъ, и рѣшилъ остаться подъ Варшавою въ Прагѣ.

«Я рѣшилъ,—писалъ онъ Букатому 12-го (23-го) іюня,—имѣть лагерь не подъ Козеницами, а тутъ, въ Прагѣ; пусть москали сами навѣстятъ меня въ Варшавѣ; впослѣдствіи, смотря по обстоятельствамъ, я поѣду далѣе, туда, гдѣ окажется въ томъ надобность».

Станиславъ-Августъ былъ далекъ отъ желанія воевать съ Россіей и, еще до вступленія русскихъ войскъ въ Польшу, считалъ необходимымъ прибѣгнуть не къ оружію, а къ переговорамъ съ петербургскимъ дворомъ. Въ рѣчи, произнесенной имъ на сеймѣ по полученіи отъ Булгакова деклараціи, онъ говорилъ о войнѣ съ Россіей только какъ о «возможной случайности». Изданная, по желанію короля, Станиславомъ Потоцкимъ брошюра: Raczej piórem, niż orężem, czyli droga do traktowania z Impetatorową Imcią rosyską» (лучше перомъ, нежели оружіемъ

---

[1]) Указомъ 18-го (29-го) мая сеймъ ассигновалъ эту сумму на поѣздку короля въ лагерь. Дневникъ Булгакова отъ 27-го мая (7-го іюня) Kalinka, т. II, стр. 389.

или путь къ переговорамъ съ ея императорскимъ величествомъ императрицей всероссійской), въ которой, какъ видно изъ самаго заглавія, проводилась мысль о миролюбивомъ соглашеніи съ Россіей и какъ вѣрнѣйшее средство къ тому указывалось на бракъ польской инфанты съ русскимъ великимъ княземъ, выражала взглядъ самого короля на этотъ вопросъ.

Не возлагая надеждъ на помощь Берлинскаго, Вѣнскаго и Дрезденскихъ дворовъ, король однако до такой степени не вѣрилъ въ возможность войны, что не приказалъ даже выдать паспорта Булгакову и не отозвалъ изъ Петербурга Деболи.

Стараясь избѣжать всего, что могло раздражить императрицу, онъ выжидалъ, чтобы приступить къ переговорамъ, момента, когда приближенные его признали бы необходимымъ смириться передъ Россіей. Измѣна Пруссіи, съ которой совпали извѣстія о пораженіи польскихъ войскъ въ Литвѣ и о критическомъ положеніи коронной арміи, подготовила почву для осуществленія его плановъ.

Недолго спустя по полученіи отвѣта отъ короля прусскаго и ноты отъ Луккезини, 6-го (17-го) іюня, въ засѣданіи военнаго совѣта читано было донесеніе генерала Юдицкаго съ описаніемъ битвы подъ Миромъ [1]) и отступленія литовской арміи къ Гродно. А на слѣдующій день на засѣданіи совѣта, на которомъ присутствовали: маршалы сейма Малаховскій и Сапѣга, бывшій подкоморій князь Понятовскій, генералы Горженскій и Цыхоцкій, подканцлеръ Коллонтай, подскарбій Островскій и войсковой Дембовскій, читалось донесеніе князя Понятовскаго отъ 3-го (14-го) іюня изъ лагеря подъ Любаромъ, и Ржевусскій давалъ объясненія о положеніи коронной арміи.

«Болѣе слабая численностью польская армія не въ состояніи оказать сопротивленіе русскому войску, которое подошло уже къ лагерю князя Понятовскаго»,—говорилъ Ржевусскій. «Поляки испытываютъ всевозможныя затрудненія въ полученіи перевозочныхъ средствъ, фуража и провіанта; тогда какъ непріятель, прибѣгая къ насилію, двигается впередъ быстро и имѣетъ всего вдоволь. Польское войско не имѣетъ самаго необходимаго, терпитъ отъ дождей и непогоды и, ведя неравную борьбу съ превосходными русскими силами, должно быть всегда насторожѣ, тѣмъ болѣе, что русскіе прекрасно освѣдомлены обывателями о диспозиціяхъ князя Понятовскаго». Выслушавъ Ржевусскаго, совѣтъ рѣшилъ начать переговоры о заключеніи перемирія, а король послалъ къ Булгакову вице-канцлера Хрептовича съ порученіемъ узнать его мнѣніе относительно переговоровъ съ Петербургскимъ дворомъ.

---

[1]) Миръ, мѣст. Минской губ., Новогруд. уѣзда.

Хрептовичъ поѣхалъ къ русскому посланнику тотчасъ по окончаніи засѣданія военнаго совѣта, ночью 7-го (8-го) іюня.

«Заключеніе перемирія не отъ меня зависитъ—отвѣчалъ ему Булгаковъ, но оно не можетъ быть заключено до тѣхъ поръ, пока вы не откажетесь отъ всего того, что сдѣлано вами, до тѣхъ поръ, пока вы не будете руководствоваться въ своихъ поступкахъ сдѣланной мною деклараціей, и пока вы вполнѣ искренно и съ полнымъ довѣріемъ не положитесь на великодушіе императрицы».

Хрептовичъ заявилъ, что къ князю Понятовскому немедленно будутъ посланы два адъютанта короля съ приказаніемъ отступить изъ-подъ Любара, уклониться отъ битвы и предложить русскому главнокомандующему заключить перемиріе; наконецъ, онъ сознался, что пріѣхалъ къ послу за совѣтомъ.

— Я могу говорить съ вами,—отвѣчалъ Булгаковъ, только въ духѣ деклараціи, которая должна служить основою всѣхъ вашихъ дѣйствій; если же вы довѣряете мнѣ, то примите мой совѣтъ: не теряя времени прибѣгнуть къ великодушію императрицы.

— Мы сами видимъ,—продолжалъ Хрептовичъ,—что намъ нѣтъ инаго спасенія; я всегда это говорилъ и за то подвергался злобѣ и нареканіямъ; король и всѣ истинные патріоты хотятъ предложить польскій престолъ великому князю Константину Павловичу и просить императрицу учредить прочное правленіе въ Польшѣ. Если бы это предложеніе не понравилось императрицѣ или встрѣтило бы какое-нибудь политическое препятствіе, то мы просимъ выбрать въ наслѣдники королю кого императрицѣ будетъ угодно. Если государыня и на это не согласится, то мы просимъ заключить союзъ съ Россіей вѣчный или временный на какомъ угодно основаніи. Ежели и это не удостоится высочайшей апробаціи, то просимъ исправить нашу форму правленія, выбросить изъ нея то, что не угодно, и внести тѣ измѣненія, какія признаютъ нужнымъ; наконецъ, ежели и это не понравится, то мы предаемся безусловно волѣ ея императорскаго величества и желаемъ, чтобы Польша и Россія составляли впредь, такъ сказать, одинъ народъ.

— Вотъ это было бы лучше всего—отвѣчалъ Булгаковъ,—и надобно составить новый сеймъ съ помощью генеральной конфедераціи.

— Этого мы и боимся,—прервалъ его Хрептовичъ, — кто будетъ засѣдать въ этомъ сеймѣ? Все тѣ же поляки, всѣ дѣйствія коихъ были отмѣчены до сихъ поръ злобою, мщеніемъ, легкомысліемъ и заботою о своихъ личныхъ интересахъ. Они могутъ сочинить конституцію еще хуже, и для избѣжанія этого мы и желаемъ, чтобы сама императрица изыскала для Польши форму правленія и дала ее намъ готовую.

— Вамъ нечего бояться,—отвѣчалъ посланникъ; конфедерація со-

ставилась подъ покровительствомъ и съ помощью государыни; поэтому, надобно надѣяться, что она не выступитъ изъ предѣловъ, ею себѣ поставленныхъ; впрочемъ, россійскій здѣсь министръ будетъ наблюдать за нею и не допуститъ, чтобы будущій сеймъ былъ подобенъ нынѣшнему; чрезвычайно было бы полезно, если бы король изложилъ всѣ сдѣланныя вами предложенія въ письмѣ къ императрицѣ, которое было бы наполнено не краснословіемъ, а искренностью.

На слѣдующій день, 8-го (19-го) іюня вернулся изъ Берлина Игнатій Потоцкій; его пріѣздъ подалъ поводъ ко всевозможнымъ догадкамъ и предположеніямъ. Тотчасъ по возвращеніи великаго литовскаго маршала состоялось засѣданіе стражи, продолжавшееся нѣсколько часовъ. На немъ обсуждались вопросы, поднятые наканунѣ въ военномъ совѣтѣ и на совѣщаніи Хрептовича съ Булгаковымъ. Стражъ, не разсчитывая на то, чтобы Каховскій согласился на перемиріе, призналъ необходимымъ обратиться прямо къ императрицѣ. Мысль эту поддерживалъ Потоцкій, но онъ былъ по существу противникъ предложеній, сдѣланныхъ наканунѣ Хрептовичемъ русскому посланнику. Великій литовскій маршалъ соглашался предложить польскую корону внуку императрицы, но протестовалъ противъ выраженной Хрептовичемъ и обидной для народнаго самолюбія готовности положиться на великодушіе императрицы.

Тотчасъ по окончаніи засѣданія, поздно ночью, полковникъ Бышевскій и Голковскій выѣхали изъ Варшавы съ приказомъ князю Понятовскому относительно заключенія перемирія, на которомъ король собственноручно приписалъ: «Главное, прошу тебя принять во вниманіе, что если бы даже явилась возможность заключить перемиріе, но если это будетъ обусловлено необходимостью признать Тарговицкую конфедерацію, то на это не слѣдуетъ соглашаться».

10-го (21-го) іюня Хрептовичъ передалъ Булгакову запечатанное письмо Станислава-Августа къ императрицѣ, прочелъ ему копію съ этого письма и записку съ предложеніями короля. Русскій посланникъ нашелъ письмо и записку слишкомъ краткими, неясными и поверхностными и сказалъ безъ обиняковъ, что въ нихъ не заключается того, что было условлено, поэтому они не могутъ имѣть ожидаемыхъ результатовъ. Видя, что Булгаковъ не доволенъ, Хрептовичъ сказалъ, что король пригонитъ содержаніе письма согласно съ его совѣтомъ.

— Я совѣтую придерживаться того, что мы съ вами условились,— сказалъ Булгаковъ.

Нѣсколько часовъ спустя Хрептовичъ вернулся съ проектомъ новаго письма, на которое посланникъ сдѣлалъ свои замѣчанія, и сообразно съ ними текстъ письма былъ снова измѣненъ. На другой день, 11-го (22-го) іюня, Булгаковъ получилъ отъ Хрептовича запечатанное

письмо съ приложеніемъ копіи и съ просьбою отправить пакетъ въ Петербургъ и изложить императрицѣ его мнѣніе о положеніи польскаго правительства и чистосердечномъ намѣреніи короля искать спасенія въ покровительствѣ императрицы.

Станиславъ-Августъ писалъ Екатеринѣ:

«Говорить обиняками не согласуется ни съ моимъ характеромъ, ни съ положеніемъ, въ какомъ я нахожусь. Поэтому я объяснюсь откровенно и ясно. Удостойте прочесть мое письмо благосклонно и безъ предубѣжденія и припомнить то писаніе, которое я подалъ вашему величеству на галерѣ въ Каневѣ. Вашему императорскому величеству извѣстно какъ нельзя лучше, что если планъ, выраженный мною въ то время, не былъ выполненъ, то это было не по моей винѣ. Вспоминать о томъ, что было послѣ, было бы напрасно и безполезно, поэтому я перейду къ теперешнимъ обстоятельствамъ и буду говорить откровенно.

«Вамъ, государыня, нужно имѣть вліяніе въ Польшѣ, вамъ нужно безпрепятственно проводить черезъ нее свои войска всякій разъ, когда вамъ будетъ угодно заняться Турціей или Европою. Намъ нужно избавиться, разъ навсегда, отъ безпрестанныхъ переворотовъ, къ которымъ подаетъ поводъ каждое междуцарствіе, и отъ вмѣшательства сосѣдей, которые вооружаютъ насъ самихъ другъ противъ друга.

«Сверхъ того, намъ нужно внутреннее правленіе, устроенное лучше, чѣмъ было до сихъ поръ, теперь удобный моментъ согласить все это. Дайте мнѣ въ наслѣдники своего внука, великаго князя Константина. Пусть вѣчный союзъ соединитъ обѣ страны; заключимъ и торговый договоръ взаимно полезный. Мнѣ нѣтъ надобности присовокуплять, что осуществленіе этихъ плановъ никогда не могло быть легче, нежели въ настоящее время. Излишне было бы дать вашему величеству въ этомъ случаѣ какой-либо совѣтъ или указанія.

«Отнеситесь съ благосклоннымъ вниманіемъ къ моимъ горячимъ просьбамъ, выслушайте меня и обратите вниманіе на положеніе, въ какомъ я нахожусь. Сеймъ далъ мнѣ власть заключить перемиріе, но не окончательный миръ. Поэтому я умоляю васъ согласиться на перемиріе какъ можно скорѣе и ручаюсь за остальное, если вы мнѣ дадите время и средства.

«Здѣсь произошла теперь такая перемѣна въ образѣ мыслей, что предложенія мои будутъ приняты, быть можетъ, съ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ все совершенное на послѣднемъ сеймѣ.

«Но я не могу скрыть отъ вашего императорскаго величества, что если вы будете настаивать на томъ, что содержитъ ваша декларація, то не въ моей власти будетъ сдѣлать то, что я такъ желаю.

«Я знаю, что ваше императорское величество имѣете силу вы-

полнить все то, что заявлено декларацiей. Но я не вѣрю, чтобы ваше сердце предпочло суровыя мѣры мѣрамъ кротости, кои могутъ составить славу вашего императорскаго величества и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить наши желанія.

«Еще разъ умоляю васъ, не отвергайте моей просьбы, изъявите согласіе на немедленное заключеніе перемирія, и я ручаюсь, что все предложенное мною будетъ принято и исполнено моимъ народомъ, если только вы удостоите одобрить средства, мною предложенныя».

«Польша у ногъ вашего величества»—доносилъ Булгаковъ, препровождая въ Петербургъ письмо Станислава-Августа, «я не думалъ, чтобы это сдѣлалось такъ скоро». «Перемѣна мыслей въ самыхъ запальчивыхъ головахъ велика»,—присовокуплялъ онъ. «Всѣ кричатъ теперь, что слѣдуетъ сблизиться съ Россіей; всѣ негодуютъ на короля прусскаго; всѣ упрекаютъ Потоцкихъ и другихъ начальниковъ партій, говоря, что они погубили Польшу» [1]).

Курьеръ, посланный къ Понятовскому въ ночь на 8-ое (19-ое) іюня, прибылъ къ князю въ то время, какъ коронная армія, выступивъ изъ подъ Любаръ, послѣ неудачнаго дѣла подъ Зеленцами, отступила къ Заславу и Острогу.

Получивъ приказъ короля, Понятовскій тотчасъ написалъ Каховскому:

«Имѣя надлежащія полномочія, я считаю возможнымъ предложить вашему превосходительству перемиріе, съ цѣлью хотя временно прекратить пролитіе крови и дать обѣимъ сторонамъ возможность обмѣняться донесеніями со своими правительствами, въ видахъ полученія отъ нихъ дальнѣйшихъ указаній. Перемиріе предлагается мною на 4 недѣли, съ тѣмъ, чтобы войска обѣихъ сторонъ оставались на занимаемыхъ ими въ настоящее время позиціяхъ» [2]).

«Никто такъ не желаетъ окончанія войны, какъ я,—отвѣчалъ на это Каховскій 13-го (24-го) іюня,—но я не имѣю полномочія заключить перемиріе. Я не прекращу военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока въ Польшѣ будетъ какое-либо войско и какая-либо партія, не желающія добровольно признать великодушныхъ намѣреній государыни и водворить въ Польшѣ спокойствіе и порядокъ, нарушенные конституціей 3-го мая. Отъ вашего сіятельства зависитъ подчиниться волѣ императрицы.... Присоединиться къ конфедераціи или сложить оружіе,—вотъ единственные два способа прекратить кровопролитія. Предупреждаю ваше сіятельство, что императорскія войска завтра двинутся далѣе тремя колоннами».

---

[1]) Булгаковъ императрицѣ 11-го (22-го) іюня 1792 г. Соловьевъ, 280.

[2]) Сборникъ, т. 47, стр. 391.

Письмо польскаго главнокомандующаго къ генералу Каховскому было выраженіемъ безсилія, которое надѣялось найти спасеніе въ переговорахъ съ непріятелемъ, письмо же Станислава-Августа къ Екатеринѣ свидѣтельствовало о томъ, что король искалъ спасенія даже не въ переговорахъ, а только въ великодушіи императрицы.

Положеніе, въ которое поставилъ себя король польскій, было по истинѣ трагично: желая, въ глубинѣ души, уклониться отъ исполненія суровыхъ требованій деклараціи 7-го (18-го) мая, онъ складывалъ въ то же время оружіе у ногъ покровительницы конфедератовъ; ожидая со страхомъ отвѣта изъ Петербурга, онъ высказывалъ во всеуслышаніе намѣреніе «отдать жизнь за конституцію 3-го мая» и, обманывая народъ, повторялъ: «надѣйтесь на меня, если понадобится пожертвовать жизнью, я не пожалѣю ее!»

Но его слова: «что онъ поѣдетъ съ войскомъ туда, гдѣ окажется въ томъ надобность», принадлежали къ категоріи тѣхъ лживыхъ увѣреній, отъ которыхъ онъ не могъ удержаться по своей двуличности, и тогда какъ генералъ Каховскій отвѣчалъ на письмо Понятовскаго маршемъ «тремя колонами», Станиславъ-Августъ пребывалъ въ полномъ бездѣйствіи, яко бы выжидая заключенія перемирія, и не сдѣлалъ того шага, который могъ воодушевить народъ и армію. Неспособный къ дѣятельности, отвагѣ и самопожертвованію, король не дорожилъ собственной честью и интересами народа, старался спрятаться за спиною тѣхъ лицъ, коимъ онъ довѣрялъ, и не принималъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Между тѣмъ положеніе дѣлъ ухудшалось: армія Понятовскаго терпѣла недостатокъ во всемъ: въ оружіи, аммуниціи, фуражѣ и провіантѣ. Подъ Острогомъ она едва могла отвѣчать на канонаду русской артиллеріи.

Но благодаря ложнымъ извѣстіямъ, которыя распространялись частными лицами и газетами, превращавшими самый ничтожный успѣхъ польской арміи въ блестящую побѣду, военныя дѣйствія коронныхъ и литовскихъ войскъ возбуждали въ Варшавѣ вначалѣ самыя радостныя надежды. Такъ, напримѣръ, послѣ пораженія Юдицкаго подъ Миромъ и отступленія главнаго корпуса литовской арміи къ Гродно, въ Варшаву прибылъ изъ Литвы нѣкто Юревичъ и разсказывалъ во всеуслышаніе о побѣдѣ, одержанной генераломъ Юдицкимъ, о томъ, что имъ взятъ въ плѣнъ весь русскій штабъ, забрано много орудій, знаменъ и что графъ Меллинъ убитъ. Нѣсколько болѣе правдивыя, хотя все же далеко невѣрныя и слишкомъ благопріятныя для поляковъ вѣсти разглашались о битвахъ подъ Мурахвой и Зеленцами.

Въ исходѣ іюня, послѣ занятія русскими Слонима и отступленія князя Понятовскаго изъ Острога, польское общество было несказанно изумлено и встревожено полученными вѣстями.

«Патріоты не могутъ надивиться, почему наше войско постоянно отступаетъ?» [1])—писали изъ Львова.

«Какую оно имѣетъ цѣль, коль скоро, не будучи слабѣе непріятеля и превосходя его храбростью и рвеніемъ и одержавъ надъ нимъ уже неоднократно побѣды, оно отступаетъ въ глубь страны, гдѣ нѣтъ достаточно хлѣба и помѣщенія для войска».

«Отступленіе нашихъ войскъ,—говорили въ Варшавѣ,—вызвано какимъ-нибудь секретнымъ приказаніемъ, внушеннымъ иноземнымъ вліяніемъ».

Въ военный совѣтъ было прислано ходившее въ Варшавѣ по рукамъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Наше войско никоимъ образомъ не должно было отступать отъ Дубно, а тѣмъ болѣе отъ Луцка. Въ одномъ изъ писемъ, полученныхъ оттуда пишутъ, что жители Волыни только и ожидаютъ прихода русскихъ войскъ и готовы помогать имъ. Что касается магазиновъ, то если ихъ нѣтъ у нашего войска, откуда же получаютъ провіантъ русскіе, слѣдующіе по пятамъ за нашей арміей? Совершенно непонятно, какимъ образомъ могутъ голодать наши войска, отступая, тогда какъ непріятель, идя вслѣдъ за ними и которому нужно имѣть всего въ большемъ количествѣ, имѣетъ однако все необходимое».

Въ заключеніе высказывалась увѣренность, что князь Іосифъ Понятовскій слѣдуетъ совѣтамъ злонамѣренныхъ людей, которые умышленно тревожатъ, пугаютъ и обманываютъ его; ходилъ слухъ, будто подполковникъ Каменецкій, многимъ обязанный Щенсному-Потоцкому, доносилъ ему обо всемъ, что дѣлалось въ лагерѣ Понятовскаго, и давалъ зловредные совѣты главнокомандующему польскимъ войскомъ [2]).

Въ исходѣ іюня еще болѣе встревожило всѣхъ донесеніе Понятовскаго, въ которомъ онъ сообщалъ о необходимости произвести диверсію въ тылъ непріятелю, чтобы сдержать его наступательное движеніе. Это донесеніе вызвало большой переполохъ въ военномъ совѣтѣ, который убѣдился изъ него въ опасности, угрожавшей столицѣ.

23-го іюня (4-го іюля) былъ обнародованъ универсалъ короля, призывавшій народъ къ посполитому рушенію.

«Судьба отечества ввѣряется доблести народа, говорилъ король въ универсалѣ; я ввѣряю ему и свою судьбу, и готовъ раздѣлить съ нимъ всѣ случайности и умереть вмѣстѣ съ ними, чтобы не пережить гибели отечества и побѣды дерзновенныхъ людей» [3]).

Универсалъ предписывалъ собирать охотниковъ и препровождать

---

[1]) Т. Г. генералу Горженскому 19-го (30-го) іюня (Militaria, т. VII).
[2]) Wolski, стр. 213.
[3]) Militaria, т. VIII.

ихъ какъ можно скорѣе въ лагерь подъ Прагу, куда отправились 28-го іюня (9-го іюля) конюшій Кицкій и камердинеръ короля Рыксъ, чтобы пріискать для короля подходящее помѣщеніе; два дня спустя все войско, стоявшее въ Варшавѣ, собралось на дворъ королевскаго замка и въ пятомъ часу по полудни двинулось по направленію къ Пражскому мосту: вслѣдъ за войскомъ ѣхалъ король, въ сопровожденіи многочисленной свиты, окруженный полкомъ уланъ. Подъ Прагой войско соединилось съ прибывшими изъ Козеницъ кавалеріей и конной литовской гвардіей. Всего въ лагерѣ собралось до 5.000 человѣкъ.

Станиславъ-Августъ возвратился въ Варшаву. За отсутствіемъ регулярныхъ войскъ караульную службу въ столицѣ несли охотники изъ мѣстныхъ жителей и Варшава приняла воинственный видъ.

2-го (13-го) іюля Станиславъ-Августъ съ многочисленной свитой вторично выѣхалъ въ лагерь, гдѣ для него былъ сервированъ обѣдъ, а затѣмъ онъ снова возвратился въ столицу съ пѣшей и конной литовской гвардіей, частью народовой кавалеріи, уланъ и артиллеріи.

Царскія палатки были убраны въ склады, лошади, купленныя подъ королевскій багажъ, приказано было продать. Остальное войско, собранное подъ Прагою, получило приказаніе идти въ Тересполь для обороны линіи Буга.

Двукратнымъ выѣздомъ въ Прагу и обѣдомъ въ лагерѣ закончились, длившіяся два съ половиною мѣсяца, приготовленія Станислава-Августа къ личному участію въ войнѣ. Не разыгрывая болѣе героя, онъ возложилъ окончательно всѣ свои надежды на отвѣтъ русской императрицы.

Томясь въ ожиданіи этого отвѣта, онъ попытался расположить въ свою пользу Щенснаго-Потоцкаго. Съ этой цѣлью Коллонтай написалъ съ вѣдома короля письмо своему родственнику, Льву Гулевичу, которое тотъ долженъ былъ показать Щенсному; въ этомъ письмѣ Коллонтай указывалъ путь къ примиренію съ королемъ и давалъ совѣтъ прекратить военныя дѣйствія и предоставить дѣло на обсужденіе сейма. Прочитавъ это письмо, Потоцкій замѣтилъ холодно, что предложеніе запоздало.

Послѣ возвращенія короля въ Варшаву у театра появилась подъ видомъ афиши сатира на лагерь подъ Варшавою, слѣдующаго содержанія:

«Антрепренеры народной защиты будутъ имѣть честь дать публикѣ представленіе новой оригинальной комедіи, сочиненной варшавскимъ военнымъ совѣтомъ, подъ заглавіемъ: Походъ противъ комаровъ или потѣшный лагерь подъ Прагою.

Въ непродолжительномъ времени нѣмецкіе и русскіе актеры дадутъ большую трагедію, подъ заглавіемъ: Разрушеніе Польши. Въ

виду того, что казною израсходовано на постановку этой піесы около 20 милліоновъ, входъ для публики будетъ безплатный».

Въ то же время въ Варшавѣ былъ распространенъ рукописный листокъ, въ которомъ говорилось, что «съ выступленіемъ войскъ изъ Праги, число карауловъ въ замкѣ удвоено. По ночамъ возлѣ замка стоитъ пикетъ изъ шестидесяти всадниковъ...

«Эти мѣры предосторожности указываютъ на то, что король дѣйствуетъ въ тайнѣ заодно съ Москвою. Онъ приказалъ войску отступить и потому онъ не поѣхалъ въ лагерь». Листокъ читался на расхватъ [1]) и недовольство противъ короля росло.

Очутившись за Бугомъ, князь Понятовскій рѣшилъ оказать энергическое сопротивленіе дальнѣйшему наступленію русскихъ.

7-го (18-го) іюля произошло рѣшительное сраженіе при Дубенкѣ. Главная атака русской арміи была направлена противъ отряда Косцюшки, который не выдержалъ натиска русскихъ и отступилъ.

Это было послѣднее сраженіе; въ Варшавѣ увидали, что дѣло было проиграно, и что надобно хлопотать о скорѣйшемъ прекращеніи военныхъ дѣйствій.

По отправленіи королевскаго письма къ императрицѣ, Хрептовичъ часто посѣщалъ русскаго посла, повѣрялъ ему планы Станислава-Августа и совѣтовался съ нимъ. Однажды онъ заявилъ ему, что король намѣренъ созвать сеймъ, чтобы представить ему положеніе страны, на что Булгаковъ замѣтилъ, что это была бы самая неудачная изо всѣхъ мѣръ. Хрептовичъ тотчасъ согласился съ этимъ и высказалъ мысль о созывѣ Сената.

Булгаковъ отвѣчалъ, что въ случаѣ надобности можно бы прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, когда въ Варшавѣ будетъ обнародована конфедерація и когда король приступитъ къ ней. На вопросъ Хрептовича, какъ слѣдуетъ королю поступить съ военнымъ совѣтомъ, Булгаковъ высказался за необходимость обновить составъ и назвалъ кандидатовъ.

— Можетъ ли король разсчитывать на безопасность въ случаѣ вступленія русскихъ войскъ въ Варшаву?—спросилъ другой разъ вице-канцлеръ.

— Отъѣздъ короля изъ столицы будетъ сочтенъ за бѣгство,—отвѣчалъ Булгаковъ. Король нигдѣ не можетъ быть въ безопасности такъ, какъ въ Варшавѣ подъ охраною русскаго войска. Когда столица будетъ занята императорскими войсками, онъ долженъ тотчасъ приступить къ конфедераціи; признать ее въ настоящее время было бы преждевременно и могло бы угрожать ему опасностью.

Въ то время когда Хрептовичъ старался такимъ образомъ вывѣдать

---

[1]) Gazetka pisana z 17 lipca г. 1792 (Рукоп. библ. гр. Красинскихъ).

мнѣніе Булгакова, Піатоли, находившійся вмѣстѣ съ Мостовскимъ въ Дрезденѣ, завязалъ сношеніе съ Алопеусомъ, русскимъ посломъ при Берлинскомъ дворѣ.

19-го (30-го) іюня онъ писалъ ему, прося назначить ему свиданіе между Дрезденомъ и Берлиномъ или Берлиномъ и Варшавою, для тайнаго политичскаго совѣщанія.

«Король Станиславъ-Августъ и его достойный министръ Хрептовичъ, писалъ Піатоли, всегда почитали васъ единственнымъ человѣкомъ, который можетъ соединить ревность къ службѣ своей монархинѣ съ искреннимъ участіемъ къ судьбамъ польскаго народа, составляющимъ основной мотивъ политической системы императрицы... Дипломатическій талантъ, соединенный съ опытностью и испытанной честностью, уваженіе, какимъ вы пользуетесь у императрицы,—все это даетъ вамъ право играть роль примирителя двухъ народовъ».

Алопеусъ немедленно сообщилъ содержаніе этого письма своему двору, и отвѣтилъ Піатоли въ высшей степени вѣжливо, не принимая однако на себя никакихъ обязательствъ.

Очевидно, шаги, сдѣланные Піатоли, находились въ тѣсной связи съ письмомъ Станислава-Августа отъ 11-го (22-го) іюня.

Тайныя сношенія короля съ представителями Петербургскаго двора и главнымъ образомъ съ Булгаковымъ не остались безъ послѣдствій.

«Булгаковъ и Луккезини говорятъ, писалъ Станиславъ-Августъ Букатому [1]), что если я выѣду изъ Варшавы, то уже мнѣ не вернуться въ нее; настало бы междуцарствіе и остальная часть страны была бы объята возстаніемъ. Булгаковъ присовокупляетъ, что если бы оказалось недостаточно одного русскаго войска, то и пруссаки вступили бы (въ Варшаву); если же я останусь въ Варшавѣ, то еще возможны переговоры».

Изъ этого видно, что въ вопросѣ о поѣздкѣ къ арміи, на чемъ особенно настаивалъ Понятовскій, король руководствовался не столько сознаніемъ своего долга, о которомъ онъ громко заявлялъ въ универсалѣ отъ 23-го іюня (4-го іюля), сколько совѣтами русскаго и даже прусскаго посла.

V.

20-го іюня (1-го іюля) Безбородко доложилъ Государственному Совѣту содержаніе депеши Булгакова, полученной изъ Варшавы одновременно съ письмомъ Станислава-Августа и рѣшеніемъ императрицы: «строго держаться правилъ, выраженныхъ въ деклараціи; не допускать

[1]) Письмо къ Букатому отъ 10-го (21-го) іюля Калинка, стр. 223.

*

къ переговорамъ маршала Потоцкаго и тѣхъ лицъ, кои, дѣйствуя изъ нерасположенія къ Россіи были творцами конституціи 3-го мая, а равно находящагося въ Петербургѣ полномочнаго посла, Деболи, ложныя донесенія котораго послужили поводомъ къ совершенію переворота».

По обсужденіи вопроса Государственный Совѣтъ высказался рѣшительно противъ заключенія перемирія, мотивируя это рѣшеніе тѣмъ, что русскія войска вступили въ Польшу только для поддержанія «здравомыслящей части польскаго народа», съ цѣлью возстановленія его правъ и вольности, поэтому къ переговорамъ возможно приступить только тогда, когда польскіе солдаты присоединятся къ конфедераціи, либо, отказавшись отъ конституціи 3-го мая, сложатъ оружіе и разойдутся по домамъ.

Согласно съ рѣшеніемъ Совѣта Кречетникову было приказано уклониться отъ всякихъ переговоровъ съ начальниками польскихъ войскъ [1]), если бы съ ихъ стороны была сдѣлана къ тому попытка.

Нѣсколько дней спустя, императрица сдѣлала на донесеніи Алопеуса, о его сношеніяхъ съ Піатоли, собственноручно слѣдующую надпись:

«Запретить надлежитъ Алопеусу, чтобъ онъ отнюдь не вошелъ съ Піатоліемъ ни въ какія связи. Сей интригантъ вездѣ суетится какъ угорѣлая кошка. Напишите скорѣе, дабы переписка и мошенничество пресѣклись наискорѣе» [2]).

Наконецъ 2-го (13-го) іюля, императрица отвѣтила на письмо Станислава-Августа.

Уклоняясь, согласно съ его желаніемъ, отъ всякихъ разсужденій о томъ, что было ближайшимъ поводомъ къ возникшимъ недоразумѣніямъ, Екатерина ставила королю на видъ, что цѣль ея—возвратить Рѣчи Посполитой ея древнюю свободу и форму правленія, ниспровергнутую переворотомъ 3-го мая, и что она будетъ добиваться этого всѣми зависящими отъ нея средствами, при этомъ она выражала надежду, что король, не дожидаясь послѣдней крайности «немедленнымъ приступленіемъ къ конфедераціи», составленной подъ ея покровительствомъ, поставитъ ее въ состояніе, согласно съ ея искреннимъ желаніемъ, быть его «доброю сестрою, другомъ и сосѣдкою».

Булгакову было поручено изъяснить королю изустно причины, по какимъ его предложенія не могли быть приняты.

Князь Вяземскій, посланный въ Варшаву съ отвѣтнымъ письмомъ императрицы и съ инструкціей гр. Остермана Булгакову пріѣхалъ въ Варшаву рано утромъ 11-го (22-го) іюля.

---

[1]) Сборникъ, т. 47, стр. 400.

[2]) Соловьевъ, стр. 290.

Булгаковъ былъ боленъ или притворился больнымъ, чтобы не ѣхать къ королю, и пригласивъ къ себѣ около полудня вице-канцлера Хрептовича, сообщилъ ему изложенное въ инструкціи Остермана и передалъ ему письмо императрицы.

Отъ Булгакова Хрептовичъ отправился къ князю примасу, чтобы посовѣтоваться о томъ, какъ приготовить короля къ сообщеніямъ, полученнымъ изъ Петербурга. По совѣщаніи съ примасомъ, онъ передалъ Станиславу-Августу письмо Екатерины и сообщилъ ему все слышанное отъ Булгакова.

Прочитавъ письмо и выслушавъ Хрептовича, король пришелъ въ совершенное отчаяніе. Въ первый моментъ онъ просилъ вице-канцлера отправиться къ Булгакову и просить его послать въ Петербургъ курьера съ донесеніемъ, что онъ готовъ сложить корону, лишь бы конституція осталась въ цѣлости. Когда же вице-канцлеръ замѣтилъ, что, сложивъ корону, онъ не спасетъ конституціи, а себя погубитъ, то онъ приказалъ ему отправиться къ Булгакову и сказать, что король согласенъ исполнить волю императрицы, подъ условіемъ: что будетъ обезпечена цѣлость владѣній республики, что армія останется въ прежнемъ составѣ, чтобъ до прибытія конфедераціи, король сохранилъ власть надъ скарбовою и войсковою коммиссіями и чтобъ были обезпечены сдѣланные республикою займы.

Выслушавъ Хрептовича, Булгаковъ отвѣчалъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ никакія условія не могутъ имѣть мѣста.

На другой день король созвалъ совѣтъ министровъ; прочитавъ письмо императрицы, онъ высказалъ свое прискорбіе по поводу того, что Петербургскій дворъ главнымъ условіемъ прекращенія кровопролитія поставилъ уничтоженіе конституціи, которая была признана всѣми европейскими державами и сулила народу прочную будущность; затѣмъ представивъ истинное положеніе Польши и невозможность продолжать войну по недостатку средствъ и опасность, угрожавшую странѣ со стороны Пруссіи, онъ просилъ присутствующихъ высказать свое мнѣніе о томъ, не слѣдуетъ ли имъ присоединиться, согласно желанію Петербургскаго двора, къ Тарговицкой конфедераціи?

Первымъ говорилъ князь примасъ: если нѣтъ возможности спасти конституцію,—сказалъ онъ,—то надобно спасти страну, надобно пожертвовать конституціей благу отечества и приступить къ конфедераціи. Его поддержали маршалъ Мнишекъ, канцлеръ Малаховскій, Коллонтай, Хрептовичъ, Тышкевичъ и нѣкоторые другіе. Всего восемь голосовъ противъ четырехъ высказалось за приступленіе къ конфедераціи, но противъ этого энергично протестовали: Потоцкій, Солтыкъ, Островскій и маршалъ Малаховскій. Потоцкій требовалъ, чтобы король сталъ во главѣ войска и своимъ примѣромъ воодушевилъ народъ

къ оборонѣ. Если онъ не хочетъ ѣхать въ лагерь,—говорилъ Потоцкій, то пусть лучше откажется отъ престола и уѣдетъ изъ Польши, нежели приступать къ конфедераціи. Видя, что его совѣтъ не произвелъ на Станислава-Августа никакого впечатлѣнія, онъ сказалъ наконецъ холодно, что отвѣтственность за принятое рѣшеніе падетъ на короля.

Послѣднимъ говорилъ маршалъ Малаховскій, онъ былъ противъ прекращенія войны. «Въ случаѣ крайности»,—сказалъ онъ,—«надобно начать переговоры по крайней мѣрѣ прямо съ Петербургскимъ дворомъ, а не съ измѣнниками».

Когда Малаховскій замолкъ, нѣкоторое время царствовало молчаніе. Наконецъ король заявилъ, что, желая прекратить войну и спасти страну отъ окончательнаго разоренія, а быть можетъ и отъ втораго раздѣла, и не имѣя надежды спасти «дорогую для него конституцію», онъ присоединяется къ рѣшенію большинства.

На другой день Станиславъ-Августъ подписалъ актъ присоединенія къ конституціи, составленный въ русскомъ посольствѣ, и послалъ его Булгакову, поручивъ Хрептовичу передать ему на словахъ, что онъ готовъ во всемъ подчиниться требованіямъ императрицы.

Покоряясь волѣ Екатерины, Станиславъ-Августъ полагалъ, что ему дозволятъ стать во главѣ конфедераціи, что онъ будетъ ея душою въ предѣлахъ, дозволенныхъ Россіей. Дѣлая видъ, что онъ подчиняется только волѣ императрицы, а не бунтовщиковъ, король не увѣдомилъ даже Щенснаго-Потоцкаго, какъ главу конфедератовъ, о своемъ рѣшеніи, забывая, что, согласно съ закономъ и обычаемъ, маршалу генеральной коронной конфедераціи принадлежала роль диктатора; онъ написалъ ему только частное письмо, въ которомъ приглашалъ его «работать совмѣстно для блага отечества».

Вѣсть о приступленіи короля къ конфедераціи разнеслась въ Варшавѣ въ тотъ моментъ, когда жители, подъ вліяніемъ полученныхъ съ театра войны неблагопріятныхъ извѣстій, были охвачены необычайнымъ патріотическимъ воодушевленіемъ: въ столицѣ Польши сформировывались новые полки, тысячи охотниковъ съѣхались изъ воеводствъ и наполнили казармы и предмѣстья Варшавы; цѣлыя воеводства были готовы двинуться по первому призыву на защиту Варшавы.

По словамъ очевидцевъ, готовность народа спасти отечество отъ угрожавшей опасности выражалась съ невиданной дотолѣ энергіей многочисленными пожертвованіями, о коихъ нельзя было читать въ «Народовой газетѣ» безъ слезъ умиленія.

Подъемъ духа былъ необычайный. Поэтому неудивительно, что рѣшеніе короля не только взволновало всѣхъ, но и вызвало взрывъ всеобщаго негодованія.

Въ публичныхъ мѣстахъ народъ отзывался о королѣ съ презрѣніемъ и угрожалъ отомстить тѣмъ, кто совѣтовалъ ему присоединиться къ бунтовщикамъ.

Въ ночь съ 13-го (24-го) на 14-е (25-е) іюля въ Варшавѣ произошли уличные безпорядки.

Князь Казиміръ Сапѣга, на совѣтѣ министровъ обѣщавшій дѣйствовать по примѣру короля, измѣнилъ свое мнѣніе и сталъ говорить, что онъ ни за что не присоединится къ конфедераціи и даже уѣдетъ изъ Польши. Вечеромъ 13-го (24-го) іюля народъ сдѣлалъ ему въ Саксонскомъ саду овацію. Князь, который былъ навеселѣ,—онъ возвращался съ ужина,—всѣхъ благодарилъ и далъ народу слово не имѣть ничего общаго съ конфедераціей. Его громкій голосъ привлекъ до тысячи человѣкъ слушателей. Его благодарили и кричали: «да здравствуетъ Сапѣга!» По данному знаку толпа подхватила его на руки и двинулась на Краковское предмѣстье для выраженія благодарности маршалу Малаховскому; не заставъ его дома, они отправились на Новый Свѣтъ къ воеводѣ Равскому, гдѣ Сапѣга проводилъ вечеръ. Сдѣлавъ овацію Малаховскому, толпа стала кричать: «идемъ къ маршалу Потоцкому». Около полторы тысячи человѣкъ продефилировало съ громкими криками передъ домомъ литовскаго маршала, и такъ какъ его не оказалось дома, то вызвали на дворъ его дочь, панну Христину, и просили ее передать отъ имени всѣхъ благодарность ея отцу. Наконецъ, толпа, все еще неся на рукахъ Сапѣгу, двинулась ко дворцу канцлера Малаховскаго. Его бранили самыми послѣдними словами и побили ему въ окнахъ стекла.

Страхъ обуялъ всѣхъ тѣхъ, кои высказались на совѣтѣ министровъ за принятіе конфедераціи. Коллонтай, напуганный поведеніемъ толпы, уѣхалъ изъ столицы во второмъ часу ночи съ 13-го (24-го) на 14-е (25-е) іюля.

Король сидѣлъ во дворцѣ и никуда не показывался.

Маршалы сейма Малаховскій и Сапѣга внесли въ земскія варшавскія книги свой протестъ противъ Тарговицкой конфедераціи и также уѣхали изъ Варшавы, какъ и многія другія лица, не сочувствовавшія конфедераціи. Изъ Варшавы уѣзжало такъ много лицъ, что трудно было достать лошадей.

Подъ впечатлѣніемъ этого бѣгства и ожидаемаго вступленія русскихъ войскъ, варшавяне волновались, и король, для ихъ успокоенія, послалъ президенту города, Закревскому, письмо, въ коемъ ручался, что императорскія войска не причинятъ никому зла.

Слухъ о присоединеніи короля къ конфедераціи дошелъ до лагеря Понятовскаго до прибытія курьера съ этимъ извѣстіемъ. Офицеры, взволнованные этимъ слухомъ, тотчасъ отправились къ князю, чтобы

удостовѣриться въ справедливости этого слуха. Большинство изъ нихъ были хмуры, многіе пришли въ совершенное отчаяніе.

Князь поспѣшилъ донести королю о впечатлѣніи, произведенномъ на армію.

«Здѣсь ходятъ слухи,—писалъ онъ Станиславу-Августу 14-го (25-го) іюля,—распускаемые, вѣроятно недоброжелателями вашего императорскаго величества, будто вы вступили въ переговоры съ измѣнниками отечества... Подобное униженіе было бы нашей могилою.

«Таковы чувства арміи, коихъ я имѣю честь быть выразителемъ».

Съ этимъ донесеніемъ были посланы въ Варшаву генералъ Віельгорскій и бригадиръ Мокроновскій, уполномоченные говорить съ королемъ отъ имени «всего до тѣхъ поръ преданнаго и вѣрнаго королю воинства».

Получивъ оффиціальное извѣщеніе о присоединеніи короля къ конфедераціи, князь Понятовскій въ тотъ же день препроводилъ генералу Каховскому письмо Булгакова о прекращеніи военныхъ дѣйствій; тѣмъ не менѣе на другой день, утромъ, когда князю донесли съ передовыхъ постовъ, что «къ нимъ подступаютъ казаки и перестрѣливаются съ его форпостами», онъ приказалъ атаковать ихъ. Казаки отступили, но за ними открылась линія стрѣлковъ, гусаръ и артиллеріи отряда генерала Моркова, которому еще не было извѣстно о перемиріи. Понятовскій послалъ къ нему парламентера заявить, что онъ не будетъ атаковать ихъ, но «намѣренъ защищаться».

Оба отряда остались на своихъ мѣстахъ.

Нѣсколько часовъ спустя, Понятовскій, объѣзжая аванпосты, встрѣтился въ полѣ съ Каховскимъ. Оба генерала, отдавъ другъ другу съ величайшей вѣжливостью честь, сошли съ лошадей и стали совѣщаться о томъ, какимъ образомъ устроить переправу на другой берегъ Вислы.

Было рѣшено, что польское войско останется на лѣвомъ берегу Вислы, подъ Козеницами.

Исполнивъ приказаніе короля, Понятовскій счелъ однако долгомъ выразить ему свое глубокое огорченіе по поводу принятаго имъ рѣшенія, и между дядей и племянникомъ завязалась полная драматизма переписка. Между Варшавою и лагеремъ Понятовскаго скакало ежедневно по два гонца.

Умоляя князя и ввѣренное ему войско не противиться тому, что онъ требовалъ отъ нихъ, Станиславъ-Августъ писалъ племяннику: «Крайне необходимо, чтобы мое приказаніе было исполнено безпрекословно. Иначе я лишусь довѣрія императрицы, что повлечетъ за собою бѣдствіе и гибель всей страны». «Я не переживу того, если ты отступишься отъ меня»,—присовокуплялъ онъ въ крайнемъ отчаяніи;

возлѣ этихъ словъ стояла приписка: «не забудь, что прежде всего необходимо уплатить твои и мои долги!» [1]).

Взволнованные и раздраженные офицеры предлагали князю принять неограниченную власть надъ войскомъ; одна патріотка подала ему мысль вызвать короля въ лагерь и принудить его продолжать войну, но у Понятовскаго не хватило мужества исполнить этотъ совѣтъ.

Онъ старался успокоить волненіе офицеровъ, но рѣшилъ подать вмѣстѣ съ ними въ отставку, о чемъ онъ и донесъ королю 19-го (30-го) іюля.

Къ этому донесенію были приложены прошенія объ отставкѣ двадцати офицеровъ, въ томъ числѣ Ѳаддея Косцюшки; всѣ они мотивировали свою просьбу нежеланіемъ быть клятвопреступниками, признавъ Тарговицкую конфедерацію, и имѣть что-либо общее съ Щенснымъ-Потоцкимъ, Браницкимъ и Ржевусскимъ.

Король просилъ князя Понятовскаго хотя повременить съ этимъ рѣшеніемъ, но, получивъ отвѣтъ, что рѣшеніе офицеровъ «твердо и непоколебимо», онъ вызвалъ въ Варшаву Косцюшку.

«Король просилъ, убѣждалъ меня»,—писалъ Косцюшко Чарторыйскому [2]),—«наконецъ прислалъ ко мнѣ одну близкую къ нему особу, которая уговаривала меня не покидать короля и не настаивать на отставкѣ, я говорилъ все время въ одномъ и томъ же духѣ, опровергалъ всѣ его доводы, такъ что онъ иногда затруднялся возражать мнѣ; наконецъ я сказалъ ему со слезами на глазахъ: «мы заслужили уваженіе, сражаясь за страну, за правительство и за ваше королевское величество, и никогда не поступимъ вопреки нашему убѣжденію и тому, что повелѣваетъ намъ честь»; увлекшись, Косцюшко назвалъ конфедератовъ людьми «безчестными и измѣнниками», на что король отвѣчалъ: «на нихъ падетъ вѣчный позоръ!»

Присоединеніе Станислава-Августа къ конфедераціи было такою же неожиданностью для самихъ конфедератовъ, какъ и для Варшавы и для арміи, это разстраивало ихъ планы.

Гетманъ Браницкій, узнавъ объ этомъ въ Люблинѣ отъ Ожаровскаго, писалъ Щенсному-Потоцкому:

«Дѣло идетъ быстрымъ темпомъ и приняло совершенно неожиданный оборотъ».

Какъ Щенсный-Потоцкій, такъ и Коссаковскій мечтали о взятіи Варшавы. Получивъ извѣстіе о выступленіи резервнаго корпуса изъ

---

[1]) Dębicki, I, 314.

[2]) Косцюшко генералу А. К. Чарторыйскому. (Lech, Tygodnik ilustrowany. Познань, 1878, стр. 154, 161).

Праги, Коссаковскій писалъ еще 7-го (18-го) іюля Кречетникову о своей готовности двинуться съ четырехтысячнымъ корпусомъ вдоль Буга, обойти польское войско, переправиться чрезъ Вислу и вступить въ Варшаву. Потоцкій, со своей стороны, мечталъ о тріумфальномъ вступленіи въ Варшаву во главѣ сконфедерованнаго войска; выполненіе этой мечты было связано съ побѣдами Каховскаго.

И вдругъ, благодаря присоединенію короля къ конфедераціи, брать Варшаву оказывалось ненужнымъ. Выработанный втайнѣ планъ сверженія Станислава-Августа съ престола также оказался не нужнымъ.

Щенсный былъ недоволенъ добровольнымъ присоединеніемъ короля къ конфедераціи еще по другой причинѣ: заявивъ о томъ, что онъ подчиняется волѣ Россіи, а не конфедераціи, король тѣмъ самымъ умалялъ ея значеніе и власть и доказалъ, что онъ не считаетъ ее самостоятельной властью, а только оружіемъ въ рукахъ Петербургскаго кабинета.

Содержаніе писемъ, розосланныхъ Станиславомъ-Августомъ къ обывателямъ, показалось Потоцкому оскорбительнымъ, такъ какъ король говорилъ въ нихъ, что онъ присоединяется къ конфедераціи только вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ и изъ желанія спасти хотя нѣкоторыя постановленія конституціоннаго сейма, и потому еще, что онъ не разсчитываетъ на помощь сосѣднихъ державъ.

Неудовольствіе свое Потоцкій излилъ въ отвѣтномъ письмѣ королю, которое было написано въ крайне оскорбительномъ и надменномъ тонѣ; Щенсный припоминалъ королю, какъ онъ предостерегалъ его хранить договоръ, по которому онъ сдѣлался королемъ, но «голосъ мой, писалъ онъ, былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». «Ваше величество отвратили уши свои отъ моихъ здравыхъ совѣтовъ и послушались льстецовъ, которые чуть не довели Рѣчь Посполитую до погибели....

«Насъ устрашаетъ ваше писаніе къ обывателямъ; вы жалѣете объ утратѣ конституціи, говорите, что только потому перестаете защищаться, что у васъ нѣтъ средствъ содержать войско. Слѣдовательно, если бы у васъ были деньги, то вы бы еще не перестали лить кровь республиканцевъ ради своей монархической власти. Стало быть, не кровь братій завопіяла въ вашемъ сердцѣ, а только истощеніе казны васъ удержало; вы хотѣли бы для вашего честолюбія найти у чужихъ помощь..... Вы пишете въ тѣхъ же письмахъ, что не можете противостоять непріятелю. А кто же непріятель? Не тотъ ли, кто способствовалъ вамъ получить корону, кто васъ поддерживалъ на тронѣ... не тотъ ли, кто не позволяетъ вамъ измѣнить въ монархію Рѣчь Посполитую, желая видѣть ее уважаемою, благоустроенною и спокойною?»

Далѣе Потоцкій ставилъ королю въ вину то обстоятельство, что онъ присоединился къ конфедераціи «со всѣмъ войскомъ», на что онъ по его мнѣнію не имѣлъ права, такъ какъ войско принадлежало не ему, а Рѣчи Посполитой, и гетманъ Ржевусскій тщетно призывалъ коронную армію повиноваться конфедераціи.

Войско отвѣчало ему на приказъ, данный въ Тарговицахъ 3-го (14-го) мая:

«Люди, подобные вамъ, суть позоръ для народа и измѣнники отечества», и это войско сражалось противъ гетмановъ, находившихся въ русскомъ лагерѣ, и было вѣрно королю до послѣдней минуты.

Въ вопросѣ о войскѣ прочіе конфедераты раздѣляли взглядъ Потоцкаго.

«Я нахожу неприличнымъ заявленіе короля, что онъ присоединяется къ конфедераціи съ войскомъ»,—писалъ Браницкій Щенсному, войско и казна принадлежатъ Рѣчи Посполитой, а не королю».

Баронъ Бюлеръ, которому былъ сообщенъ, во французскомъ переводѣ, отвѣтъ Щенснаго на королевское письмо, передъ отправленіемъ его въ Варшаву, нашелъ его черезчуръ рѣзкимъ, но Потоцкій не согласился ничего измѣнить въ немъ, и этотъ отвѣтъ, вмѣстѣ съ вызвавшимъ его королевскимъ письмомъ и съ письмами Станислава-Августа къ каштеляну Морскому, Каетану Валежинскому и Михаилу Денискому, которыя были перехвачены конфедератами, были посланы въ Петербургъ.

«Ваше величество, писалъ Потоцкій Екатеринѣ, лучше меня поймете, какія намѣренія руководили королемъ, когда онъ писалъ эти письма».

Въ письмѣ къ Зубову Потоцкій оправдывалъ рѣзкій тонъ своего отвѣта тѣмъ, что, зная образъ мыслей Станислава Августа, онъ знаетъ, какъ слѣдуетъ съ нимъ дѣйствовать въ извѣстныхъ случаяхъ и увѣренъ въ дѣйствительности рѣшительныхъ мѣръ.

Онъ возмущенъ до глубины души двуличностью короля и его недостойнымъ образомъ дѣйствій. «Если, писалъ онъ въ заключеніе, я поступилъ неправильно, то прошу ваше сіятельство оправдать меня предъ государыней. Если моя откровенность принесетъ вредъ, значитъ, императрица ввѣрила занимаемое мною мѣсто неподходящему человѣку».

Свой отвѣтъ на королевское письмо Потоцкій приказалъ напечатать и распространить въ Польшѣ. Это было сдѣлано съ цѣлью возбудить ненависть противъ Станислава Августа, что онъ и высказалъ откровенно въ письмѣ къ Каховскому отъ 22-го іюля (2-го августа) изъ Дубны, говоря, что «нельзя привлечь народъ къ Москвѣ, иначе какъ только возбудивъ противъ короля ненависть поляковъ».

Пріостановка военныхъ дѣйствій и слухъ о присоединеніи короля къ конфедераціи вызвали въ первый моментъ въ литовской арміи, точно такъ же, какъ и въ коронномъ войскѣ, величайшее изумленіе и энергичный протестъ. Михаилъ Забѣлло предостерегалъ короля и писалъ ему, что по поводу этихъ слуховъ говорятъ: «спаси его Господи отъ стыда и позора!»

«Мы всѣ погибнемъ, но не сложимъ оружія, — говорилъ генералъ Горженскій; — лучше умремъ съ голода». Симонъ Забѣлло былъ также противъ перемирія и говорилъ, что войско не сдастся въ плѣнъ, хотя бы непріятель окружилъ его со всѣхъ сторонъ» [1]).

Но генеральная литовская конфедерація отнеслась къ извѣстію о присоединеніи короля къ конфедератамъ иначе, нежели Потоцкій. Узнавъ объ этомъ отъ Коссаковскаго, епископъ инфляндскій опубликовалъ немедленно «извѣщеніе», въ которомъ восхвалялъ Станислава-Августа за то, что онъ «дѣйствуетъ всегда за-одно съ народомъ» и что онъ доказалъ своимъ поступкомъ «свою всегдашнюю любовь къ нему и заботу о благѣ страны» и выражалъ надежду, что этотъ любвеобильный поступокъ короля прекратитъ существовавшую рознь и соединитъ всѣхъ узами братской любви.

Но столь благожелательное отношеніе къ королю епископа инфляндскаго мало повліяло на генерала Коссаковскаго, и Станиславу-Августу пришлось вынести отъ этого представителя конфедераціи всевозможныя оскорбленія; поведеніе его было настолько вызывающе, что король былъ даже вынужденъ прибѣгнуть къ покровительству Булгакова и благодаря заступничеству послѣдняго добился того, что Кречетниковъ, поблажавшій, какъ мы уже знаемъ, Коссаковскому во всемъ, написалъ въ Петербургъ, прося защитить короля отъ наглости нареченнаго литовскаго гетмана.

Императрица вначалѣ мирно держалась той тактики, въ духѣ которой была написана инструкція барону Бюлеру: «соблюдать по отношенію къ особѣ короля величайшую деликатность и осторожность», но когда въ Петербургѣ были получены донесенія Булгакова о дѣйствіяхъ короля и копіи съ вышеупомянутыхъ писемъ его къ обывателямъ, то по прочтеніи этихъ документовъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта было рѣшено: что хотя король и присоединился къ конфедераціи, но онъ совершенно не исполняетъ своихъ обязательствъ и поэтому не можетъ быть допущенъ къ участію въ дѣлахъ до тѣхъ поръ, пока въ странѣ не упрочится новый порядокъ вещей.

Результатомъ этого было, что императрица въ рескриптѣ Бюлеру

---

[1]) Korzon. wewnętzne dzieje Polski, т. IV, II, стр. 167.

вполнѣ одобрила всѣ дѣйствія конфедератовъ, а слѣдовательно и отвѣтъ Щенснаго на письмо короля, и косвенно поведеніе Коссаковскаго.

«Вы сообщите г. маршалу главной конфедераціи и главнымъ членамъ [генералитета,—писала Екатерина Бюлеру 3-го (14-го) августа 1792 г. [1]),—что я очень довольна ихъ поведеніемъ—благоразумнымъ, твердымъ и согласнымъ какъ съ обстоятельствами, такъ и съ моими намѣреніями» [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, подтверждая Булгакову свою непремѣнную волю, чтобы польскія войска находились подъ властью гетмановъ, преданныхъ Россіи, коронные подъ начальствомъ графа Браницкаго и Ржевсскаго, а литовскіе—подъ начальствомъ Коссаковскаго, императрица писала своему посланнику, что королю въ виду его двуличности нельзя довѣрять, и ссылалась въ доказательство на сдѣланное имъ и дошедшее до нея случайно росписаніе польскимъ войскамъ, изъ котораго было видно, что начальство надъ ними тщательно было сохранено за тѣми лицами, которыя выказали противъ Россіи «наиболѣе злобы и непріязни» [3]).

Въ половинѣ августа, русскимъ войскамъ стоявшимъ подъ Прагою, было приказано идти однимъ обратно въ Литву, другимъ — за Бугъ, только генералу Коссаковскому было разрѣшено, въ интересахъ конфедераціи, остаться въ Варшавѣ. Передъ выступленіемъ корпуса, 1-го (12-го) августа Коссаковскій далъ роскошный обѣдъ по случаю рожденія дочери у наслѣдника россійскаго престола.

Нѣсколько дней спустя подошелъ къ Варшавѣ со своимъ войскомъ Каховскій; при вступленіи его въ лагерь, въ числѣ знатнѣйшихъ особъ, съѣхавшихся полюбоваться зрѣлищемъ, находился инкогнито самъ король польскій [4]). На слѣдующій день Каховскій обѣдалъ у русскаго посла. 8-го (19-го) августа онъ отправился въ замокъ, въ каретѣ, запряженной восьмеркою лошадей, и былъ представленъ Булгаковымъ королю.

«Въ Варшавѣ и во всей Польшѣ,—писалъ онъ,—царствуетъ до сихъ поръ спокойствіе, и нѣтъ основанія опасаться какихъ-либо безпорядковъ».

Дѣйствительно, въ Варшавѣ, стиснутой, какъ въ клещахъ, со всѣхъ сторонъ русскими войсками, царствовало спокойствіе, къ тому же самыя горячія головы выѣхали изъ города, жители боялись подвергнуться суровой карѣ со стороны побѣдителей; ходилъ слухъ о намѣреніи рус-

---

[1]) Сборникъ, т. 47, стр. 444.
[2]) Тамъ же, стр. 444.
[3]) Тамъ же, стр. 232.
[4]) Сборникъ, т. 47, стр. 450.

скихъ наложить на Варшаву три милліона контрибуціи [1]). Цѣны на всѣ съѣстные продукты возросли до невѣроятныхъ размѣровъ, такъ какъ русскіе задерживали по пути возы, ѣхавшіе въ Варшаву съ припасами.

При такихъ обстоятельствахъ варшавяне едва осмѣливались выражать свое сочувствіе тѣмъ, кои честно служили народному дѣлу.

Въ провинціи сначала не хотѣли вѣрить тому, что король присоединился къ конфедераціи. Въ Вильнѣ разбрасывали на улицахъ копіи съ письма, написаннаго, какъ говорили, инфляндскимъ посломъ Трембицкимъ, въ которомъ онъ убѣждалъ жителей не вѣрить этому слуху, распущенному торговичанами съ цѣлью привлечь обывателей къ конфедераціи. Когда же вѣсть эта подтвердилась, то жители были глубоко изумлены и взволнованы; многіе никакъ не могли помириться съ этой мыслію.

Только нѣкоторые оптимисты говорили, что этотъ поступокъ есть со стороны короля актъ большой политической мудрости, и мечтали, что конституція удержится, что наслѣдникомъ престола будетъ объявленъ вел. кн. Константинъ Павловичъ, и что Польшѣ будутъ возвращены отобранныя у нея провинціи; они вѣрили даже слуху, что король польскій будетъ командовать не только польскимъ, но и русскимъ войскомъ.

Эмигранты, удалившіеся въ Галицію, читали съ удивленіемъ письма Станислава-Августа къ обывателямъ, въ коихъ онъ изъяснялъ причины, побудившія его присоединиться къ конфедераціи. Многіе изъ нихъ, измученные скитаніемъ, немедленно отправились по домамъ, готовые подчиниться «одержавшей верхъ партіи». Нѣкоторые колебались и обращались къ королю письменно за совѣтомъ, что имъ дѣлать?

Успокаивая ихъ и давая имъ совѣты, король писалъ, что «при томъ положеніи, въ какомъ находится отечество, единственнымъ разумнымъ шагомъ представляется присоединиться къ конфедераціи для того, чтобы прекратить кровопролитіе и обезпечить спокойствіе государства».

Но давать совѣты и успокаивать было недостаточно, надобно было спасать тѣхъ, которые взялись за оружіе и принимали дѣятельное участіе въ войнѣ. Мясковскій, предводительствовавшій вооруженными силами въ Познанскомъ воеводствѣ, не зналъ, что дѣлать съ охотниками, коихъ у него было подъ командою болѣе 200 человѣкъ. Въ такомъ же затрудненіи находился Стадницкій въ Калишскомъ воеводствѣ. Когда генералъ Горженскій приказалъ имъ распустить охотниковъ по домамъ, то они воспротивились этому, говоря, что «это могло вызвать безпорядки въ краѣ». Сами охотники не хотѣли возвращаться по домамъ;

---

[1]) Письмо изъ Варшавы отъ 7-го (18-го) августа. (Рукоп. Карп., т. I, стр. 254).

они требовали уплаты жалованья и зачисленія ихъ въ мѣстное войско. Многіе во все время пребыванія въ войскѣ не получили ни гроша и просили пособіе, чтобы возвратиться къ семьямъ.

Вавржецкій совѣтовалъ употребить на этотъ предметъ деньги, пожертвованныя на оборону Польши, и самъ предназначилъ для этой цѣли серебро, пожертвованное имъ въ началѣ войны и препровожденное въ военную коммиссію. Трудно было исполнить совѣтъ браславскаго посла, такъ какъ значительная часть денегъ, пожертвованныхъ обывателями на нужды военнаго времени, была уже израсходована, и жертвователи частью потребовали ихъ обратно, какъ только военныя дѣйствія были прекращены.

Маршалъ Малаховскій, уѣзжая изъ Варшавы, первый взялъ изъ военной коммиссіи деньги, внесенныя имъ на надобности Рѣчи Посполитой. Его примѣру послѣдовали прочіе.

Положеніе короля было по истинѣ трагично, тѣмъ болѣе, что отъ него отдалились люди, на которыхъ онъ могъ положиться и коихъ помощь никогда не была ему такъ необходима, какъ теперь. Князь Іосифъ Понятовскій, Косцюшко, Віельгорскій, Мокроновскій, Михаилъ Забѣлло и многіе другіе вышли въ отставку.

Супруга генерала Горженскаго неотступно просила короля уволить ея мужа, котораго Станиславъ-Августъ всѣми силами удерживалъ, такъ какъ онъ не могъ обойтись безъ его совѣта при рѣшеніи многочисленныхъ и сложныхъ военныхъ вопросовъ.

Ничто не рисуетъ такъ ярко жалкаго положенія Станислава-Августа, какъ его письмо къ генеральшѣ Горженской, въ которомъ онъ умолялъ ее не отнимать у него ея мужа, не «наносить его наболѣвшему сердцу этой новой раны», ибо его отсутствіе въ такой моментъ, когда его совѣты и опытность были необходимы, могло принести большой ущербъ дѣлу. «Самый злѣйшій мой врагъ не могъ бы нанести мнѣ болѣе сильнаго удара»,—писалъ онъ,—тѣмъ болѣе, что «выходъ генерала въ отставку въ такой моментъ могъ подать недовольнымъ поводъ къ злословію и нападкамъ на него». «Во имя любви вашей къ мужу,—писалъ король въ заключеніе,—умоляю васъ не отрывайте его отъ меня, въ особенности теперь».

Потерявъ надежду придти къ соглашенію со Щенснымъ-Потоцкимъ, онъ хотѣлъ заручиться по крайней мѣрѣ содѣйствіемъ всемогущаго, въ литовской конфедераціи, епископа инфляндскаго и звалъ его въ Варшаву, но епископъ отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на то, что его присутствіе было необходимо въ Литвѣ, чтобы противодѣйствовать злонамѣреннымъ людямъ, кои вздумали бы волновать умы.

Видя, что конфедераты сторонятся отъ него, король приходилъ въ отчаяніе, тѣмъ болѣе, что указанія, которыя онъ получилъ отъ Булгакова,

свидѣтельствовали, что Петербургскій дворъ не думалъ измѣнять своей политики. Королю дано было, между прочимъ, понять, чтобы онъ не распоряжался вакантными мѣстами до созыва сейма и чтобы во время сейма онъ пребывалъ въ бездѣйствіи и ни во что не вмѣшивался.

По отношенію къ нему не соблюдали уже никакой деликатности даже въ оффиціальныхъ сношеніяхъ. Въ одинъ прекрасный день секретарь вице-канцлера Остермана явился къ польскому посланнику въ Петербургѣ Деболи и сообщилъ ему требованіе министра, чтобы онъ выѣхалъ какъ можно скорѣе изъ Петербурга, ибо, «толкуя невѣрно намѣренія императрицы относительно Польши, онъ не можетъ долѣе быть представителемъ Рѣчи Посполитой при Русскомъ дворѣ».

Подобныя же заявленія были сдѣланы одновременно въ Митавѣ коммиссару Рѣчи Посполитой при Курляндскомъ дворѣ, Батовскому. Послѣднему угрожали даже прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, если онъ не подчинится немедленно приказанію и не выѣдетъ изъ Курляндіи.

И Деболи и Батовскому не позволили даже и прочитать этихъ письменныхъ приказаній и не выдали имъ съ нихъ копій. Деболи терпѣли въ Петербургѣ во время войны, но по окончаніи ея спѣшили отдѣлаться отъ него. Батовскаго выгнали изъ страны, которая была подвластна Рѣчи Посполитой. Представителямъ Рѣчи Посполитой выдали паспорта въ мирное время, не попросивъ короля отозвать ихъ, игнорируя правила, общепринятыя въ международныхъ отношеніяхъ.

Таковы были обстоятельства, заставившія наконецъ короля отрезвиться и отказаться отъ тѣхъ надеждъ и мечтаній, какія онъ питалъ, приступая къ конфедераціи.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Редакторъ-издатель С. Зыковъ.

приложимо было въ этомъ значеніи къ этой передовой стражѣ Украйны. Вмѣстѣ съ воинственностью и выносливостью эта порубежная жизнь развивала личность, чувство свободы.

Съ упадкомъ государственной жизни на Поднѣпровьѣ въ серединѣ XIII в., населеніе этихъ пограничныхъ съ степью пространствъ было еще болѣе предоставлено себѣ, а жизнь подъ татарскою протекціею не отличалась спокойствіемъ, особенно въ періодъ разложенія Орды. Страшные періодическіе набѣги татаръ Крымской орды Менгли-Гирея, съ 1482 г. обрушившіеся на украинскія земли и затѣмъ, въ нѣсколько ослабленныхъ формахъ продолжавшіеся почти все XVI столѣтіе, смели съ лица земли всю осѣдлую колонизацію этой полосы Поднѣпровья. Единственными осѣдлыми поселеніями были городки, снабженные замками, небольшими гарнизонами и артиллеріею—Кіевъ, Каневъ, Черкасы, Житоміръ, Браславъ—на правой сторонѣ Днѣпра; Остеръ—на лѣвой. Подъ стѣнами этихъ укрѣпленій ютилось все населеніе этихъ обширныхъ пространствъ; жило оно подъ постояннымъ страхомъ татарскихъ набѣговъ, на военномъ положеніи; мѣщане и крестьяне этихъ пограничныхъ мѣстностей обязаны были имѣть коней и принимать участіе въ походахъ и погонѣ за татарами. Но природныя богатства этихъ дѣвственныхъ странъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра выманивали населеніе далеко отъ замковъ, на такъ называемые „уходы"—рыболовные, охотничьи, къ бортямъ и пасѣкамъ, гдѣ они проживали подолгу, соединяясь въ вооруженныя партіи. Оборона въ этихъ степяхъ, сосѣднихъ съ кочевьями татаръ, незамѣтно переходила въ нападенія на такихъ же промышленниковъ противной, татарской стороны, въ степныя мелкія войны, въ „лупленье татарскихъ чабановъ", какъ онѣ технически назывались. Это подвижное, кочевое, закаленное въ невзгодахъ военно-промышленное населеніе и составило основу казачества.

Первыя извѣстія о казакахъ, гдѣ можно видѣть казаковъ украинскихъ, относятся къ 1470 г. Вполнѣ ясныя документальныя указанія на казаковъ Кіевской территоріи носятъ даты 1492 и 1499 гг. Это тюркское слово, прилагавшееся также и къ татарамъ и означавшее бродягу-воина, только столѣтіе позже пріобрѣло значеніе оффиціальнаго, принятаго имени для извѣстной группы населенія, сословія. Первоначально оно означало занятіе, родъ жизни, не сословіе, не классъ людей. Сначала—это люди, занимающіеся „казачествомъ", ходящіе въ „казаки", а не казацкое сословіе. Для большинства такое „хожденіе въ казаки" не было постояннымъ занятіемъ—этимъ занимались временами, особенно смолоду, чтобы потомъ перейти къ другимъ, болѣе спокойнымъ занятіямъ. Оффиціально оно означало хозяйственные промыслы въ „дикихъ поляхъ", неоффиціально—удалые походы на татаръ, „лупленье чабановъ", купцовъ и всякихъ проѣзжихъ, и въ этомъ двойномъ характерѣ выступаетъ имя казаковъ уже въ первыхъ извѣстіяхъ—1492 и 1499 гг.

Среди этихъ степныхъ авантюристовъ встрѣчались люди разныхъ общественныхъ классовъ и національностей. Встрѣчаются люди съ именами восточными—очевидно, разные забулдыги изъ татаръ же, разные „москвитины", „литвины", „ляхи". Молодые люди шляхетскихъ фамилій,—когда казачество пріобрѣло себѣ громкую военную славу,—принимали участіе въ казацкихъ походахъ, въ этой очаровывавшей своими опасностями и удальствомъ жизни; въ первыхъ казацкихъ движеніяхъ встрѣчаемъ участниками и предводителями людей изъ мѣстныхъ, украинскихъ шляхетскихъ фамилій. Но инородные элементы были лишь сравнительно незначительною примѣсью, а люди изъ высшихъ общественныхъ классовъ—временными гостями; главный и наиболѣе постоянный контингентъ „казаковавшихъ" давало пограничное украинское крестьянство и мѣщанство,—наиболѣе закаленное и выносливое на страшную нужду и неудобства, неразлучно связанныя съ этимъ занятіемъ.

О современномъ состояніи украинства проф. Грушевскій замѣчаетъ: интеллигентные классы и городская буржуазія на Украйнѣ и теперь еще находятся подъ полнымъ вліяніемъ великорусской культуры. Украинскій театръ является почти единственнымъ проявленіемъ ея, и его широкая и устойчивая популярность (несмотря на бѣдность репертуара), живое сочувствіе къ нему въ этихъ интеллигентныхъ и буржуазныхъ сферахъ является весьма краснорѣчивымъ симптомомъ. Украинская книжка пользуется весьма значительнымъ спросомъ, хотя все еще является полузапретнымъ плодомъ. „Кобзарь" Шевченка и сочиненія Котляревскаго разошлись въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Допущенная цензурою въ 1898 году хрестоматія избранныхъ украинскихъ писателей разошлась въ нѣсколько мѣсяцевъ, несмотря на довольно высокую цѣну.

Въ заключеніе авторъ говоритъ: „широкое и всестороннее развитіе украинской народности является вопросомъ только времени, быть можетъ—очень недалекаго времени".

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1905 г.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. —V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по **9** рублей.

Редакторъ-издатель С. Зыковъ.

